

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes various districts and landmarks, with labels in French and Russian. The text is overlaid on the map.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

9

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2019

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 9

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 9

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2019

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Рецензенты:

В. А. Лапшин (директор ИИМК РАН)
И. Л. Тихонов (директор Музея истории СПбГУ)

Ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев
Перевод: А. В. Гилевич
Корректор: А. О. Поликарпова

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук:
(охранная археология). [№] 9 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская книжная типография», 2019. – 244 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 9 / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House LLC «Nevsky Book Printing House», 2019. – 244 pp. : ill.

ISBN 978-5-907298-00-2

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Девятый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2017–2019 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The ninth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2017–2019 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-907298-00-2

**УДК 902/904
ББК 63.4**

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Производственный комплекс позднего Средневековья – раннего Нового времени на реке Ижора	9
<i>А. Ю. Городилов</i>	

Находки чашечных камней на северо-западе Ижорской возвышенности в апреле–мае 2019 г.	41
<i>В. Г. Мизин</i>	

Разведочные работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им Г. С. Лебедева СПбГУ в 2017–2019 гг.	50
<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев, А. В. Бехтер</i>	

Археологические исследования в Кингисеппе и окрестностях в 2018 г.	61
<i>И. В. Стасюк, А. Н. Белобородов, Е. Л. Кириллов</i>	

Археологические исследования на северо-западе России

Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2018 г.)	76
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев</i>	

Археологические раскопки и наблюдения в г. Калининграде	125
<i>А. В. Субботин, Е. Л. Кириллов</i>	

Археологические памятники Восточного Сегозерья. Опыт работы в Центральной Карелии	136
<i>М. М. Шахнович</i>	

Археологические исследования в регионах России

Подводные археологические разведки в зоне проектирования сухогрузного района морского порта Тамань в акватории Керченского пролива в 2018–2019 гг.	145
<i>В. В. Вахонеев, П. А. Горбунов</i>	

Спасательные археологические раскопки трех кораблекрушений XIX в. в Евпаторийской бухте в 2018 г.	161
<i>В. В. Вахонеев, П. А. Горбунов</i>	

В преддверии Саянского каньона: могильник Чирик-Даш и окружающие памятники	170
<i>А. В. Семенов</i>	

Междисциплинарные исследования

Включение археологических коллекций в Музейный фонд РФ. Опыт ИИМК РАН	177
<i>Е. С. Бердник, А. Ф. Покровская</i>	

Обзор нумизматических находок из крепости Копорье из раскопок ИИМК РАН в 2018 г.	181
<i>К. В. Горлов, А. А. Липатов</i>	

Первые доказательства охоты на крупных хищников в раннем энеолите подгорной полосы Копетдага	187
<i>А. К. Каспаров, Н. Ф. Соловьева</i>	
Реставрационно-строительные работы на Томской писанице в рамках хоздоговорных тем «Курган». История в документах	191
<i>К. В. Конончук, Д. С. Филимонова</i>	
Классификация каменного инвентаря позднепалеолитической стоянки Ирба-2 в Красноярском крае	197
<i>Т. В. Корнева</i>	
Реставрация коллекции артефактов из раскопок в крепости Копорье, проведенных ИИМК РАН в 2018 г.	199
<i>Н. С. Курганов, К. В. Горлов</i>	
Данные демографической структуры окуневских могильников Итколь I и Итколь II	205
<i>Н. И. Лазартова</i>	
Грузила и составные крючки: сланцевые артефакты в неолите Карельского перешейка (по материалам стоянки Березово 2)	209
<i>Р. И. Муравьев, Е. С. Ткач, Д. В. Герасимов</i>	
Концепция комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Исторический бульвар» в г. Севастополь	217
<i>А. Ф. Покровская, С. Л. Соловьев, А. Ю. Касимов, А. А. Лазарев, В. Л. Полигаев, Д. А. Юнкин</i>	
Проблемы датировки коллекции археологических находок, собранной при работе на ОКН «Кирха Петра и Павла», г. Выборг	232
<i>К. С. Роплекар, А. А. Липатов, Л. В. Одинцова, Н. В. Силаева, А. М. Смирнов</i>	
Об одном предмете интерьера	237
<i>Н. Ф. Соловьева</i>	
Список сокращений	243
Список авторов	244

CONTENTS

Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs

**Manufacturing complex of the late Middle Ages – Early Modern Period
on the Izhora River9**

A. Yu. Gorodilov

**Finds of ‘cup-stones’ in the north-west of the Izhora plateau
in April-May of 201941**

V. G. Mizin

**Surveying investigations of the G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical
Sociology and Cultural Heritage, St Petersburg State University, in 2017–201950**

E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev, K. V. Shmelev, A. V. Bekhter

Archaeological investigations in Kingisepp and its surroundings in 201861

I. V. Stasyuk, A. N. Beloborodov, E. L. Kirillov

Archaeological Investigations in Northwestern Russia

**New materials for the archaeological map of Leningrad Oblast
(after the results of field investigations of 2018)76**

S. A. Semenov, St. A. Vasil'ev

Archaeological excavations and surveys in the city of Kaliningrad125

A. V. Subbotin, E. L. Kirillov

**Archaeological sites of the Eastern Segozerye.
Working experience in Central Karelia136**

M. M. Shakhnovich

Archaeological Investigations in Russian Regions

**Underwater archaeological surveys in the zone of the projected dry cargo port of
Taman in the water area of the Strait of Kerch in 2018–2019145**

V. V. Vakhoneev, P. A. Gorbunov

**Rescuing archaeological excavations at three shipwreck sites of
the 19th century in Yevpatoria Bay in 2018161**

V. V. Vakhoneev, P. A. Gorbunov

**At the threshold of the Sayan Canyon: cemetery of Chirik-Dash
and the surrounding sites170**

A. V. Semenov

Interdisciplinary Studies

**Inclusion of archaeological collections into the Museum Fund of RF.
The experience of IHMC RAS177**

E. S. Berdnik, A. F. Pokrovskaya

**Review of numismatic finds from excavations of IHMC RAS
in the fortress of Koporye in 2018181**

K. V. Gorlov, A. A. Lipatov

The first evidence on hunting of large predators in the early Eneolithic of the piedmont zone of Kopet-Dagh	187
<i>A. K. Kasparov, N. F. Solov'yova</i>	
Restoration and construction works at the preserve of Tomskaya Pisanitsa according to the 'Kurgan' contract projects. The history in documents	191
<i>K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova</i>	
Classification of lithics from the Late Palaeolithic site of Irba-2 in Krasnoyarsk Krai	197
<i>T. V. Korneva</i>	
Restoration of the collection of artefacts from excavations in the fortress of Koporye conducted in 2018 by IHMC RAS	199
<i>N. S. Kurganov, K. V. Gorlov</i>	
Data on the demographic structure of Okunevo burial grounds of Itkol I and Itkol II	205
<i>N. I. Lazaretova</i>	
Plummets and composite fishhooks: chert artefacts in the Neolithic of the Karelian Isthmus (after materials of the site of Berezovo 2)	209
<i>R. I. Murav'ev, E. S. Tkach, D. V. Gerasimov</i>	
The concept of complex measures for the preservation, musealization and adjustment in the modern exploitation of the revealed structures in the area of the right face of the 4th Bastion at the 'Historical Boulevard' memorial complex of monuments of the defence of Sevastopol in 1854–1855	217
<i>A. F. Pokrovskaya, S. L. Solovyev, A. Yu. Kasimov, A. A. Lazarev, V. L. Poligaev, D. A. Yunkin</i>	
Problems of dating the collection of archaeological objects found during the works at the site of cultural heritage 'Church of Peter and Paul', the city of Vyborg	232
<i>K. S. Roplekar, A. A. Lipatov, L. V. Odintsova, N. V. Silaeva, A. M. Smirnov</i>	
About one object of interior	237
<i>N. F. Solov'yova</i>	
List of Abbreviations	243
List of Authors	244

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Производственный комплекс позднего Средневековья – раннего Нового времени на реке Ижора¹

А. Ю. Городилов²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-9-40

В октябре–ноябре 2018 г. Ленинградской областной археологической экспедицией ИИМК РАН производились археологические наблюдения на объекте археологического наследия «Поселение Войсковоро», расположенном в зоне строительства скоростной автомобильной дороги Москва–Санкт-Петербург на территории Тельмановского сельского поселения Тосненского района Ленинградской области, в 0,5 км к северу от пос. Войсковоро, в 0,25 км к юго-востоку от дороги Ям-Ижора–Федоровское, на первой надпойменной террасе левого берега р. Ижора (рис. 1; 2).

Предыстория открытия и изучения данного памятника такова: поселение Войсковоро было выявлено С. А. Семеновым при проведении археологической разведки на земельном участке по строительству скоростной автомобильной дороги Москва–Санкт-Петербург на участке км 570 – км 684 в 2009 г. При обследовании левого берега р. Ижора им было заложено семь археологических шурфов, в одном из которых зафиксированы остатки очага и фрагменты керамического сосуда, датированного ранним железным веком.

Исследователь описывает ситуацию следующим образом: «При разборке пахотного слоя найден современный мусор (стекло, железо), мелкие фрагменты керамики XIX–XX вв. В центре южной части шурфа прослежено небольшое заглубление в материке 1,27 × 1,18 м, глубиной от -0,34 м до -0,58 м с небольшим камнем. Песок в заглублении был прокален до красного цвета. На прокаленном пятне, на глубине -0,45 м от дневной поверхности, найдена побывавшая в огне и рассыпавшаяся на шесть мелких и один крупный фрагмент часть стенки лепного сосуда штрихованной керамики раннего железного века. Внешние и частично внутренние стенки фрагментов покрыты разнонаправленными полосами (штрихами)» (Семенов, 2010. С. 28). На основании полученных данных исследователем был сделан вывод, что шурф 663-5 затронул следы небольшого поселения (селища) или какой-то деятельности человека раннего железного века (Семенов, 2010. С. 30).

В 2014 г. сотрудниками Отдела охранной археологии ИИМК РАН под руководством Ст. А. Васильева (Васильев, 2016) было проведено полевое обследование современного состояния памятника. Для локализации его на местности и определения наличия и мощности культурного слоя исследователями было заложено десять шурфов на удалении от шурфа 2009 г. В результате работ, несмотря на большое количество заложённых шурфов, исследователям не удалось окончательно определить границы памятника.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: ramapitec@yandex.ru.

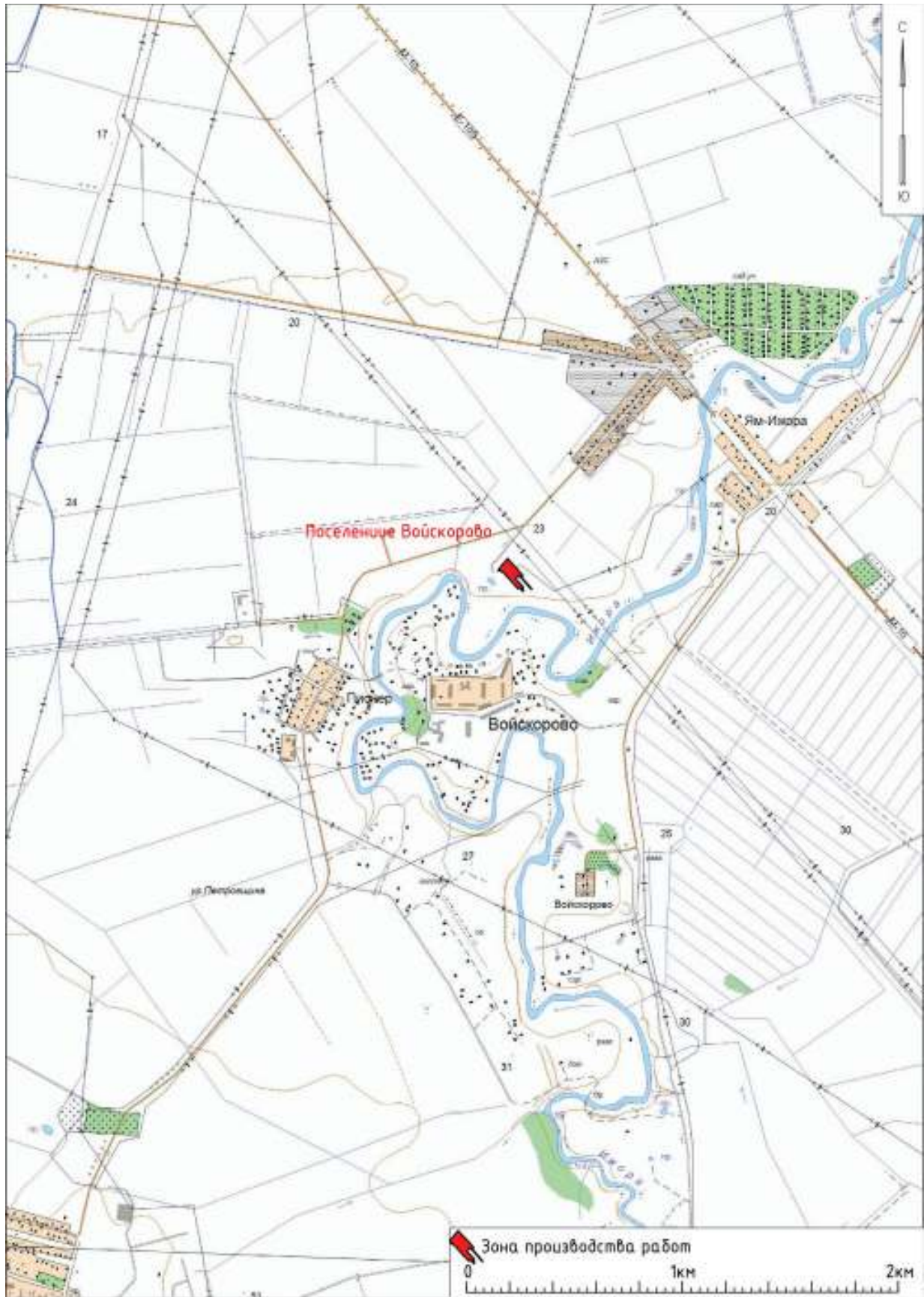

Рис. 1. Расположение ОАН «Поселение Войскараво» на современной топографической карте

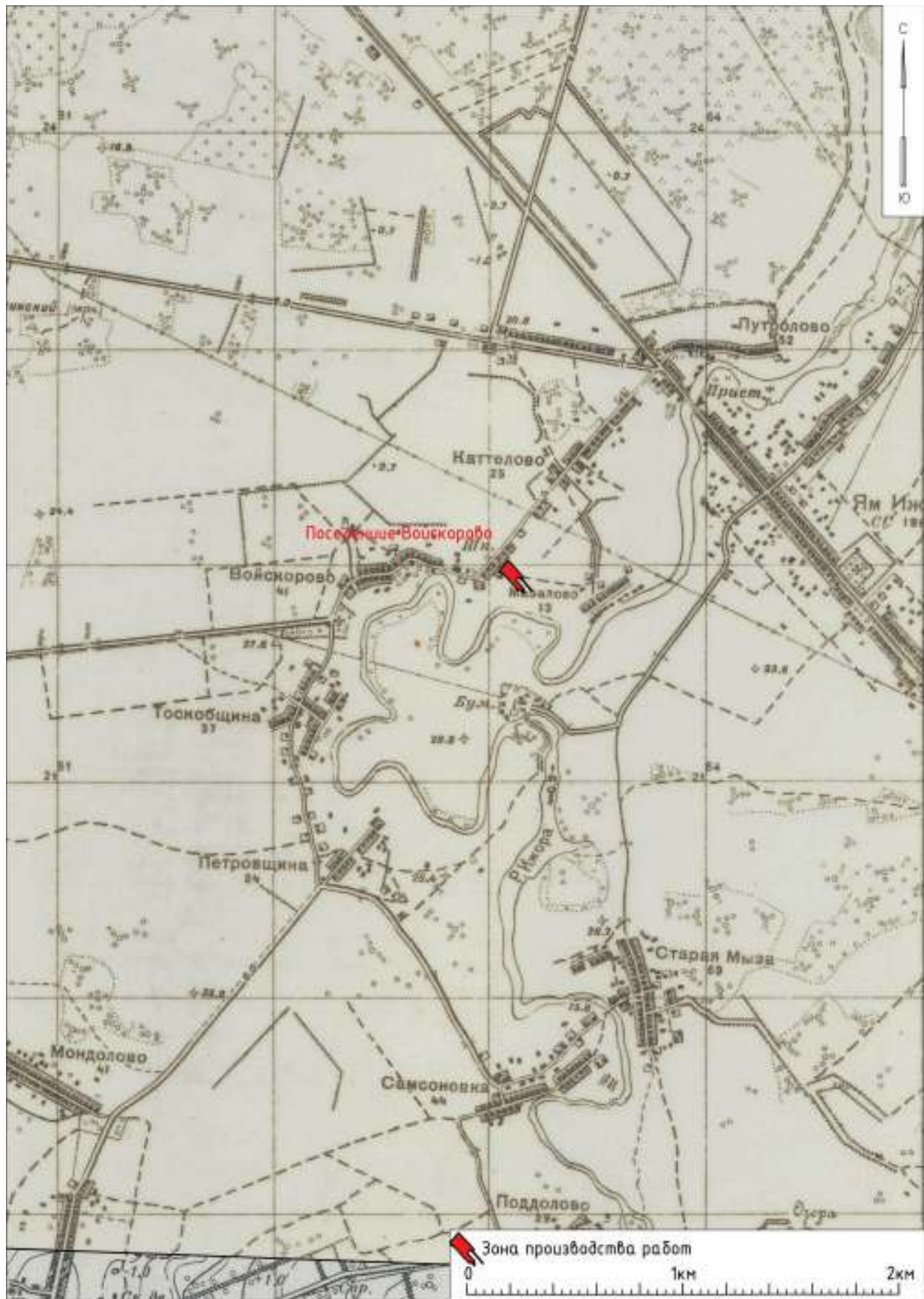

Рис. 2. Расположение ОАН «Поселение Войсковое» на топографической карте 30-х гг. XX в.

Летом 2018 г. на территории ОАН без проведения предварительных археологических изысканий были произведены масштабные строительные работы, заключающиеся в выборке плодородного слоя и двух котлованов в юго-восточной части памятника. Данные работы в июле 2018 г. были остановлены Комитетом по охране памятников Ленинградской области, после чего ИИМК РАН были произведены археологические работы в виде наблюдений. В результате проведения работ была полностью исследована территория объекта археологического наследия, попадающая в пределы постоянного землеотвода строящейся скоростной автомобильной дороги Москва–Санкт-Петербург. Общая площадь исследований составила 7001,6 кв. м.

Поселение Войсковоро расположено в среднем течении р. Ижора, на ее левом берегу, на первой надпойменной ярко выраженной террасе на высоте около 23–24 м БС на мысовидном выступе (рис. 3). Поверхность террасы сложена среднезернистыми песками и супесями аллювиального происхождения. Следует отметить, что указанные четвертичные отложения на данной территории имеют небольшую мощность (от одного до нескольких метров) и подстилаются породами девонской системы. Отложения

девона представлены песчано-глинистыми и карбонатными осадочными образованиями наровского (D2nr) и старооскольского (D2st) горизонтов. Эти породы представляют собой водонепроницаемый слой, на котором задерживаются атмосферные осадки, что в прошлом приводило к заболачиванию и заторфованности, прослеженной на некоторых участках территории исследований (Славская, 2010. С. 796).

К моменту начала археологических полевых работ на памятнике, его изначальный рельеф, зафиксированный в 2009 и 2014 гг., был в значительной степени изменен в ходе строительных работ по прокладке скоростной автодороги, что обеспечило специфику выбора методики археологических работ. Так, практически на всей территории был частично или полностью снят и перемещен плодородный слой до уровня материковых отложений. На всей территории поверхность была покрыта перемещенным грунтом, а в юго-восточной и юго-западных частях территории были выкопаны котлованы общей площадью 2041 кв. м.

В связи с вышеизложенным, для понимания масштаба разрушений, которые были нанесены объекту археологического наследия, была произведена

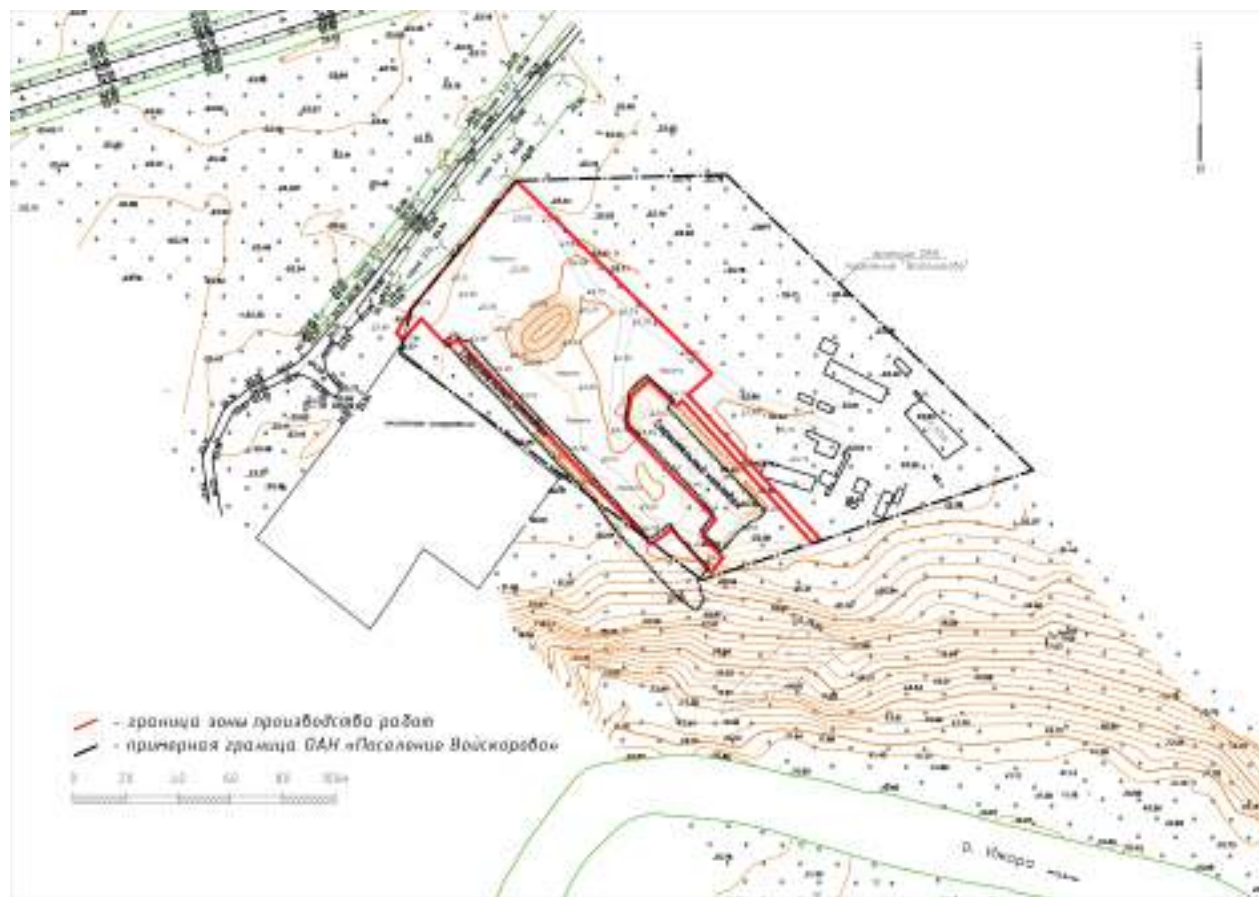

Рис. 3. Топографический план ОАН «Поселение Войсковоро»

нивелировка поверхности, а ее данные сопоставлены с планом, отображающим топографическую ситуацию до начала строительных работ. В результате было выяснено, что в юго-восточной и юго-западной частях поселения на площади 2041 кв. м было произведено снятие слоев на глубину до 3 м. На данной территории культурные слои были уничтожены полностью. На остальной части территории (там, где это было возможно определить) снятие было произведено на меньшую глубину (до 0,5 м). На большей части территории определить глубину снятия плодородного грунта не представлялось возможным, поскольку она была покрыта перемещенным грунтом.

Исходя из вышесказанного, было принято решение об исследовании территории методом археологических наблюдений, которое вкратце сводилось к следующему: изначально на территории была разбита сетка квадратов со сторонами 2×2 м, ориентированная вдоль оси проектируемой автодороги, после чего произведена фото- и графическая фиксация территории до начала проведения работ, далее производилось снятие балластного грунта. Балластный грунт снимался механизированным способом при помощи полноповоротного экскаватора с планировочным ковшом тонкими пластами по 0,10 м. После производилась зачистка и фиксировались выявленные объекты, а также производилась повторная нивелировка поверхности. На большей части территории балластный грунт располагался непосредственно на слое желтого материкового песка или супеси, а иногда и ниже его кровли, т. е. сохранившиеся археологические объекты представляли собой заглубленные в материковые слои хозяйственные ямы, остатки столбовых конструкций, естественные понижения культурного слоя и пр. После снятия балластного слоя, зачистки территории и фиксации выявленных археологических объектов дальнейшее их изучение производилось ручным способом по методике археологических раскопок. Исключения составляли техногенные ямы, заполненные современным строительным мусором и траншеи времен ВОВ.

В результате проведения работ на территории было зафиксировано почти 400 хозяйственных и столбовых ям, свидетельствующих как минимум о трех этапах освоения территории (рис. 4; 5). Первоначальный этап освоения относится к периоду раннего железного века (первое тысячелетие до н. э.). К сожалению, селище этого времени, фиксируемое на территории исследования, было почти полностью уничтожено в ходе позднейшей хозяйственной деятельности. К этому времени относятся четыре хозяйственные ямы и 10 очагов в центральной части территории исследования. В хозяйственных ямах найдены фрагменты керамических сосудов, кальцинированные

*Рис. 4. Общий вид территории исследований.
Вид с севера*

*Рис. 5. Общий вид территории исследований.
Вид с северо-запада*

кости, кварцевые отщепы и фрагмент шлифованного рубящего орудия. Находки этого времени были зафиксированы и в шурфе С. А. Семенова в 2009 г.

Следующий этап относится к эпохе Средневековья (XIII–XVII вв.) и представлен многочисленными хозяйственными ямами, расположенными преимущественно в юго-восточной, прибрежной части территории исследования. В ямах обнаружено большое количество артефактов этого времени: в первую очередь это фрагменты грубых гончарных керамических сосудов, иногда украшенных волной по тулову. Кроме того, представлены следующие категории: ножи, пряслица, заклепки, фрагменты орудий труда. Также найдены украшения: крест-тельник, перстень, нашивки на одежду, фрагменты браслетов, бусы и пр. Отдельную категорию составляют находки, связанные с металлургическим производством, – фрагменты керамических сопел, крицы и шлака.

В северо-западной части территории исследований зафиксированы следы более позднего поселения XVIII – начала XX в., представленные многочисленными хозяйственными и столбовыми ямами, также в большом количестве содержащими предметы материальной культуры того времени. Эти объекты связаны с исторической деревней Войсковоро, существовавшей на данной территории и уничтоженной во время Великой Отечественной войны.

На этой же территории также обнаружены остатки трех сооружений, остатки траншей, ходов сообщений и иных фортификационных конструкций времен Великой Отечественной войны.

В данной статье будут рассмотрены объекты, относящиеся к периоду позднего Средневековья – раннего Нового времени, связанные с бытованием на территории обследования производственного комплекса.

Среди прочих объектов, зафиксированных на поселении, выделяется группа, состоящая из более 40 хозяйственных ям, схожих по своим метрическим характеристикам, заполнению и характеру находок. В основном ямы имеют подокруглую в плане форму (диаметр 0,7–2 м) и линзовидный профиль (глубина ям в основном 0,5–1 м). Заполнены ямы, как правило, сильногумусированной коричневой супесью с большим количеством угля и пережженных камней. Основная группа ям расположена в юго-восточной (прибрежной) части территории исследования. Несколько ям расположены особняком в северо-западной части, вероятно, на периферии основного комплекса. В некоторых ямах не было находок, однако по характеру заполнения и общей геометрии их можно отнести к той же группе (рис. 6–8).

Рис. 6. Юго-восточная часть территории исследований после уборки техногенного слоя

Рис. 7. Общий вид ям 1–7 до начала разборки

Далее приведем описание тех объектов, в которых имелись находки.

Яма 1 (рис. 9; 10). Хозяйственная яма 1 расположена на участке 1, на квадрате х-57, у-13. Прослежена с отметки 23,5 м БС. В плане круглой формы. Размеры ямы 0,97 × 0,93 м, глубина 0,28 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь с вкраплениями угля (до 0,14 м); серо-желтая мешаная супесь с углистыми вкраплениями (до 0,11 м); серо-желтая мешаная супесь (до 0,05 м); серо-желтая мешаная супесь с углистыми вкраплениями (до 0,05 м). Материк – желтый среднезернистый песок.

В яме найдено: венчик белоглиняного горшка, четыре венчика, две стенки и два донца сероглиняного горшка, фрагмент глиняной обмазки, три стенки и донце красноглиняного горшка, два фрагмента кремня, бронзовый нательный крест, каменное пряслице, фрагмент металлического изделия, два фрагмента бронзовой пластины и железный нож (рис. 11–15).

Яма 2 (рис. 16; 17). Хозяйственная яма 2 расположена на участке 1, на квадратах х-57, у-12; х-58, у-12; х-57, у-13. Прослежена с отметки 23,49 м БС. В плане круглой формы. Размеры ямы 1,33 × 1,23 м, глубина 0,42 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: серо-желтая мешаная супесь (до 0,07 м); темно-серая мешаная супесь с вкраплениями угля (до 0,34 м); серо-желтая мешаная супесь (до 0,12 м); желтый среднезернистый песок (до 0,08 м). Материк – желтый среднезернистый песок.

В яме найдено: шесть венчиков, 17 стенок и два донца сероглиняного горшка, два каменных пряслица, оселок, бронзовый перстень, три железных ножа, кованный гвоздь (рис. 18–22).

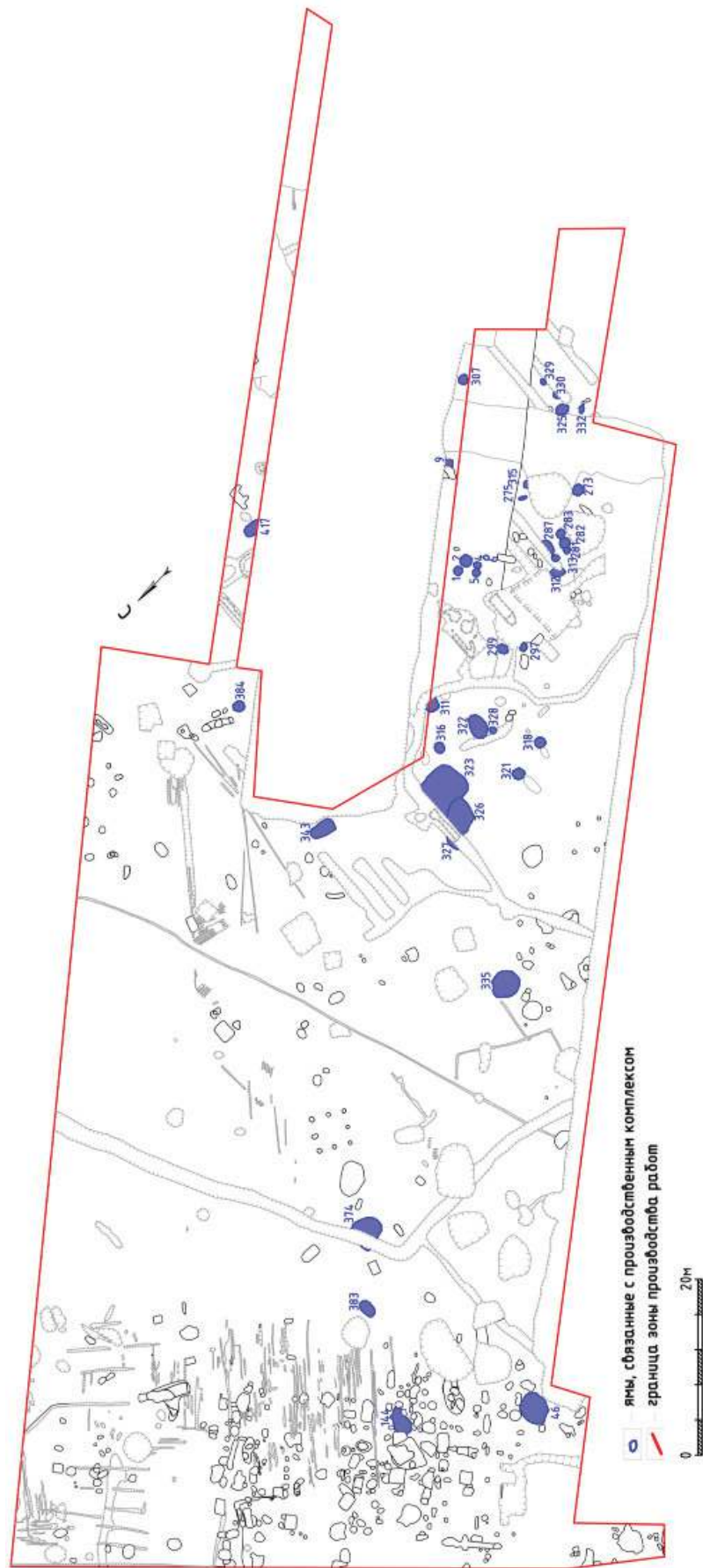

Рис. 8. Схема объектов, зафиксированных на территории исследований с указанием ям, относящихся к производственному комплексу эпохи позднего Средневековья

Рис. 9. Стратиграфический разрез ямы 1

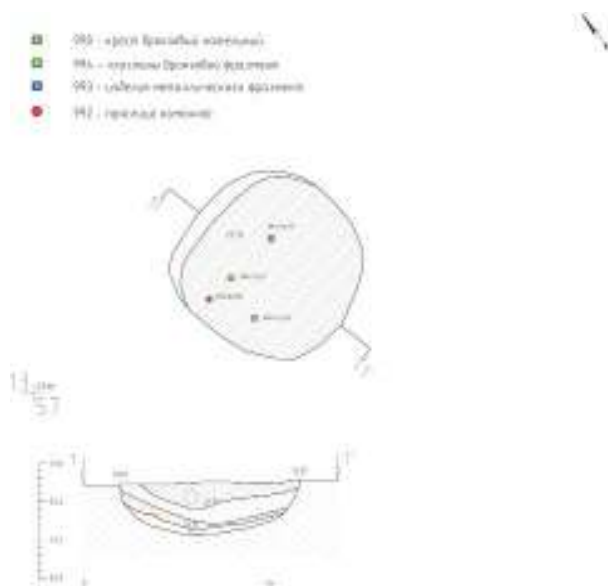

Рис. 10. План и разрез ямы 1

Рис. 11. Бронзовый крест-тельник in situ

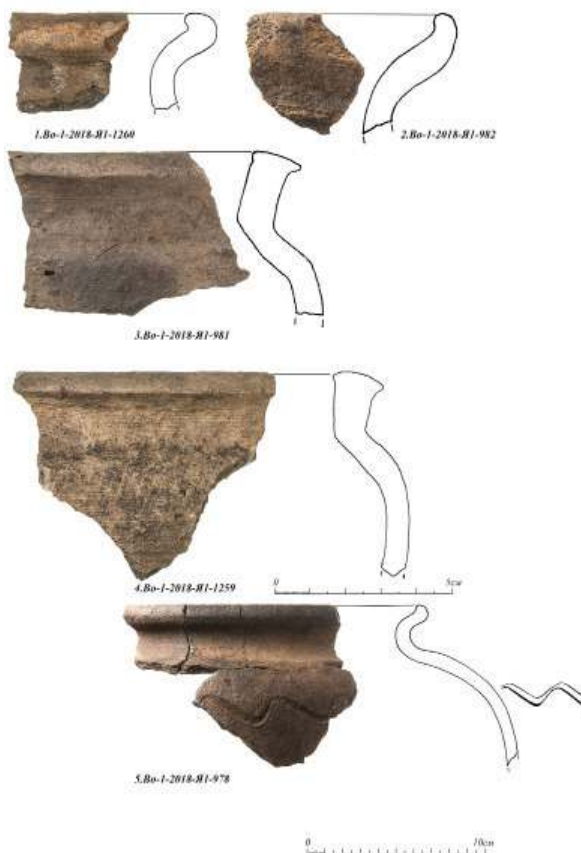

Рис. 12. Фрагменты керамических сосудов из ямы 1

Яма 5 (рис. 23; 24). Хозяйственная яма 5 расположена на участке 1, на квадрате х-57, у-12. Прослежена с отметки 23,61 м БС. В плане круглой формы. Размеры ямы 0,84 × 0,84 м, глубина 0,3 м. Стенки крутые, дно плоское. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь (до 0,25 м); желтый среднезернистый песок (до 0,11 м). Материк – желтый среднезернистый песок.

В яме найдено: венчик белоглиняного горшка, четыре венчика, 14 стенок и четыре донца сероглиняного горшка, стенка красноглиняного горшка, четыре фрагмента глиняной обмазки, металлический ключ и фрагмент металлического изделия (рис. 25; 26).

Яма 9 (рис. 27; 28). Хозяйственная яма 9 расположена на участке 1, на квадратах х-63, у-13; х-63, у-14. Прослежена с отметки 23,39 м БС. В плане подпрямоугольной формы. С северо-западной стороны повреждена ямой 8. Исследована частично, уходит в северо-восточный борт раскопа. Видимые размеры ямы 0,64 × 0,4 м, глубина 0,07 м. В профиль линзовидной формы. Заполнение

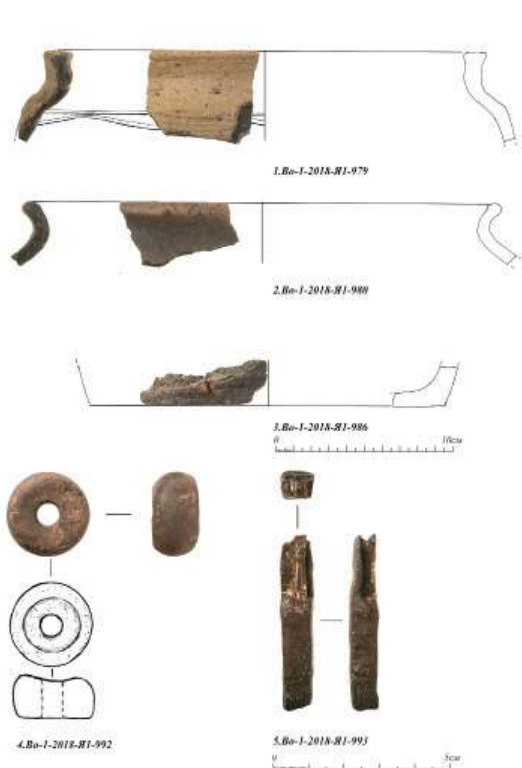

Рис. 13. Археологические находки из ямы 1: 1–3 – фрагменты керамических сосудов, 4 – шиферное пряслице, 5 – фрагмент металлического изделия

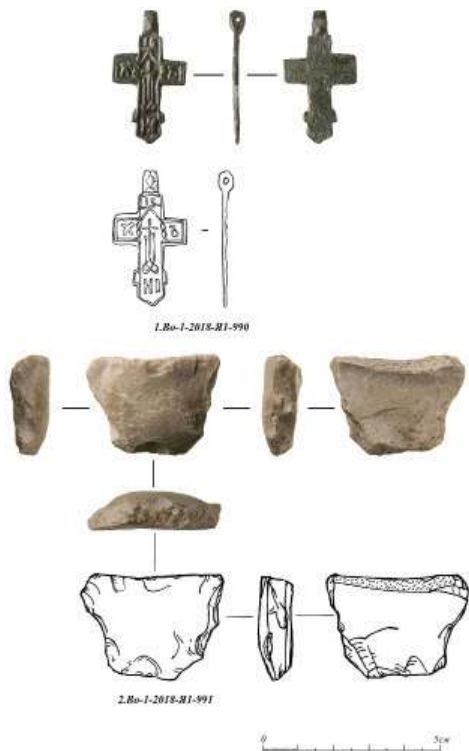

Рис. 14. Археологические находки из ямы 1: 1 – крест-тельник, 2 – кремьень

Рис. 15. Археологические находки из ямы 1: 1 – железный нож, 2, 3 – фрагменты бронзовых пластин

Рис. 16. Стратиграфический разрез ямы 2

ямы: коричневая оторфованная супесь (до 0,07 м); материк – желтый среднезернистый песок.

В яме найдено: три стенки и два донца серо-глиняного горшка, фрагмент глиняной обмазки, фрагмент бронзовой пластины (рис. 29).

Яма 46 (рис. 30; 31). Хозяйственная яма 46 расположена на участке 2, на квадратах х-9, у-8; х-9,

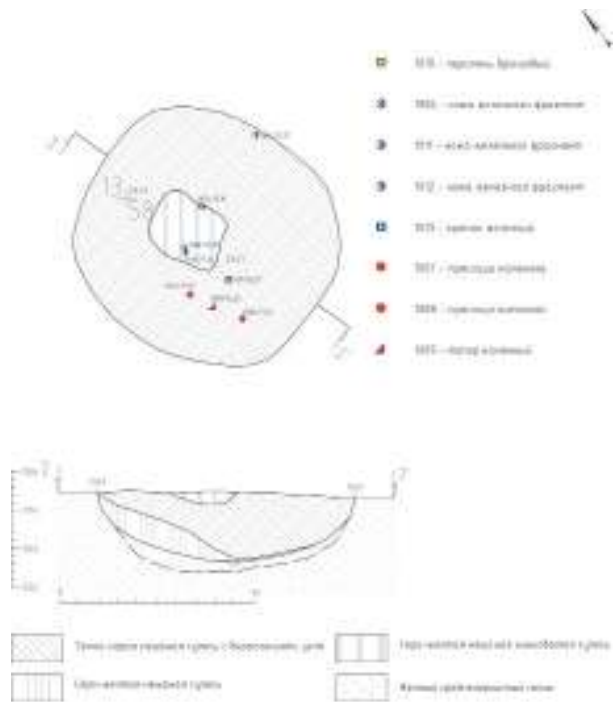

Рис. 17. План и разрез ямы 2

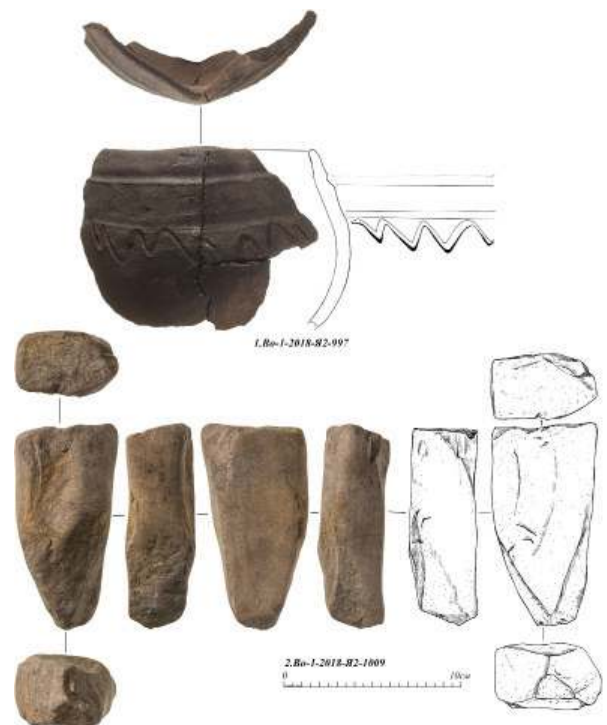

Рис. 19. Фрагмент керамического сосуда (1) и оселок (2) из ямы 2

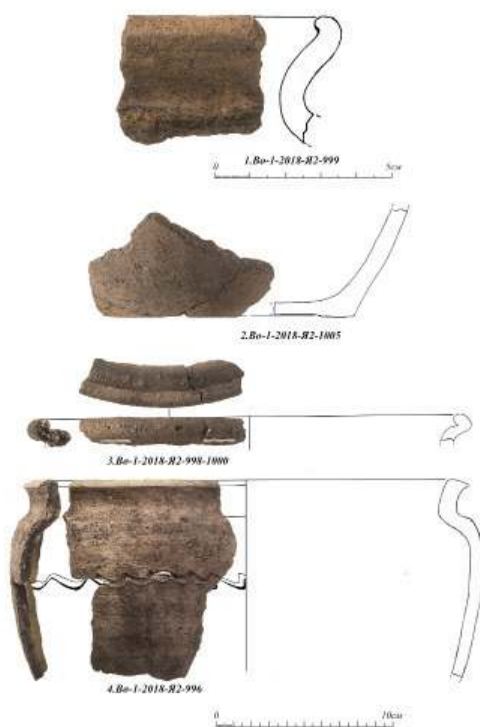

Рис. 18. Фрагменты керамических сосудов из ямы 2

Рис. 20. Каменные пряслица из ямы 2

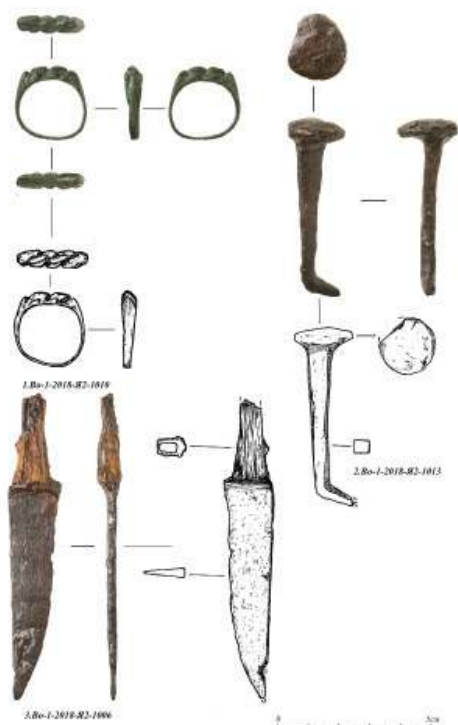

Рис. 21. Археологические находки из ямы 2: 1 – бронзовый ложновитой перстень, 2 – железный гвоздь, 3 – железный нож

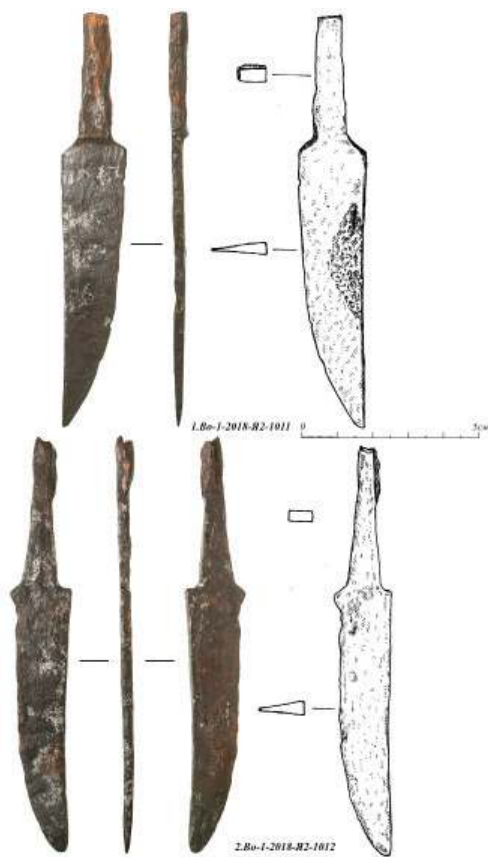

Рис. 22. Железные ножи из ямы 2

Рис. 23. Стратиграфический разрез ямы 5

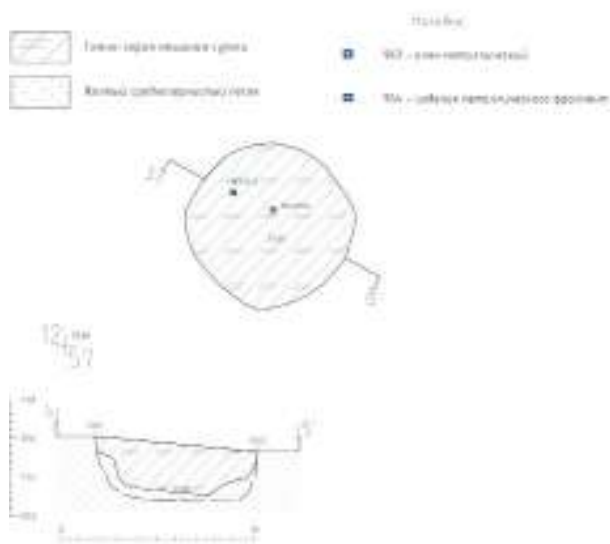

Рис. 24. План и разрез ямы 5

у-9; х-10, у-8; х-10, у-9. Прослежена с отметки 23,24 м БС. В плане круглой формы. Размеры ямы 3,41 × 3,15 м, глубина 0,51 м. В профиль линзовидной формы. Заполнение части ямы: темно-серая мешаная гумусированная супесь (до 0,44 м); темно-серая мешаная гумусированная супесь с глиной (до 0,1 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: три венчика сероглиняного горшка, два фрагмента глиняной обмозки (рис. 32).

Яма 92 (рис. 33; 34). Хозяйственная яма 92 расположена на участке 2, в квадрате х-10, у-9. Прослежена с отметки 23,3 м БС. В плане неправильной вытянутой округлой формы. С западной стороны частично разрушена ямой 46. Размеры ямы 1,44 × 0,62 м, глубина 0,70 м. Стенки отвесные, дно плоское. В яме прослежены остатки деревянной конструкции. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь

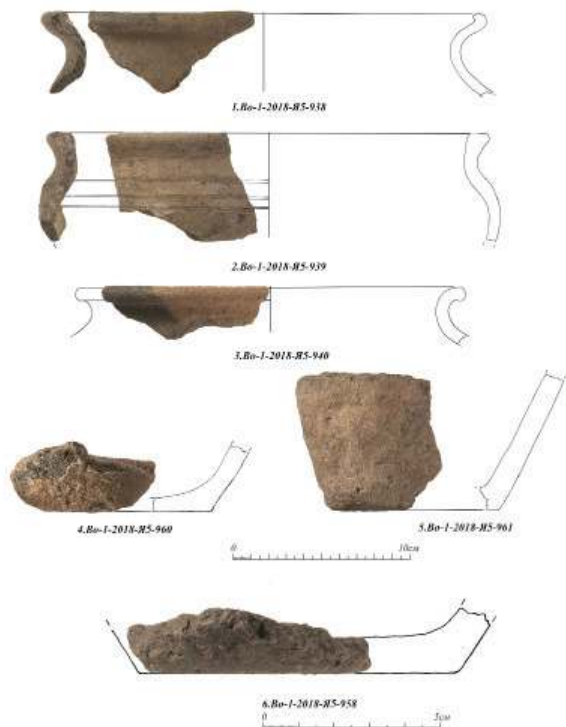

Рис. 25. Фрагменты керамических сосудов из ямы 5

Рис. 26. Археологические находки из ямы 5: 1 – железный ключ, 2 – фрагмент железного изделия, 3, 4 – фрагменты керамических сосудов

Рис. 27. Стратиграфический разрез ямы 9

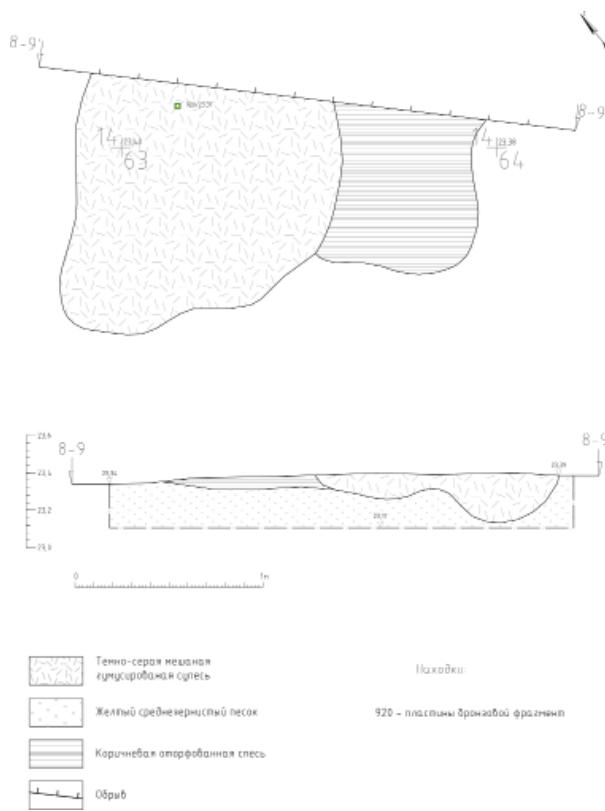

Рис. 28. План и разрез ямы 9

(в юго-восточной части) (до 0,27 м); серо-желтая мешаная комковатая супесь (до 0,7 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найден венчик сероглиняного горшка (рис. 35).

Яма 144 (рис. 36–38). Хозяйственная яма 144 расположена на участке 3, на квадратах х-8, у-15; х-8, у-16; х-9, у-15; х-9, у-16; х-10, у-16. Прослежена с отметки 23,28 м БС. В плане неправильной овальной формы, вытянута по линии северо-запад–юго-восток, расширяется в северо-западной части. С южной стороны частично разрушена ямами

Рис. 29. Археологические находки из ямы 9: 1 – фрагмент бронзовой пластины, 2 – фрагмент керамического сосуда

Рис. 30. Стратиграфический разрез ямы 46

146 и 148, с северо-западной стороны частично разрушена ямой 141. Размеры ямы 3,25 × 1,94 м, глубина 0,23 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь с обожженными камнями (до 0,04 м); темно-серая мешаная супесь с вкраплениями угля (до 0,13 м); желтый среднезернистый песок (до 0,12 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: 11 венчиков, две стенки и девять донцев сероглиняного горшка, венчик красноглиняного горшка, два венчика глиняного горшка, венчик сероглиняной миски, 87 стенок глиняных неорнаментированных горшков (рис. 39–42).

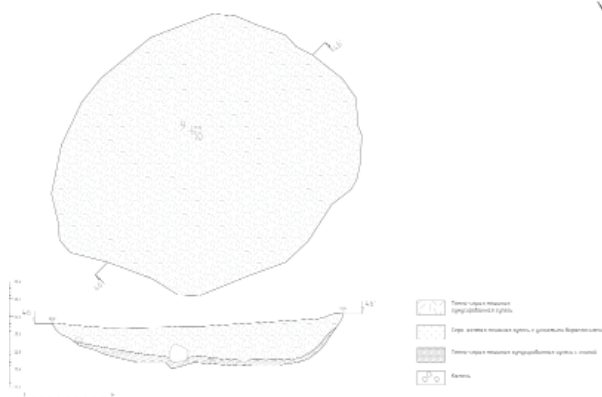

Рис. 31. План и разрез ямы 46

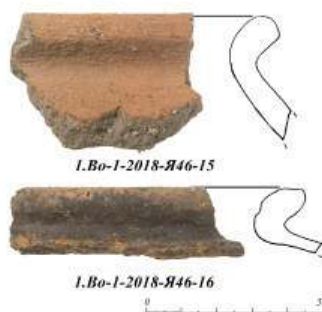

Рис. 32. Фрагменты керамических сосудов из ямы 46

Рис. 33. Стратиграфический разрез ямы 92

Яма 273 (рис. 43; 44). Хозяйственная яма 273 расположена на участке 1, на квадрате х-59, у-7. Прослежена с отметки 23,44 м БС. В плане овальной формы. С западной стороны частично повреждена ямой 282. Размеры ямы 1,11 × 0,96 м, глубина 0,18 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: серо-желтая мешаная супесь с углем (до 0,18 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найден фрагмент керамического сопла (рис. 45).

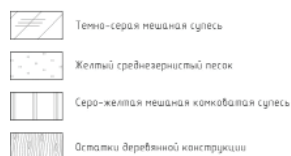
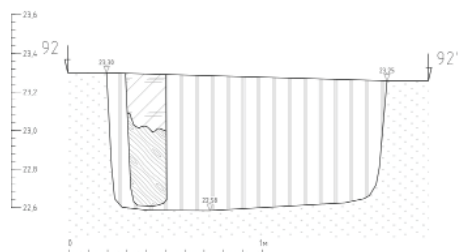
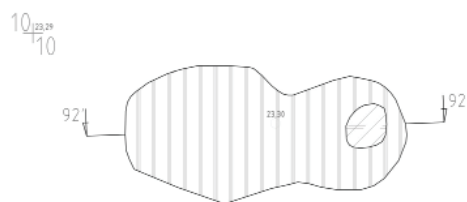

Рис. 34. План и разрез ямы 92

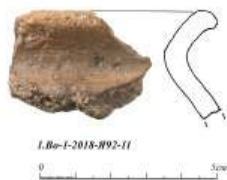

Рис. 35. Фрагмент керамического сосуда из ямы 92

Рис. 36. Общий вид ямы 144

Рис. 37. Стратиграфический разрез ямы 144

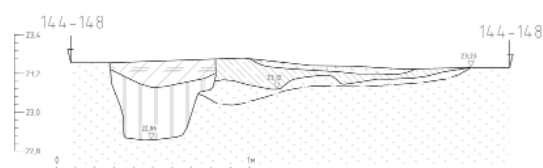
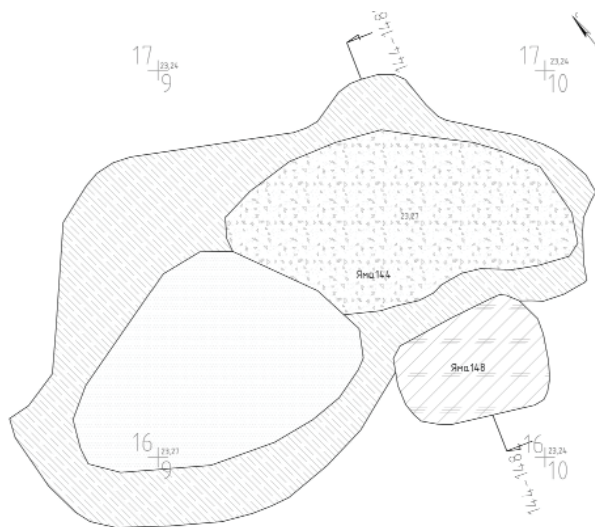

Рис. 38. План и разрез ямы 144

Яма 282 (рис. 46; 47). Хозяйственная яма 282 расположена на участке 1, на квадрате х-59, у-7. Прослежена с отметки 23,44 м БС. В плане круглой формы. Размеры ямы 1,20 × 1,13 м, глубина 0,51 м. Стенки крутые, дно округлое. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь с обожженными камнями (до 0,13 м); серо-желтая мешаная супесь с углистыми вкраплениями (до 0,13 м); черная мешаная углистая супесь с обожженными камнями (до 0,27 м). Материк – желтый среднезернистый

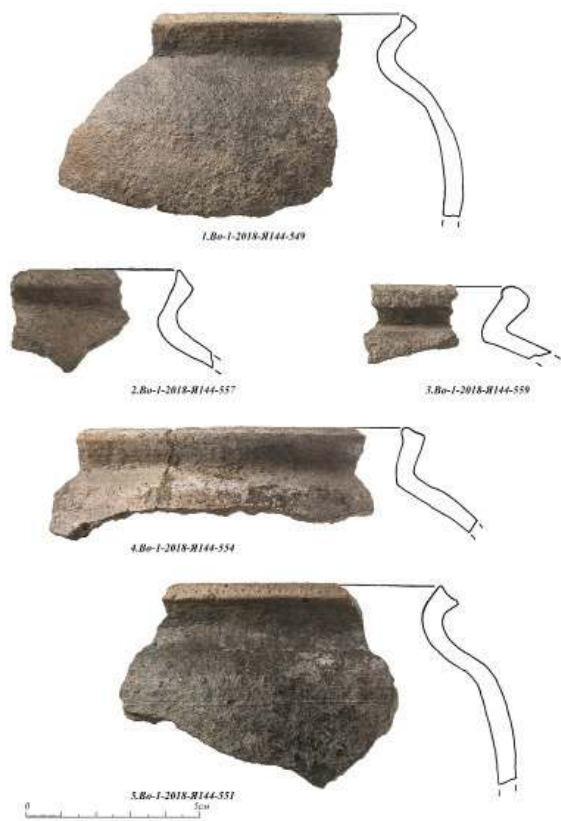

Рис. 39. Фрагменты керамических сосудов из ямы 144

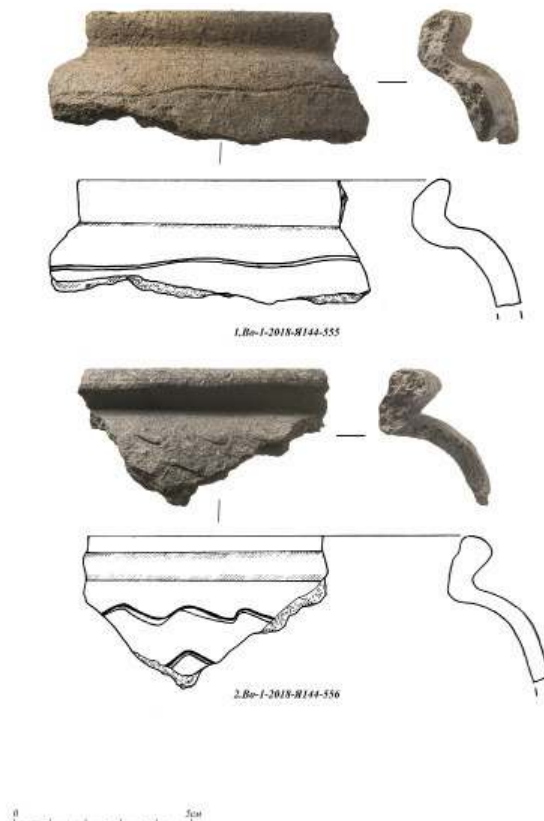

Рис. 41. Фрагменты керамических сосудов из ямы 144

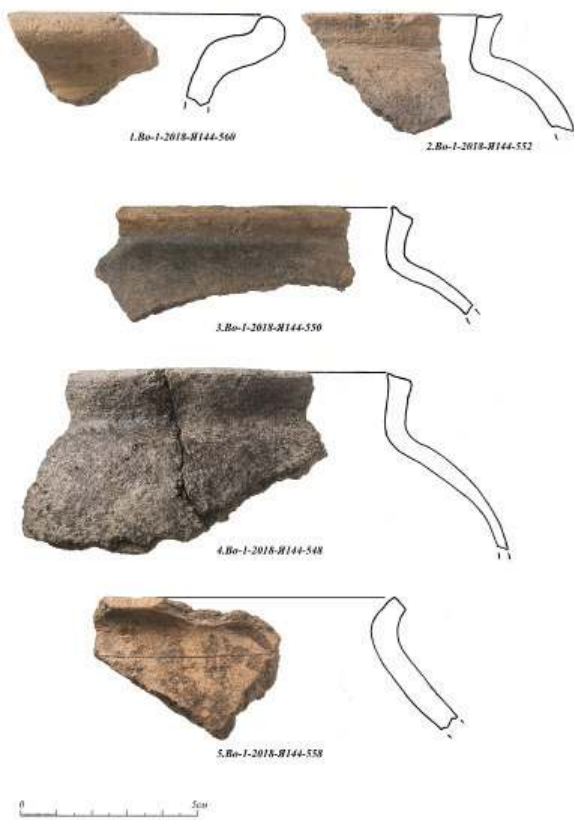

Рис. 40. Фрагменты керамических сосудов из ямы 144

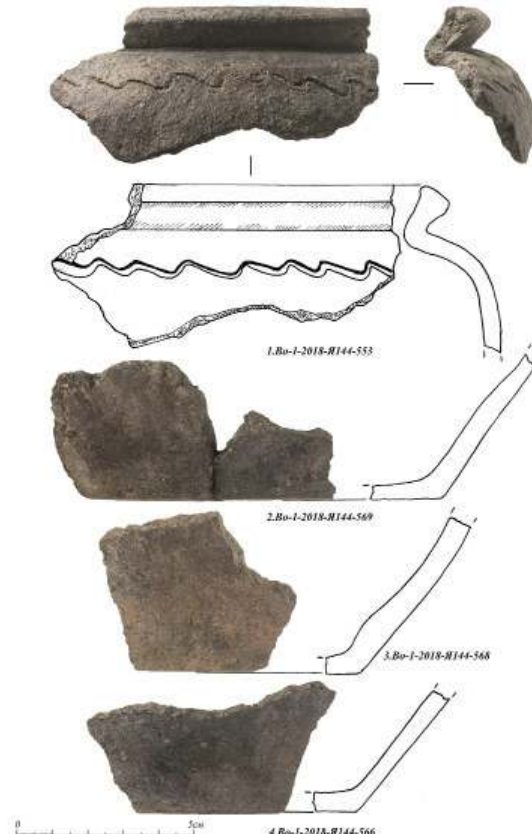

Рис. 42. Фрагменты керамических сосудов из ямы 144

Рис. 43. Стратиграфический разрез ямы 273

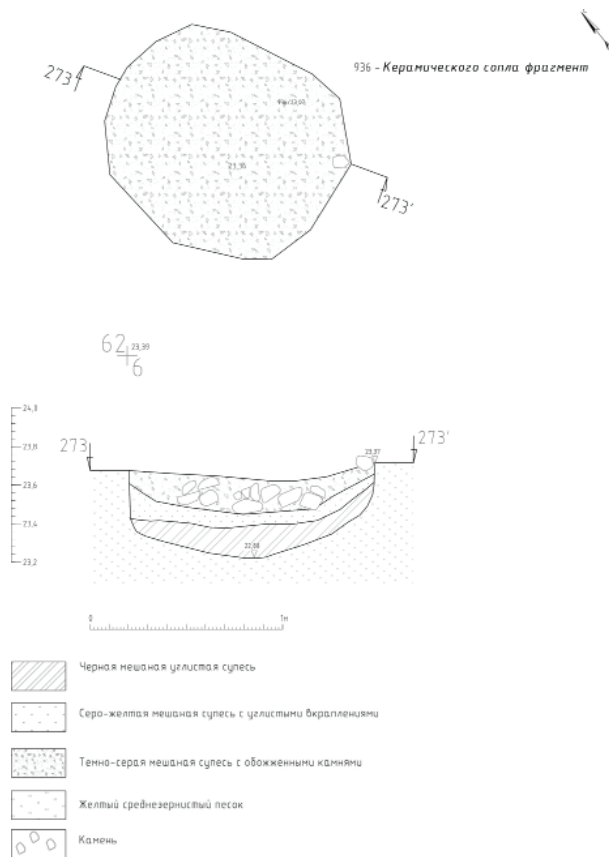

Рис. 44. План и разрез ямы 273

песок. В яме найдено: три венчика, 15 стенок и донце сероглиняного горшка, два фрагмента глиняной обмазки, два фрагмента каменного оселка, два фрагмента металлических изделий, два каменных пряслица, две каменных заготовки под пряслице, железный нож и костяной bolster, два фрагмента сопла печи, костяное изделие, фрагмент деревянного изделия (рис. 48–50).

Яма 287 (рис. 51; 52). Хозяйственная яма 287 расположена на участке 1, на квадратах х-58,

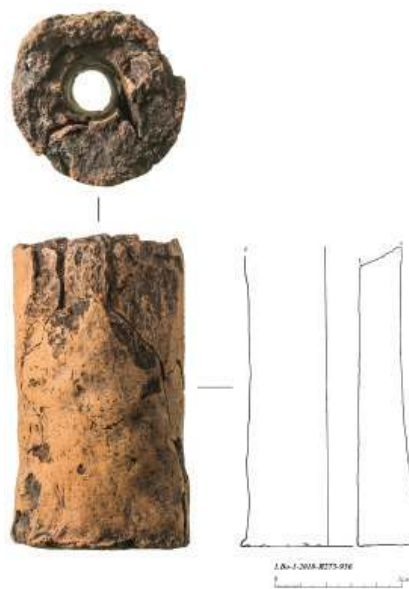

Рис. 45. Керамическое сопло из ямы 273

Рис. 46. Стратиграфический разрез ямы 282

у-7; х-58, у-8; х-59, у-8. Прослежена с отметки 23,68 м БС. В плане овальной формы, вытянута по линии запад–восток. С северной стороны повреждена траншеей. Видимые размеры ямы 2,19 × 0,87 м, глубина 0,50 м. Стенки крутые, дно плоское. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь с обожженными камнями (до 0,26 м); серо-желтая мешаная супесь (до 0,23 м); желтый среднезернистый песок (до 0,18 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: венчик, четыре стенки сероглиняного горшка, пять фрагментов глиняной обмазки (рис. 53).

Яма 322 (рис. 54; 55). Хозяйственная яма 322 расположена на участке 1, на квадратах х-48, у-11; х-48, у-12; х-49, у-11; х-49, у-12. Прослежена с отметки 23,73 м БС. В плане овальной формы. Размеры ямы 2,86 × 1,83 м, глубина 0,37 м.

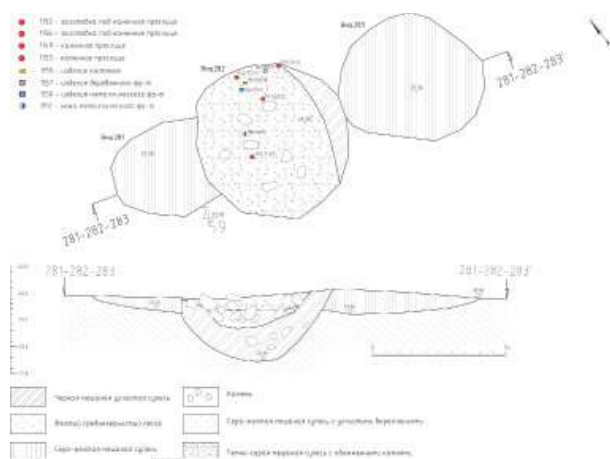

Рис. 47. План и разрез ямы 282

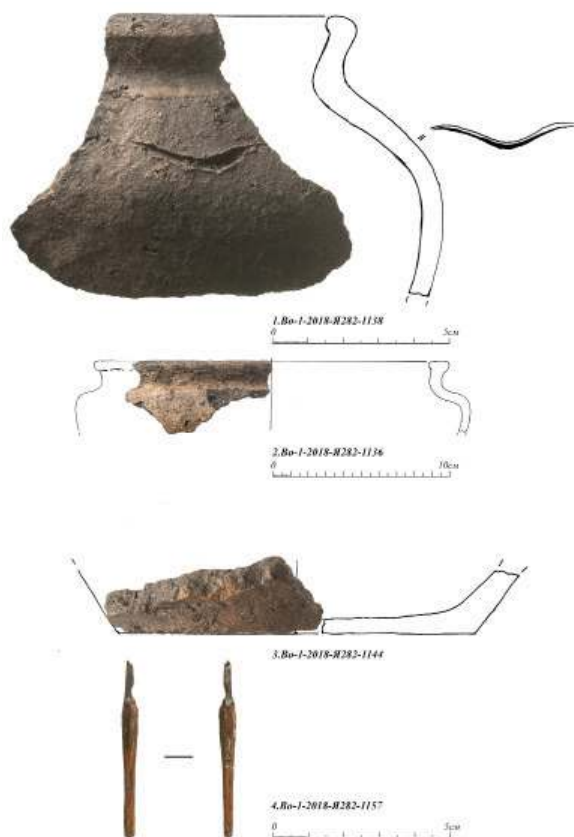

Рис. 48. Находки из ямы 282: 1–3 – фрагменты керамических сосудов, 4 – фрагмент костяного изделия

В профиль линзовидной формы. Заполнение восточной части ямы: техногенный слой (до 0,26 м). Заполнение западной части ямы: темно-серая мешаная супесь (до 0,37 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: 10 стенок, два венчика и донце сероглиняного горшка, два фрагмента глиняной обмазки (рис. 56).

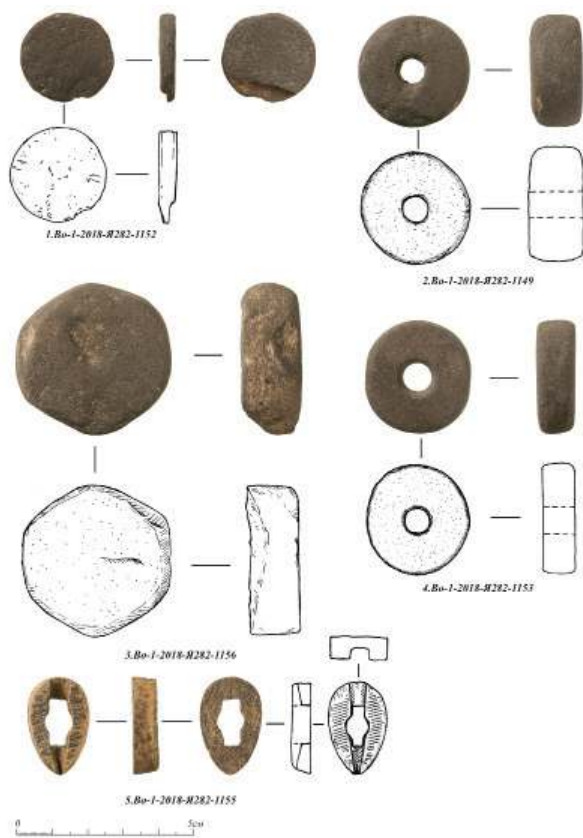

Рис. 49. Находки из ямы 282: 1–4 – каменные пряслица, 5 – костяной боек

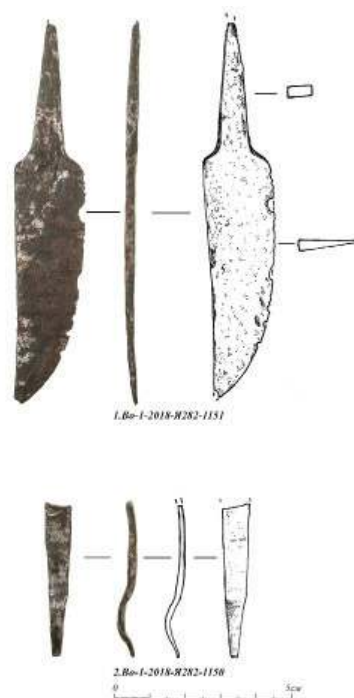

Рис. 50. Находки из ямы 282: 1 – железный нож, 2 – язычок от пряжки

Рис. 51. Стратиграфический разрез ямы 287

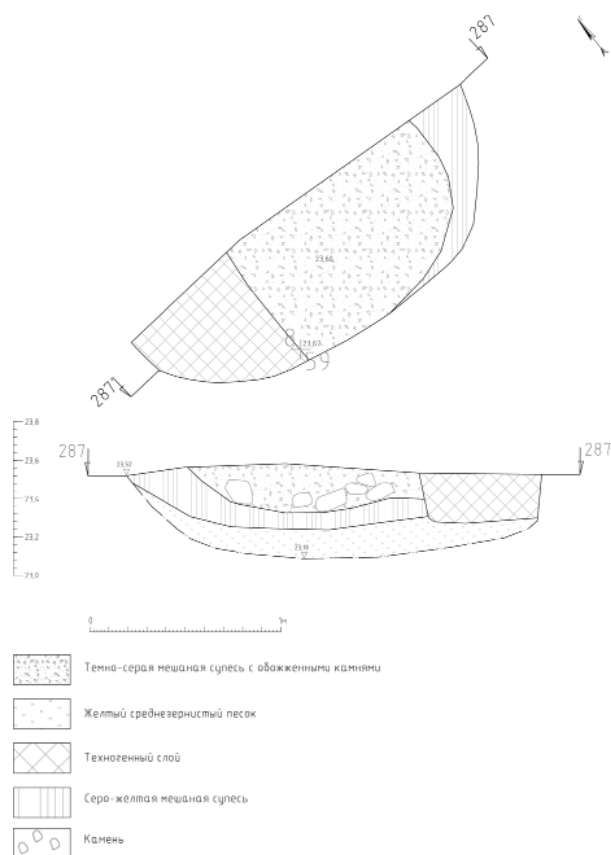

Рис. 52. План и разрез ямы 288

Рис. 53. Фрагмент керамического сосуда из ямы 289

Рис. 54. Стратиграфический разрез ямы 322

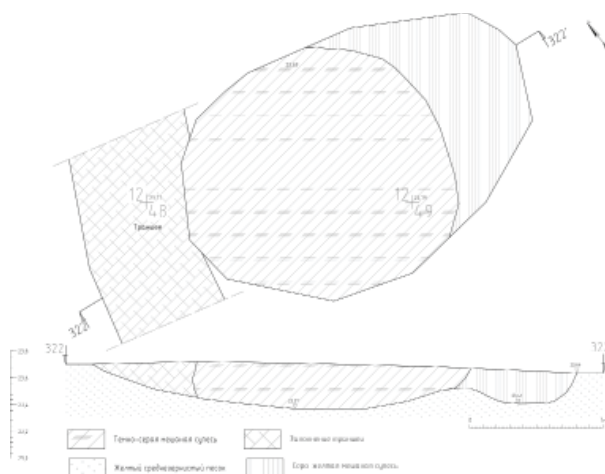

Рис. 55. План и разрез ямы 322

Рис. 56. Фрагмент керамического сосуда из ямы 322

Яма 323 (рис. 57; 58). Хозяйственная яма 323 расположена на участке 1, на квадратах х-43, у-13; х-44, у-13; х-44, у-14; х-45, у-12; х-45, у-13; х-45, у-14; х-45, у-15; х-46, у-13; х-46, у-14. Прослежена с отметки 23,7 м БС. В плане подпрямоугольной формы. С западной стороны частично повреждена ямой 327, с северной стороны повреждена траншеей. Видимые размеры ямы 4,58 × 4,36 м, глубина 0,38 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь (до 0,38 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: два развала сероглиняных горшков (26 фрагментов) (рис. 59; 60), 37 венчиков, 101

Рис. 57. Стратиграфический разрез ямы 323

Рис. 60. Развал керамического сосуда из ямы 323

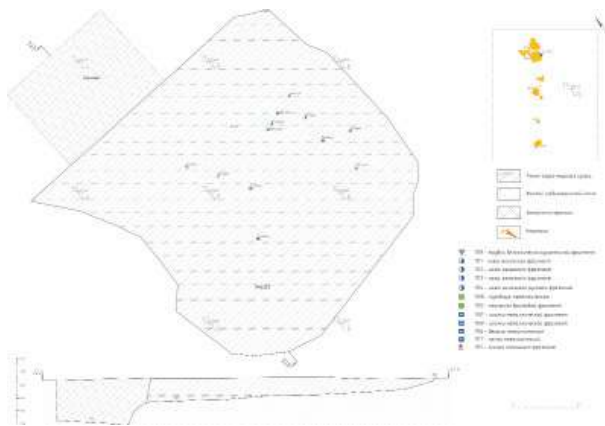

Рис. 58. План и разрез ямы 323

Рис. 59. Развал керамического сосуда из ямы 323

Рис. 61. Фрагмент керамического сосуда из ямы 323

стенка и 18 фрагментов донцов сероглиняного горшка, венчик красноглиняного горшка, пять стенок и фрагмент донца белоглиняного горшка, четыре фрагмента глиняной обмазки, фрагмент донца фаянсовой тарелки (рис. 61–69), кованный гвоздь, металлический наконечник стрелы, два фрагмента металлических пластин, фрагмент бронзового изделия, два фрагмента металлических иглонок, металлическая пуговица, фрагмент бронзовой плас-

тины, три фрагмента железных ножей, фрагмент рукояти железного ножа, фрагмент каменного оселка, металлическая деталь, металлический замок, фрагмент курительной белоглиняной трубки (рис. 70–74).

Яма 325 (рис. 75; 76). Хозяйственная яма 325 расположена на участке 1, на квадрате х-66, у-7. Прослежена с отметки 23,19 м БС. В плане округлой формы. Размеры ямы 1,46 × 1,15 м, глубина 0,19 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: серо-желтая мешаная супесь с камнями

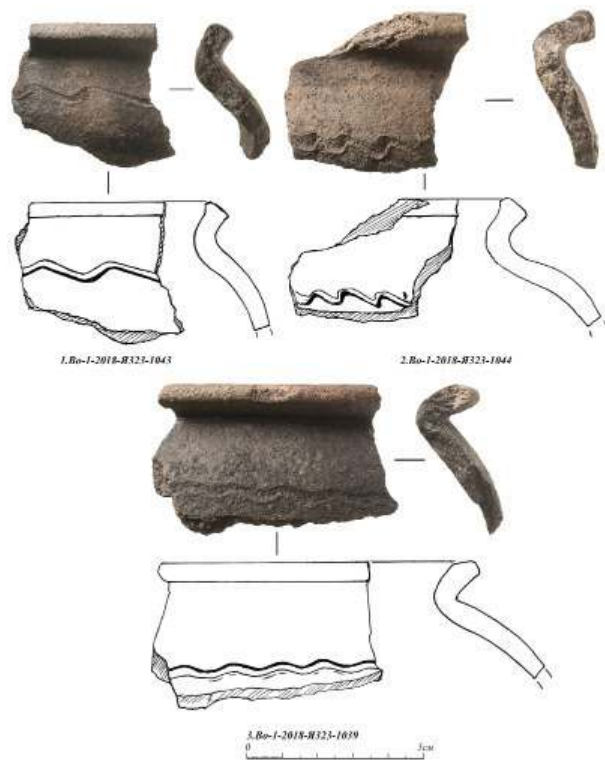

Рис. 62. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

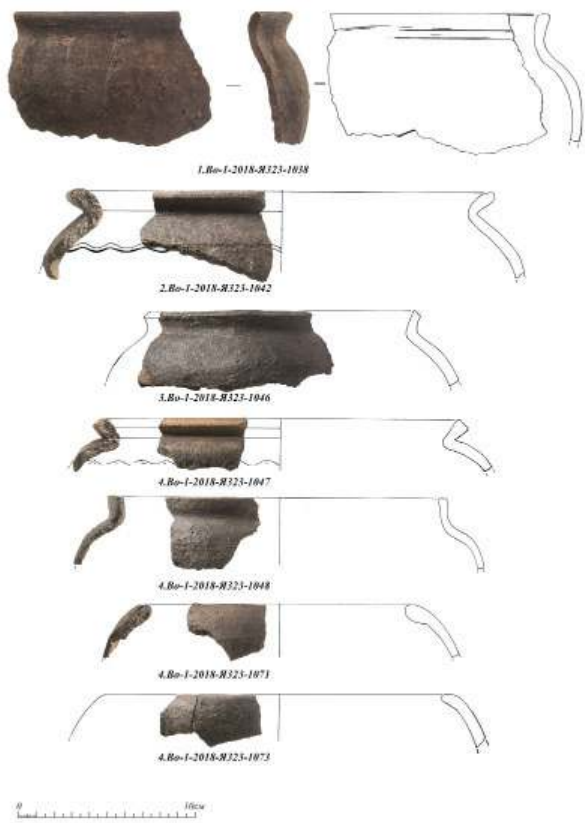

Рис. 63. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

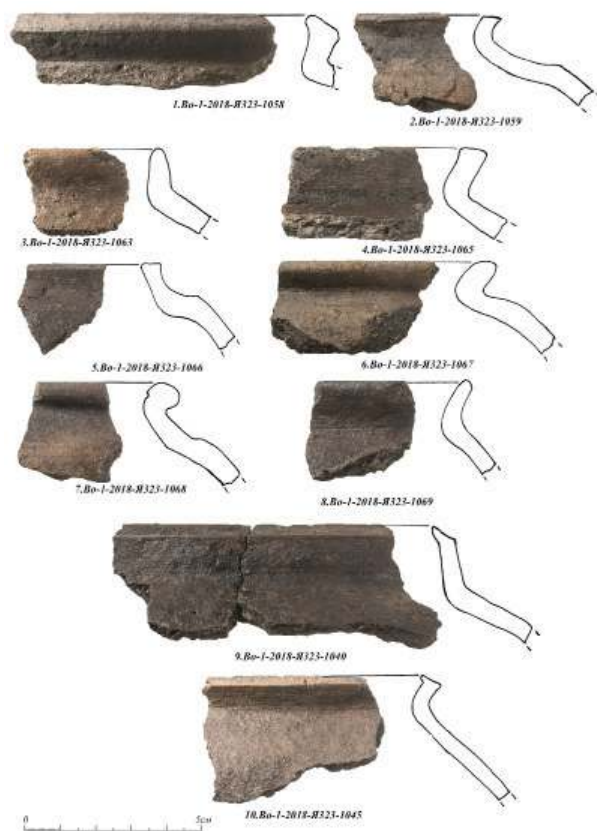

Рис. 64. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

(до 0,19 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: семь стенок, четыре венчика сероглиняного горшка, 35 фрагментов глиняной обмазки (рис. 77). По фрагментам угля из ямы получена дата 620+90 (Ле-11851), т. е. 1242–1445 гг. н. э. (94,6 %).

Яма 326 (рис. 78; 79). Хозяйственная яма 326 расположена на участке 1, на квадратах х-41, у-13; х-42, у-12; х-42, у-13; х-43, у-12. Прослежена с отметки 23,51 м БС. В плане округлой формы. Центральная часть повреждена траншеей, с юго-восточной стороны частично повреждена ямой 327. Видимые размеры ямы 3,61 × 1,91 м, глубина 0,18 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная супесь (до 0,18 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: 10 стенок, три венчика и три фрагмента донцов сероглиняного горшка, фрагмент красноглиняной литейной формы (рис. 80).

Яма 327 (рис. 81). Хозяйственная яма 327 расположена на участке 1, на квадратах х-42, у-12; х-43, у-12; х-43, у-13; х-44, у-12; х-44, у-13. Прослежена с отметки 23,6 м БС. В плане округлой формы. С северной стороны повреждена траншеей.

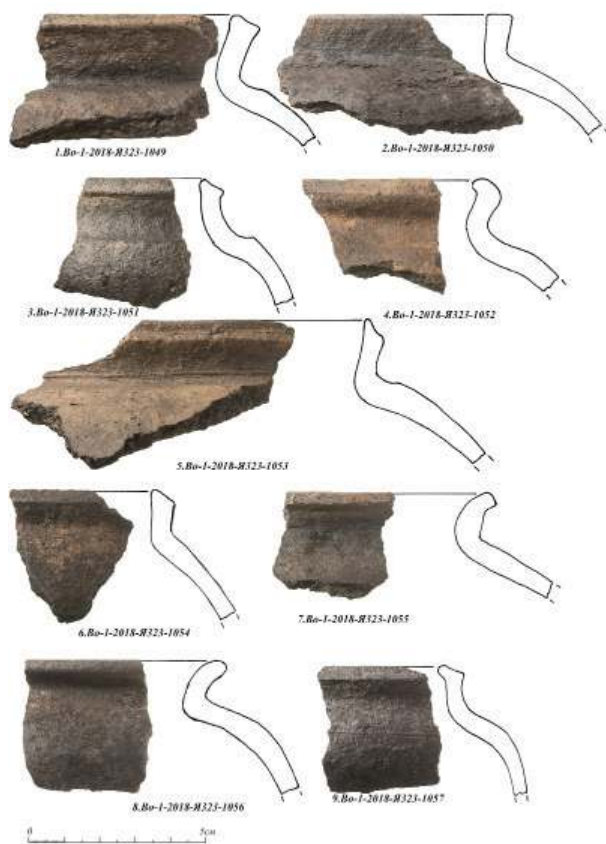

Рис. 65. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

Видимые размеры ямы 3,27 × 3,07 м, глубина 0,31 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная гумусированная супесь (до 0,31 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: четыре стенки, четыре венчика и два фрагмента донцов сероглиняного горшка (рис. 82).

Яма 329 (рис. 83; 84). Хозяйственная яма 329 расположена на участке 1, на квадрате х-68, у-8. Прослежена с отметки 23,05 м БС. В плане овальной формы. Размеры ямы 0,68 × 0,52 м, глубина 0,13 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: серо-желтая мешаная супесь (до 0,13 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: шесть стенок и пять фрагментов донцов сероглиняного горшка (рис. 85).

Яма 335 (рис. 86; 87). Хозяйственная яма 335 расположена на границе участков 1 и 2, на квадратах х-33, у-10; х-33, у-11; х-34, у-9; х-34, у-10; х-34, у-11. Прослежена с отметки 23,3 м БС. В плане округлой формы. Размеры ямы 2,94 × 3,07 м, глубина 0,57 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: техногенный слой (до 0,57 м); темно-серая мешаная супесь (до 0,3 м). Материк –

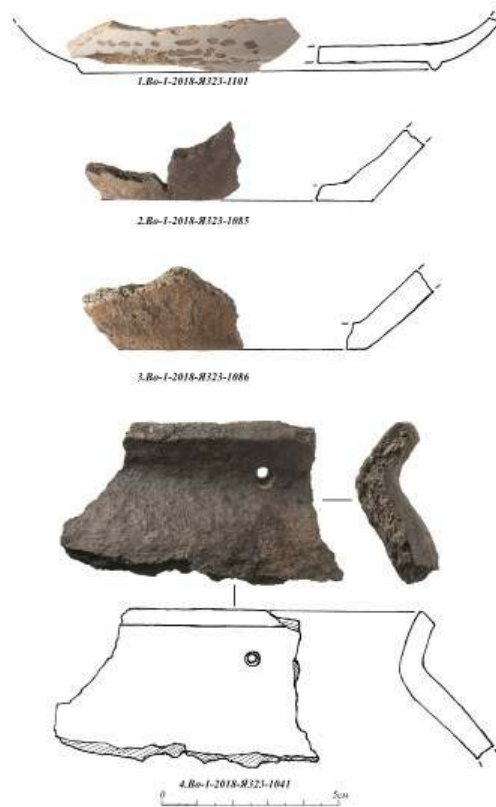

Рис. 66. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

желтый среднезернистый песок. В яме найдено: венчик сероглиняного горшка, фрагмент донца белоглиняного горшка (рис. 88).

Яма 343 (рис. 89; 90). Хозяйственная яма 343 расположена на участке 5, на квадратах х-42, у-20; х-42, у-21; х-43, у-20; х-43, у-21. Прослежена с отметки 23,8 м БС. В плане овальной формы, вытянута по линии север–юг. Размеры ямы 2,89 × 1,55 м, глубина 0,29 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение северной части ямы: техногенный слой (до 0,12 м); желтый среднезернистый песок (до 0,06 м). Заполнение южной части ямы: темно-серая мешаная супесь (до 0,29 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: девять венчиков, 18 стенок, четыре фрагмента донцов сероглиняного горшка, фрагмент сероглиняного сосуда с поливой, фрагмент глиняной обмазки (рис. 91–94).

Яма 374 (рис. 95; 96). Хозяйственная яма 374 расположена на участке 4, на квадратах х-19, у-17; х-20, у-17; х-20, у-18; х-20, у-19. Прослежена с отметки 23,27 м БС. В плане округлой формы, с северо-западной стороны повреждена траншеей. Видимые размеры ямы 3,07 × 1,92 м, глубина 0,27 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение

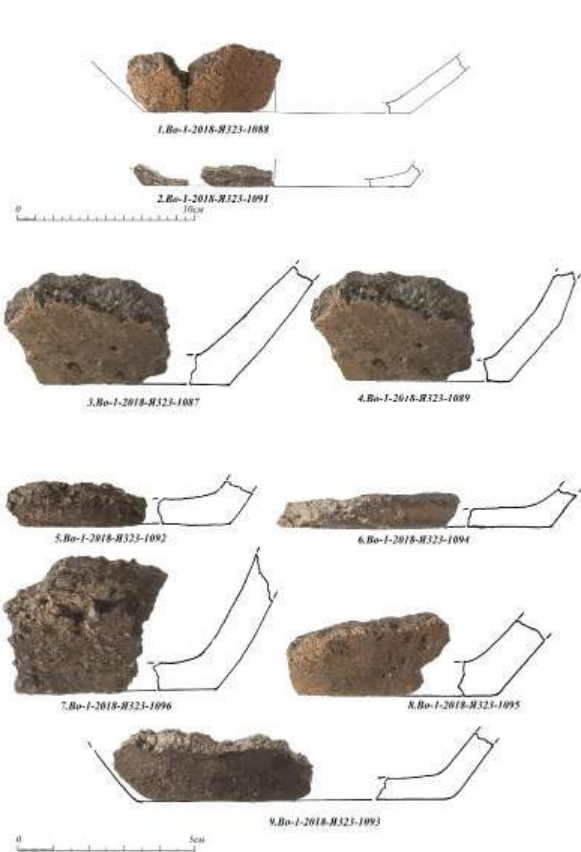

Рис. 67. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

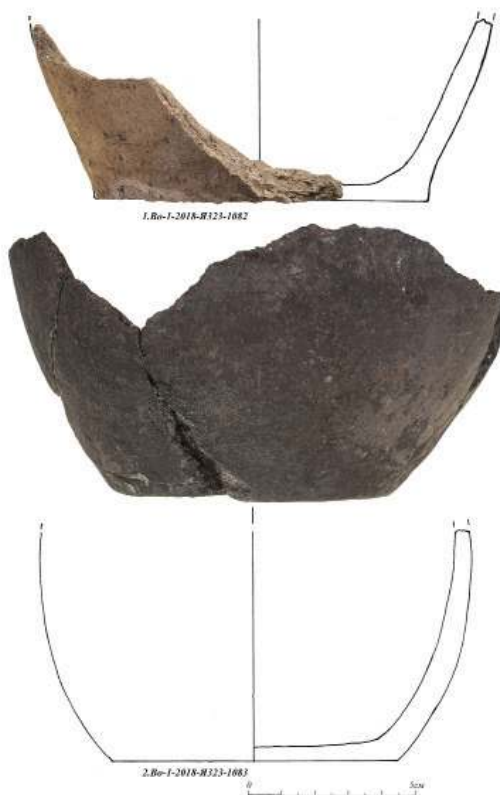

Рис. 68. Фрагменты керамических сосудов из ямы 323

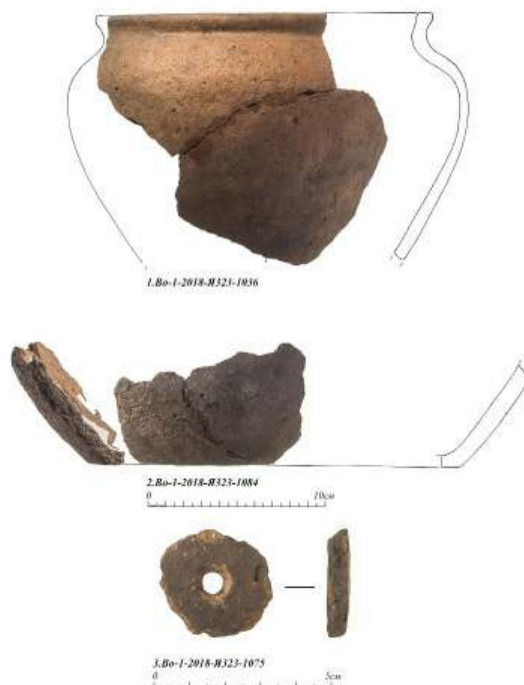

Рис. 69. Находки из ямы 323: 1, 2 – фрагменты керамических сосудов, 3 – керамическое пряслице

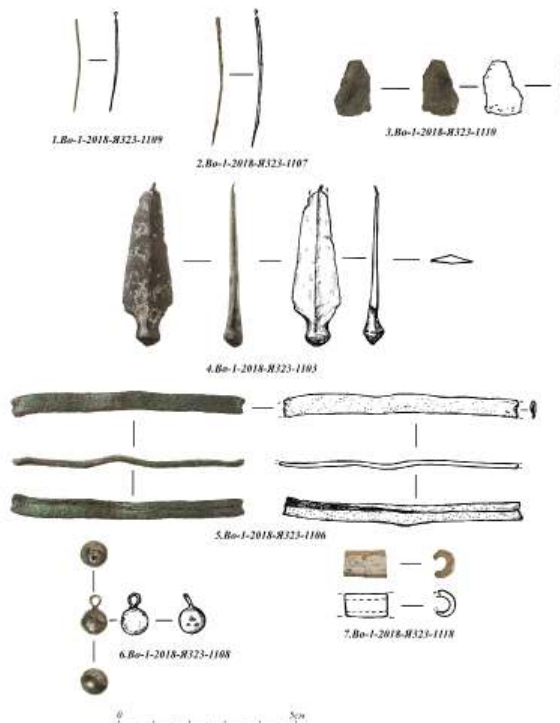

Рис. 70. Находки из ямы 324: 1, 2 – иголки, 3 – фрагмент бронзовой пластины, 4 – железный наконечник стрелы, 5 – фрагмент бронзового изделия, 6 – пуговка из цветного металла, 6 – фрагмент белоглиняной курительной трубки

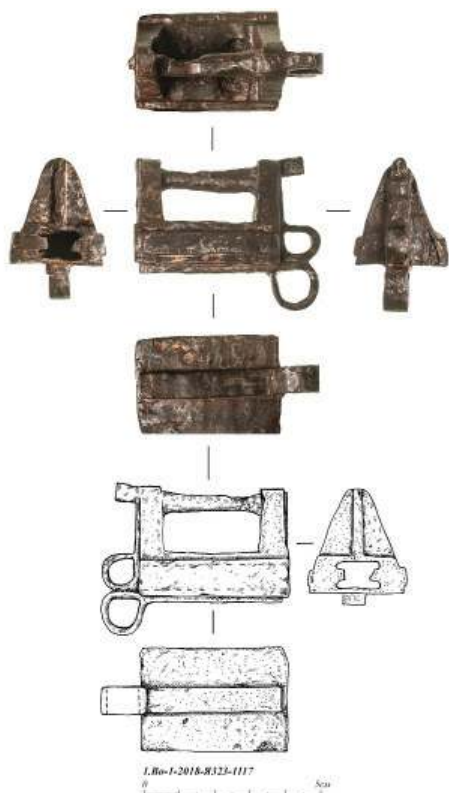

Рис. 71. Железный замок из ямы 323

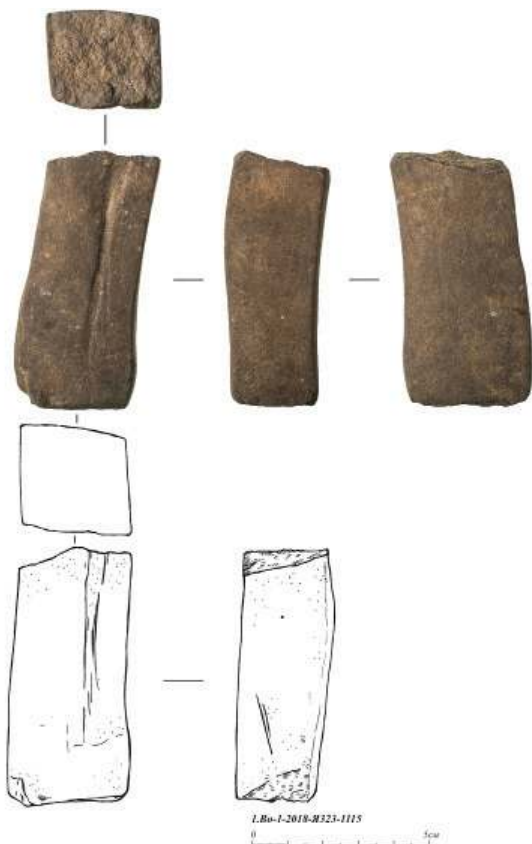

Рис. 72. Оселок из ямы 323

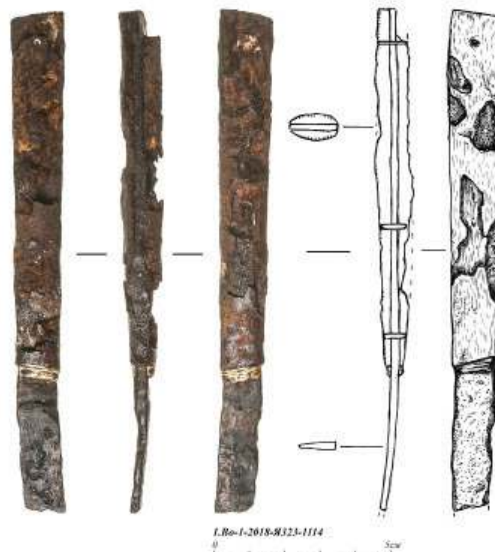

Рис. 73. Фрагмент железного ножа из ямы 323

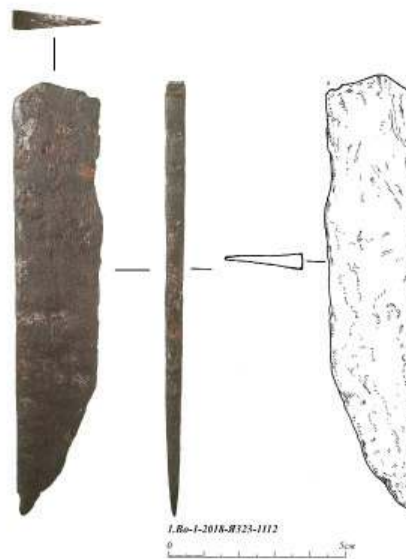

Рис. 74. Фрагмент железного ножа из ямы 323

ямы: темно-серая мешаная гумусированная супесь (до 0,18 м); желтый среднезернистый песок (до 0,07 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: 10 стенок и фрагмент донца сероглиняного горшка, стенка белоглиняного горшка (рис. 97).

Яма 383 (рис. 98; 99). Хозяйственная яма 383 расположена на участке 4, на квадратах х-15, у-18; х-16, у-18. Прослежена с отметки 23,41 м БС. В плане овальной формы. Размеры ямы 2,03 ×

Рис. 75. Стратиграфический разрез ямы 325

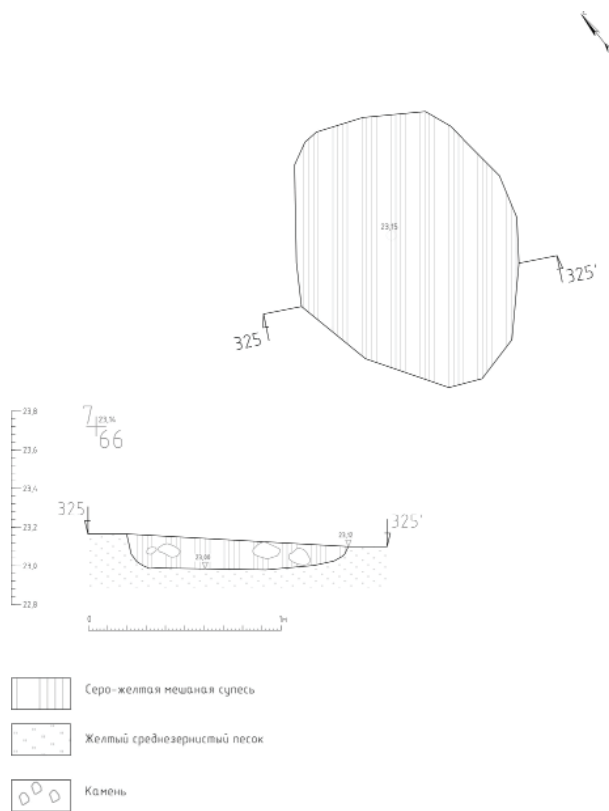

Рис. 76. План и разрез ямы 325

1,3 м, глубина 0,22 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: темно-серая мешаная гумусированная супесь (до 0,22 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найдено: три венчика и пять стенок сероглиняного горшка, стенка белоглиняного горшка (рис. 100).

Яма 417 (рис. 101–103). Хозяйственная яма 417 расположена на участке 6, на квадратах х-59, у-24; х-59, у-25; х-60, у-24; х-60, у-25. Прослежена с отметки 23,66 м БС. Форма в плане овальная. Исследована частично, уходит в юго-западный борт

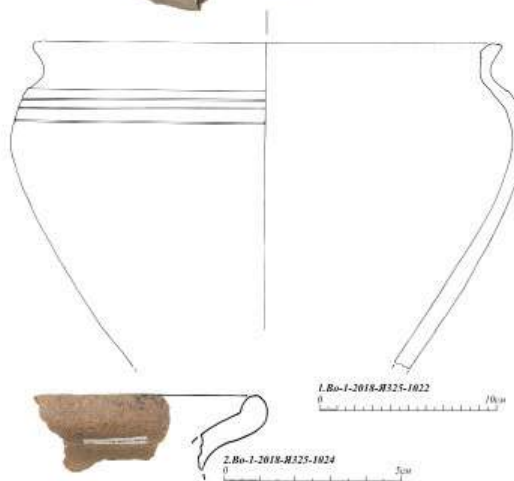

Рис. 77. Фрагмент керамического сосуда из ямы 325

Рис. 78. Стратиграфический разрез ямы 326

раскопа. Видимые размеры ямы 1,67 × 1,3 м, глубина 0,25 м. Профиль линзовидной формы. Заполнение ямы: черная углистая супесь с обожженными камнями (до 0,08 м); темно-серая мешаная супесь с вкраплениями угля (до 0,1 м); серо-желтая мешаная супесь с углистыми вкраплениями (до 0,08 м); желтый среднезернистый песок (до 0,06 м). Материк – желтый среднезернистый песок. В яме найден венчик сероглиняного горшка (рис. 104).

Рассмотрим основные категории находок, происходящие из описанных ям.

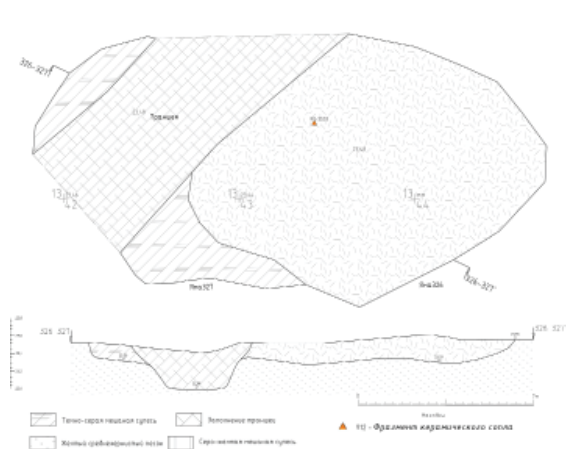

Рис. 79. План и разрез ямы 326

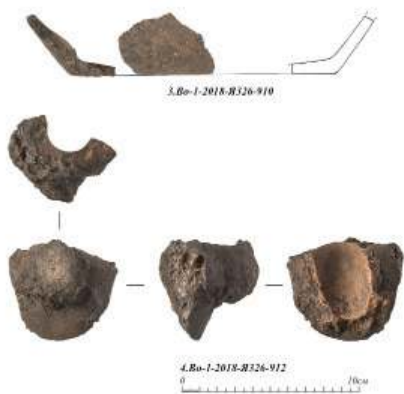

Рис. 80. Находки из ямы 326: 1–3 – фрагменты керамических сосудов, 4 – фрагмент керамического сопла

Рис. 81. Стратиграфический разрез ямы 327

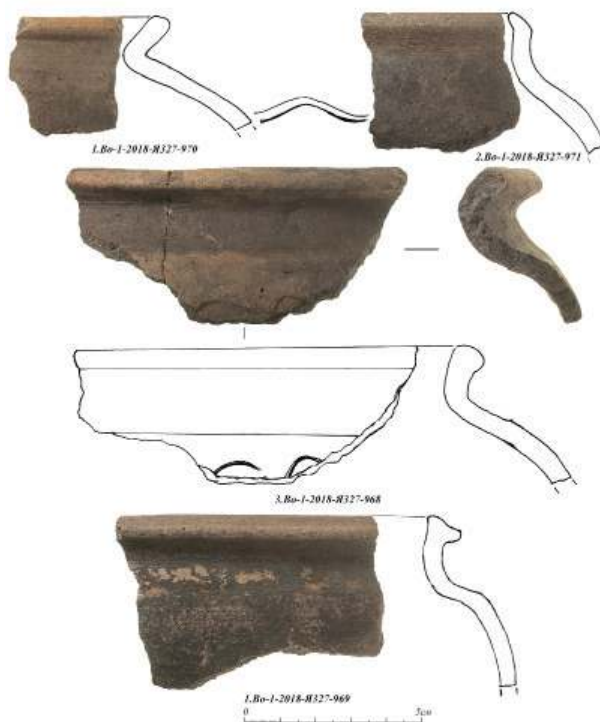

Рис. 82. Фрагменты керамических сосудов из ямы 327

Рис. 83. Стратиграфический разрез ямы 329

Керамические сосуды

Самой массовой категорией находок, безусловно, являются фрагменты керамических сосудов. Подробный анализ которых заслуживает отдельного исследования, поэтому здесь приводятся лишь общие сведения о коллекции. Коллекция насчитывает 866 фрагментов стенок сосудов и 300 фрагментов венчиков и придонных частей. В целом основную часть коллекции составляют фрагменты сероглиняных (реже красно- и белоглиняных) грубых керамических крутобоких горшков, выполненных на гончарном круге. Часть из сосудов украшена волнистым однорядным, реже многорядным прорезанным орнаментом, идущим по тулову со-

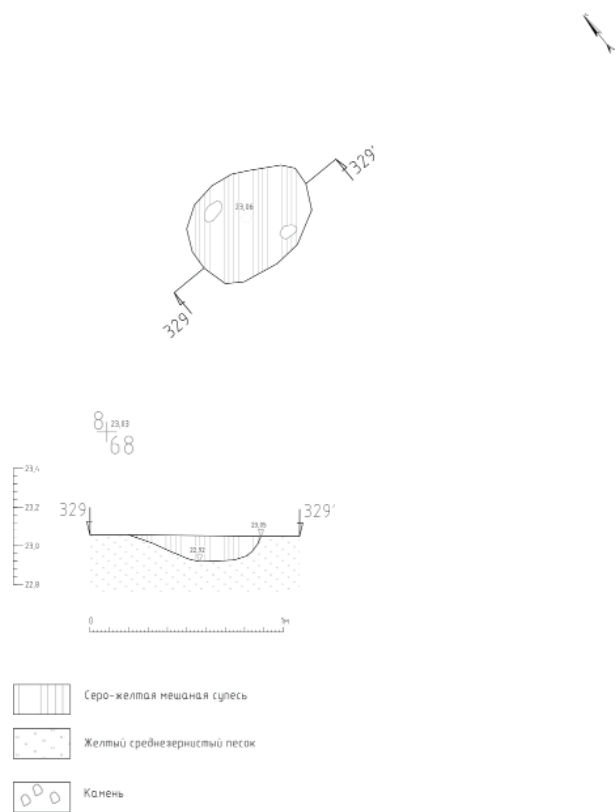

Рис. 84. План и разрез ямы 329

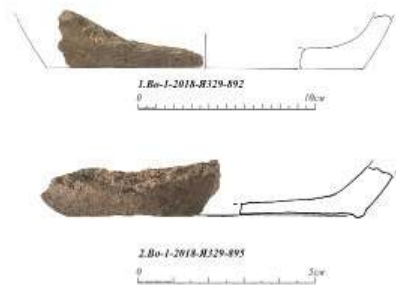

Рис. 85. Фрагменты керамических сосудов из ямы 329

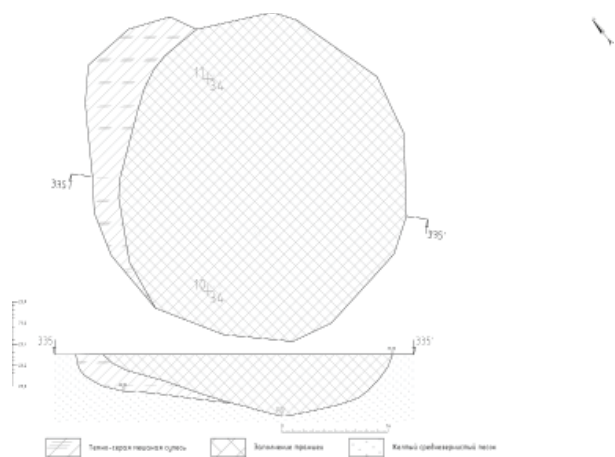

Рис. 87. План и разрез ямы 335

Рис. 88. Фрагменты керамических сосудов из ямы 335

Рис. 86. Стратиграфический разрез ямы 335

Рис. 89. Стратиграфический разрез ямы 343

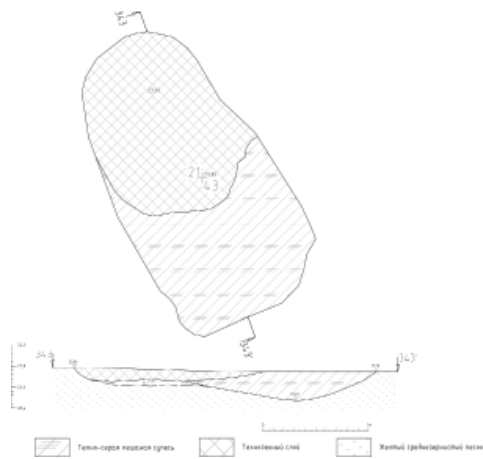

Рис. 90. План и разрез ямы 343

Рис. 91. Развал керамического сосуда из ямы 343

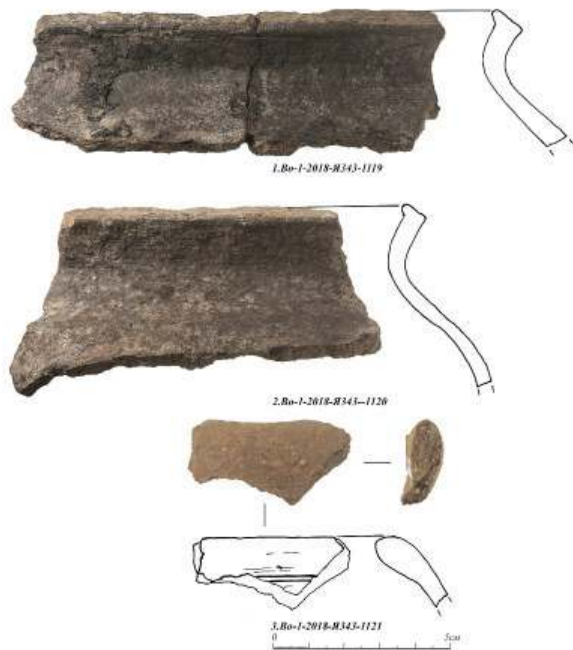

Рис. 92. Фрагменты керамических сосудов из ямы 343

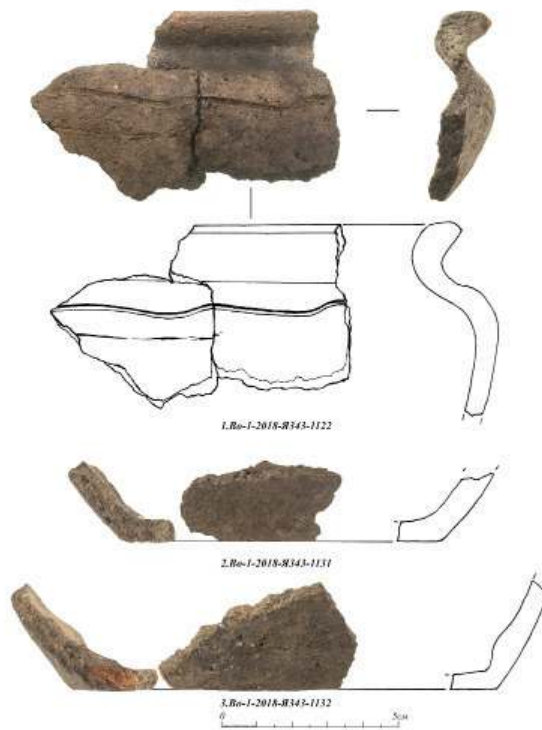

Рис. 93. Фрагменты керамических сосудов из ямы 343

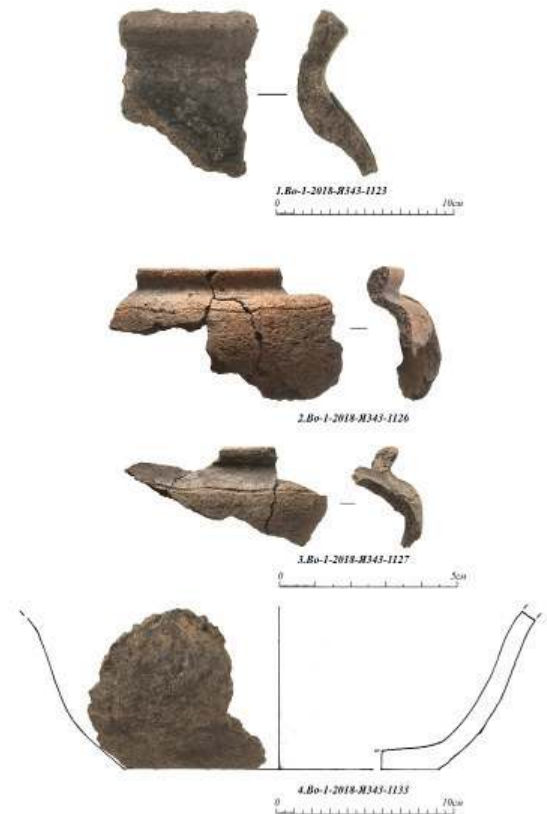

Рис. 94. Фрагменты керамических сосудов из ямы 343

Рис. 95. Стратиграфический разрез ямы 374

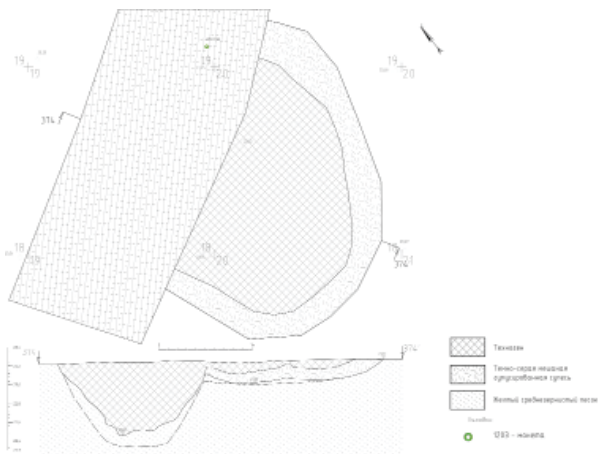

Рис. 96. План и разрез ямы 374

Рис. 97. Фрагмент керамического сосуда из ямы 374

Рис. 98. Стратиграфический разрез ямы 383

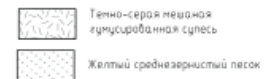
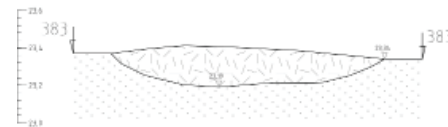
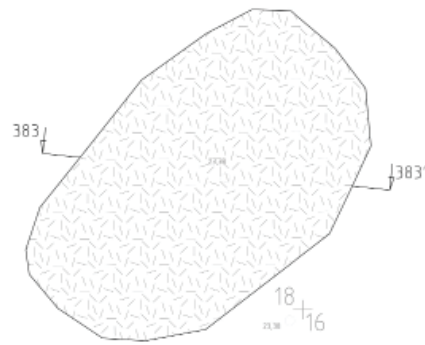

Рис. 99. План и разрез ямы 383

Рис. 100. Фрагменты керамических сосудов из ямы 383

Рис. 101. Общий вид ямы 417

Рис. 102. Стратиграфический разрез ямы 417

Рис. 104. Фрагменты керамического сосуда из ямы 417

суда. Тесто, как правило, плохо промешанное, часто черепки в изломе трехцветные, из примесей выделяется песок и дресва, последняя встречается иногда в больших количествах. Венчики в основном отогнутые наружу, с утолщением, диаметром от 20 до 30 см. Время бытования основной массы подобных сосудов можно отнести к XV–XVI вв.

Изделия из черного металла

Ножи. Коллекция насчитывает восемь экземпляров, найденных в ямах 1, 2, 282, 323, и костяной bolster, найденный в яме 282. Шесть из них – это длинные и узкие ножи с прямой спинкой и симметричными уступами у черенка. Черенки клиновидной формы, четырехугольные в сечении. На некоторых черенках сохранились остатки деревянной рукоятки. Средняя длина ножей 12–15 см,

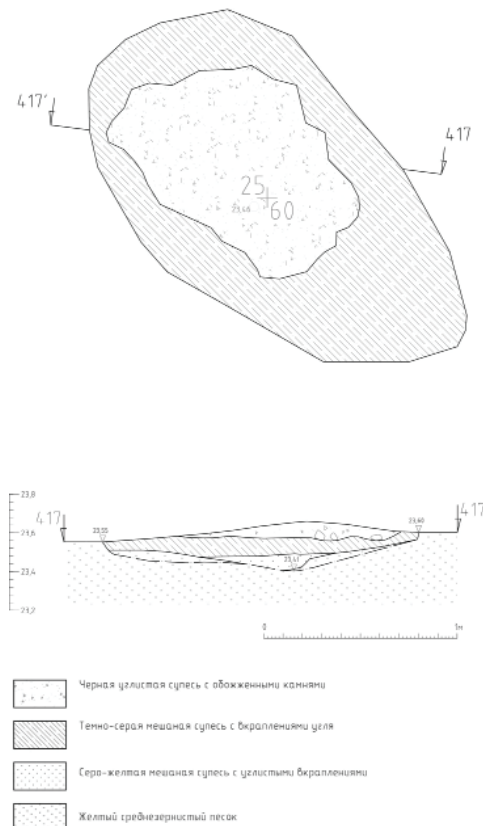

Рис. 103. План и разрез ямы 417

лезвия 7–10 см, ширина до 2 см, толщина спинки около 0,5 см. Два ножа другого типа: более узкие (1,3 см) и длинные (сохранившиеся части 15 и 17 см) с остатками непрофилированной деревянной рукояти, с заклепками из цветного металла и металлическим bolsterом (рис. 105).

Помимо ножей также найдены замок, ключ, наконечник стрелы и язычки от пряжек (рис. 106).

Пряслица

Коллекция насчитывает восемь экземпляров, найденных в ямах 1, 2, 282, 323. Представлены как готовыми изделиями, так и заготовками. В основном выполнены из камня (шифера, песчаника), одно – из стенки керамического сосуда. Диаметр от 2,5 до 3,8 см. Наибольший интерес вызывает овручское пряслице из ямы 1, выполненное из розового шифера. Подобные пряслица были распространены в домонгольскую эпоху и производились на территории современной Украины (рис. 107).

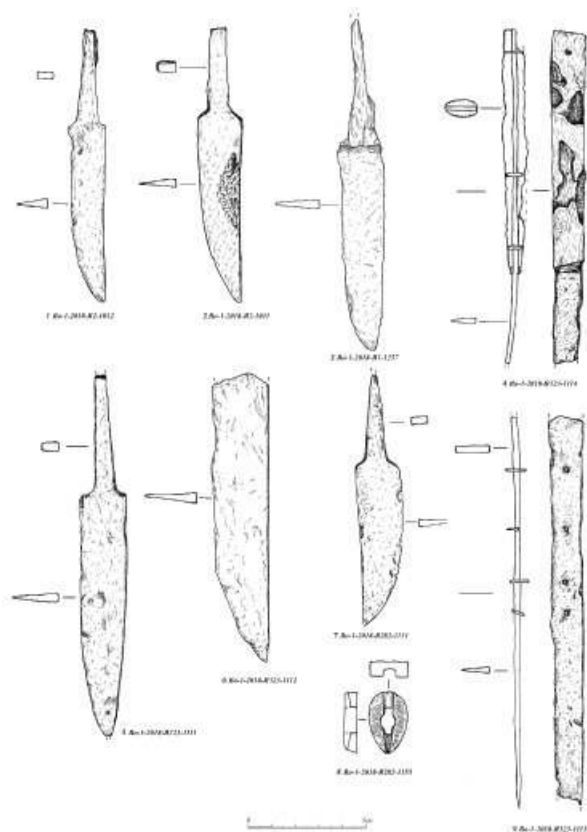

Рис. 105. Железные ножи и костяной bolster из ям, связанных с производственным комплексом

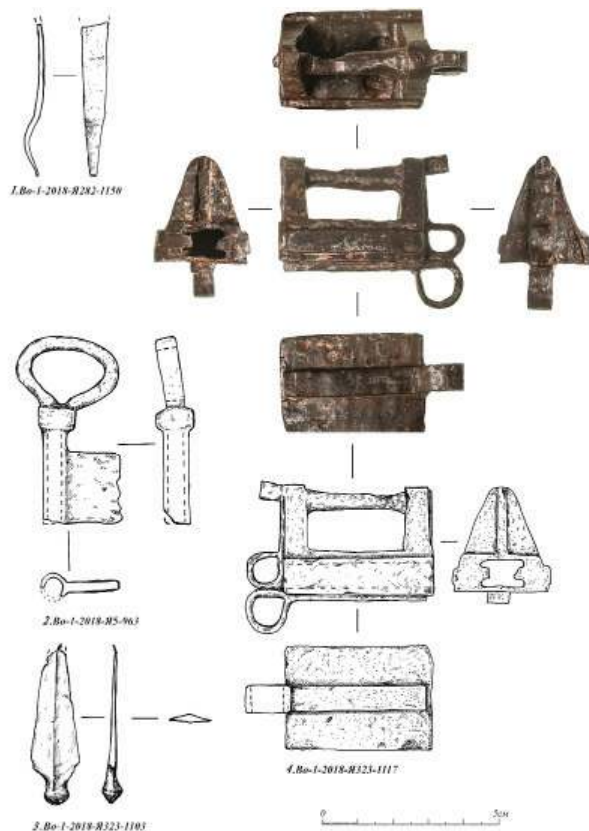

Рис. 106. Железные изделия из ям, связанных с производственным комплексом

Керамические сопла

Всего найдено три фрагмента керамических сопел в ямах 279, 294, 326. Внутренний диаметр 1,7–2,5 см, внешний 7 см. Эти находки вместе с большим количеством шлака, зафиксированным в некоторых ямах, свидетельствуют о существовании на памятнике кузнечного производства (рис. 45).

Изделия из цветного металла

Представлены как украшениями (ложновитой перстень, крест-тельник), так и различными предметами быта: иголками, пуговицами, различными пластинами и накладками (рис. 108).

Подводя итог, необходимо упомянуть несколько моментов, связанных с исследованным комплексом ям.

1. Среди исследованных объектов отсутствуют остатки жилых или хозяйственных построек. Возможно, они были уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории в Новое время или в ходе снятия верхних слоев при строительстве автодороги. Однако в зоне

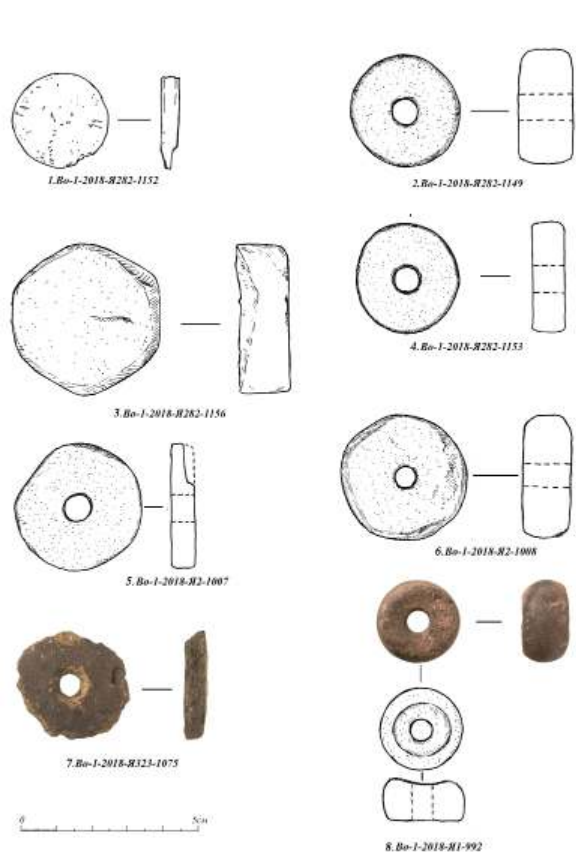

Рис. 107. Пряслица из ям, связанных с производственным комплексом

Рис. 108. Изделия из цветного металла из ям, связанных с производственным комплексом

распространения хозяйственных ям отсутствуют и столбовые ямы, обычно в большом количестве присутствующие на селищах этого времени.

2. Расположение почти всех описанных ям компактное, вместе с особенностями их заполнения (большое количество угля, обожженных камней и шлака), а также находками фрагментов керамических сопел в некоторых ямах, позволяет предположить, что в ходе работ были исследованы остатки производственного комплекса, связанного в том числе с металлообработкой.

3. Подобные комплексы, как правило, располагались на периферии жилой зоны или в небольшом удалении от нее, т. е. в непосредственной близости от места исследований можно ожидать наличия поселения соответствующего времени.

4. На основании предварительного анализа комплекса вещей хронологические рамки существования исследованного производственного комплекса – XIV–XVI вв. О том же свидетельствует и радио-

углеродная датировка угля из ямы 325 – 620±90 (Le-11851), т. е. 1242–1445 гг. (94,6 %). В то же время нельзя исключить, что начало бытования комплекса относится и к более раннему времени, о чем свидетельствует находка овручского пряслица.

Источники и литература

Васильев Ст. А., 2016. Отчет о проведении полевого археологического обследования с целью актуализации сведений и уточнения границ территорий объектов археологического наследия во Всеволожском, Ломоносовском и Тосненском районах Ленинградской области в 2014 году. СПб.

Семенов С. А., 2010. Отчет о научно-исследовательских охранных археологических исследованиях (разведках) по теме: «Археологические охранные исследования (разведки) на земельном участке по строительству скоростной автомобильной

дороги Москва–Санкт-Петербург на участке км 570 – км 684 в Ленинградской области и Санкт-Петербурге». СПб.

Славская К. В., 2002. Особенности геологического строения бассейна р. Ижоры // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: Материалы 13-й международной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 26–30 декабря 2002 г.). СПб. Секционное заседание «Проблемы географии, геоэкологии, стратиграфии и палеонтологии».

Находки чашечных камней на северо-западе Ижорской возвышенности в апреле–мае 2019 г.

В. Г. Мизин

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-41-49

История вопроса

Камней с чашевидными углублениями (sur-marked stone) на территории Ленинградской области по состоянию на 2018 г. известно примерно 44 (Мизин, 2018. С. 243–280). Большинство подобных камней было выявлено на Карельском перешейке, и только три из них относятся к Ижорской возвышенности. Первый чашечный камень на Ижорской возвышенности был открыт в 2005 г. П. Мирошниченко и Т. Хмельник у д. Куммолово, позднее автором этой статьи было зафиксировано еще два чашечных камня в Волосовском районе. Все эти камни представляли собой отдельные находки, находящиеся вне местного контекста (фольклорного, исторического и т. п.) и не являющиеся частью какой-либо схемы распространения подобных памятников. При этом на северо-западе Ижорской возвышенности фиксировались сведения о культовых камнях других типов, например следовиках (камнях с углублениями в форме следа человека или животного), о которых сохранились фольклорные свидетельства. Кроме них в данном регионе было выявлено несколько камней без признаков человеческого участия, с которыми также связан местный фольклор, и два камня с плоскими крупными углублениями, один из которых также упоминался в фольклоре. Из всех перечисленных объектов только следовики можно соотнести с известным местным контекстом Средневековья и Нового времени (фольклорные сюжеты, локализация вблизи других почитаемых объектов и т. д.). Таким образом, находка семи чашечных камней на северо-западе Ижорской возвышенности в апреле–мае 2019 г. открывает новый, ранее неизвестный сегмент распространения культовых камней в этом регионе.

Описание находок

Чашечный камень Юрьево-1

Расположен в поле, слева от дороги, ведущей к ур. Гостилово, в 200 м к востоку от д. Юрьево (Ломоносовский район). Камень представляет собой гранит рапакиви красного цвета (рис. 1), ориентированный высокой частью на север, низкой на юг. Поверхность камня плоская, наклоненная к югу в виде своеобразной «ступени». Высота камня 0,8 м, длина 3,5 м, ширина 2,5 м. В северной, возвышенной части камня выявлено три чашечных углубления (рис. 2). Размеры чашек: глубина 1,5–3 см, диаметр от 6 до 9 см. Одно из чашевидных углублений располагается на самой вершине камня, которая имеет повреждение породы, частично разрушившее чашку. Помимо чашечных углублений и следов нарушения породы в северной части, в центральной части камня имеются отверстия от шпура, что указывает на то, что в XVIII–XX вв. была предпринята попытка расколоть этот камень, которая по какой-то причине не состоялась.

Чашечный камень Юрьево-2

Второй выявленный чашечный камень располагается примерно в 800 м на восток от д. Юрьево, между д. Юрьево и ур. Гостилово, справа от дороги, в поле. Размеры камня 2,7 × 2,5 м, высота 0,7 м. Камень представляет собой блок гранита рапакиви красного цвета (рис. 3). На верхней плоскости камня зафиксировано три явных чашечных углубления и одно предположительное углубление неясного происхождения. Чашки тяготеют к северной части камня, обращенной к глинту (рис. 4). Также на поверхности камня, в непосредственной близости к чашкам имеются следы разрушения породы, также, возможно, уничтожившие часть чашек. Размеры выявленных чашек: глубина 1,5–3 см, диаметр 6–8 см.

Рис. 1. Общий вид чашечного камня Юрьего-1

Рис. 3. Общий вид чашечного камня Юрьего-2

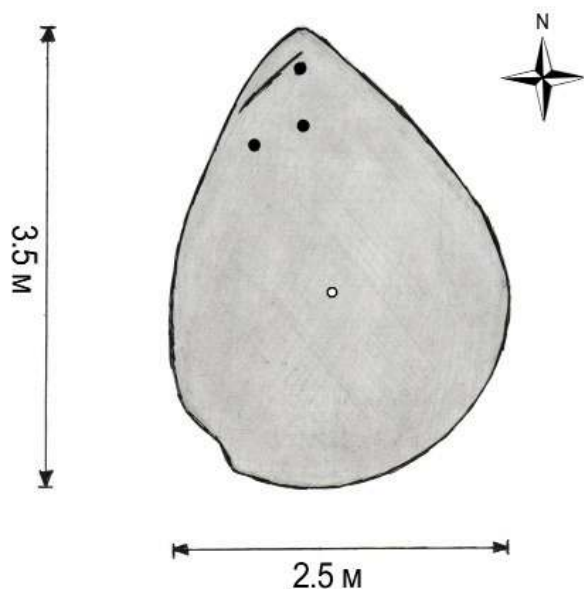

Рис. 2. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Юрьего-1

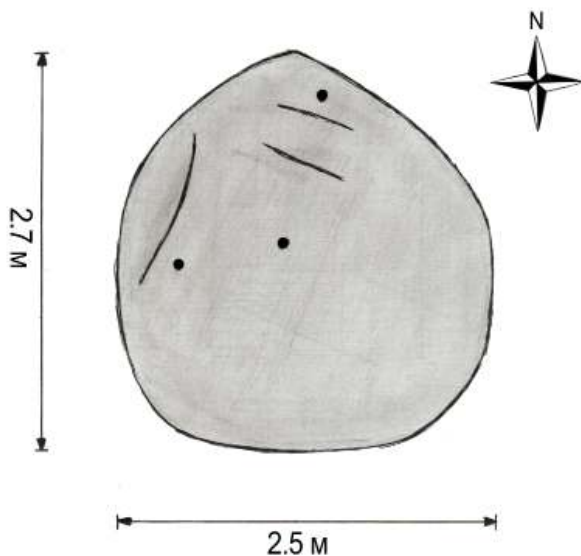

Рис. 4. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Юрьего-2

Чашечный камень Ивановское-1

Третий чашечный камень располагается в 400 м на юго-восток от кладбища у д. Ивановское (Ломоносовский район), в поле. Размеры камня 2,6 × 2,7 м, высота 1,2 м. Порода камня: гранит рапакиви красного цвета (рис. 5). На верхней поверхности камня зафиксировано 41 чашечное углубление (рис. 6). Чашки располагаются по всей поверхности камня, однако их наибольшая концентрация тяготеет к северной возвышенной части камня, обращенной в сторону Копорья, в южной части отмечено всего несколько углублений. Особенностью камня является наличие пары сдвоенных чашек. Минимальные размеры чашек стандартны, максимальные размеры: глубина 4 см, диаметр 9 см. В восточной части камня имеется поврежденная геодезическая метка с читаемой надписью «ориент...», вблизи нее, а также среди

чашек, ближе к центру валуна, зафиксированы два отверстия от шпура, аналогичные найденным ранее на чашечном камне Юрьего-2, что указывает на попытку разрушить камень в историческое время (XVIII–XIX вв.). По количеству чашечных углублений этот валун находится на втором месте в Ленинградской области, после камня у д. Ольховка (Приозерский район), на котором выявлено 42 чашки.

Чашечный камень Подмошье-1

Четвертый чашечный камень расположен в 480 м на юго-восток от восточной окраины д. Подмошье (Ломоносовский район), камень находится в обваловке старой силосной ямы, среди убранных с поля валунов (рис. 7). Камень представляет собой «менгир» (высота больше ширины), на верхней части которого выбито девять чашечных

Рис. 5. Общий вид чашечного камня Ивановское-1

Рис. 7. Общий вид чашечного камня Подмошье-1

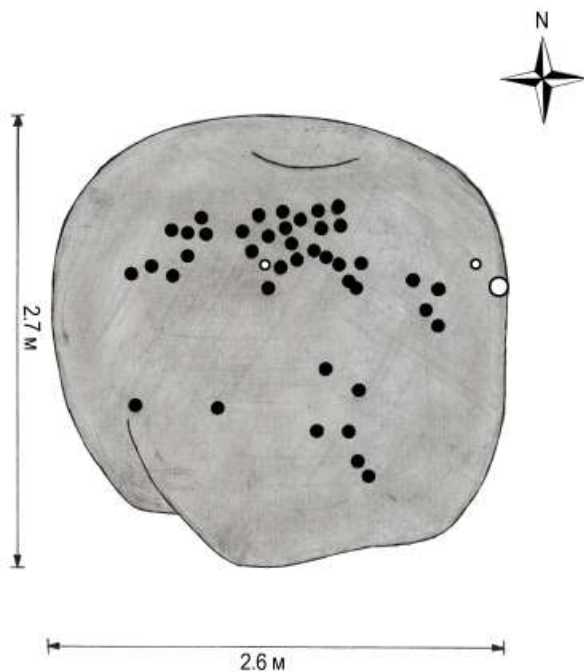

Рис. 6. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Ивановское-1

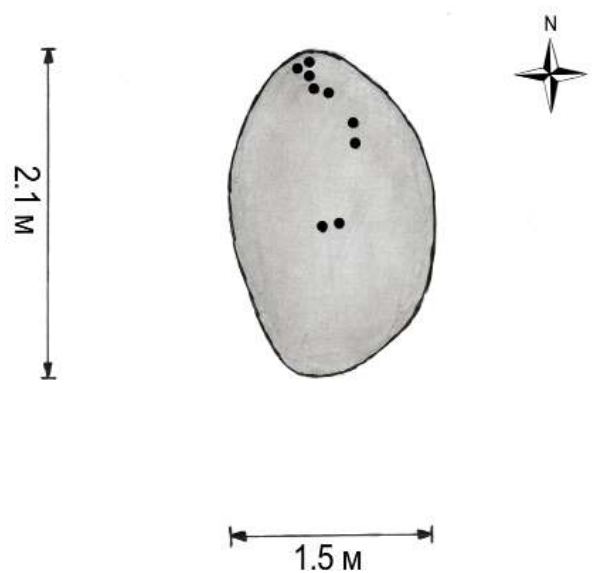

Рис. 8. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Подмошье-1

углублений (рис. 8). Размеры камня $2,1 \times 1,5$ м, высота 1,7 м. Максимальные размеры чашек: диаметр 8 см, глубина 3 см. Расположение чашек, также как и в предыдущих случаях, тяготеет к северной части камня. Местонахождение камня среди собранных с поля валунов позволяет сделать два допущения: камень мог быть передвинут с первоначального места, однако при этом по каким-то причинам не был повален, о чем говорит характерное нахождение чашек на верхней поверхности, либо нынешнее место камня является исходным, и прочие валуны были сдвинуты к не-

му, но при этом варианте общая исходная высота камня будет выше 2 м. В целом вопрос об исходном местоположении данного камня и его возможном перемещении остается открытым.

Чашечный камень Климотино-1

Камень располагается в поле, в 215 м на восток от южной окраины д. Климотино (Ломоносовский район). Размеры камня $2,1 \times 1,7$ м, высота 0,7 м. Плоскость камня возвышается ступенью, ориентированной с юга на север (рис. 9). Расположение чашек тяготеет к северной, возвышенной части камня. Общее количество углублений 9 шт., два из них сдвоенные, аналогичные зафиксированной паре на камне Ивановское-1 (рис. 10). Максимальные размеры чашек: глубина 4 см, диаметр 9 см.

Рис. 9. Общий вид чашечного камня Климотино-1

Рис. 11. Общий вид чашечного камня Удосолово-1

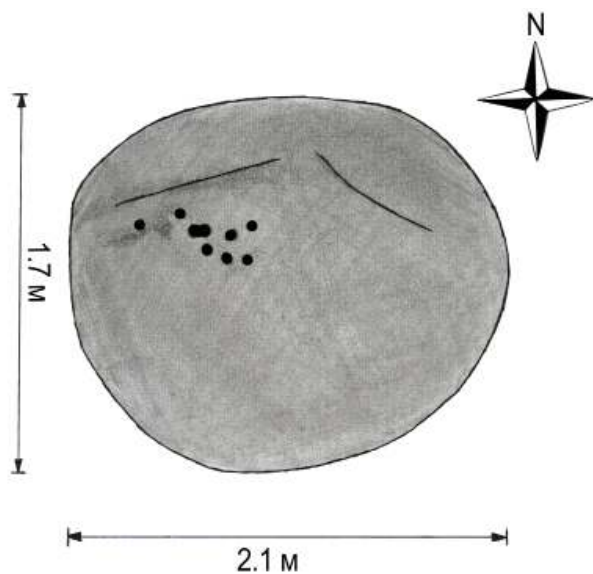

Рис. 10. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Климотино-1

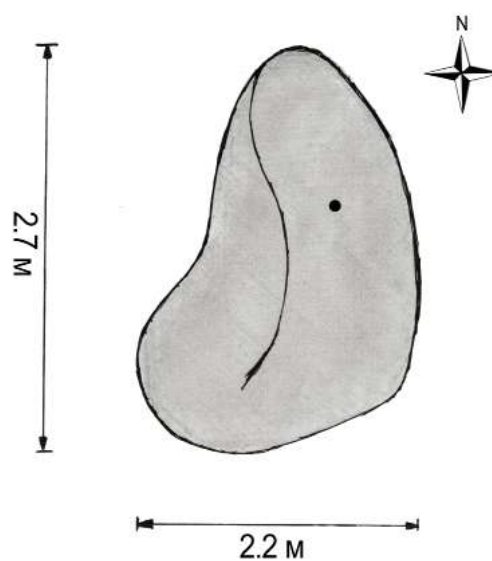

Рис. 12. Зарисовка расположения чашки на чашечном камне Удосолово-2

Чашечный камень Удосолово-1

Камень в поле, на западной окраине д. Удосолово (Кингисеппский район), в 90 м от ближней постройки 2019 г. Размеры камня $2,7 \times 2,2$ м, высота 1,3 м. Порода камня: гранит рапакиви. Поверхность камня представляет собой гребень, ориентированный примерно с юга на север, имеющий максимальное возвышение в южной части валуна (рис. 11). Единственная чашка расположена в центральной части камня, на локальном возвышении, но не на самой высокой его точке и не на северной части камня (рис. 12). Размеры чашки: глубина 1,5 см, диаметр 7 см.

Чашечный камень Удосолово-2

Камень расположен в 380 м на северо-восток от северной окраины д. Удосолово. Размеры камня:

$3 \times 2,8$ м, высота 1,2 м. Камень представляет собой гранит рапакиви красноватого цвета, рассеченный горизонтальной трещиной в западной части (рис. 13). Раскол формирует «ступеньку» породы в структуре камня. На вершине камня зафиксировано 18 чашечных углублений, тяготеющих к северной возвышенной его части (рис. 14). Следует отметить, что углублений может быть больше, поскольку поверхность камня подверглась эрозии. По сравнению с чашечниками, известными на острове Гогланд и у д. Ольховка (Приозерский район), чашки на этом камне производят впечатление достаточно «древних», поскольку они подверглись сильному выветриванию и практически полностью покрыты накипными лишайниками. Размеры чашек стандартные: глубина 1–2 см, диаметр 6–8 см.

Рис. 13. Общий вид чашечного камня Удосолово-2

Рис. 15. Поле возле глинта у пос. Копорье: под тонким слоем почвы залегает известняк

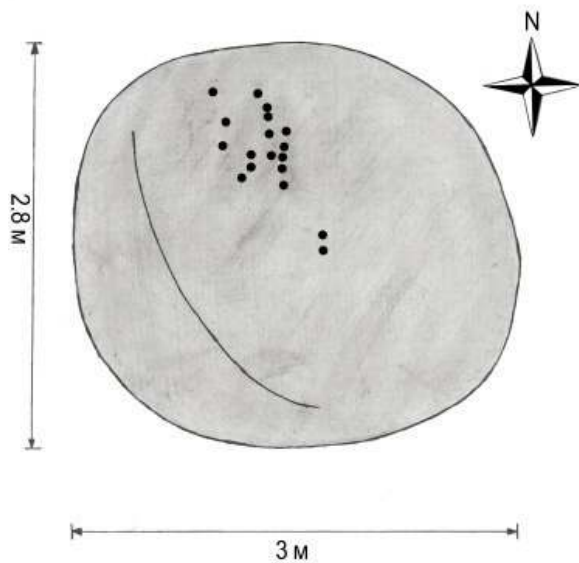

Рис. 14. Зарисовка расположения чашек на чашечном камне Удосолово-2

Выявление контекста

Зафиксированные семь чашечных камней располагаются на расстоянии около 17 км вдоль северо-западного склона Ижорского глинта. Этот факт указывает на проживание в определенный исторический период на данной территории условных «носителей традиции изготовления чашек». Расположение чашечников на полях однозначно указывает на сельскохозяйственную культуру. Предварительно можно отметить, что расположение чашечников скорее всего тяготеет к схеме «один камень на поле», где границами полей являются овраги, реки, ручьи. Ни в одном случае не выявлено два камня вблизи на одном поле. В данной местности имеются поля с очень тонким слоем почвы, ниже которого залегает известняк (рис. 15).

Этот факт может указывать на то, что данные поля можно отнести к реликтовым, т. е. никогда не зараставшими лесом. Ключевыми вопросами датирования выявленных чашечных камней будут соотнесение с местным археологическим контекстом и сравнение с ближайшими аналогами. В данной ситуации ответы на эти два важных вопроса оказываются взаимосвязанными, что позволяет сделать убедительные выводы о времени и культуре носителей традиции чашечных камней в этой местности. При рассмотрении ближайших аналогов чашечных камней, расположенных в Эстонии, можно увидеть ряд пересечений, явно указывающих на сходство. Так, в обоих случаях расположение чашечных камней тяготеет к глинту (Малаховский, Грейсер, 1987. С. 94–98; Tvauri).

В работе эстонского исследователя чашечных камней А. Тваури есть следующее описание природного и исторического контекстов чашечников северной Эстонии: «Наблюдая распределения чашечных камней в ландшафте, мы увидим, что более 95 % эстонских камней расположено на прежних или теперь используемых полях, областях заготовки сена, пастбищах, домашних садах или пустошах. Мы должны принять во внимание, что существующие пустоши – главным образом поля и пастбища, заброшенные во вторую половину текущего столетия. Только несколько чашечников могут быть найдены в лесах. Конечно, намного легче найти такие камни на открытом пространстве, полях и пастбищах. С другой стороны, нельзя не заметить систематическую нехватку чашечных камней в областях новых деревень, возникших в Средневековье или в более поздние периоды. Таким образом, в Эстонии чашечные камни, прежде всего, расположены в древнем, предысторически

использовавшемся культурном ландшафте». «Древние фермеры предпочитали земли, легко пригодные для обработки, с тонким слоем перегноя, также с довольно редким лесом. Разреженность лесов, возможно, также способствовала первому и очень раннему культивированию этих областей... Фермеры того времени часто истощали почвы с тонким слоем перегноя на известняке, таким образом первоначально плодородные земли становились бесплодными после короткого периода интенсивного культивирования». «В северной и западной Эстонии чашечники часто находят близко от таранд римского железного века (50–450 гг. н. э.), тогда как в южной Эстонии и северной Латвии никакие чашечные камни вообще не найдены близко от таранд» (Tvauri).

Археологические находки последних лет также выявили в северо-западной части Ижорской возвышенности следы культуры римского железного века (Сакса, 2014. С. 153–157; Михайлова и др., 2015. С. 107–122; Юшкова, 2015а. С. 187–198; Юшкова, 2015б. С. 167–169). Соответствие распространения найденных чашечных камней с находками римского времени в северо-западной части Ижорской возвышенности (рис. 16), а также ряд параллелей с чашечными камнями в северной Эстонии позволяют сделать обоснованный вывод о принадлежности «чашечной традиции» к общей земледельческой культуре, существовавшей в Эстонии и западной части Ижорской возвышенности. Исходя из этого, выявленные чашечники с большой степенью вероятности могут быть датированы первой половиной I тыс. На данный момент эти камни являются первыми «культурными» камнями на территории Ленинградской области, которые

Рис. 16. Карта соотношения археологических находок римского времени (I тыс.) (черные отметки) и выявленных чашечных камней (белые отметки) на северо-западе Ижорской возвышенности

соотносятся с археологической культурой, существовавшей в эпоху римского железного века.

Технологические моменты

Все найденные чашки высечены на гранитных валунах рапакиви. Это не лучшая порода для нанесения изображений, поскольку ее поверхность подвержена эрозии. Поверхность многих чашек на этих камнях имеет ту же степень выветривания, что и природная поверхность камня (рис. 17). Вместе с высокой степенью зарастания чашек лишайниками, это может указывать на большую древность углублений (рис. 18). В выборе для изготовления чашек именно камней рапакиви есть и еще один нюанс – рапакиви это не только самая подверженная эрозии структура камня, но и наиболее легко поддающаяся обработке. Этот важный нюанс, несомненно, может указывать на технологические ограничения, имевшиеся у изготовителей чашек, так как они не имели возможности работать с более прочными и моно-

Рис. 17. Крупный план чашки № 2 на чашечном камне Юрьево-2, заметны следы выветривания породы вокруг чашки

Рис. 18. Заросшие накипными лишайниками чашки на камне Подмошье-1. Контуры чашек обведены мелом

литными камнями. Это особенно заметно, если сравнить данные камни с чашечниками на острове Гогланд и у д. Ольховка. В обоих этих местах порода не являлась проблемой для изготовления чашек, углубления наносились на камни различных пород, цветов, степени монолитности и т. д. Этот факт может указывать на бóльшую древность чашечников северо-запада Ижорского плато по сравнению с другими подобными памятниками на территории Ленинградской области, создатели которых не имели технологических ограничений при работе с различными валунами. Если учесть, что общий технологический уровень народов, населявших территорию Ленинградской области в Средневековье, был примерно одинаковым, ориентированным на инструментарий, изготовленный из болотной руды, то, судя по технологическим ограничениям, следует признать выявленные чашечники более древними, возможно, создававшимися еще каменными инструментами.

Идеологические моменты и возможная интерпретация

Ряд особенностей выявленных камней позволяют сделать определенные выводы о возможных нюансах, связанных с мировоззренческими представлениями изготовителей чашек. Следует заметить, что количество валунов рапакиви в данной местности гораздо больше, различного размера и формы, расположенных на полях, склонах и т. д., но чашками отмечены далеко не все. Возникает предположение о выборе конкретной категории камней для чашек, валунов, обладающих определенными особенностями. В первую очередь имела значение человекоразмерность выбранных камней, так, на крупнейших валунах округа – Петровицком (ур. Петровицы, Ломоносовский район) и Русиче (д. Ломаха, Ломоносовский район) – чашек не выявлено. Все камни с чашками обладают более-менее соотносимыми с человеком размерами и удобны для изготовления чашек. Также чашки не обнаружены на валунах рапакиви, расположенных на склонах, в оврагах и т. п., что указывает на важность положения выбранного камня именно на поле. Практически у всех камней с чашками (кроме чашечного камня Удосолово-1) есть одна характерная особенность формы – чашки тяготеют к северной возвышенной части камней (рис. 19). Следует также отметить, что в ряде случаев на Карельском перешейке присыпанные к валунам каменные кучи также ориентированы на север (Сакса, 2010. С. 218).

Нахождение выявленных камней на полях, аналогичное подобному в Эстонии и на Карельском перешейке Ленинградской области, указывает на

Рис. 19. Пример расположения чашек в северной части чашечного камня Удосолово-2. Контуры чашек обведены мелом

земледельческую культуру создателей этих памятников. Связь чашечников с условным «культуром плодородия» в этом ключе выглядит вполне логичной. При этом тяготение в расположении чашек именно к возвышенным северным частям валунов также может указывать на «культ предков». Связь чашек с поминовением умерших фиксировалась в Эстонии, а само направление на север у народов северной Европы ассоциировалось с потусторонним, миром предков, на что указывают не только фольклорные свидетельства, но и данные археологических раскопок. Например, при раскопках более поздних, средневековых курганов, проведенных Н. К. Рерихом на Ижорской возвышенности, в ряде случаев также была выявлена ориентация труположений на север. На примере рассмотренных памятников эти две, кажущиеся различными, гипотезы, вполне могут быть объединены в одну. У многих архаичных народов ушедшие предки являлись защитниками живых от различных неприятностей. Вполне логично, что у древних земледельцев в условиях северной Европы именно «помощь предков» должна была обеспечить защиту от неурожая, приносимых с севера холодов и т. п. В статье А. Тваури связь

чашечников с культом предков подвергается сомнению «...поскольку чашечные камни иногда располагаются очень далеко от поселений и мест погребения». Однако в рамках предложенной гипотезы это противоречие снимается, поскольку поминание предков подразумевается в местах, где это было востребовано.

Следует рассмотреть и другой вариант – не могли ли эти чашки быть местами жертвоприношений каким-либо духам природы? Теоретически это также возможно, но в таком случае, если это приношения, предназначенные каким-либо потусторонним силам, связанным с севером, то они должны быть унифицированы, как это наблюдается в более поздних камнях следовиках. При этом на чашечниках нет унификации, все чашки располагаются хаотично и различного размера. Именно этот нюанс будет скорее свидетельствовать в пользу «индивидуальности» культа предков. Необходимо отметить, что небольшая часть чашек выбивалась и в южной части камней. Это может указывать как на занятость северной части, что и фиксируется, так и на символичность ориентации перед важностью нанесения чашки именно на этом камне (наличие традиции, упрощение ее со временем).

В данной связи представляет интерес особенность чашечного камня Удосолово-1. Этот валун имеет гребень, ориентированный почти по линии северо-юг, возвышение находится в южной части камня, а единственная чашка расположена на втором по высоте выступе, в центре валуна. Также представляют интерес серьезные разрушения породы на камнях Юрьево-1 и Юрьево-2. Гранит рапакиви – далеко не пример прочности, но в данных случаях разрушения касаются плоскости расположения чашек. Возможно, что в какое-то время эти объекты пытались уничтожить как языческие. Подобное могло произойти в XVI–XVII вв. Однако при этом остается открытым вопрос о продолжении традиции использования чашек до этого периода.

Поиск возможных фольклорных упоминаний

Фольклор, упоминающий те или иные почитаемые объекты в данном районе, достаточно хорошо известен, однако в опубликованных источниках и доступных автору полевых записях нет ни одного прямого указания на чашечные камни. С одной стороны, это может показаться странным для издревле населенных окрестностей Копорья, с другой, может указывать на большую древность чашечников относительно других подобных объектов (следовиков). В опубликованных работах удалось найти всего два косвенных свидетельства, возможно, указывающих на камни-чашечники в рассматриваемом регионе:

1) «был богатырь, хотел этими камнями крепость разрушить... не дошел до крепости, оставил камни там» (Конькова, 2009. С. 35). Несмотря на то, что в этой старинной легенде чашки прямо не упоминаются, в ней есть пересечение с эстонскими преданиями о великанах, которые также кидали камни, после чего на этих камнях оставались отпечатки пальцев в виде чашек;

2) «а где-то (в Копорском приходе. – *Прим. авт.*) есть на камнях изображения, указывающие, что поблизости находится тайник с золотом и серебром. На камнях некогда высекли крест, когда-то серп, а еще: лошадиную подкову, человеческую ногу, утку, вилки, ложки, тарелки и тому подобное...» (Паулахарью, 2014. С. 83). Часть перечисленных изображений действительно можно соотнести с известными камнями на землях прихода Копорье. В этом перечне чашкам может соответствовать упоминание «ложек», поскольку как таковых изображений ложек на камнях неизвестно, при этом именно деревянная ложка для жителя деревни начала XX в. будет наиболее похожим на чашки бытовым предметом. Упоминание о кладках под или вблизи «отмеченных» камней является широко распространенной фольклорной интерпретацией каких-либо изображений на камнях («раз на камне есть знак, значит под ним что-то спрятано»).

Выводы

1. Чашечные камни на северо-западе Ижорской возвышенности формируют отдельный ареал памятников этого типа в Ленинградской области, являющийся вторым, после Карельского перешейка, по количеству выявленных объектов.

2. По сопутствующему природному и историческому контекстам выявленные чашечники могут быть обоснованно датированы первой половиной I тыс. и, таким образом, могут являться наиболее древними датированными «культовыми» камнями на территории Ленинградской области.

3. Осмотр найденных чашечных углублений позволяет сделать ряд выводов и предположений о технологических ограничениях и вероятных мировоззренческих представлениях их создателей.

4. Сделанные находки позволили увеличить общее количество известных камней-чашечников в Ленинградской области с 44 до 51 (на 15 %), чашечников Ижорского плато – с трех до 10 (в три раза).

5. Относительная массовость находок чашечных камней позволяет допустить высокую вероятность

в будущем новых открытий подобных памятников в западной и северной частях Ижорской возвышенности.

Источники и литература

- Конькова О. И., 2009. Предания и сказки Водского народа. СПб.
- Малаховский Д. Б., Грейсер Е. Л., 1987. Балтийско-Ладожский уступ // Геоморфология. М. № 1.
- Мизин В. Г., 2018. Чашечные камни на территории Ленинградской области // Культурные камни восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб.
- Михайлова Е. Р., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Федоров И. А., Шмелев К. В., 2015. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 5.
- Паулахарью М., 2014. Ингерманландия глазами Самули Паулахарью / Велоз экспедиция летом 1911 года. СПб.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия. СПб.
- Сакса А. И., 2014. Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Юшкова М. А., 2015а. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. СПб. № 21.
- Юшкова М. А., 2015б. Комплекс находок римского времени из могильника Малли в Ленинградской области (раскопки 2010–2013 гг.) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М.
- Tvauri A. Cup-marked stones in Estonia. Электронная версия: <http://www.folklore.ee/folklore/vol11/stones.htm>

Разведочные работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им Г. С. Лебедева СПбГУ в 2017–2019 гг.

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев, А. В. Бехтер

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-50-60

Значительную часть полевых археологических работ, ведущихся сотрудниками Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им Г. С. Лебедева СПбГУ, составляют археологические разведки. В настоящей статье публикуются наиболее важные результаты работ, проводившихся в 2017–2019 гг. на территории Ленинградской и Псковской областей, Санкт-Петербурга и Республики Карелия, ожидающие своего введения в научный оборот.

Работы на территории северных районов Псковской области – Плюсского и Струго-Красненского – были связаны с продолжающимся изучением памятников эпохи раннего Средневековья. В частности, были продолжены работы по обследованию и созданию цифровой модели местности комплекса памятников Которского погоста (Соболев, 2015; 2016).

Продолжая работы по локализации и обследованию средневековых погостов, наша экспедиция работала на территории средневекового Логовещенского погоста. Локализация Покровского Логовещенского погоста на месте села Логовеще/Луговещенье была предложена А. М. Андрияшевым еще в 1914 г. (Андрияшев, 1914). Археологические памятники в окрестностях села впервые были осмотрены в 1900 г. Н. Ф. Арепьевым, зафиксировавшим три группы погребальных насыпей и каменный крест в часовне. В своем отчете в Императорскую Археологическую комиссию исследователь отметил: «Эти земляные памятники накануне исчезновения, так как на месте их расположения будут строить» (Арепьев, 1900. Л. 15–18). Десять лет спустя учитель Л. А. Васильев передал в Кунсткамеру находки, приобретенные им у крестьян, а летом 1911 г. он получил Открытый лист и исследовал у села Логовеще семнадцать погребальных сооружений древнерусского времени

(Соболев, 2006). В 1927 г. памятники были осмотрены сотрудниками Палеоэтнологического отряда Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным, зарисовавшими курганы за церковью и снявшими с них план (Гроздилов, Чернягин, 1927а. Л. 8–13; 1927б. Л. 12–14) (рис. 1; 2). В конце 1950-х гг. в связи с расширением Струго-Красненского артиллерийского полигона, население деревни Логовеще и нескольких соседних деревень было переселено.

В 2017–2018 гг. было обследовано прежнее место дер. Логовеще и снят инструментальный план курганной группы у остатков церкви (Логовеще I). Курганная группа находится в 4,5 км к северо-востоку от перекрестка автодороги Лудони – Струги Красные и отходящей от нее на северо-восток лесной дороги, проложенной вдоль берега р. Курей из дер. Курья к шоссе Заполье–Плюсса, в 200 м к востоку от правого берега р. Курья, в сосновом лесу. Группа состоит из трех насыпей круглой формы, диаметром от 10–11 до 21 м и высотой от 0,6 м до 1,8 м, с ровиками по основанию. Памятник относится к культуре псковских длинных курганов. Насыпи курганов повреждены грабительскими ямами, вся местность вокруг них, к югу и востоку от развалин церкви, как и сами руины, несут на себе многочисленные следы незаконных раскопок. К северу и северо-западу от развалин церкви находится старое кладбище, в основном заброшенное и заросшее, однако некоторые могилы на нем посещаются и ухожены.

Еще две курганные группы, относящиеся к культуре псковских длинных курганов, были обследованы близ дер. Марьино Струго-Красненского района и в урочище Плюский мост на территории Плюсского района.

Курганная группа у дер. Марьино была обнаружена А. А. Иессеном в 1927 г., тогда же им

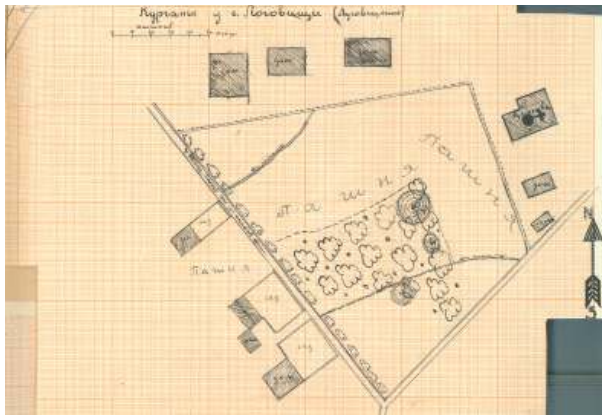

Рис. 1. План курганной группы у с. Логовец, снятый Н. Н. Черягиным и Г. П. Гроздиловым (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 105. Л. 11)

Рис. 2. Курган у с. Логовец. Рисунок Н. Н. Черягина (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 105. Л. 12)

был снят глазомерный план памятника (рис. 3). В 2017 г. был проведен поиск курганной группы. Поскольку историческая дер. Марьино, к которой привязана указанная группа, ныне не существует, а созвучная по названию дер. Марьино – центр Марьинской волости – расположена в 4 км к северо-востоку, у окраины поселка Струги Красные, полевым работам предшествовал анализ исторических карт и архивных планов, показавший, что искомая курганная группа располагалась на южном или юго-западном берегу оз. Стинец. Полевое обследование обнаружило группу из двух невысоких, округлых в плане насыпей в 0,55 км к северо-западу от шоссе Струги Красные – Рощелево, в смешанном лесу с густым подлеском, в 40 м от южного берега озера. Диаметр обеих насыпей около 8 м, высота – около 0,5 м; они густо поросли молодыми елками и кустарником.

Курганная группа Плюский Мост осматривалась в начале 1960-х гг. отрядом экспедиции по уточне-

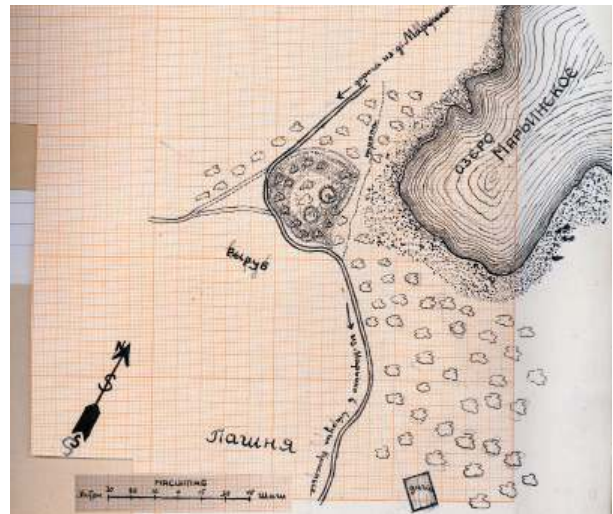

Рис. 3. План курганной группы у д. Марьино, снятый А. А. Иессеном (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 105. Л. 20)

нию места Ледового побоища (Потресов, Шолохова, 1966), в 1996 г. – Б. Г. Лычом. Группа находится в 3 км к югу от пос. Андромер, на краю древней старицы р. Плюссы, на левом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Плюссу, в смешанном лесу. Группа состоит из пяти насыпей круглой формы, диаметром от 6 до 20 м и высотой от 0,45 м до 1,8 м, по основанию некоторых курганов заметны заплывшие ровики. Ямы в вершинах двух курганов представляют собой заплывшие траншеи и наблюдательные пункты, ориентированные на северо-восток, т. е. в сторону советских оборонительных позиций. Западная часть кургана 3 почти полностью уничтожена большой ямой – возможно, танковой или орудийной позицией времен Второй мировой войны. Несмотря на то, что памятник известен с начала 1960-х гг., его топографический план был снят впервые (рис. 4).

Каменный крест зафиксирован на кладбище села Хмер (средневекового Хмерского погоста). Бывшее приходское кладбище расположено на высоком западном берегу Хмерского озера, между озером и автодорогой Плюсса – Струги Красные. В северной части кладбища, на локальном возвышении, сохраняются развалины Покровской церкви. В южной части кладбища местами заметны заросшие кустами и замусоренные остатки кладбищенской ограды, сложенной из необработанных гранитных валунов: считается, что здесь стояла деревянная Ризоположенская церковь. Здесь, под старыми елями, находится замшелый гранитный каменный крест, вросший в землю. Максимальная ширина верхней лопасти креста 22–23 см, высота креста над уровнем современной дневной поверхности –

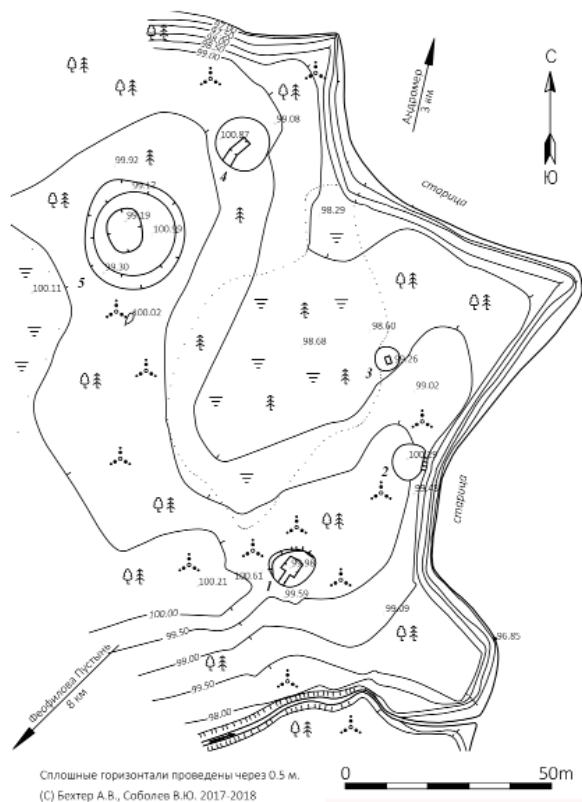

Рис. 4. План курганной группы в урочище Плюский мост. Съемка 2017–2018 гг.

25 см, толщина креста около 10 см. В средокрестии угадывается нечетко выбитое изображение шести- или восьмиконечного креста (рис. 5).

На территории Ленинградской области наиболее значимые работы были проведены в Лужском, Сланцевском и Волосовском районах.

В Лужском районе был подробно обследован комплекс могильников культуры псковских длинных курганов в районе д. Турово и Нелаи (Михайлова,

Рис. 5. Каменный крест на кладбище с. Хмер

Соболев, 2017). Впервые археологические памятники близ д. Турово (курганная группа Турово-1, Турово-2) выявил Ю. М. Лесман в 1977 г. (Лесман, 1985). В 1986 г. Н. И. Платонова обследовала памятники, выявленные Ю. М. Лесманом, а также обнаружила еще три одиночных кургана (Турово-3, Турово-4, Турово-5) поблизости от уже известных курганных групп. В том же году Н. И. Платонова в связи с находкой в окрестностях д. Турово биметаллического однолезвийного кинжала раскопала круглую насыпь (№ 1) в могильнике Турово-2 (Платонова, 1986. Л. 6–10).

В 1989 г. окрестности д. Турово были обследованы Е. М. Колпаковым, выявившим к востоку от ранее известных памятников еще ряд курганных групп и один одиночный курган (Турово-6–11), а также одиночный курган к северо-востоку от соседней д. Нелаи (Нелаи-2), без сомнения, также относящийся к описываемому скоплению могильников. Е. М. Колпаковым был составлен общий схематичный план всего комплекса памятников, а по результатам проведенных Е. М. Колпаковым разведок Л. Б. Вишняцкий составил паспорта памятников археологии и учетные карточки к ним.

В 2000–2003 гг., во время разведочного обследования берегов р. Луги, С. Л. Кузьмин выявил здесь еще группу из двух курганов и четыре одиночные удлиненные насыпи, а также два участка культурного слоя с древнерусской круговой керамикой и следы предполагаемого разрушенного курганно-жальничного могильника в д. Турово, на берегу Туровского озера. Сведения о вновь выявленных и повторно обследованных памятниках были поданы им в Департамент государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области, однако исследователь ввел для памятников комплекса Турово–Нелаи новую систему индексации, что осложняет работу с его материалами. Одновременно в 2003 г. С. А. Семенов в ходе работ по инвентаризации памятников археологии на территории Лужского района вновь обследовал памятники в окрестностях д. Турово, присвоив выявленным С. Л. Кузьминым индексы Турово 12–16, продолжающие ранее принятую нумерацию (Лапшин, Семенов, 2012. С. 11–13).

В 2017 г. памятники археологии в окрестностях д. Турово обследовались двумя экспедициями, скоординировавшими свои действия. Экспедиция ИИМК РАН (Ст. А. Васильев, С. А. Семенов) выполняла работы по инвентаризации объектов археологического наследия. Сотрудники ИИМК

РАН выполнили обследование и определение границ объектов археологического наследия для могильников и одиночных курганов Турово-1–5, расположенных к северу от д. Турово. Экспедиция СПбГУ продолжала полевые исследования памятников культуры длинных курганов с целью уточнения их расположения с применением современных методов фиксации, поиска соответствующих крупным могильникам поселений и создания уточненной карты раннесредневековых древностей Северо-Запада. В 2017 г. был составлен единый план комплекса памятников, упорядочена индексация ранее выявленных могильников (рис. 6). Были обследованы курганные группы Турово-6 и Турово-12, расположенные к северу от пунктов Турово-1–5, и курганные группы Турово-7–9, расположенные северо-восточнее деревни, близ лесной дороги к д. Мерехово, там же впервые выявлена курганная группа Турово-17, состоящая из трех низких аморфных насыпей (рис. 7).

В Сланцевском районе работы были сосредоточены в окрестностях г. Сланцы, где были, в частности, обследованы места могильников при деревнях Большие и Малые Поля и место находки монетного клада на берегу р. Плюсы; разведки велись также вокруг озера Долгого в верхнем течении р. Долгой, притока р. Луги.

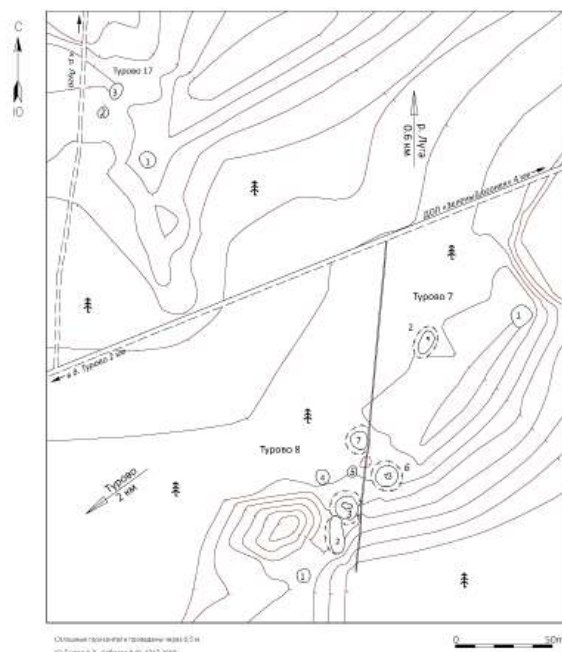

Рис. 7. Топографический план курганных групп Турово-7, 8, 17. Съемка 2017–2018 гг.

Погребальные памятники в деревнях Большие и Малые Поля (ныне вошедших в границы г. Сланцы) исследовались В. Н. Глазовым в 1898–1899 гг. (Спицын, 1903. С. 63–74). Согласно сведениям

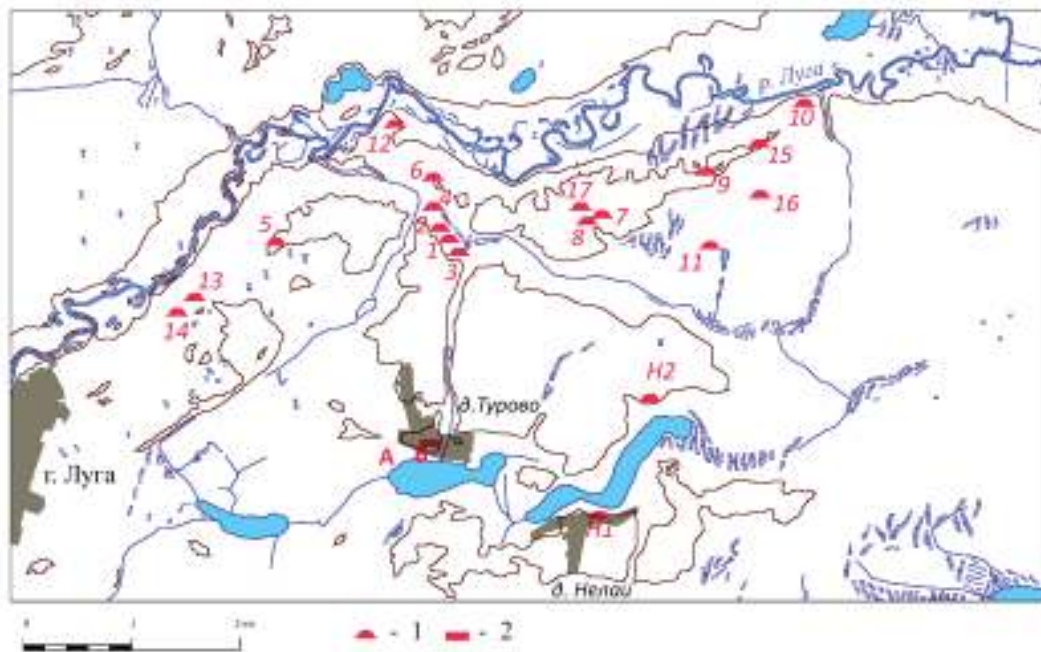

Рис. 6. Ситуационная схема комплекса памятников Турово–Нелаи. Номера на плане соответствуют обозначениям памятников в тексте статьи. Условные обозначения: 1 – курганы и курганные группы; 2 – курганно-жальничный могильник; А и Б – участки средневекового культурного слоя у д. Турово; Н – памятники у д. Нелаи

В. Н. Глазова, «жалыник» в д. Большие Поля располагался на левом берегу р. Плюссы и включал в себя 52 сохранившиеся жалыничные могилы, в основном прямоугольные, и 12 курганов, вытянутых цепочкой вдоль берега Плюссы над плитными ломками. В центре могильника располагалось старое кладбище (рис. 8). В 1898 г. исследователь раскопал здесь все курганы и 29 жалыничных могил. Могильник в д. Малые Поля располагался на правом берегу р. Плюссы, напротив могильника в Больших Полях, на низком возвышении на южном краю сухого оврага, выходящего к реке. И овраг, и берег Плюссы западнее могильника использовались крестьянами для плитных ломок. К моменту работ В. Н. Глазова могильник состоял из 11 курганных насыпей и шести жалыничных могил круглой и четырехугольной формы (рис. 9); однако местные крестьяне рассказывали исследователю, что прежде могил было гораздо больше, и на некоторых из них стояли каменные кресты, позднее свезенные в часовню. В. Н. Глазов раскопал могильник полностью, за исключением одного кургана.

Место могильника Большие Поля уверенно локализуется на местности благодаря тому, что упомянутое В. Н. Глазовым старое кладбище продолжает существовать. Оно занимает сложенную известняком локальную возвышенность на левом коренном берегу р. Плюссы к юго-востоку от современной д. Большие Поля.

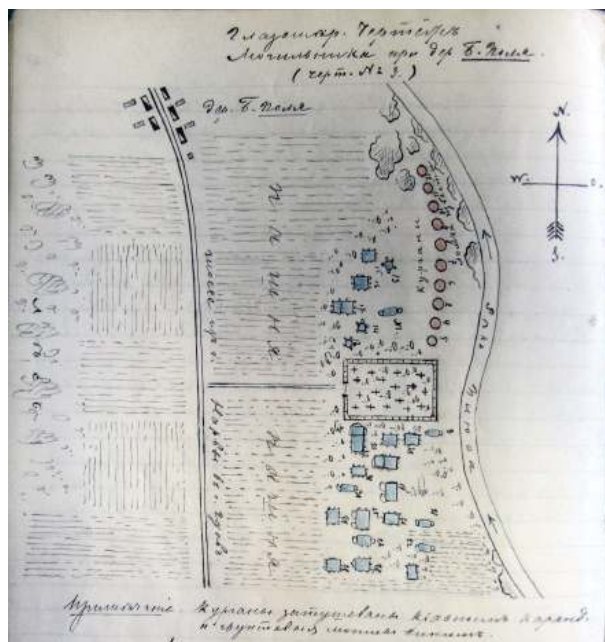

Рис. 8. Могильник при д. Большие Поля. План В. Н. Глазова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1898. № 49. Л. 29об.)

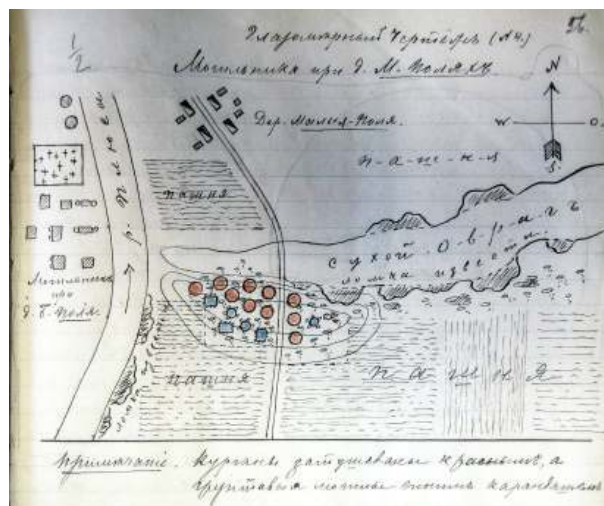

Рис. 9. Могильник при д. Малые Поля. План В. Н. Глазова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1898. № 49. Л. 56)

Согласно воспоминаниям старожилов, остатки жалыничных оградок из валунов сохранялись к северу от кладбища еще в 1980-х гг., однако к настоящему времени кладбище сильно разрослось, и обнаружить на его южном и северном краю следы жалыничных погребений не удалось. Вдоль всей территории кладбища по краю коренного берега сохранились следы ломки плитняка, отмеченной В. Н. Глазовым. Территория к югу от кладбища активно застраивается жилыми домами.

Место могильника Малые Поля удалось локализовать на местности благодаря сведениям местных жителей, указавших участок современной улицы Малопольская, проходящий по дну старого сухого оврага. Здесь же по краю правого берега р. Плюссы сохранились старые плитные ломки. Место утраченного могильника, таким образом, можно локализовать на участке южной бровки бывшего оврага, в настоящее время занятом распределительным электрощитом.

Клад серебряных монет, по сообщению А. Ю. Дорошенко был найден в 2014 или 2015 г. в д. Большие Поля, в поле на берегу реки. По описанию находчика, клад представлял собой лежавшую неглубоко в земле стопку из пяти монет. Благодаря усилиям А. Ю. Дорошенко, было определено точное место находки клада, а сами монеты поступили в Сланцевский историко-краеведческий музей. Все монеты представляют собой серебряные полтораки Сигизмунда III Вазы (1587–1632), чеканенные на монетном дворе Быдгощ. Летом 2017 г. на месте находки монетного клада был заложен шурф. В пределах шурфа сразу же под дерном залегала аморфная многократно переотложенная пахотой

гумусированная супесь коричневого цвета мощностью 0,35–0,42 м, подстилалась стерильным плотным красновато-оранжевым песком. Это хорошо согласуется с воспоминаниями местных жителей о том, что ранее здесь находилось издавна распаханное поле, и с планом В. Н. Глазова (рис. 8). Обращает на себя внимание, что с места находки монет просматривались оба могильника. Место могильника Большие Поля отделяет от нашего шурфа 200 м, место могильника Малые Поля – около 350 м (рис. 10).

На территории Волосовского района, близ д. Красный Маяк и в д. Лемовжа, были обследованы погребальные памятники, которые можно связать с древностями третьей четверти I тыс.

Сведения о наличии у д. Красный Маяк нескольких курганов, один из которых длинный, были сообщены С. Л. Кузьминым несколько лет назад, и в 2018 г. курганная группа была обследована. Памятник находится у края автодороги Лемовжа–Извоз, в 2 км к северу от д. Красный Маяк, в глухом еловом лесу, и насчитывает три кургана, поврежденных при строительстве дороги. Валообразная насыпь размерами 32 × 5 м и высотой до 1,1 м вытянута по линии северо-запад–юго-восток; вдоль длинных сторон кургана заметны ровики. К северу от валообразной насыпи расположены два небольших округлых кургана, у обоих полностью разрушена западная половина насыпи (рис. 11).

Курганно-жальничный могильник Лемовжа известен с 1885 г., когда здесь проводил раскопки Л. К. Ивановский. Отчета о раскопках в Лемовже

Рис. 10. Спутниковый снимок северной части г. Сланцы (интернет-сервис Google-Earth) с обозначением обследованных объектов: 1 – шурф на месте находки клада; 2 – кладбище д. Большие Поля; 3 – место локализации могильника Малые Поля

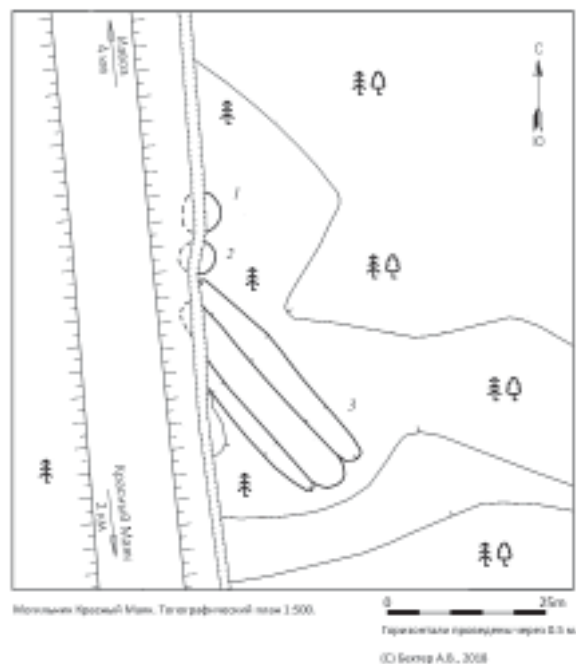

Рис. 11. Топографический план курганной группы у д. Красный Маяк. Съемка 2018 г.

не сохранилось, но А. А. Спицыну было известно о находках из двух раскопанных здесь курганов. В одном из них был найден витой браслет с концами, раскованными в треугольные щитки; в другом – подковообразная фибула с орнаментированной дугой и гранчатыми головками, два широкопластинчатых браслета, «связка бус, две серьги» (Спицын, 1896. С. 113), т. е. речь должна идти о древнерусских погребениях XII – начала XIV в.

В 1983 г. В. А. Лапшин отметил на окраине д. Лемовжа, на склоне правого коренного берега р. Лемовжи курганную группу, в которой сохранилось 12 насыпей (Лемовжа-1) и здесь же, в 0,2 км к югу от курганов жальничный могильник (Лемовжа-2) (Лапшин, 1990. С. 99–100, № 760, 761). К сожалению, в документацию В. А. Лапшина вкралась неточность: по его сведениям, оба памятника расположены на западной окраине деревни. В 1988 г. курганная группа Лемовжа-1 и жальничный могильник Лемовжа-2 были поставлены на государственный учет и охрану (Акт № 2-8 от 03.05.1988), с ошибочной привязкой к западной окраине деревни.

Результатами наших работ 2018 г. установлено, что курганная группа Лемовжа-1 и жальничный могильник Лемовжа-2 представляют собой единый сложный по своему составу могильник, расположенный в д. Лемовжа, на ее восточной окраине,

на склоне правого коренного берега р. Лемовжи, на старом, ныне не действующем кладбище. Территория кладбища представляет собой узкий участок земли, понижающийся с юго-запада на северо-восток, в сторону реки. Перепад высот территории кладбища с юго-запада на северо-восток составляет 13–14 м. Северо-западная граница памятника образована грунтовой дорогой, ведущей в пойму р. Лемовжи, по юго-восточной и большей части восточной границ кладбища сохранилась сложенная из крупных валунов кладбищенская ограда. В центре участка сохранились несколько старых могил.

Всего в составе могильника насчитывается 37 курганов и жальничных захоронений. В юго-западной части могильника сосредоточены низкие расплывчатые насыпи и несколько рядов жальничных могил, преимущественно четырехугольных в плане, со следами обкладок из валунов. Большинство жальничных погребений имеет насыпь, несколько выступающую над уровнем обкладок – это так называемые курганы-жальники. Курганные насыпи, расположенные ниже по береговому склону, в северо-восточной части могильника, имеют несколько большую высоту и более правильную форму. Две крайние северо-восточные насыпи (№ 35 и 37 по нашему плану) имеют значительные размеры и внешний вид, не характерный для древнерусских курганных кладбищ. Округлый в плане курган № 35 при диаметре 18–19 м имеет высоту до 2,9 м (с нижнего края насыпи). Стоящий рядом с ним сильно поврежденный курган № 37 изначально, вероятно, имел сопоставимые размеры (рис. 12). С большой степенью вероятности эти курганы можно считать высокими насыпями культуры псковских длинных курганов.

Рис. 12. Курганно-жальничный могильник в д. Лемовжа. Высокие курганы № 35 и 37

Таким образом, оба описанных выше памятника, расположенные в южной части Ижорской возвышенности, откуда берет свое начало приток р. Луги р. Лемовжа, можно считать самыми северными известными в настоящее время памятниками культуры псковских длинных курганов.

Интересная дополнительная информация о находках из д. Терпилицы была получена уже после завершения работ по историко-культурной экспертизе земельного участка на территории деревни. В окрестностях д. Терпилицы ранее располагалось два средневековых могильника, достаточно типичных для массива так называемых курганов Ижорского плато.

Курганно-жальничный могильник Терпилицы-1, расположенный в парке мызы Терпилицы, известен с конца XIX в. В 1879 г. Л. К. Ивановским здесь был раскопан 31 курган. Насыпи курганов высотой до 2 м были сложены из суглинка с плитняком и обложены по основанию валунами, погребения под ними датируются XII–XIV вв. (Ивановский, 1879; Спицын, 1896. С. 86–87). В 1927 г. могильник обследовался Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой, отметившими 135 насыпей диаметром от 3 до 6 м и высотой от 0,5 до 2,5 м. К этому времени только пять курганов не имели следов раскопок и сохраняли первоначальную форму. На северной окраине могильника были описаны валунные кладки – по всей видимости, жальничные погребения (Коишевский, Генералова, 1927). В 1985 г. могильник был обследован в ходе работ по составлению археологической карты Ленинградской области под руководством В. А. Лапшина (Лапшин, 1990. С. 87–88, № 648). Памятник был поставлен на государственную охрану решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978. В актуальной учетной документации он фигурирует как объект культурного (археологического) наследия федерального значения «Терпилицы. Курганная группа, 178 насыпей».

Курганный могильник Терпилицы-2 располагался в 1 км к югу от д. Терпилицы, на холме близ дороги в Волосово, в урочище Красное поле. В 1879 г. Л. К. Ивановский раскопал здесь 28 курганов, датированных XII–XIII вв. и в целом сходных с исследованными в усадебном парке (Ивановский, 1879; Спицын, 1896. С. 86–87). При обследовании 1927 г. были отмечены следы 20 почти полностью уничтоженных курганных насыпей, сохранивших лишь каменные обкладки, а также ряды валунов, каменные выкладки, овальные и прямоугольные оградки. В 1980-х гг. В. А. Лапшин констатировал утрату памятника (Лапшин, 1990. С. 87–88, № 649).

Осенью 2018 г. при осмотре экспозиции Музея доисторического периода и ранней истории (Museum für Vor- und Frühgeschichte) в Берлине Е. Р. Михайлова заметила подковообразную застежку с аннотацией «Terpilitz, ehem. Gouv. St. Petersburg (RUS)», выставленную в витрине «Balten» (рис. 13). Насколько известно авторам, в доступных в России материалах по Терпилицкому могильнику эта фибула не упоминается. Это довольно типичная подковообразная фибула с уплощенной подграненой дугой и четырехгранными призматическими головками, с иглой, с плавно расширяющимся кольцом среднего размера, которую можно датировать временем до середины XII в. (Лесман, 1990. С. 75–77). Установить точное происхождение фибулы, вероятно, удастся при обращении к инвентарным книгам Museum für Vor- und Frühgeschichte. Находки из раскопок Л. К. Ивановского в Терпилицах в 1879 г. хранятся в Государственном Эрмитаже и Государственном историческом музее и связаны с обоими описанными выше могильниками. Подковообразная фибула, хранящаяся в Берлине, может происходить из любого из этих двух могильников или даже быть случайной находкой из окрестностей деревни.

Рис. 13. Фибула из Терпилиц в экспозиции Museum für Vor- und Frühgeschichte, Берлин (обведена малиновой линией)

На территории Кингисеппского района Ленинградской области, на побережье Финского залива, был выявлен ранее неизвестный объект археологического (культурного) наследия – земляные редуты начала XVIII в. оконечности мыса Колгомпя, близ маяка (Колгомпя 1). Это четырехугольные земляные редуты, состоящие из внутренней площадки, земляного вала и рва. Южный, лучше сохранившийся редут имеет размеры $58,8 \times 59,1 \times 58,8 \times 59,9$ м (по внешним границам рва). Вал и рвы редута незначительно повреждены проложенной через него дорогой. Северный редут сильно поврежден при прокладке дороги и кабельных коммуникаций к маяку на мысе Колгомпя, от него сохранился только восточный угол с участком внутренней площадки, вала и внешнего рва (рис. 14).

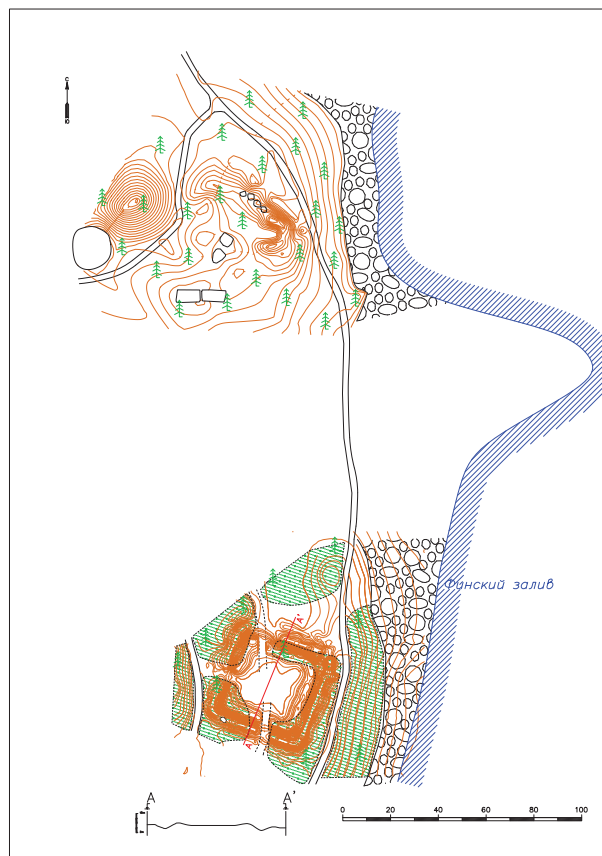

Рис. 14. План редутов на мысе Колгомпя. Съемка А. Ю. Городилова

Наиболее вероятная атрибуция данных сооружений – укрепления шведского берегового лагеря в битве у дер. Криворучье (битва у Сойкиной мызы, битва у мыса Колгомпя) в октябре 1708 г. О сооружении шведами редутов для прикрытия лагеря и их участии в сражении известно из ряда письменных источников (Мегорский, 2017. С. 484). Ближайшие конструктивные и хронологические аналоги данным сооружениям известны на Украине (редуты Полтавского поля 1708 г.) и в Швеции «редуты битвы при Стакете (Stacket) 1718 г.» (Ефимов, 2015. С. 185, 187).

Еще один объект, выявленный на побережье Финского залива, расположен на территории Выборгского района Ленинградской области. Это группа каменных выкладок (лабиринтов) в районе пограничного перехода Торфяновка (Торфяновка 1), на второй террасе берега Финского залива. Группа состоит из нескольких выкладок, выполненных из валунного камня. Предварительная датировка объекта (по аналогии с другими подобными памятниками в балтийском регионе) – I тыс. до н. э. – I тыс. (рис. 15).

Рис. 15. Группа каменных выкладок Торфяновка 1.
Съемка С. В. Бельского и К. В. Шмелева

В ходе археологических разведок на территории Петроградской стороны в г. Санкт-Петербурге было выявлено четыре участка стратифицированного культурного слоя XVIII – начала XX в., представляющих культурно-историческую ценность и получивших статус выявленных объектов археологического наследия. Это ОАН «Колтовская слобода 2. Участок культурного слоя Колтовской слободы города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.», «Улица Красного Курсанта (Большая Спасская). Участок культурного слоя города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.», «Провиантская улица (Мытный переулок) 1. Участок культурного слоя окрестностей Мытного двора города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.», «Мичуринская (Малая Дворянская) улица 1. Участок культурного слоя района Троицкой площади и первоначального Гостиного двора города Санкт-Петербурга XVIII – XX вв.».

В ходе работ на территории Республики Карелия был выявлен ряд объектов археологического наследия, датирующихся эпохой Нового времени. Наибольший интерес представляют участок дороги Северная 3 и остатки деревянного судна Погранкондши 1.

Памятник Северная 3 располагается в Прионежском районе Республики Карелия, у юго-западной окраины Петрозаводска, рядом с газораспределительной станцией «Северная» и представляет собой остатки так называемой конно-деревянной дороги. Общее направление дороги с северо-востока на юго-запад, ее сохранившийся участок располагается в торфяном болоте между насыпями группы углежогных куч Северная 1. Визуально дорога прослеживается как участок бревенчатой гати в торфяном болоте, частично скрытой под слоем мха и дерна. Длина сохранившегося участка 71 м, ширина от 4 до

7 м, далее трасса дороги прослеживается только в качестве следов в рельефе.

Деревянные конструкции дороги, выступавшие над слоем современного мха, были расчищены в двух местах. В зачистке 1 были прослежены два крупных необработанных бревна (диаметром около 0,30 м), уложенных перпендикулярно оси дороги, а к югу от них прослежены четыре фрагмента древесины, уложенных вдоль осевой линии дороги. Из этих четырех фрагментов три представляют собой необработанные куски древесных стволов, один – часть обработанного бруса подпрямоугольного сечения (360 × 240 мм).

В зачистке 2 конструкция дороги была изучена более подробно. Настил дороги состоял из продольных подкладочных лаг и элементов поперечного настила. Лаги были изготовлены из округлых необработанных бревен хвойных пород (сосна); всего прослежены три лаги диаметром 0,25–0,35 м, ориентированных по направлению вдоль дорожного полотна (на северо-запад). Для перекрывавшего лаги настила были использованы куски обработанной древесины в виде крупных изделий с вырубками, затесами и нагельными отверстиями. Два из них могут быть с высокой долей уверенности интерпретированы как части флортимберсов (деталей шпангоутов) паромообразных судов, использовавшихся в Северной Европе с раннего Средневековья вплоть до XIX в.

Анализ картографического материала Западного Прионежья выявил исторический объект, который можно связать с обнаруженным памятником. Ряд источников рубежа XIX–XX вв. фиксируют в районе наших работ участок так называемой конно-деревянной дороги, построенной для вывоза леса из глубинных районов Карелии в порт Петрозаводска. Конно-деревянные дороги представляли собой мощные деревом пути с деревянными рельсами, предназначенные для целлюлозно-деревянных вагонеток; в качестве тягловой силы на них обычно использовались лошади. Аналогичные сооружения известны в Германии XVI в. (сохранились в соляных шахтах), похожие английские дороги XVII–XVIII в. именовались «tramway». В Российской империи дороги с деревянными рельсами иногда использовались также в качестве железнодорожных узкоколеек, ряд подобных сооружений сохранился на территории Белоруссии. Наиболее поздние карты, на которых отмечена конно-деревянная дорога к Петрозаводску, относятся к периоду 1920–1930-х гг., к этому времени дорога, вероятно, уже была заброшена.

Остатки деревянного судна, изготовленного в клинкерной технике, были обнаружены у д. Погранкондуши Питкярантского района Республики Карелия. Объект Погранкондши 1 был выявлен в прибрежной зоне Ладожского озера, в безымянной мелководной бухте, ограниченной с востока береговой линией Ладожского озера, с запада Дедовыми островами в акватории Ладожского озера. Ко времени обследования в 2019 г. остатки деревянного судна лежали на глубине 1,3–1,8 м, основная часть обломков судна перекрыта донными песчаными наносами. В ходе исследований были прослежены остатки судового набора, состоящие из килевого бруса и шпангоутов-кокор и фрагменты обшивки, выполненной в клинкерной технике, скрепленные железными гвоздями. Зафиксированный объект представляет собой остатки днищевой части деревянного судна. Длина прослеженного фрагмента около 7 м, учитывая вероятный разброс обломков, площадь памятника может достигать 700–750 м. Предварительная датировка судна (по аналогии с известными находками) – XV–XIX вв. (Филин, Курносин, 2016. С. 307–308) (рис. 16).

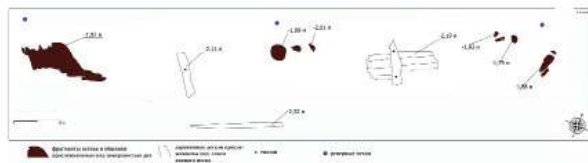

Рис. 16. Планиграфический чертеж объекта Погранкондши 1

Таким образом, проведенные разведочные обследования позволили выявить вновь или обследовать на современном методическом уровне целый ряд памятников эпохи Средневековья и Нового времени.

Источники и литература

- Андрияшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятинна по писцовым книгам 1498–1576 гг. М. Ч. 1. Списки селений. Ч. 2. Карты погостов.
- Арепьев Н. Ф., 1900. О раскопках г. Статского советника Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб. Губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119.
- Гроздилов Г. П., Чернягин Н. Н., 1927а. Отчет по археологической рекогносцировке в Лужском уезде Ленинградской губернии сотрудников

экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черягина в 1927 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 105.

Гроздилов Г. П., Чернягин Н. Н., 1927б. Отчет по археологической рекогносцировке в Лужском уезде Ленинградской губернии сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черягина в 1927 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 107.

Ефимов С. В., 2015. Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г. // Война и оружие. Исследования и материалы: Труды Шестой международной научно-практической конференции (13–15 мая 2015 г.). СПб. Ч. 2.

Ивановский Л. К., 1879. Дневник раскопок в Ямбургском уезде в 1879 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 628.

Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1927. Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников) в дд. Ославье, Рабитцы, Раглицы, Рогатино, Роговицы, Сумино, Сяглицы, Терпилицы, Череповицы Волосовского района. Дневник обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931 г. Д. 62.

Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы.

Лапшин В. А., Семенов С. А., 2012. Мониторинг и охранные мероприятия, проведенные ИИМК РАН на территории Ленинградской области в 2005–2009 гг. // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб.

Лесман Ю. М., 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. С. 29–98.

Мегорский Б. В., 2017. Осады и штурмы Северной войны. СПб.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2017. Древности микро-региона Турово–Мерево и загадка «туровского меча» // Ранний железный век Евразии от

рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы IV научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб.

Платонова Н. И., 1986. Отчет Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции о раскопках и разведках в Лужском и Волосовском районах Ленинградской области и в Батецком районе Новгородской области в 1986 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1986. Д. 69.

Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.

Соболев В. Ю., 2006. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании Фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 1.

Соболев В. Ю., 2015. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X – первая половина XI века) // Новгородский исторический сборник. № 15 (25).

Соболев В. Ю., 2016. Которской погост. Работы 2012–2014 гг. и некоторые итоги топографического обследования археологического комплекса // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 31 (61).

Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб. МАР. № 20.

Спицын А. А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб. МАР. № 29.

Филин П. А., Курносин С. П., 2016. Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. СПб.

Археологические исследования в Кингисеппе и окрестностях в 2018 г.¹

И. В. Стасюк², А. Н. Белобородов, Е. Л. Кириллов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-61-75

Осенью 2018 г. Кингисеппский отряд Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН проводил исследования на территории г. Кингисепп и соседней д. Новопятницкое, расположенной на западном выезде из города по Нарвскому шоссе. Разведочные работы велись на трех объектах: 1) здание Экзерциргауза (Манежа) по адресу г. Кингисепп, пр. Карла Маркса, д. 36, входит в состав объекта культурного наследия Федерального значения «Комплекс казарм 146-го Царицынского полка XVIII–XIX вв.»; 2) территория бывшего Пятницкого монастыря (XVI–XVII вв.) и Михайловского погоста (XVIII – начала XX в.) на западной окраине д. Новопятницкое, около комплекса усадьбы Роткирхов–Лелонгов; 3) обследование трассы проектируемого распределительного газопровода в центральной и южной частях д. Новопятницкое.

В ходе работы выявлен ранее неизвестный объект археологического наследия – культурный слой Михайловского погоста, XVI – начала XX в.

Подготовлены документы, обосновывающие внесение изменений в учетные данные объекта культурного наследия Федерального значения «Культурный слой посада г. Яма», а именно: уточнена

граница распространения культурного слоя в юго-восточной части посада, вновь выявленный участок слоя предлагается к включению в состав ОКН. Документы направлены в Комитет по культуре Ленинградской области.

Здание Экзерциргауза (Манежа) в г. Кингисепп

Комплекс казарм 146-го Царицынского полка расположен в историческом центре города Кингисепп, в 170 м восточнее укреплений крепости Ям (рис. 1), основанной новгородцами в 1384 г. (Кирпичников, 1984. С. 180). Судя по сохранившимся планам крепости XVII в. (рис. 2), посад Яма в период позднего Средневековья – раннего Нового времени располагался южнее крепостных укреплений. По шведским планам отчетливо прослеживается развитие посада к югу от крепости, вдоль берега р. Луги. Интересующая нас местность к востоку от крепостных сооружений находится в период 1645–1680-х гг. вне зоны посадской застройки и, возможно, занята угодьями.

Рост города на восток от крепости вдоль Нарвского тракта относится к XVIII в. Так, на плане 1741 г. восточнее крепости отмечены некие сооружения, а Высочайше утвержденный план городу Ямбургу 1784 г. фиксирует ансамбль Гостиного двора и формирующиеся вокруг него городские кварталы – существующие и проектируемые (рис. 3). Комплекс Гостиного двора возведен по типовому проекту в 1781–1784 гг., первоначально он состоял из трех каменных двухэтажных зданий, образующих восьмиугольную площадь. В крытых галереях размещались лавки ябургских купцов. В этот период участок работ являлся «задворками» Гостиного двора и был с запада и востока окружен домами. По плану участок должен был быть плотно застроен, с севера к Гостиному двору должны были примыкать два новых квартала.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: pogtoendreng@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии центральной Азии и Кавказа. E-mail: kiriloff51@mail.ru.

Рис. 1. Ленинградская обл., г. Кингисепп. Манеж 146-го Царыцынского полка, крепость Ям и Екатерининский собор на плане города

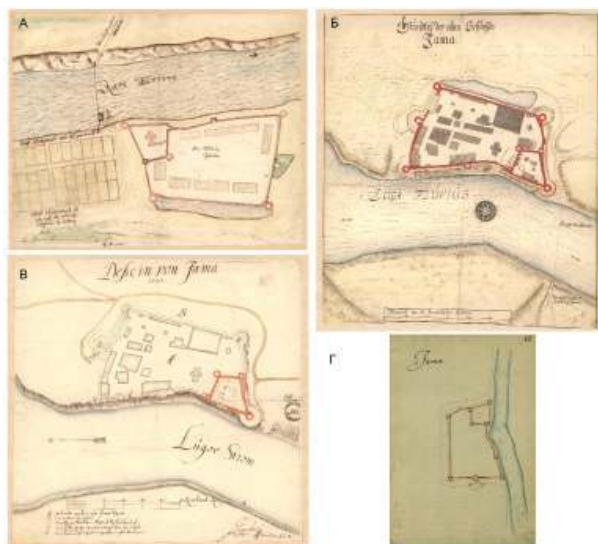

Рис. 2. Планы крепости Ям XVII в. из собрания Военного архива Швеции (Krigsarkivet i Stockholm, KrA): А – план 1645 г., KrA 0406H:28:016:001; Б – около 1680 г., KrA 0406H:28:016:003; В – 1680 г., KrA 0406H:28:016:002; Г – план 163(?) г., KrA 0414/0011/0042

Этот проектный план, утвержденный Екатериной II 16 января 1784 г., был реализован лишь частично, что нашло отражение на плане Генерального межевания Ямбургского уезда 1789–1791 г.: показаны комплекс Гостиного двора и пустырь севернее него на месте будущего Манежа (рис. 4).

Новая схема упорядочения городской застройки была предложена в царствование Александра I, причем, согласно Высочайше утвержденному плану городу Ямбургу от 13 февраля 1818 г. (рис. 5), пустырь севернее Гостиного двора предполагалось сохранить, видимо, как место для воинских упражнений и увеселений горожан.

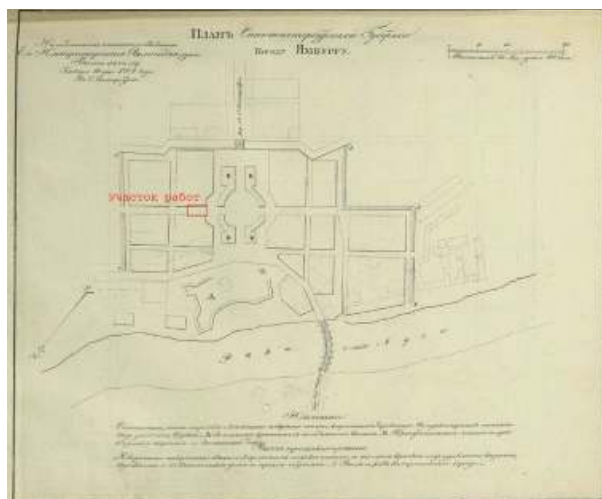

Рис. 3. План Санкт-Петербургской губернии городу Ямбургу от 16 января 1784 г. с показанием участка работ (Полное собрание... 1859. № 10)

Рис. 4. Город Ямбург на плане генерального межевания Ямбургского уезда 1789–1791 гг. с показанием участка работ

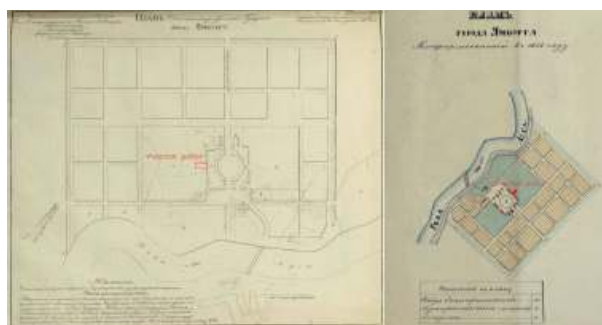

Рис. 5. План Санкт-Петербургской губернии городу Ямбургу от 13 февраля 1818 г. с показанием участка работ (Полное собрание... 1859. № 11) и его расцвеченный вариант

В 1832–1834 гг. Гостиный двор был преобразован в военный городок. Здесь расположились полковой штаб, солдатские казармы, школа военных музыкантов. В 1835–1838 гг. комплекс был дополнен зданием офицерского собрания и Манежем. Сохраняющийся вокруг Манежа пустырь (рис. 6) получил название Солдатское поле. Он служил местом проведения военных смотров, парадов и народных гуляний.

Манеж Царицынского полка выстроен в 1835–1838 гг. по образцовому проекту А. Е. Штауберта архитектором Трендленбургом. В 1893 г. с восточной стороны фасада к манежу была пристроена полковая церковь Св. Георгия Победоносца (рис. 7). От помещений Манежа церковь отделяла раздвижная стенка. Во время службы ее отодвигали, и в службе мог принимать участие весь полк в составе более полутора тысяч солдат, заполнявших целиком здание Манежа. В церкви находились памятные доски с именами погибших в Русско-японскую войну солдат и офицеров Царицынского полка и хранились полковые реликвии и знамена. У церкви располагалась часовня на месте почитаемого источника (рис. 8: А).

В 1904 г. Манеж пострадал от пожара. Церковь закрыли в 1918 г., здание использовалось под музей и сельскохозяйственные выставки. В 1944 г. в здании, сравнительно мало пострадавшем от боевых действий (рис. 8: Б), был устроен госпиталь. В 1966 г. в помещениях Манежа была открыта детско-юношеская спортивная школа «Юность», которая функционирует по сей день. В пристройке, где ранее располагалась церковь, до недавнего времени находились душевые и раздевалки. В настоящее время благотворительным фондом возрождения полковой церкви Св. Георгия Победоносца в Кингисепе (Ямбурге) ведутся работы по ее реконструкции.

Рис. 6. Город Ямбург, вид на Манеж и Солдатское поле с востока. Фото начала XX в.

Рис. 7. Город Ямбург, Манеж 146-го Царицынского полка с юго-запада: А – юго-западный фасад с парадным входом; Б – престольный праздник в церкви Св. Георгия Победоносца. Парадный вход. Фото начала XX в.

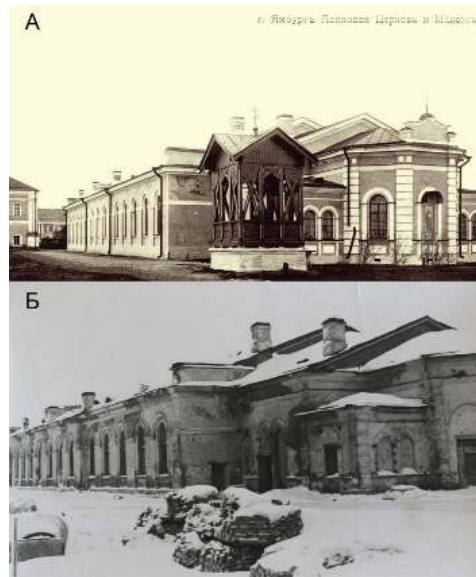

Рис. 8. Город Ямбург, Манеж 146-го Царицынского полка, вид с востока: А – начало XX в.; Б – январь–февраль 1944 г.

В 2018 г. ООО «РестАрт» приступило к разработке проекта реставрации здания Манежа, в ходе которых предусматривалось проведение археологической разведки со следующими целями: 1) вскрытие и обследование состояния фундаментов Манежа; 2) определение наличия культурного слоя исторического Ямбурга или иных объектов археологического наследия в зоне реставрационных работ.

Согласно выданному заказчиком заданию, было заложено три археологических шурфа (рис. 9; 10).

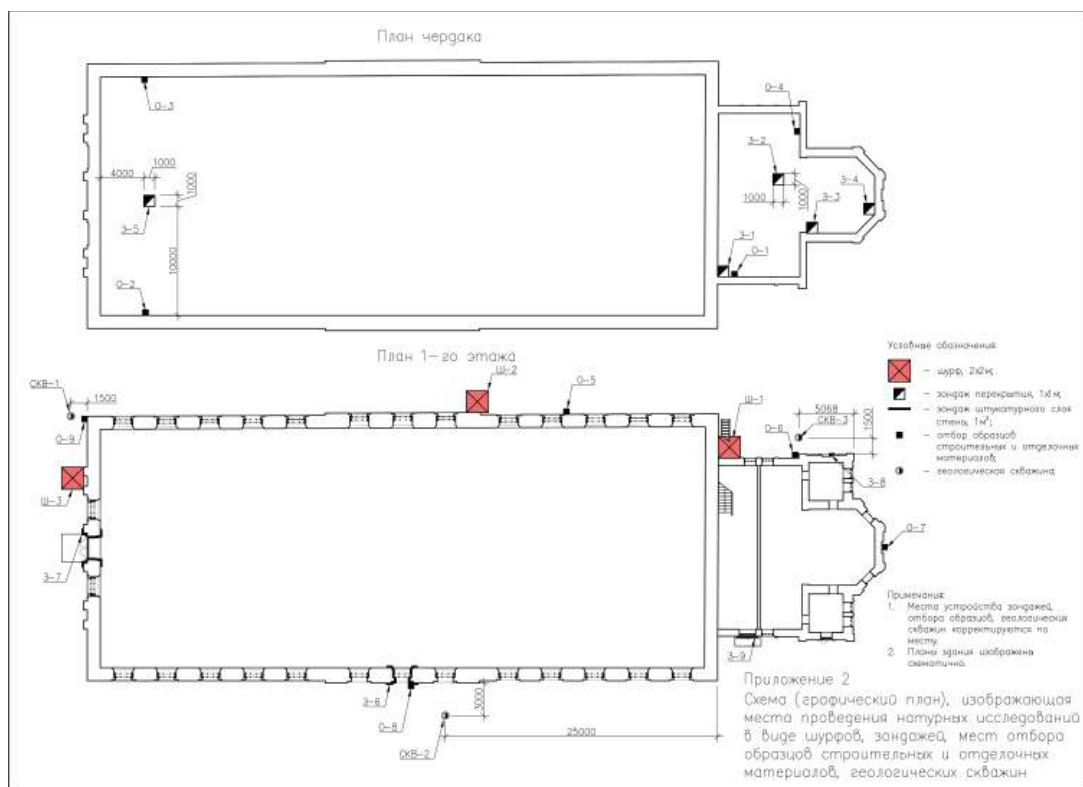

Рис. 9. Манеж 146-го Царицынского полка. План здания и расположение разведочных археологических шурфов № 1–3

Рис. 10. Манеж 146-го Царицынского полка на крупномасштабном спутниковом снимке. Расположение разведочных шурфов

Рис. 11. Манеж 146-го Царицынского полка. Шурф № 1: А – вид с северо-востока; Б – вид с северо-запада

Поскольку цели археологических работ по данному объекту были обусловлены нуждами реставрации исторического здания, археологические шурфы закладывались по его периметру так, чтобы обеспечить вскрытие фундаментов и обследование их технического состояния. При этом в шурфах исследовался культурный слой на всей мощности от современной дневной поверхности до материка.

Шурф 1 (рис. 11). Координаты шурфа N 59,375232° E 28,599270° WGS 84. Заложен в северной части здания, в углу у места примыкания полковой церкви к основному объему здания Манежа. Шурф

прямоугольной формы ориентирован длинной стороной по линии северо-запад–юго-восток перпендикулярно оси здания Манежа. В шурфе открыт стык фундаментов Манежа и полковой церкви.

Фундамент Манежа мелкозаглубленный, открыт на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности. Он представляет собой бутовую кладку из крупных грубо отесанных прямоугольных блоков известняка или доломита высотой 0,6 м, вступающую за пределы цоколя здания на 0,4 м. На фундаменте возведен цоколь здания высотой 1 м.

Фундамент полковой церкви открыт на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности, сложен из блоков меньшего размера, более аккуратной обработки, и выступает за пределы цоколя на 0,10 м. Гидроизоляция не обнаружена.

Стратиграфия культурных напластований в шурфе следующая. Верхний слой представлен асфальтом и подстилающей его щебеночной подушкой суммарной мощностью 0,10–0,12 м. Ниже выявлена подушка мелкого желтого песка мощностью 0,20 м и прослойка бурой гравелистой супеси мощностью 0,20–0,30 м. Эта пачка слоев новейшего времени, техногенного происхождения, связана с сооружением асфальтовой отмостки по периметру здания. Ниже залегает толща плотного мешаного бурого суглинка с обломками красного кирпича мощностью 0,60–0,70 м. В этой толще в профиле стенки прослежена прорезающая ее фундаментная траншея. Толщу мешаного бурого суглинка с кирпичным боем подстилает слой темно-серой, в мокром состоянии черной, сильно гумусированной супеси мощностью 0,20 м. На этом слое, без углубления в него, уложен нижний ряд фундаментной кладки. При разборке слоя обнаружены фрагменты хорошо сохранившейся древесины без следов обработки (палки, ветки) и мелкий фрагмент толстостенной гончарной керамики (стенка) из плотного хорошо отмученого керамического теста, темно-серая на изломе, с примесью мелкой дресвы. Фрагмент керамики типологически не определим, но по технологическим признакам может быть датирован периодом не ранее XV–XVI вв. и не позднее XIX в. Материк – серый легкий суглинок.

При открытии гумусированного слоя и нижнего края фундамента на глубине 1,3 м от современной поверхности обнаружилось обильное поступление воды в шурф непосредственно из-под фундаментной кладки. Вода в течение пяти минут поднялась на 0,20 м выше дна шурфа, затопив материк и слой темно-серой гумусированной супеси.

Шурф 2 (рис. 12). Координаты шурфа N 59,375080° E 28,599000° WGS 84. Заложен у северо-западной стены здания Манежа. Шурф квадратной формы размером 2 × 2 м ориентирован по линии северо-запад–юго-восток вдоль стены Манежа.

Фундамент Манежа, открытый на глубине 0,75 м от современной дневной поверхности, представляет собой бутовую кладку из крупных грубо отесанных прямоугольных блоков известняка или доломита высотой 0,60–0,65 м, вступающую за пределы цоколя здания на 0,30–0,40 м. На

Рис. 12. Манеж 146-го Царицынского полка. Шурф № 2: А – открытый культурный слой кон. XVII–XVIII вв., вид с юго-востока; Б – вид с северо-запада

фундаменте возведен цоколь здания высотой 1 м. Гидроизоляция не обнаружена.

Стратиграфия культурных напластований в шурфе следующая. Верхний слой представлен асфальтом и подстилающей его щебеночной подушкой суммарной мощностью 0,15 м. Ниже выявлена подушка мелкой желтой супеси мощностью 0,20 м и слой мешаного суглинка с кирпичным боем и крупными валунами, мощностью 0,40–0,50 м. Лежащий ниже слой бурой мешаной гравелистой супеси прорезает траншея фундамента, отчетливо прослеженная в профиле юго-западной стенки. Наибольший интерес представляет слой темно-серой, в мокром состоянии черной, сильно гумусированной супеси мощностью 0,20 м, аналогичный выявленному в шурфе № 1. Вдоль кладки фундамента он прорезан фундаментной траншеей и сохранился только на половине шурфа, отстоящей от здания (рис. 12: А). На дне фундаментной траншеи обнаружена доска, расчистить и извлечь которую не представляется возможным из-за обильного обводнения. Материк – серый легкий суглинок.

При разборке слоя темно-серой гумусированной супеси обнаружены два фрагмента толстостенной гончарной керамики (стенки) из плотного хорошо отмученого керамического теста, темно-серого на изломе, с примесью мелкой дресвы. Фрагменты керамики типологически не определимы, но по

технологическим признакам могут быть датированы периодом не ранее XV–XVI вв. и не позднее XIX в.

При открытии гумусированного слоя и нижнего края фундамента на глубине 1,4 м от современной поверхности обнаружилось обильное поступление воды в шурф непосредственно из-под фундаментной кладки. Вода в течение 10 минут поднялась на 0,20 м выше дна шурфа, затопив материк и слой темно-серой гумусированной супеси.

Шурф 3 (рис. 13). Координаты шурфа N 59,374785° E 28,598709° WGS 84. Заложен у юго-западного (главного) фасада здания Манежа. Шурф квадратной формы размером 2 × 2 м ориентирован по линии северо-запад–юго-восток перпендикулярно стене Манежа.

Фундамент Манежа, открытый на глубине 0,7 м от современной дневной поверхности, представляет собой бутовую кладку из крупных грубо отесанных прямоугольных блоков известняка или доломита высотой 0,6 м, вступающую за пределы цоколя здания на 0,10 м. На фундаменте возведен цоколь здания высотой 1 м. Гидроизоляция не обнаружена.

Стратиграфия культурных напластований в шурфе следующая. Верхний слой представлен дерном мощностью 0,10 м, прослойкой мешаной супеси и подстилающей их щебеночной подушкой суммарной

мощностью 0,15 м. Ниже выявлен слой мешаного суглинка с кирпичным боем мощностью 0,20 м. Тонкая прослойка серой гумусированной супеси мощностью 0,05 м перекрывает прослеженную в юго-западной стенке яму, заполненную бурым мешаным суглинком с кирпичным боем. В профиле северо-западной стенки отмечен обширный перекоп от современного дерна до низа фундамента – очевидно, исследовательский шурф, связанный с одним из предшествующих обследований фундаментов здания Манежа (рис. 13: Б). Материк – серый легкий суглинок.

Наибольший интерес представляет слой темно-серой, в мокром состоянии черной, сильно гумусированной супеси мощностью 0,20 м, аналогичный выявленному в шурфе 1. Он зафиксирован на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности. При разборке слоя темно-серой гумусированной супеси обнаружен фрагмент толстостенной гончарной керамики (стенки) из плотного хорошо отмученого керамического теста, темно-серого на изломе, с примесью мелкой дресвы, а также полностью минерализованный железный гвоздь, который рассыпался при извлечении. Фрагмент керамики типологически не определим, но по технологическим признакам может быть датирован периодом не ранее XV–XVI вв. и не позднее XIX в.

При открытии гумусированного слоя и нижнего края фундамента на глубине 1,4 м от современной поверхности обнаружилось обильное поступление воды в шурф непосредственно из-под фундаментной кладки. Вода в течение 10 минут поднялась на 0,20 м выше дна шурфа, затопив материк и слой темно-серой гумусированной супеси.

Выявленный во всех трех шурфах слой темно-серой гумусированной супеси мощностью в среднем 0,20 м, залегающей на материке, является культурным слоем окраины исторического города Ям (Ямбург). Здание Манежа возведено на этом слое, очевидно, он распространяется и под самим зданием. Периферийным положением объясняется малая мощность слоя и низкая насыщенность его находками. Слой может быть датирован в пределах конца XVII–XVIII вв.

Внутри периметра фундамента заключен значительный объем воды, стоящей существенно выше окружающего уровня грунтовых вод. Ее поступление внутрь фундамента может объясняться неизвестными особенностями гидрогеологии участка или, что представляется более вероятным, состоянием коммуникаций спортивной школы (наличие утечки водопроводной воды).

Рис. 13. Манеж 146-го Царицынского полка. Шурф № 3: А – вид с юго-запада; Б – вид с юго-востока

Пятницкий монастырь и Михайловский погост

Работы на месте бывшего Пятницкого монастыря и Михайловского погоста в западной части д. Новопятницкое проводились при поддержке некоммерческой организации «Благотворительный фонд возрождения полковой церкви Св. великомученика Георгия Победоносца в г. Кингисепе (Ямбурге)». Общая площадь участка обследования составила 1050 кв. м. В связи с планами фонда по воссозданию храма Св. Архистратига Михаила, располагавшегося на данной территории и уничтоженного в годы немецко-фашистской оккупации, были поставлены следующие цели археологической разведки: 1) изучение культурного слоя на территории участка, определение его основных характеристик: мощности, стратиграфического состава, датировки; 2) поиск и топографическая привязка фундаментов храма Св. Архистратига Михаила, первичная оценка их сохранности; 3) соотнесение архивных планов храма Св. Архистратига Михаила с современной топографической ситуацией.

Михайловский погост располагался в XVIII – начале XX в. возле дороги на Ивангород и Нарву, на террасе над поймой правого берега р. Падожницы. Его территория соотносится с Пятницким монастырем, существовавшим здесь в XVI – начале XVII в. Точное время основания монастыря неизвестно. Можно лишь заключить, что возник он в XVI в. после того, как около 1495 г. была проложена дорога от Яма к новой пограничной крепости Ивангород. А. А. Селин приводит первое упоминание монастыря в «Записи о ружных церквях и монастырях», составленной в Новгороде между 1577 и 1589 гг. при архиепископе Александре: «В монастырь святые Пятницы да чудотворца Космы и Дамиана, что на Ивангородской дороге игумену Тарасью да пятнадцати старцем милостыни годовые за соль рубль и 21 алтын и две деньги, да на свечи за пуд воску по торговой цене 40 алтын» (Селин, 2000). Поскольку уже в сентябре–октябре 1581 г. Нарва, Ивангород, Ям и Копорье с прилегающими землями были заняты шведскими войсками Понтуса Делагарди и в 1583 г. по Плюсскому перемирию отошли к Швеции, мы полагаем, что дату первого упоминания монастыря можно сузить до интервала между 1577 и 1581 гг.

А. А. Селин отмечает, что имеются документы о существовании Пятницкого монастыря близ Яма на Луге в конце XVI в., в годы русско-шведской войны 1590–1595 гг. В течение 1590 г. русские отряды неоднократно движутся по Ивангородской дороге в сторону занятых шведами крепостей. При этом известно и об ответных вылазках шведов

в 1591–1593 гг. Во время одной такой вылазки по Ивангородской дороге они разорили Пятницкий монастырь, лежавший в 2 верстах к западу от Яма. После разорения старцы монастыря направили царю челобитную о выдаче им хлебной и денежной руги. В те годы в монастыре было восемь монахов, священник и игумен Галактион. Примечательно, что в это военное время (около 1594 г.) в монастыре строится теплый Космодемьяновский храм. Пятницкая церковь в то время так и не восстановилась (Селин, 2000).

К этому периоду относится древнейшее известное картографическое изображение рассматриваемой территории. Это схематичная карта Нижнего Полужья и Понаровья (рис. 14), составленная шведскими картографами в ходе мирных переговоров 1595 г. в целях размежевания спорной территории (Bagrow, Köhlin, 1953). На карте обозначены р. Луга, озера Хаболовское, Бабинское, Глубокое и Копанское, а также деревни Краколье, Пески, Лужицы, Косколово и другие. Отмечено и местоположение Пятницкого монастыря на правом берегу р. Падожницы.

В начале XVII в. Россия в ходе Смуты вновь утратила контроль над Ижорской землей. По Столбовскому миру 1617 г. Ивангород, Ям и Копорье с уездами были отданы Швеции. К 1680-м гг. монастырь был заброшен: на карте Ивангородской дороги 1688 г. отмечен Pättnitsa öde Kloster, т. е. пустой Пятницкий монастырь (рис. 15: Б). Не показан он и на древнейшей известной русской карте шведского пограничья – «Чертеже русским и шведским городам» (рис. 15: А), дати-

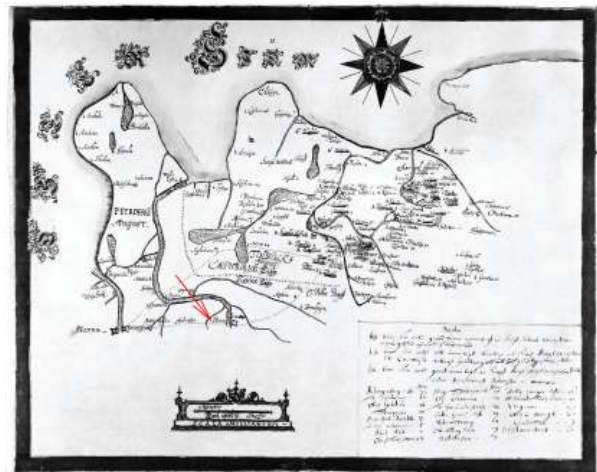

Рис. 14. Карта южного побережья Финского залива с городами Ям, Копорье и Ивангород, ок. 1595 г. (с показанием местоположения Пятницкого монастыря; по: Bagrow, Köhlin, 1953)

Рис. 15. Местность между крепостями Ям и Ивангород на картах XVII в.: А – «Чертеж ветхой городом Русским и Шведским до Варяжского моря», 1650-е гг. (РГАДА. Разр. XVI. Д. 387); Б – шведская карта наземного пути между крепостями Ивангород и Ям, 1688 г.

рованном концом 1650-х гг. (Шмелев, 2017). Карта А. Андерсина и Э. Белинга, законченная в 1704 г., но основанная на всем опыте шведского картографирования Ингрии второй половины XVII в., показывает местоположение Пятницкого монастыря и окружающие его селения (рис. 16: А). На компилятивной карте А. Бергенгейма, составленной в 1827 г. по материалам XVII в. из шведских архивов, допущена ошибка: Пятницкий монастырь помещен на левом берегу Падожицы (рис. 16: Б).

Первые попытки восстановить Пятницкий храм после возвращения Ингерманландии в состав России приходится на 1740-е гг. Жители придворной слободы Пятница обращаются в Правительствующий Синод с просьбой о восстановлении храма. Документы сообщают, что пустующая Пятницкая церковь «с древних лет обретается на Нарвской большой дороге», выстроена из дикого камня, а на сводах «небольшой лес растет» (РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 338. Л. 1–8 об). Местное предание уточняет даже состав этого «леса»: две рябины и одна сосна (Историко-статистические... 1885. С. 305).

Однако восстановление храма началось лишь в 1764 г. по личному указу Екатерины II. Императрица, посетившая Ямбург вскоре по восшествии на престол, распорядилась восстановить разрушенную церковь на Нарвской дороге. На каменных стенах храма было возведено кирпичное пятиглавие. Работы завершили в 1780 году, и в мае

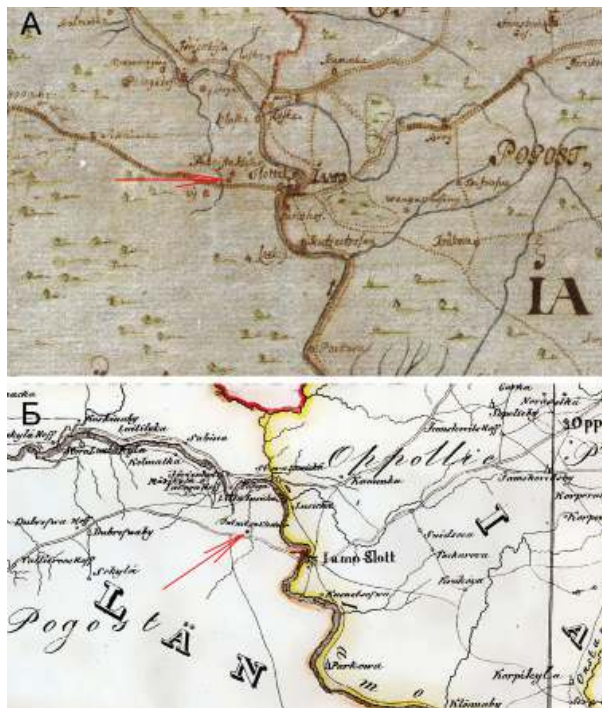

Рис. 16. Пятницкий монастырь на картах Ижорской земли: А – карта А. Андерсина и Э. Белинга, 1704 г.; Б – карта А. Бергенгейма, 1827 г. (состояние местности на 1676 г.)

церковь была освящена в честь Михаила Архангела (ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 1. Д. 17007. Л. 1 – 1 об.; см. также: Историко-статистические... 1885. С. 305–306).

В 1795–1813 гг. в 5 саженьях к северу от существовавшего каменного храма Архистратига Михаила была возведена деревянная теплая церковь во имя Св. Живоначальной Троицы (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 197. Л. 1–2; Ф. 19. Оп. 15. Д. 202. Л. 1–1 об.). В феврале 1867 г. в Троицкой церкви произошел пожар, и она была раскатана на бревна. Из горелого леса этой церкви и предположительно на ее фундаменте была возведена церковная сторожка (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 59. Д. 27. Л. 1–13), сохранившаяся до настоящего времени.

В 1876 г. вокруг Михайловской церкви была возобновлена ограда на каменных столбах и часовня во имя Архистратига Михаила с входом от Нарвского шоссе. В воротах была устроена каменная лестница о восьми ступенях (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 32–35. Л. 90, об.). К северу от церковной ограды находилась березовая роща «Горожанка», возникшая на месте старого приходского кладбища усердием помещика Ивана Адамовича Роткирха (Историко-статистические... 1885. С. 311). В Клировой ведомости церковью

Ямбургского уезда за 1883 г. также написано, что «...к северной стороне ограды примыкает березовая роща «Горожанка», упраздненное кладбище в 1821 г. и ничем не огороженное» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 32–35. Л. 90, об.). В настоящее время его территория занята частной застройкой.

В описании храма за 1885 г. читаем: «Стены и стрельчатые своды церкви сделаны из плиты в 2 арш. толщиной древней постройки. Верх церкви и 5 куполов сделаны из кирпича при Екатерине II, церковь занимает площадь 45 и 1/3 кв. сажени. Высота 3 сажени 2 аршина. Длина 7 сажени и ширина 6 и 2/3 сажени» (ЦГИА СПб. Ф. 656. Оп. 1. Д. 23. Л. 3, 3об). Там же указано, что в 1846 г. под храм был подведен цокольный фундамент. В «Историко-статистических сведениях...» указано, что при подведении фундамента в стенах храма произошли трещины (Историко-статистические... 1885. С. 306). Там же читаем, что «храм утвержден на цоколе, высотой в 5 четвертей (89 см). Своды храма утверждены на четырех плитных колоннах; толщина колонн и стен 2 арш. и потому храм тесен, хотя занимает 42 кв. сажени» (Историко-статистические... 1885. С. 304).

При священнике Кринцком (т. е. между 1805 и 1827 гг.) с трех сторон к храму пристроены притворы: с запада – из плиты, с севера и юга – из кирпича (Историко-статистические... 1885. С. 306).

В 1904 г. к церкви начали пристраивать трехъярусную колокольню по проекту Г. Е. Гинца. Строительство было завершено в 1905 г. (ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 27. Д. 274. Л. 3–12). Сохранились генеральный план церкви 1880 г. (рис. 17), генеральный план церкви 1904 г. с участком и поэтажный план церкви (рис. 18). Также сохранились фотографии храма начала XX в. (рис. 19). В Фотоархиве ИИМК РАН имеются три фотоснимка этого храма с разных ракурсов, сделанные в 1925 г. Ф. М. Морозовым (рис. 20–22).

В 1797 г. обширные земли в Ямбургском уезде были подарены Павлом I Адаму Роткирху, после чего рядом с Михайловской церковью началось строительство усадьбы. Туда переехала вдова Роткирха – Софья Абрамовна, урожденная Ганнибал, младшая дочь знаменитого Абрама Ганнибала. В начале XX в. усадьба включала большой комплекс каменных зданий, в том числе два усадебных дома, хозяйственные постройки, парк, сад, озера для разведения форели и др. (Мурашова, Мыслина, 2003. С. 33–34). В 1802–1917 гг. в церковной ограде Михайловского храма были упокоены 35 близких родственников А. С. Пушкина. Среди

Рис. 17. Генеральный план церкви Св. Архистратига Михаила в селе Новопятницком 1880 г.

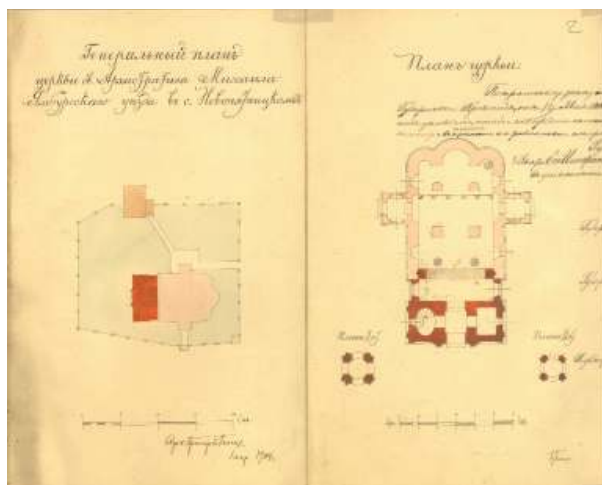

Рис. 18. Генеральный план и план церкви с проектом колокольни 1904 г.

них сама Софья Абрамовна, ее дети, зять – предводитель ямбургского дворянства полковник Павел Леонтьевич Шемиот, герой войны 1812 г., и другие.

В 1938 г. Михайловский храм был закрыт. Летом 1941 г. в ходе боевых действий он пострадал от артобстрелов (рис. 23), позднее был взорван и разобран немецкими властями на камень. Кладбище при церкви было окончательно уничтожено в 1953 г. Надгробия погоста использовались в

Рис. 19. Храм Св. Архангела Михаила в Новопятницком, вид с юго-запада. Фотографии начала XX в.

Рис. 20. Храм Св. Архангела Михаила в Новопятницком, вид с юга. Фото 1925 г.

хозяйственных целях военными местной части. В 1970-е гг. Михайловский погост использовался как приусадебный участок. Усадьба Роткирхов с 1950-х гг. принадлежит военным и в настоящее время в ней размещается воинский городок. Большая часть территории Михайловского погоста в 2017 г. была выкуплена из частных рук Благотворительным фондом возрождения полковой церкви Св. великомученика Георгия Победоносца в г. Кингисеппе (Ямбурге) для возрождения храма и создания мемориальной зоны на территории

Рис. 21. Храм Св. Архангела Михаила в Новопятницком, вид с севера. Фото 1925 г.

Рис. 22. Храм Св. Архангела Михаила в Новопятницком, вид с востока. Фото 1925 г.

кладбища. С проектированием этих работ и связаны полевые археологические исследования, произведенные осенью 2018 г.

В настоящее время участок расположен на западной окраине д. Новопятницкое, на высоком коренном правом берегу р. Падожицы, притока р. Луги. С запада он ограничен крутым береговым склоном, с юга – искусственно эскарпированным склоном (рис. 24; 25), у подножия которого проходит старая трасса Таллиннского шоссе (в прошлом – Нарвский/Ругодивский тракт, Ивангородская дорога, ныне деревенская улица). С севера участок ограничен деревянным зданием храмовой сторожки и пристроенным к нему гаражом, за которым, на территории бывшего кладбища и рожи Горожанка, находится частновладельческий участок с жилым

Рис. 23. Храм Св. Архангела Михаила в Новолентницком, лето 1941 г.: А – вид с юго-запада; Б – вид с востока.

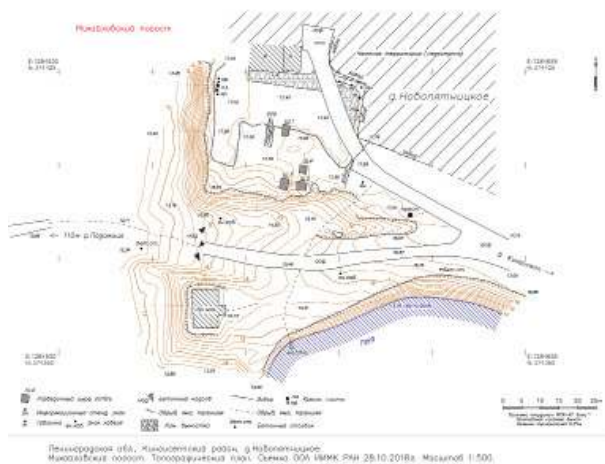

Рис. 24. Михайловский погост, современное состояние. Топографический план 28.10.2018, съемка С. А. Васильева

домом. С востока участок обследования ограничен деревенской улицей и частновладельческими участками.

До недавнего времени здесь располагался огород. В 2017 г. проведено первичное благоустройство, в частности, в северной половине участка снят огородный слой грунта на глубину 0,20 м, а территория, прилегающая к дороге и сторожке,

Рис. 25. Михайловский погост, современное состояние. Фото сентября 2018 г.: А – место утраченного храма с востока; Б – место утраченного храма с юга; В – мощенная плитами известняка дорожка от храма к зданию сторожки, начало XX в. (?); Г – сохранившиеся надгробия

вымощена плиткой. При снятии грунта была расчищена вымощенная плитняком дорожка, ведущая от сторожки к входу в храм (рис. 25: В). В западной части участка сохранились надгробные памятники (рис. 25: Г), в том числе литой чугунный крест с могилы Захара Егоровича Дмитриева и гранитное надгробие полковника Павла Леонтьевича Шемиота (рис. 26). При земляных работах на участке местными жителями неоднократно обнаруживались человеческие кости из разрушенных захоронений. От жителей также известно о находке серебряной новгородской гривны, медных шведских монет XVII в., монет Российской империи XVIII–XIX вв.

В 30 м южнее участка находится братская могила советских воинов 1919 г. и 1941–1944 гг.

Сбор подъемного материала показал, что верхние слои грунта на территории участка насыщены бы-

Рис. 26. Надгробие полковника П. Л. Шемиота

товым мусором XX в., а также остатками битого кирпича и бутового камня. Представляет интерес фрагмент шведского изразца с черной марганцевой поливой второй половины XVII в.

В целях изучения культурного слоя заложены четыре разведочных шурфа (рис. 27–30).

Шурф 1 (рис. 27: А). Прямоугольной формы, размер 2 × 3 м. Ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Заложен напротив храмовой сторожки в 14 м южнее ее юго-восточного угла, в 2,6 м восточнее расчищенной мощеной дорожки. В северной части шурфа поверхностный огородный слой темно-серой гумусированной супеси удален при благоустройстве, в южной – слой мощностью 0,20 м сохранился и перекрывает нижележащие напластования. Слой содержит исключительно бытовой мусор XX–XXI вв. В северной части шурфа выявлена тонкая прослойка погребенного дерна мощностью 0,05 м. Ниже последовательно залегают слои: серая супесь (мощность 0,20–0,30 м); мешаная супесь, преимущественно рыжая с серыми гумусными включениями (мощность 0,20–0,50 м); рыжая слабо перемешанная супесь (мощность 0,30–0,50 м).

В северной и южной частях шурфа стратиграфия прорезана двумя ямами, прослеженными в профилях стенок. Яма 1 расположена в СВ углу шурфа, прослежена в профилях северной и восточной стенок, а также в плане на уровне материка. Заполнение: мешаная бурая супесь с камнями и обломками плиты мощностью 0,80 м, перекрытая бурой супесью (0,40 м). В нижней части заполнения, на уровне материка, обнаружена серебряная монета Шведского королевства номиналом 1 эре, 1611 г., Карл IX (рис. 29: 4).

Рис. 27. Михайловский погост, разведочные шурфы: А – шурф 1; Б – шурф 2; В – шурф 3; Г – шурф 4

Рис. 28. Находки из шурфа 2, артефакты периода Великой Отечественной войны: 1 – кительный крючок германской формы обр. 1936 г.; 2 – незапотевающая пленка от противогаса, 1940 г.; 3, 4 – обоймы для зарядания магазинной винтовки и карабина Mauser 98/98k; 5 – патронные гильзы 7,92 × 57 мм, 1937–1938 гг. Германия

Рис. 29. Михайловский погост. Археологические находки: 1 – шингалет биметаллический, шурф 3; 2 – деталь лампы, медный сплав, шурф 3; 3 – фрагмент штукатурки с серой краской, шурф 1; 4 – монета 1 эре, 1611 г., Швеция, Карл IX, шурф 1; 5 – заклепка, шурф 1

Яма 2 расположена в ЮЗ углу шурфа, прослежена в профилях южной и западной стенок, а также в плане на уровне материка. Заполнена светло-серой супесью со сброшенными обломками известняковой плиты, мощностью 0,8–1 м. В верхней части заполнения перекрыто серой супесью мощностью 0,30 м.

Во всех слоях на разной глубине и в заполнении ям встречены единичные фрагменты стенок гончарной керамики из мелко отмученного теста с примесью мелкой дресвы, которые могут быть

датированы в пределах позднего Средневековья – Нового времени (рис. 30). Во всех слоях на разной глубине и в заполнении ям встречены фрагменты известковой штукатурки со следами серой и желтой краски (рис. 29: 3).

Шурф 2 (рис. 27: Б). Прямоугольной формы, размер 2 × 2,5 м. Ориентирован по линии 3–В с небольшим отклонением к северу. Заложен на южной границе участка обследования на склоне холма, в месте, где отмечен старый оплывший раскоп, в котором просматриваются элементы каменной конструкции – предположительно, храмового столпа. Столп ранее вскрыт и расчищен энтузиастами около 10 лет назад, впоследствии раскоп был забросан мусором и оплыл. По этой причине раскопочные работы на шурфе фактически свелись к выборке современного мусорного слоя и расчистке каменных конструкций. Стратиграфия шурфа представлена задернованным мусорным слоем XX–XXI в.

В центре шурфа раскрыт фундамент северо-восточного столпа храма. Фундамент подквадратной в плане формы, сложенный из известняковых блоков. Размеры фундамента в плане 1,8 × 1,8 м, прослеженная высота 0,6 м. У восточной стенки шурфа расчищены кирпичи и лист кровельного железа – следы разрушения храма. Стены основной постройки были каменные, кирпич – часть надстройки пятиглавия екатерининского времени.

Дальнейшее углубление шурфа в материк лишь бы сохранившуюся часть столпа опоры и создало бы угрозы ее сохранности, по этой причине

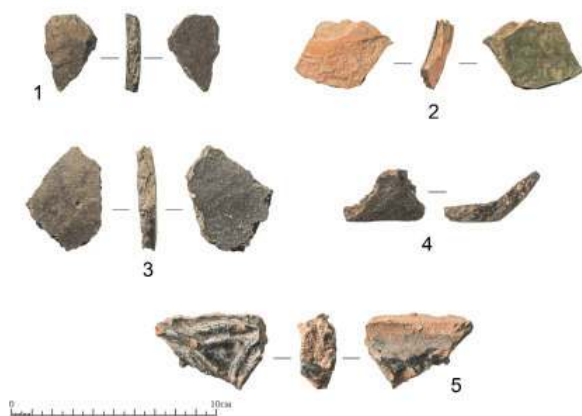

Рис. 30. Михайловский погост, керамика: 1–4 – фрагменты сероглиняных гончарных сосудов; 5 – фрагмент изразца с черной марганцевой поливой, Швеция, втор. пол. XVII в.

работы были остановлены, шурф законсервирован. Доследование конструкции планируется на полевой сезон 2019 г.

Шурф 3 (рис. 27: В). Прямоугольной формы, размер 2 × 3 м. Ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Заложен на южной границе участка обследования на склоне холма, в месте, где отмечен резкий перепад высот, свидетельствующий о возможном наличии плотной структуры и где, согласно плану храма, должна была располагаться его западная стена.

Под дерном раскрыта руинированная фундаментная кладка из известняковых блоков, ориентированная по линии С–Ю в соответствии с ориентировкой храма. Стык фундаментных конструкций различной структуры соотносится с отмеченным на плане 1904 г. стыком конструкции фундаментов храма и пристроенной колокольни.

Стратиграфическая картина шурфа сложна и представлена чередованием небольшой мощности слоев и прослоек с включениями строительного мусора, боя кирпича и плитняка, образовавшихся при разрушении храма и оползании склона. Материк – рыжая супесь. В шурфе в поддерновом слое обнаружены гильзы 7,92 × 57 мм, обоймы для зарядания винтовки и карабина Mauser 98/98k, незапотевающая пленка для противогаза и кительный крючок от мундира Вермахта обр. 1936 г. – свидетельства пребывания немецких оккупантов (рис. 28). На верхнем уровне камней найдены массивный шпингалет и латунная проволока с волотообразным завитком – предположительно деталь лампы (рис. 29: 1, 2).

Шурф 4 (рис. 27: Г). Прямоугольной формы, размер 1,7 × 2 м. Ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением к востоку. Заложен в 2,5 м севернее шурфа 2, где, согласно плану храма, должен располагаться фундамент северной стены и притвор. Под дерном зафиксирован западный фундаментный ряд северного притвора, ориентированный по линии С–Ю и прямоугольный контур ямы, ориентированной по линии 3–В и соприкасающейся с фундаментом притвора. При выборке слоя и в профиле западной стенки шурфа установлено, что могильная яма впущена с глубины последнего слоя под огородным грунтом, то есть вероятно является грабительской – вскрытием могилы или склепа, вероятно, в первой половине XX в. Это подтверждается находкой в заполнении ямы отрубленных фрагментов бедренных костей и целой бедренной кости, залегавших в беспорядке в нижней части заполнения. Кости принадлежат трем

индивидам: двум взрослым и одному ребенку. Яма прорезает материк и прослеживается на глубину 1,8 м от современной дневной поверхности. Внизу ямы обнаружена полость и провал грунта. Ниже выборка ямы была остановлена по соображениям безопасности.

Восточная половина шурфа занята массивным фундаментом северного притвора первой четверти XIX в. Северная стенка образована фундаментной стенкой иной структуры, вероятно – фундамент храма 1594 г. В северной и западной стенках прослежено чередование слоев: дерн 0,10 м, огородный слой 0,07–0,30 м, светло-серая мешаная супесь с обильным включением известки 0,20–0,30 м, черная супесь с битой известковой штукатуркой 0,20 м, рыжая с серыми гумусными включениями мешаная супесь 0,20 м. Материк – рыжая супесь.

В результате соотнесения выявленных конструктивных элементов храма с имеющимися планами установлено его первоначальное расположение (рис. 31). Полевые исследования будут продолжены в сезоне 2019 г.

Обследование трассы проектируемого газопровода в д. Новопятницкое

Параллельно с работами на Михайловском погосте 24 сентября 2018 г. произведена археологическая разведка на земельном участке, отводимом под строительство распределительного газопровода в д. Новопятницкое. Протяженность маршрута обследования по центральной и южной части деревни составила 1,9 км. Цель исследований – определение наличия или отсутствия объектов культурного, в том числе и археологического,

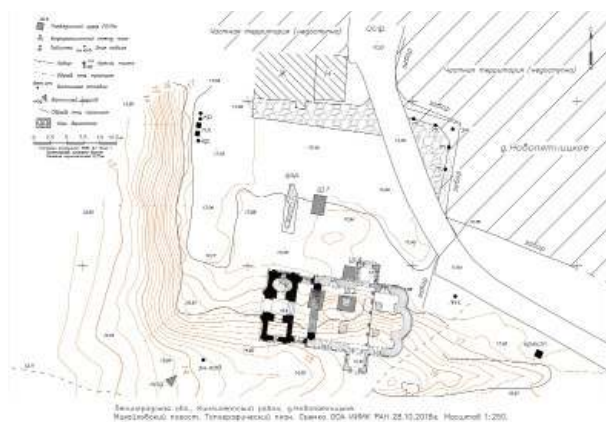

Рис. 31. Совмещение планов храма и современного состояния местности, выполненное по результатам шурфовки

наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на обследуемом земельном участке. В ходе полевых археологических работ произведен натурный осмотр трассы проектируемого газопровода, поиск подъемного материала, заложено два разведочных шурфа. На обследованном участке объекты археологического наследия и признаки наличия объектов археологического наследия не обнаружены.

Известные памятники археологии расположены на существенном удалении от участка и проектируемым строительством не затрагиваются. Иные объекты культурного наследия – братская могила советских воинов и усадьба Роткирхов–Лелонгов расположены на удалении 0,1–0,3 км к северо-западу от проектируемой трассы.

Трасса проектируемого газопровода, совпадающая с публичными сервитутами, пройдена пешим маршрутом по территории д. Новопятницкое. Установлено наличие плотной современной застройки, дорожной сети и сети инженерных коммуникаций. Внешних признаков наличия объектов археологического наследия на маршруте не выявлено, поиск подъемного материала результатов не дал. В целях определения наличия или отсутствия культурного слоя были заложены два разведочных шурфа.

Шурф № 1. Заложено в полосе отвода в центральной части д. Новопятницкое в 28 м севернее трассы шоссе Кингисепп–Ивангород, в 24 м юго-западнее здания продуктового магазина. Координаты шурфа N 59,379844° E 28,560099° WGS 84. Стратиграфия: дерн 0,15 м, однородная темно-серая гумусированная супесь 0,20 м, материк – красная супесь. Культурный слой отсутствует, находок нет.

Шурф № 2. Заложено в полосе отвода в юго-восточной части д. Новопятницкое, при повороте полосы отвода на восток в обход жилых домов, у обочины дороги. Координаты шурфа N 59,376887° E 28,556009° WGS 84. Стратиграфия: дерн 0,15 м, светло-желтая мешаная супесь 0,10 м (отвал расположенного в 5 м южнее песчаного карьера), погребенный дерн 0,10 м, материк – светло-серая супесь. Культурный слой отсутствует, находок нет.

Источники и литература

РГАДА. Разр. XVI. Д. 387. Старинная до-Петровская карта, на которой, между прочим, обозначены местности, где ныне Петербург и Петербургская губерния (Электронный ресурс: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=740>, дата обращения 30.04.2019).

РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 338.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17007. О разрешении на постройку в с. Новопятницкое Ямбургского у. теплой деревянной церкви с колокольной.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 197. О разрешении освятить вновь отстроенную церковь во имя Св. Троицы в с. Новопятницком Ямбургского у.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 202. О выдаче освященного антиминса во вновь построенную деревянную церковь Живоначальной Троицы в с. Новопятницком Ямбургского у.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 59. Д. 27. О пожаре в деревянной Троицкой церкви с. Новопятница Ямбургского уезда.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 32–35. Клировые ведомости церквей.

ЦГИА СПб. Ф. 656. Оп. 1. Д. 23. Описание церковного имущества церкви святого Архангела Михаила, село Новопятницкое, Ямбургский уезд.

ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 27. Д. 274. О рассмотрении проекта колокольни церкви в с. Новопятнице Ямбургского уезда; чертежи.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, 1885. СПб. Т. 10.

Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.

Мурашова Н. В., Мыслина Л. П., 2003. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии: Кингисеппский район. СПб.

Полное собрание законов Российской Империи (собрание первое). 1859. Книга Чертежей и рисунков (планы городов). СПб.

Селин А. А., 2000. Пятницкий монастырь на Луге // Новгородские древности. Вып. 5 / Архив архитектуры. М. Вып. 11.

Шмелев К. В., 2017. «Чертеж русским и шведским городам» как источник о фортификации пограничных крепостей в период войны 1656 г. История и археология // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 г. СПб. Ч. IV.

Bagrow L., Köhlin G., 1953. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives / Anecdota Cartographica III. Malmö.

Krigsarkivet i Stockholm. 0406: Utländska stads- och fästningsplaner 1550–1989; 19: Ryssland; 28: Östersjöprovinserna med Estland, Lettland och Litauen [Электронный ресурс: riksarkivet.se, дата обращения 30.04.2019].

Археологические исследования на северо-западе России

Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2018 г.)¹

С. А. Семенов², Ст. А. Васильев³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-76-124

В 2018 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН в рамках выполнения государственного контракта с ГКУ ЛО «Дирекция по сохранению объектов культурного наследия» проводились работы по историко-культурной экспертизе 61 объекта археологического наследия в девяти районах Ленинградской области. Еще один памятник, считавшийся утраченным, курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2 в Лужском районе, исследован дополнительно. Задачей исследования являлась актуализация сведений и уточнение или определение границ памятников с указанием координат поворотных точек их границ. Цель работ – обоснование включения обследованных памятников в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Поскольку в учетных документах и научной литературе одни и те же памятники называются по-разному, в настоящей публикации в наименовании памятников используется схема «Название. Тип», принятая в двухтомном своде археологических памятников Ленинградской области В. А. Лапшина 1990 и 1995 гг., например «Шульгино. Жальничный могильник» (Лапшин, 1990; 1995). Такая же схема наименований используется и при составлении современной археологической карты Ленинградской области на базе разработанной в ООА ИИМК

РАН археологической информационной системы «Археограф».

В ходе полевых работ 2018 года были обследованы объекты археологического наследия 12 видов (рис. 1; 2): стоянки и местонахождения эпохи камня – 8; местонахождение бронзовых предметов – 1; углежогные кучи – 6; поселения и селища – 11; руины церкви – 1; рубежный камень – 1; камни-чашечники – 1; каменные сложения (кучи) – 3; сопки – 2; курганные и курганно-жальничные могильники (включая одиночные курганы) – 22+1; жальничные могильники – 3; грунтовые могильники – 2.

ПРИОЗЕРСКИЙ РАЙОН

Рощинское 1. Группа каменных сложений

Группа каменных сложений Рощинское 1 расположена в 4,4 км к юго-западу от пос. Торфяное, в 0,73 км к юго-западу от оз. Рощинское, на склоне террасы у края заболоченной прибрежной низины. Памятник выявлен осенью 2017 г. Прибалтийско-Ладужской археологической экспедицией МАЭ РАН в ходе проведения полевых работ в зоне планируемых строительных работ по прокладке газопровода к г. Приозерск Ленинградской области. В ходе разведки зафиксированы шесть каменных сложений на участке размерами 50 × 65 м. Сложения были отнесены к так называемым «лапландским кучам» – предположительно ритуально/погребальным объектам раннего железного века I тыс. до н. э. – I тыс. (Бельский, 2017а). В ходе полевых исследований памятника Рощинское 1 в 2018 г., помимо обнаруженных ранее шести сложений, были выявлены еще 69 каменных выкладок. Всего было зафиксировано 75 каменных объектов разных форм и размеров (рис. 3).

В основном, объекты сложены из камней в 2–3 ряда. У небольших сложений прослеживается только

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материально культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материально культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru.

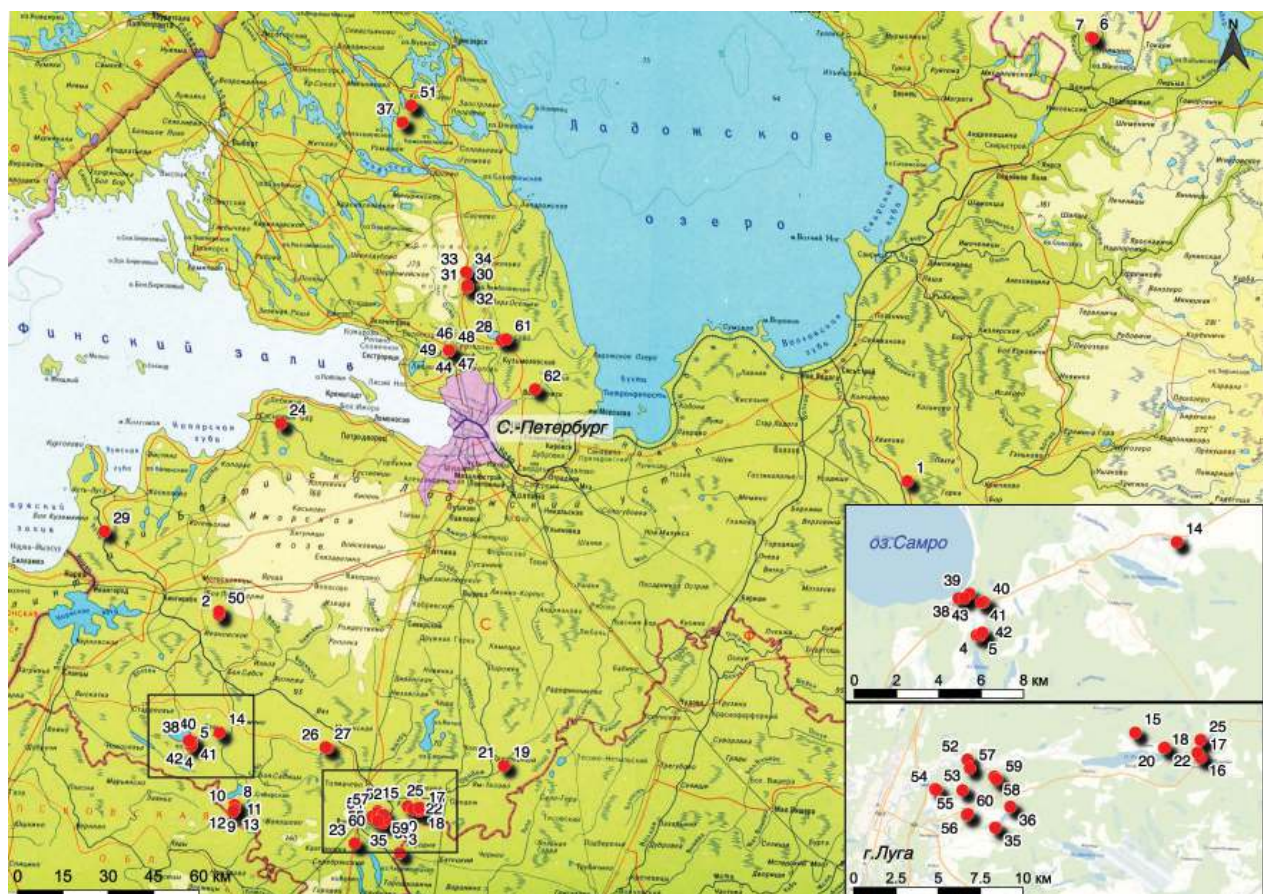

Рис. 1. Карта обследования археологических памятников в 2018 г. 1 – Бесовка 2. Курганная насыпь; 2 – Выползово 2. Уроцище; 3 – Вычелобок. Селище; 4 – Горка 2 (Самро 5). Курганный могильник; 5 – Горка 4 (Самро 7). Курган; 6 – Гришино 1. Группа каменных куч; 7 – Гришино 2. Два камня-чашичника; 8 – Жилое Горнеино 1. Курганно-жальничный могильник; 9 – Жилое Горнеино 2. Курганно-жальничный могильник; 10 – Жилое Горнеино 3. Курганный могильник; 11 – Жилое Горнеино 4. Курганный могильник; 12 – Жилое Горнеино 5. Грунтовый могильник; 13 – Жилое Горнеино 6. Селище; 14 – Залустежье. Жальничный могильник; 15 – Запишенье. Курганно-жальничный могильник; 16 – Заплотье 1. Курган; 17 – Заплотье 2. Селище; 18 – Заплотье 3. Селище; 19 – Заполье 1. Курганный могильник; 20 – Заполье 2. Курганно-жальничный могильник; 21 – Заполье 2. Селище; 22 – Заполье 3. Курган-жальник; 23 – Калгановка. Курганный могильник; 24 – Коваши 1. Церковь Благовещения и прицерковные погребения; 25 – Коленцево 1. Селище; 26 – Красные Горы 1. Грунтовый могильник; 27 – Красные Горы 2. Жальничный могильник; 28 – Курголово 1. Стоянка; 29 – Куровицы 7. Стоянка; 30 – Лемболовское 1. Стоянка; 31 – Лемболовское 2. Стоянка; 32 – Лемболовское 3. Стоянка; 33 – Лемболовское 4. Стоянка; 34 – Лемболовское 5. Стоянка; 35 – Нелаи 1. Курганный могильник; 36 – Нелаи 2. Курган; 37 – Роцинское 1. Группа каменных сложеней; 38 – Самро 1. Сопка; 39 – Самро 2. Сопка; 40 – Самро 3. Сопка; 41 – Самро 4. Селище; 42 – Самро 6. Курганный могильник; 43 – Самро 8. Сопка; 44 – Сертолово 1. Углежогная куча; 45 – Сертолово 2. Углежогная куча; 46 – Сертолово 3. Углежогная куча; 47 – Сертолово 4. Углежогная куча; 48 – Сертолово 5. Углежогная куча; 49 – Сертолово 6. Углежогная куча; 50 – Соловьева Горка. Курганно-жальничный могильник; 51 – Торфяное 2. Группа каменных сложеней; 52 – Турово 12. Курганный могильник; 53 – Турово 13. Курган; 54 – Турово 14. Курган; 55 – Турово 18. Селище; 56 – Турово 19. Селище; 57 – Турово 6. Курганный могильник; 58 – Турово 7. Курганный могильник; 59 – Турово 8. Курганный могильник; 60 – Турово. Курганно-жальничный могильник; 61 – Хепоярви 2. Стоянка; 62 – Щеглово. Местонахождение

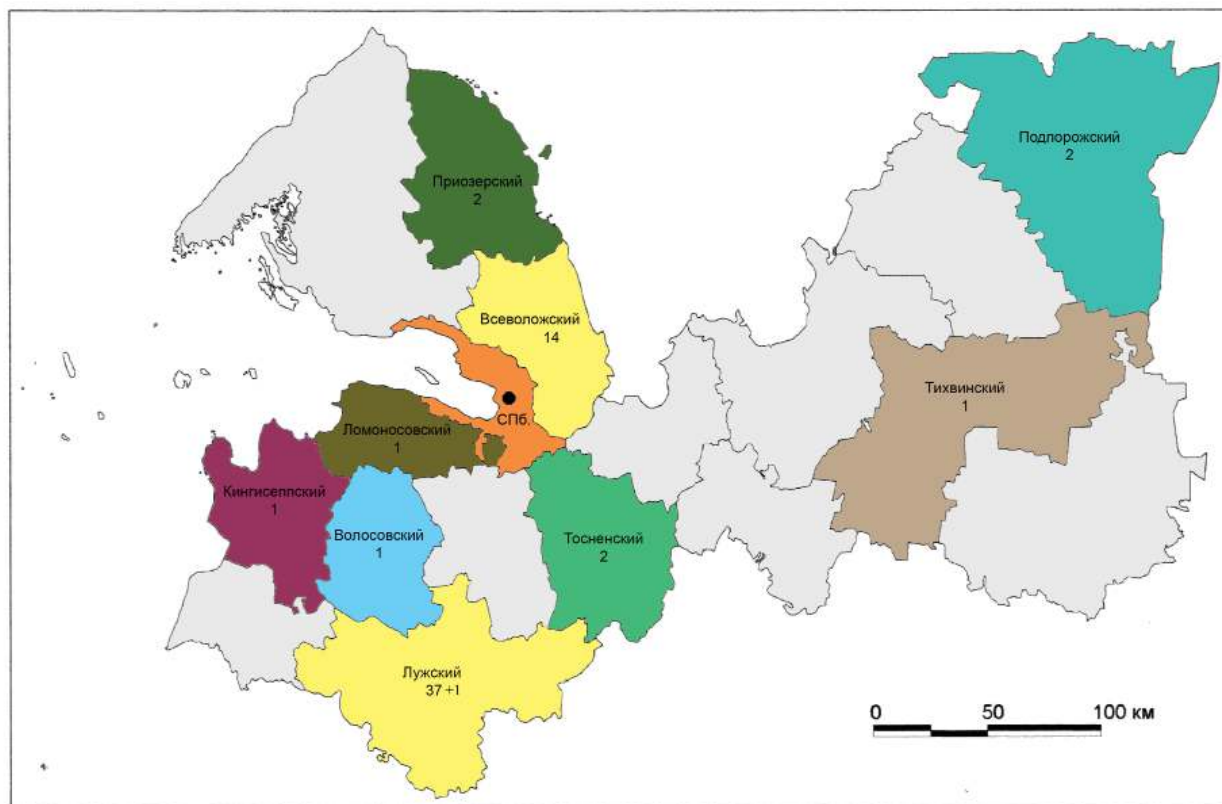

Рис. 2. Карта Ленинградской области с отмеченными районами обследования

один поверхностный ряд. Ряд крупных выкладок содержат 4–6 рядов камней. Некоторые крупные объекты представлены в виде куч из небольших камней в несколько рядов, приваленные к крупным валунам (сложения 20 и 26). Сложение 57 – квадратное в плане, пирамидальной формы. Среди каменных выкладок отмечены отдельные сложения, напоминающие фрагменты небольших каменных оградок в 1–3 ряда (сложение 66). Сложения 8–13, вероятно, являются фрагментами оградки, вытянутой по направлению северо-запад–юго-восток южной границы, отделяющей территорию сложений от леса.

Торфяное 2. Группа каменных сложений

Группа каменных сложений Торфяное 2 расположена в 1,2 км к северу от основного массива пос. Торфяное, в 1,12 км к северу от оз. Комсомольское, в 0,7 км к северо-востоку от р. Веселая, в лиственном лесу у края заболоченной низины.

Памятник был выявлен осенью 2017 г. Прибалтийско-Ладожской археологической экспедицией МАЭ РАН во время проведения полевых работ в зоне планируемых строительных работ по прокладке газопровода к г. Приозерск Ленинградской области.

В ходе разведки зафиксированы 19 каменных сложений на участке размером 85 × 80 м. Сложения также были отнесены к «лапландским кучам» – предположительно ритуально/погребальным объектам раннего железного века I тыс. до н. э. – I тыс. (Бельский, 2017а).

В ходе полевых исследований 2018 г. помимо 19 обнаруженных ранее сложений, были выявлены еще 24 каменных выкладки. Всего было зафиксировано 43 каменных конструкции разных форм и размеров (рис. 4).

В основном объекты сложены из небольших или средних по размеру камней 10–30 см в сечении в несколько рядов. У некоторых небольших выкладок прослеживается только один поверхностный ряд. Большая часть сложений – крупные объекты из 3–6 рядов камней, отдельные имеют до 8 рядов (сложение № 41). Из них 18 – это конструкции в несколько рядов из небольших или средних по размеру камней, сложенные или приваленные сбоку к крупным валунам, иногда сбоку и сверху. Среди каменных выкладок отмечены отдельные сложения в 1–2 ряда, напоминающие фрагменты небольших каменных оградок (сложения 11, 20, 24 и 26).

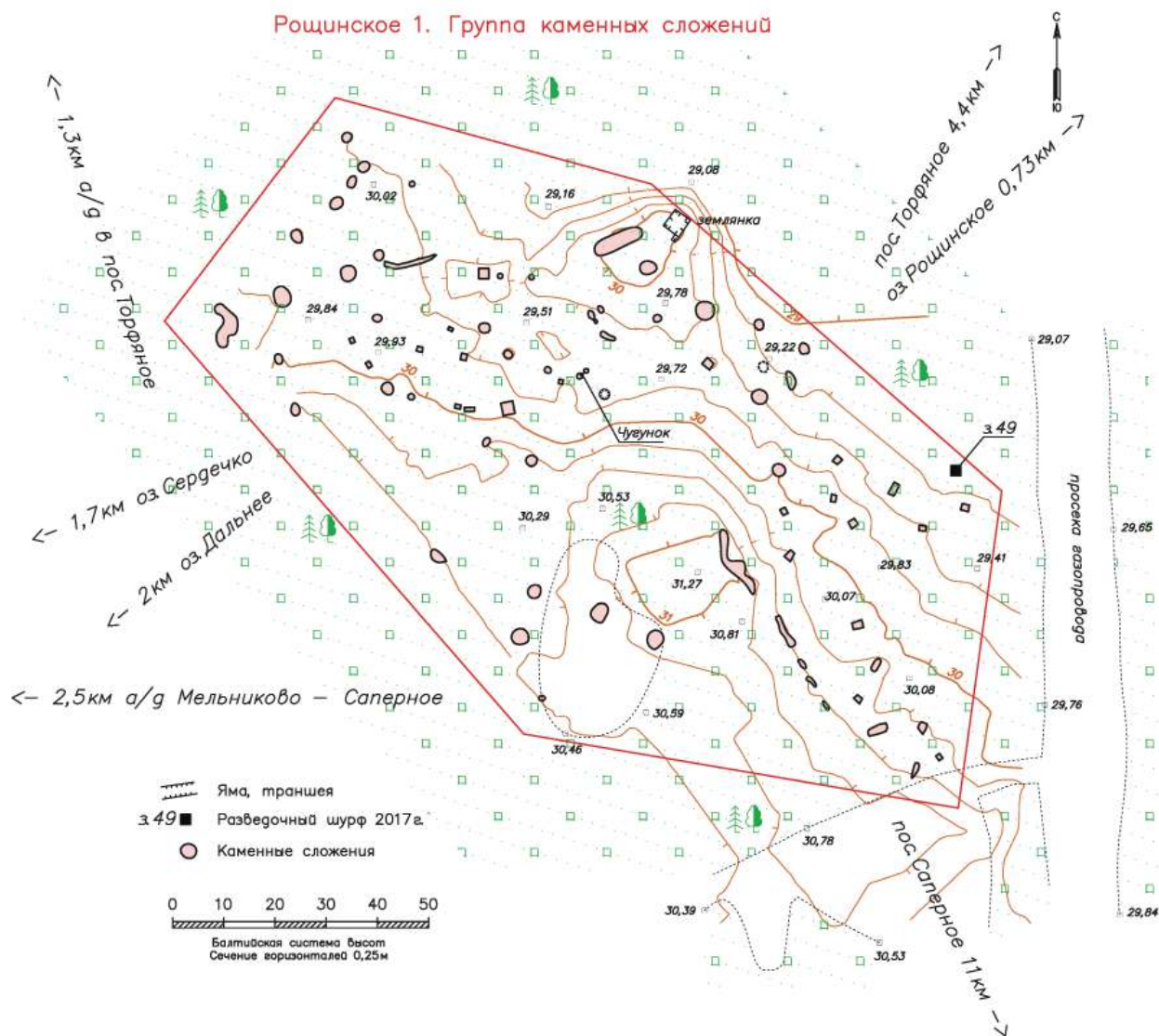

Рис. 3. Рощинское 1. Группа каменных сложений. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 30-31.07.2018

ПОДПОРОЖСКИЙ РАЙОН

Гришино 1. Группа каменных куч

Группа каменных куч Гришино 1 расположена в 0,7 км к северу-северо-востоку от д. Гришино, в урочище Маегла, на склонах и верхнем краю отрога гряды коренного берега р. Мужала, в 160 м от уреза воды, в хвойном лесу. Памятник обнаружен местными жителями в 2012 или 2013 гг. и назван Маегла 1 (Харьковский, 2014). В 2014 г. памятник был обследован сотрудницей ИИМК РАН М. А. Юшковой. В 2016 и 2018 гг. Гришино 1 обследовано областной экспедицией ИИМК РАН. Группа состоит из 40 каменных куч (сложений) разнообразных форм (подквадратные, округлые, подовальные, ромбовидные). Одно сложение (яма 25), вероятно, раскопано (Васильев, 2016а.

Рис. 3) (рис. 5). Вероятно, имеют отношение к погребально-поминальным обрядам или обрядам, связанным с охотничьей магией или иным культовым действиям населения периода железного века – Нового времени.

Гришино 2. Два камня-чашечника

Два «каменя-чашечника» Гришино 2 расположены в 1 км к северу-востоку от д. Гришино, в пойме левого (южного) берега р. Мужала, у крутого поворота и порога, в урочище Рындыжи, в 0,55 км к востоку-юго-востоку от объекта археологического наследия «Гришино 1. Группа каменных куч». Объекты были выявлены местными жителями в 2012 или 2013 гг.

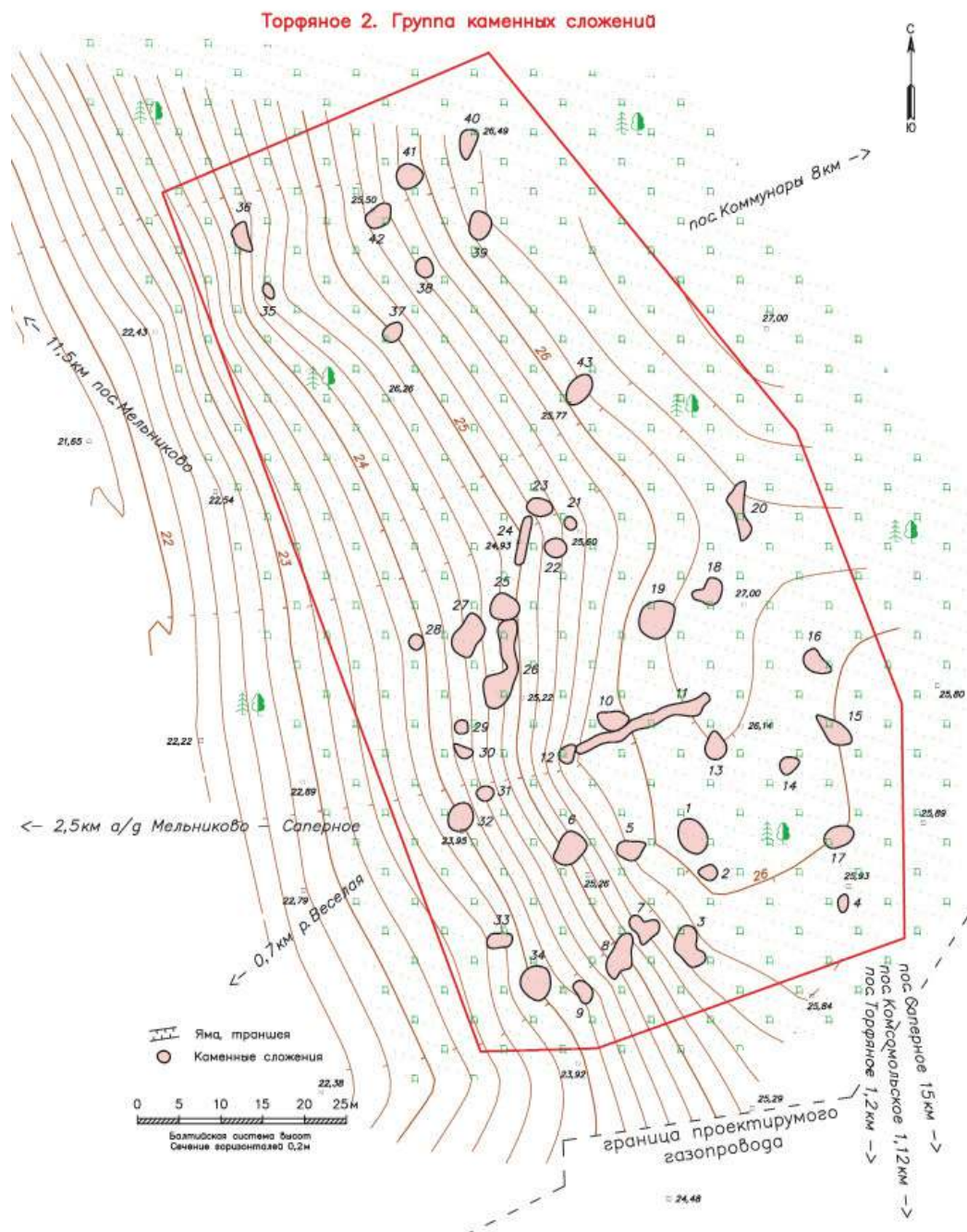

Рис. 4. Торфяное 2. Группа каменных сложений. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 01-02.08.2018

В 2016 г. Гришино 2 обследовано областной экспедицией ИИМК РАН: проведены осмотр камней, обмеры, фотофиксация и составлено описание (Васильев, 2016б. Рис. 3). При повторном обследовании в 2018 г. была проведена топосъемка и определены границы археологического объекта (рис. 6).

Зафиксированные камни-валуны расположены в пойме левого (южного) берега р. Мужала, по

краю ее русла, на расстоянии 11,69 м друг от друга. На поверхности каждого камня выбито по семь «лунок», образующих группы по пять и две «чашки». Выемки имеют подокруглую (граненую) или подтреугольную форму диаметром 3 см или со стороной 3,2 см. Весьма вероятно, что выемки сделаны металлическим орудием. Глубина отверстий на первом камне составляет 1–4,5 см, на втором камне 1,5–10 см. На камне 1 между двумя группами чашек, в направлении северо-восток–

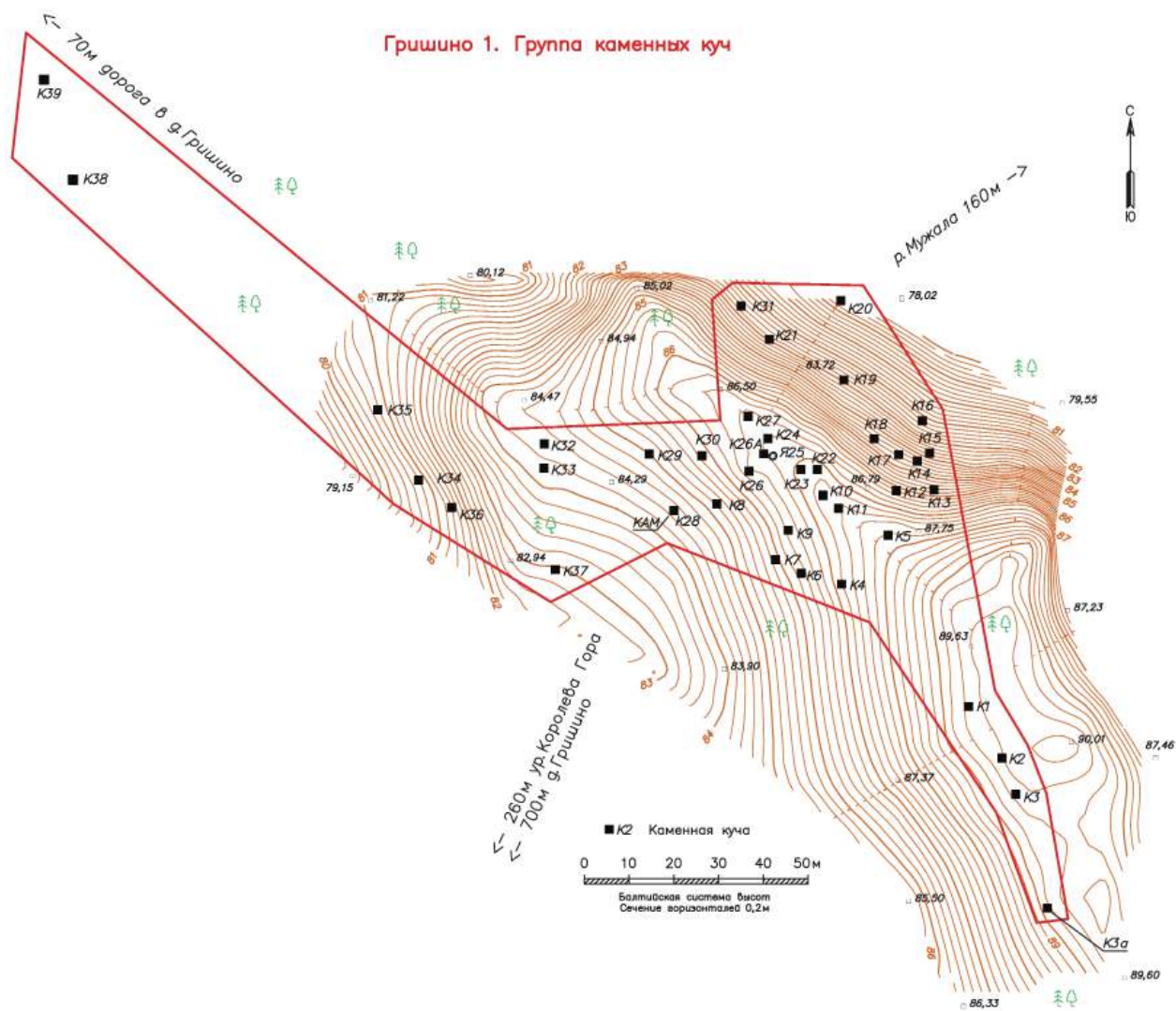

Рис. 5. Гришино 1. Группа каменных куч. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 08-09.09.2016 г., уточнение ООА ИИМК РАН 17.08.2018 г.

юго-запад, выбита или образована естественным путем короткая продольная канавка или «желоб» длиной около 18 см и шириной 1 см. В целом две группы чашек и «желоб» камня 1 могут образовать фигуру стрелки (стрелы), указывающую или направленную в юго-западном направлении. На поверхности второго камня от группы из пяти лунок к северному краю пробит или образован естественным путем неглубокий «желоб» или канавка длиной около 20 см и шириной 2 см. Желоб берет свое начало от небольшого углубления или, возможно, намеченной восьмой чашки. Вероятно, имеют отношение к культовым и обрядовым действиям рыбаков периода железного века – Нового времени.

ТОСНЕНСКИЙ РАЙОН

Рубежный камень 1617 г. на р. Тосна

Рубежный камень 1617 г. расположен в 8,6 км к ССВ от пос. Радофинниково, в 7,5 км к В от д. Ёглино, в 7,1 км к Ю от д. Гуммолово, в 1,96 км к Ю от урочища Верховье, в 32 м к ЮЗ от просеки ЛЭП, в русле р. Тосна, протекающей через смешанный лес. Рубежный камень находится в труднодоступной болотистой лесной местности, вдали от жилых населенных пунктов.

Памятник впервые упоминается в тексте межевой записи «о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладожского и Гдовского уездов от Шведских владений», датированной

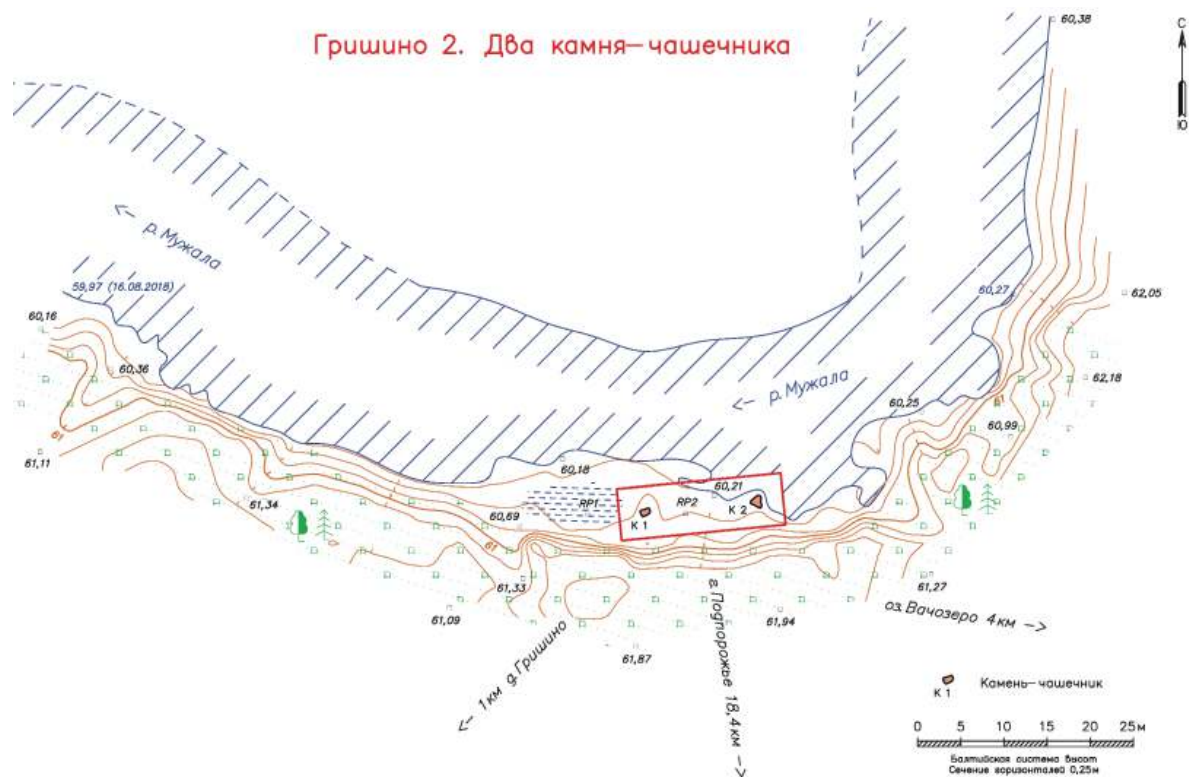

Рис. 6. Гришино 2. Два камня-чашечника. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 16-17.08.2018

29 марта 1618 г.: «И пришед на Тосну реку, идет межа вверх по Тосне реке до Плосково камня дватцать верст, а на том Плоском камени грань, крест да короны, да чрез камень пояс» (Межевая запись, 1830. С. 198). Граница устанавливалась по итогам Столбовского мирного договора, заключенного 27 февраля (9 марта) 1617 г. между Русским царством и Шведским королевством и положившего конец русско-шведской войне 1610–1617 гг. Межевание границы проходило с осени 1617 по весну 1618 г.

Рубежный камень локализован на местности в 2004 г. экспедицией географического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета под руководством А. И. Резникова и О. Е. Степочкиной (Резников, Степочкина, 2005). В 2016 г. камень обследован экспедицией Научно-исследовательского центра «Актуальная археология» под руководством С. В. Бельского во время разведки территории строительства участка газопровода Грязевец – КС Славянская (Бельский, 2017б).

В ходе полевых работ ИИМК РАН в 2018 г. установлено, что Рубежный камень 1617 г. на р. Тосна представляет собой крупный ледниковый валун размерами 3,9 × 3,3 м, высотой от 2,8 м

(с западной стороны) до 1,49 м (с восточной стороны). Он расположен в русле реки, ближе к ее левому (западному) берегу. Верхняя площадка валуна уплощена, имеет наклон на восток к центру реки. В юго-западном углу площадки расположены выбитые межевые пограничные знаки – равносторонний четырехконечный крест размерами 25 × 25 см и схематическое изображение одной короны размерами 41 см, являющиеся государственными символами Русского царства и Шведского королевства. Глубина выбитых изображений в камне до 1 см. Между крестом и короной намечен «пояс» в виде слаборазличимой короткой черты длиной 13,5 см (рис. 7–9).

Тосно I. Селище

Селище расположено в 4,6 км к югу от г. Тосно, в 0,75 м к юго-востоку от моста через р. Тосна по автодорожке А-10/Е-105, на левом берегу р. Тосна, в лиственном лесу. Памятник выявлен летом 2017 г. Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьевой и А. Ю. Городилова при проведении археологической разведки. Селище представляет собой памятник эпохи Средневековья с культурным слоем, содержащим археологические артефакты: фрагменты керамических сосудов,

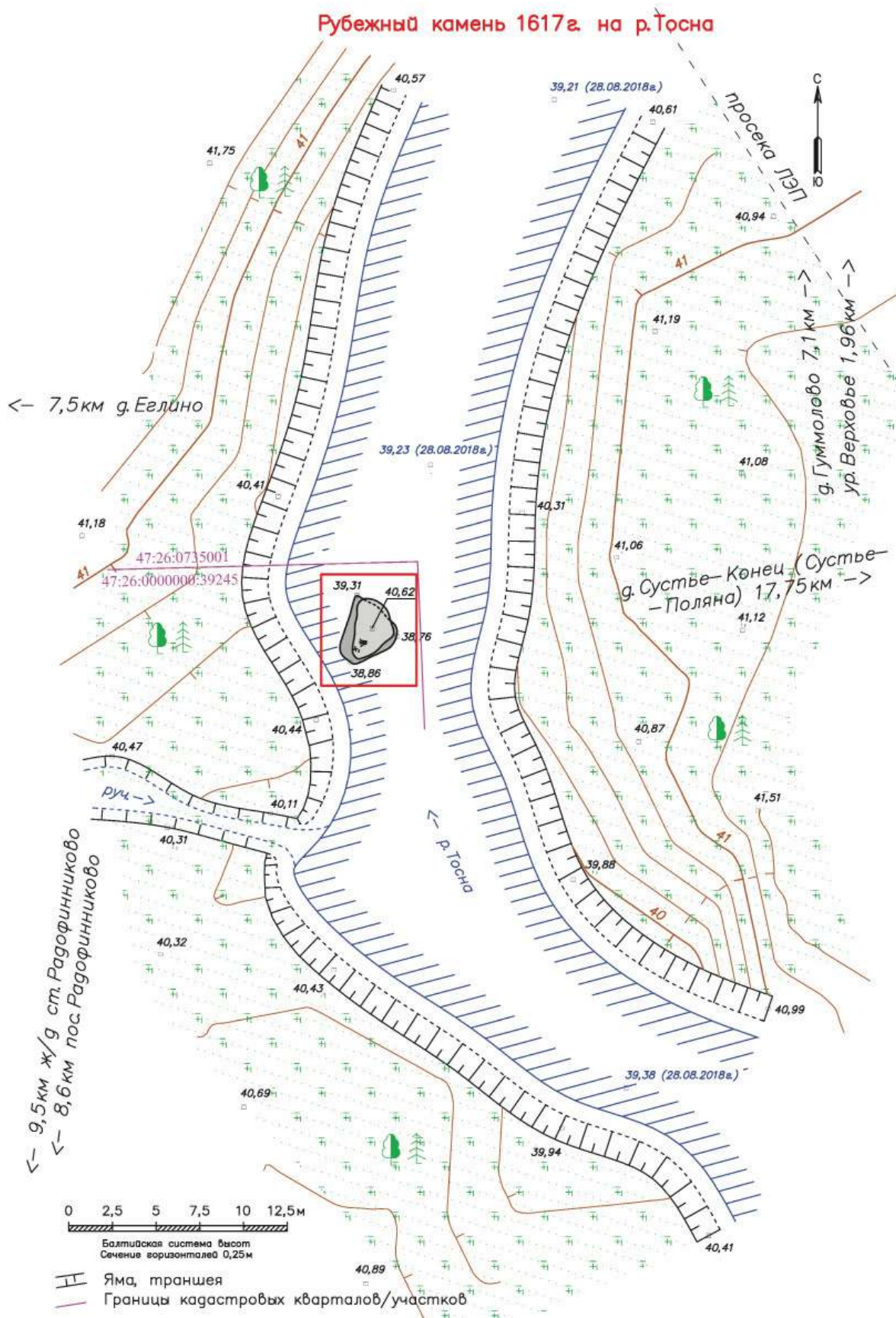

Рис. 7. Рубежный камень 1617 г. на р. Тосна. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 28.08.2018

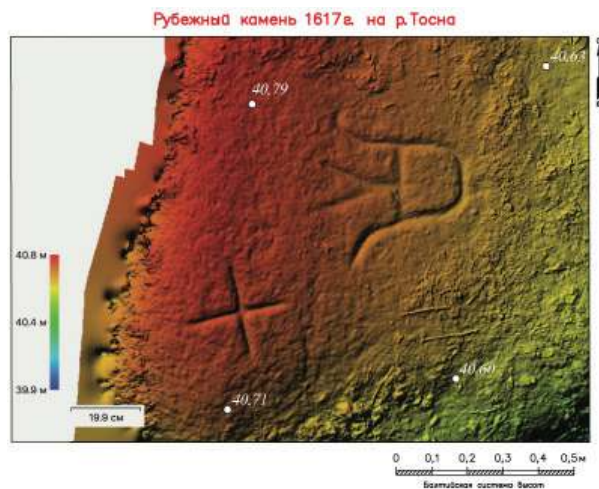

Рис. 8. Рубежный камень 1617 г. на р. Тосна. Знаки (корона, крест и граница) на поверхности Рубежного камня по результатам 3D-моделирования поверхности валуна. Съемка ООА ИИМК РАН 28.08.2018

Рис. 9. Рубежный камень 1617 г. на р. Тосна. Выбитые на поверхности камня крест и корона – государственные символы Русского царства и Шведского королевства. Символы выделены графитом

предметы быта, украшения. Время существования поселения по керамическому материалу определено XI–XIV вв. (Соловьева, 2017а).

В 2018 г. для уточнения границ распространения культурного слоя в юго-восточной части памятника были заложены два шурфа размерами 1 × 1 м. В обоих шурфах на глубине 40–70 см от дневной поверхности под слоем речных отложений был зафиксирован культурный слой в виде коричневой гумусированной супеси мощностью 20–30 см с включением мелких угольков и двух фрагментов грубой глиняной посуды с примесью дресвы в тесте. Черепок из шурфа 1 следует отнести

к лепной посуде и, вероятно, датировать не позднее X в. Черепок из шурфа 2 – мелкий окатанный фрагмент, скорее всего изготовленный уже на гончарном круге. Третья находка – фрагмент глиняной печной обмазки из шурфа 1. Вероятная датировка памятника X–XIV вв.

ТИХВИНСКИЙ РАЙОН

Бесовка 2. Курганная насыпь

Насыпь Бесовка 2 расположена в 1,2 км к западу-северо-западу от д. Бесовка, в 0,5 км к ВСВ от правого берега р. Сясь, в 150 м к западу от автомобильной трассы А-114, в 20 м к юго-востоку от края просеки газопровода, на всхолмлении в еловом лесу. «Возможная курганная насыпь Бесовка 2... высотой 2 м и диаметром около 20 м» выявлена в 2016 г. экспедицией НИЦ «Актуальная археология» под руководством С. В. Бельского. Объект был датирован IX–XII вв. и отнесен к погребальным памятникам Приладожской курганной культуры (Бельский, 2017б. С. 44).

В ходе полевых работ ИИМК РАН 2018 г. на верхушке гребня гряды правого коренного берега р. Сясь была зафиксирована округлая в плане, полусферическая насыпь диаметром 7,7 м и высотой до 1,5 м. С южной стороны объект имеет «язык» в виде разрушенной части насыпи или отдельной небольшой насыпи, слившейся с южной полкой основной насыпи. Диаметр «южной» насыпи около 3 м, высота около 0,7 м. Насыпь задернована, на ней растут молодые елочки, а по основанию – крупные ели и березы. Каменная обкладка и ровик отсутствуют. В основании юго-западной полы зафиксирован старый шурф-зачистка шириной около 65 см. При повторной зачистке шурфа была зафиксирована следующая стратиграфия: 1 – дерн; 2 – мешаный слой серо-коричневой слабогумусированной супеси; 3 – погребенная почва, насыщенная мелкими угольками до 10–12 см; 4 – подзол до 10–15 см; 5 – материк – желтый песок.

Стратиграфия шурфа показывает, что насыпь искусственного происхождения, возведена в один прием и состоит из мешаной слабогумусированной супеси серо-коричневого цвета. В основе насыпи залегает насыщенная угольками погребенная почва. На основании формы и размеров насыпи, стратиграфии, а также ландшафтной и географической приуроченности, характерной для памятников Средневековья этого региона, наличия в ближайших окрестностях иных объектов археологического наследия, следует отнести «Возможную курганную насыпь Бесовка 2» к погребальному памятнику Приладожской курганной культуры X–XI вв. или курганам древнерусского времени XI–XIV вв.

ЛОМОНОСОВСКИЙ РАЙОН Коваши 1. Церковь Благовещения и прицерковные погребения

Объект археологического наследия расположен на восточном краю дер. Коваши, на правом берегу реки Коваши, в 33 м к северо-западу от кромки воды реки, в 36,5 м к юго-востоку от автодороги 41К-137 Форт Красная Горка – Коваши – Сосновый Бор, с северо-восточной стороны от канавы, на небольшом песчаном всхолмлении, возвышающемся над окружающей местностью на 0,5–1 м.

Памятник выявлен весной 2017 г. Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьевой и А. Ю. Городилова. В ходе разведки был зафиксирован многослойный археологический памятник, состоящий из руин церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, могильника эпохи Средневековья – Нового времени и находок эпохи неолита и Средневековья (Соловьева, 2017б).

В настоящее время от здания деревянной церкви постройки 1788 г. сохранился руинированный фундамент, фрагменты каменной отмостки и мощения, а от церковного кладбища – несколько переотложенных надмогильных сооружений. С юго-восточной стороны фундамента церкви лежит намогильная гранитная плита с высеченным рельефным четырехконечным крестом на верхней стороне. На левой боковой грани высечена надпись «Яковъ Аристовичъ Дребсъ. 1837го–1854го». Также прослеживаются остатки церковной ограды.

Здание церкви многократно ремонтировалось и перестраивалось. Фрагменты фундамента на известковом растворе позволяют предполагать о сохранившихся подземной части и полах церкви. Часть осмотренных кирпичей из развалин храма были изготовлены на заводах «Укке Людвиг Юльевич и К», действовавших в 1890–1917 гг.

ВОЛОСОВСКИЙ РАЙОН Выползово 2. Урочище

Урочище Выползово расположено в 3,2 км к ЮЮЗ от пос. Беседа, в 2,5 км к С от дер. Лопец, в 2,5 км к западу-юго-западу от д. Кряково, в 1,6 км к северо-северо-востоку от курганного могильника Выползово, в 0,68 км к юго-юго-востоку от курганно-жальничного могильника Соловьева Горка, в 230 м к северу от просеки газопровода, в лиственном лесу. Памятник выявлен в 2016 г. экспедицией НИЦ «Актуальная археология». Урочище представляло собой место бывшей д. Выползово XVIII–XX вв. с частично сохранившимися фундаментами строений. В двух шурфах зафиксирован культурный слой мощностью

до 0,43 м в виде слоя серо-коричневой плотной гумусированной супеси (Бельский, 2017б. С. 45, 46).

Деревня Выползово упоминается на Плана генерального межевания Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии 1780–1790-х гг., а также на исторических картах XIX–XX вв. Верхней границей памятника следует считать 1943 г., когда деревня была сожжена во время Великой Отечественной войны.

В ходе полевых исследований 2018 г. установлено, что «Урочище Выползово» представляет собой территорию бывшей д. Выползово, сожженной немецкими войсками в 1943 г. На северном краю урочища установлен памятный знак с текстом «Деревня Выползово сожжена фашистами в декабре 1943 года». От деревни частично сохранились фундаменты 32 построек по обеим сторонам грунтовой дороги на протяжении 660 м, вытянутой по направлению север–юг. Фундаменты всех построек как больших жилых домов, так и хозяйственных сооружений, были сложены из средних и крупных по размеру валунов до 40–50 см в сечении. В ряде случаев использовались известняковые плиты толщиной до 20 см. От фундаментов сохранились 2–4 ряда каменной кладки на высоту до 1,2 м. Размеры фундаментов 5,87–19,82 × 7,05–30,11 м. Вероятно, они сложены в XIX – начале XX вв. В развале фундамента 11 найдено несколько фрагментов разбитого деревянного горшка, чугушка и оплавленного стекла, побывавших в сильном огне пожаре 1943 г. (рис. 10).

В восьми заложенных на территории бывшей деревни шурфах был зафиксирован культурный слой в виде серо-коричневой гумусированной супеси мощностью 15–40 см с многочисленными артефактами. Всего было обнаружено 409 находок: кости животных – 33, фрагменты стеклянных изделий – 22, обломки железных изделий (гвозди, топоры, подковы, скребок или пила и пр.), фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды – 67 (включая изделия заводов Кузнецова XIX в.), фрагменты гончарной керамики – 261. Среди последних выделяется ряд грубых черепков, в том числе с нагаром. Некоторые из них двух- или трехслойные в изломе. Часть фрагментов в качестве примеси в тесте содержит дрсеву и может быть синхронна находящимся в ближайшей округе древнерусским и позднесредневековым могильникам. Особо следует выделить находку кремневой пластинки из шурфа 4, которую следует отнести к эпохе неолита.

Происходящие из культурного слоя и развалов фундаментов домов материалы в основной массе датируются XVIII – первой половины XX в., что

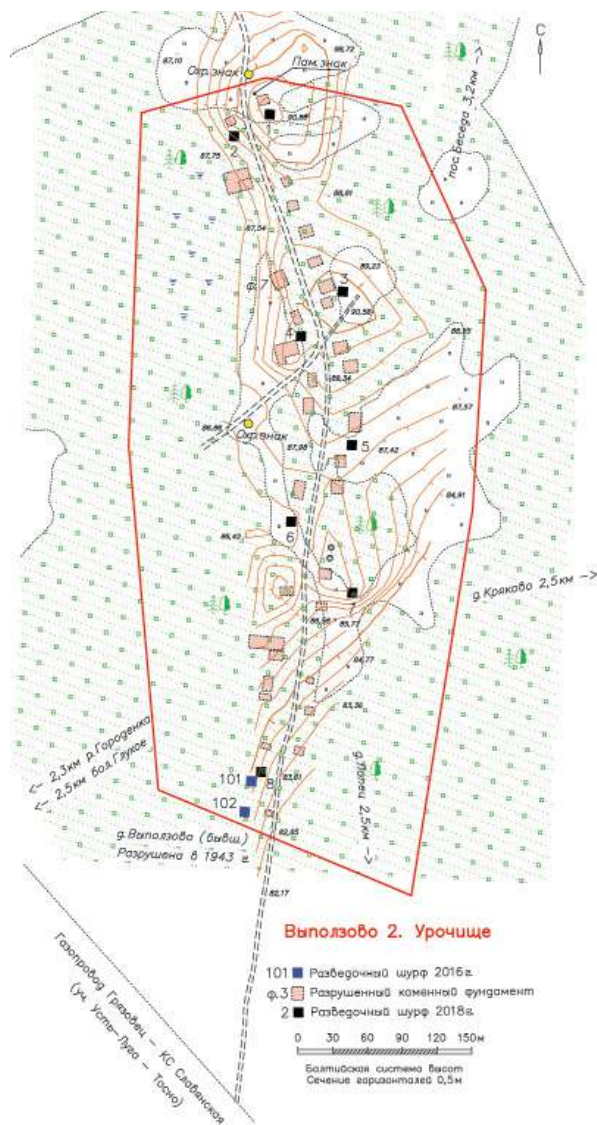

Рис. 10. Выползово 2. Урочище. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 03.07.2018

соотносится с картографическими и историческими источниками.

КИНГИСЕППСКИЙ РАЙОН

Куровицы 7. Стоянка

Стоянка Куровицы 7 расположена в 1,3 км к северу-северо-востоку от д. Куровицы, в 0,6 км к северу-северо-востоку от правого берега р. Луга, к юго-западу от левого берега безымянного ручья, на краю возвышенности, на небольшой, частично залесенной поляне. Памятник выявлен в 2016 г. экспедицией НИЦ «Актуальная археология». В шурфах был зафиксирован культурный слой мощностью до 0,6 м в виде слоя темно-серой супеси с пятнами серо-коричневого гумусированного песка, фрагменты кальцинированных костей и лепной керамики с гре-

бенчато-ямочным орнаментом. По обнаруженному материалу в шурфах памятник предварительно был датирован эпохой позднего неолита – поздней бронзы (Бельский С.В., 2017б. С. 48).

В 2018 г. на памятнике был произведен визуальный осмотр территории, фотографическая фиксация, выполнена инструментальная топографическая съемка плана и уточнены границы археологического объекта. Площадь памятника в установленных границах составила 2731 кв. м. Датировается эпохой позднего неолита – ранней бронзы (III–II тыс. до н. э.).

ВСЕВОЛОЖСКИЙ РАЙОН

Хепоярви 2. Стоянка

Стоянка Хепоярви 2 расположена в границах поселка городского типа Токсово, в северной части перешейка между озерами Чайное и Хепоярви. Памятник выявлен в 2007 г. на территории Учебного центра ВИФК им. Лесгафта. В процессе визуального обследования западного берега оз. Хепоярви у обреза воды были обнаружены кварцевые нуклеус и семь отщепов, относящиеся к эпохе неолита. Точка сбора подъемного материала была обозначена в отчете как «Местонахождение Хепоярви» (Макаров, 2007).

В 2014 г. место обнаружения кварцевых предметов было обследовано экспедицией ИИМК РАН. На открытых участках разноуровневых террас западного берега оз. Хепоярви заложены 15 шурфов. В результате проведенной работы были выявлены три участка сохранившегося культурного слоя эпохи неолита, зафиксированного в шурфах 2, 6, 7 и 15, а также в результате сбора подъемного материала в прибрежной полосе. По данным исследователей, памятник локализуется вдоль береговой линии на отдельных прибрежных террасах на высоте 2–3 м над урезом воды на протяжении около 312 м. На более высоких участках культурный слой не зафиксирован (Васильев, 2016в. Рис. 187–189).

В 2018 г. на памятнике был произведен визуальный осмотр его территории, обнажений береговой линии, поиск подъемного материала, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и технического состояния, произведена его фотофиксация, выполнена инструментальная топографическая съемка и определены границы (рис. 11). Памятник состоит из трех локализованных участков. Культурный слой стоянки представляет собой песок красного цвета мощностью до 10 см, залегающий на глубине 20–30 см от современной дневной поверхности. Культурный слой содержит угли, кварцевые артефакты (отщепы, нуклеус), керамику. Также зафиксированы очажные

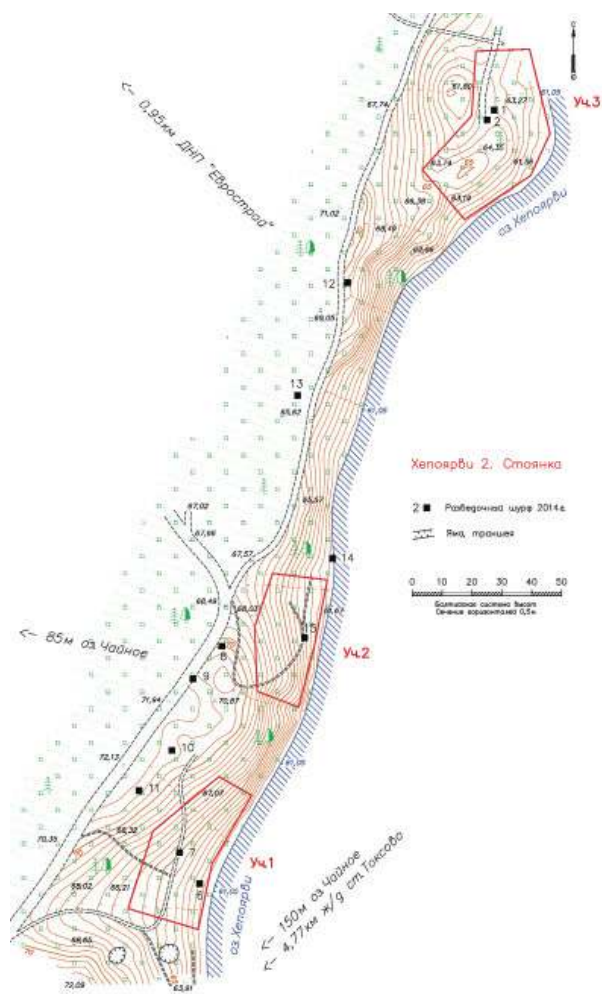

Рис. 11. Хелоярви 2. Стоянка. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 03.08.2018

конструкции, хозяйственные или жилищные за- падины.

Курголово 1. Стоянка

Стоянка Курголово 1 расположена в северной части поселка городского типа Токсово, с северной стороны от въезда в учебно-тренировочный центр «Кавголово», на террасе юго-восточного берега озера Курголовское. Памятник выявлен в 2008 г. С. Н. Лисицыным в рамках археологической экспертизы землеотвода под строительство много-функционального спортивного комплекса «Токсово». В осыпи склона были найдены фрагменты ке- рамики и кальцинированные кости. В зачистке 4 зафиксирована следующая стратиграфия: под слоем дерна и подзола мощностью 5–10 см залегает слой интенсивно-красного песка толщиной около 20 см, который подстилается светло-желтым песком. На- ходки были приурочены к слою красного песка. Распространение этого слоя было прослежено на

протяжении около 100 м по направлению к озеру и на 20–30 м к северу от грунтовой дороги. Об- наруженные фрагменты керамики, по данным исследователя, относятся к периоду позднего неолита (2500–1500 лет до н. э.) (Лисицын, 2008а. № 79-256).

В 2014 г. стоянка Курголово 1 обследована экспедицией ИИМК РАН: проведены осмотр тер- ритории памятника, поиск подъемного материала, произведена фотофиксация, заложены восемь шурфов и определены предварительные границы памятника. В шурфе 4 на западной окраине стоян- ки были зафиксированы культурный слой в виде красного песка и два очажных пятна. С уче- том материалов 2008–2009 гг., предварительные границы распространения культурного слоя были локализованы к северу от ограды спортивной базы (Васильев, 2016в. Рис. 293, 315).

В 2018 г. в результате осмотра осыпи склона террасы вдоль ограды спортивного центра, в вос- точной ее части на протяжении 24 м и в западной – на протяжении 4 м, были зафиксированы выходы культурного слоя в виде красного песка. В вос- точной его части отмечено угольное пятно от очаж- ного комплекса или кострища. Культурный слой представлен интенсивно-красным песком мощностью до 20 см с включением угольков и залегает сразу под слоем дерна и подзола (рис. 12).

Лемболовское 1. Стоянка

Стоянка Лемболовское 1 расположена в 1,8 км к северо-востоку от д. Керро, в 178 м к северо- северо-западу от автодороги Грузино–Керро (41К-072), в 120 м к западу-северо-западу от СНТ Грузино-4, в 33 м к западу от левого берега р. Ройки, в 25 м к юго-западу от края берега (кромки воды) юго-восточного берега южной части Лемболовского озера, на поляне.

В 1984 г. Ленинградским неолитическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В. И. Тимофеева в трех местах на юго-восточном берегу оз. Лемболовское были обнаружены материалы эпохи неолита (пункты Лемболово-1–3). На левом берегу речки Ройки при впадении в озеро, примерно в 200 м ниже по течению от автодорожного моста через реку, на поверхности двухметровой террасы было собрано 12 кварцевых отщепов, 3 отщепов кварца со следами вторичной обработки (в том числе «скребок кольского типа»), отщеп кремня. Место сбора было обозначено на схеме как «п. 1» (пункт Лемболово-1) (Тимофеев, 1984. Л. 31, п. 1).

В публикации В. А. Лапшина данное место сбора подъемного материала обозначено как

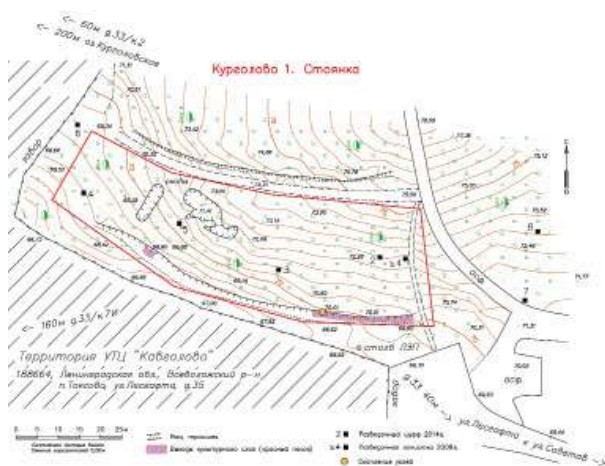

Рис. 12. Курголово 1. Стоянка. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 04.08.2018

«Лемболовское-1. Местонахождение» (Лапшин, 1995. С. 173, № 1658). В 2000 г. местонахождение зарегистрировано Департаментом по охране памятников под названием «Стоянка Лемболовское-1» (Акт 4-16 от 31.03.2000).

В 2014 г. экспедицией ИИМК РАН был обследован левый берег р. Ройки в месте ее впадения в оз. Лемболовское. Осмотр территории, поиск подъемного материала и четыре заложенных шурфа не выявили каких-либо археологических материалов. По результатам работ было высказано предположение о возможном расположении местонахождения Лемболово-1 на открытой площадке склона террасы в 70 м к северо-западу от обследованного участка (Васильев, 2016в).

В 2018 г. на этой площадке были заложены два шурфа. В шурфе 2 под почвенным слоем в слое желтого песка зафиксировано гумусированное пятно подовальной формы размерами 50 × 40 см. В разрезе пятно имело форму ямы, заглубленной в желтый песок на 35 см. В верхней части яма была заполнена гумусированным желтым песком мощностью до 12 см, в нижней части – слабогумусированным песком. В яме обнаружен кварцевый отщеп, более 10 фрагментов мелких кальцинированных костей и мелкие угольки. В северо-восточной и северо-западных стенках шурфа, на уровне ямы с находками, отмечены линзы или включения аналогичного гумусированного песка (рис. 13; 14).

Следует полагать, что обследованный в 2018 г. открытый участок террасы юго-восточного берега Лемболовского озера является местом сбора неолитических материалов В. И. Тимофеевым в 1984 г. По всей видимости, культурный слой данной

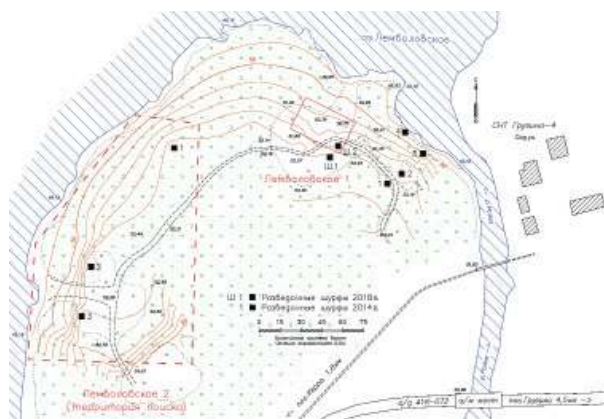

Рис. 13. Лемболовское 1. Стоянка. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 05.08.2018

Рис. 14. Лемболовское 1. Стоянка. Шурф 2. Находки: 1 – кварцевый отщеп; 2 – кальцинированные кости и уголь

неолитической стоянки сохранился в виде небольших отдельных пятен желтого песка и комплексов (ям) эпохи неолита, включающих артефакты каменной индустрии, кальцинированные кости, угли.

Лемболовское 2. Стоянка

Территория поиска стоянки Лемболовское 2 на основании сведений археологических разведок 1984 и 2014 гг. располагалась в 190 м к юго-западу от стоянки Лемболовское 1, в 30–40 м к востоку от края (кромки воды) юго-восточного берега южной части Лемболовского озера, на поляне в сосновом лесу.

Памятник был обнаружен В. И. Тимофеевым в 1984 г. и обозначен им на схеме как «п. 2» (пункт Лемболово-2). Из описания следует, что место сбора подъемного материала расположено на склоне двухметровой террасы озера «примерно в 200 м к юго-западу от Лемболово-1, на расстоянии около

30 м от уреза воды», где были собраны скребок на отщепе кварца и четыре кварцевых отщепов (Тимофеев, 1984. Л. 31). В публикации В. А. Лапшина данное место сбора подъемного материала обозначено как «Лемболовское-2. Местонахождение» (Лапшин, 1995. С. 173, № 1659). В 2000 г. местонахождение зарегистрировано Департаментом по охране памятников под названием «Стоянка Лемболовское-2» (Акт 4-16 от 31.03.2000).

В 2014 г., на основании описания местоположения «пункта Лемболово-2» у В. И. Тимофеева, была предпринята попытка локализовать стоянку Лемболовское 2 на расстоянии примерно 150–250 м к юго-западу от места поиска стоянки Лемболовское 1. Осмотр данной территории, поиск подъемного материала и закладка трех шурфов не дали результатов. В шурфе 3 под почвенным слоем зафиксирован слой красного песка мощностью около 20 см, не содержащий находок. Было отмечено, что из аналогичного по цвету и уровню залегания слоя интенсивно-красного песка стоянки Курголово 1 происходят находки эпохи неолита. Тем не менее, из-за отсутствия археологических материалов, наличие стоянки в 2014 г. не подтверждено (Васильев, 2016в). В 2018 г. повторный осмотр данной территории и поиск подъемного материала также не дали результатов (рис. 13).

Лемболовское 3. Стоянка

Территория поиска стоянки Лемболовское 2 на основании сведений археологических разведок 1984 и 2014 гг. располагалась «близ края двухметровой террасы озера» в районе орудийного капонира на северной оконечности мыса восточного берега Лемболовского озера, на территории базы отдыха Грузино-4, около 0,4 км к северо-западу от здания администрации базы и в 0,5 км к северо-западу от СНТ Грузино-4.

Стоянка Лемболовское 3 обнаружена в 1984 г. В. И. Тимофеевым примерно в 150 м к северу от строений базы отдыха объединения «Лен-энергоремонт» близ края двухметровой террасы озера на участке, где поверхность нарушена котлованом (орудийным капониrom). Было собрано пять отщепов кварца, кварцевый скребок, крупное (6,5 см в поперечнике) орудие на отщепе кварцита с двусторонней подтеской краев, чешуйка кремня, мелкий фрагмент неолитической керамики с органической примесью в тесте и со следами орнамента отпечатками «веревочки, намотанной на палочку». На схеме место сбора подъемного материала обозначено как «п. 3» (пункт Лемболово-3). Относительная датировка памятника по данным исследователя – средний

неолит, культурная принадлежность – культура прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, абсолютная датировка – 4000–500 лет до н. э. (Тимофеев, 1984. Л. 31).

В публикации В. А. Лапшина данное место сбора подъемного материала обозначено как «Лемболовское-3. Местонахождение» (Лапшин, 1995. С. 173, № 1660). В 2000 г. местонахождение зарегистрировано Департаментом по охране памятников под названием «Стоянка Лемболовское-3» (Акт 4-16 от 31.03.2000).

В 2014 г. предполагаемая территория стоянки Лемболовское 3 была осмотрена экспедицией ИИМК РАН и обозначены предварительные границы для проведения дальнейших поисков (Васильев, 2016в. Рис. 356).

В 2018 г. предпринята повторная попытка локализовать территорию стоянки. С западной, северной и восточной сторон от орудийного капонира вдоль края коренного берега были заложены три шурфа, зачистка и пять зондажей. В результате проведенных работ признаков неолитической стоянки не зафиксировано (рис. 15).

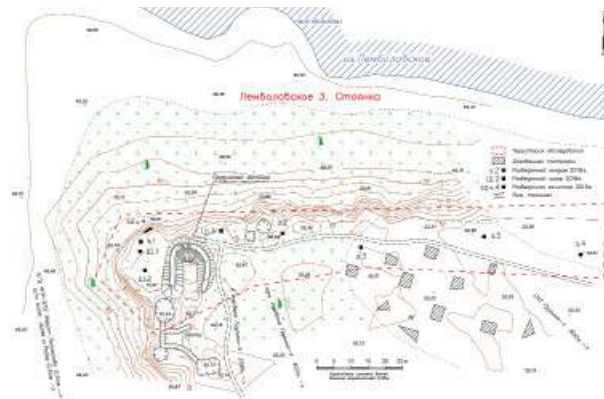

Рис. 15. Лемболовское 3. Стоянка. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 06.08.2018

Лемболовское 4. Стоянка

Стоянка Лемболовское 4 расположена на территории турбазы к западу от д. Васкелово, в 80 м к северо-западу от шлагбаума СНТ «Радуга», в восточной части перешейка полуострова Зеленый Мыс на Лемболовском озере. Перешеек длиной около 280 м и шириной 40–100 м вытянут в направлении юго-восток–северо-запад, имеет низкие берега, зарос кустарником, березой, ольхой. Памятник открыт С. Н. Лисицыным в 2007 г. В зачистке стенки неглубокого карьера были обнаружены два мелких отщепов из кварца и кремня. Находки

залегали в «хорошо выраженном культурном слое». В 2007 г. памятник зарегистрирован Департаментом по охране памятников под названием «Местонахождение Лемболовское-4» (Акт 70Д от 28.12.2007. Прил. 1, № 8). В 2008 г. для уточнения характера памятника исследователем были проведены дополнительные работы. В отчетах С. Н. Лисицына фигурируют несколько наименований памятника: «памятник каменного века на Лемболовском озере», «памятник каменного века Лемболово-4», «Поселение Лемболово-4», «Стоянка Лемболово-4», «Лемболовское озеро 4» (Лисицын, 2008б. № 79-243; Лисицын, 2008в. № 79-247; Лисицын, 2008г. № 79-251. Л. 9).

В 2014 г. территория памятника обследована экспедицией ИИМК РАН. В двух из четырех заложённых шурфов обнаружены материалы эпохи неолита (Васильев, 2016в. Рис. 368).

В мае 2018 г. памятник вновь был обследован С. Н. Лисицыным в связи с расширением газораспределительной сети к котельной д. Васкелово. В ходе работ по трассе газопровода были заложены пять зачисток и 54 буровых скважины. В зачистках 4–5 культурный слой зафиксирован в непереотложенном состоянии. Результаты работ позволили локализовать культурный слой стоянки в отложениях песчаной дюны к югу от проектируемого газопровода. В итоговом отчете памятник назван «Лемболовское Озеро 4 – стоянка» (Заключение, 2018). В том же 2018 г. экспедицией ИИМК был снят топографический план стоянки Лемболовское 4 и определены ее границы (рис. 16).

По итогам архивных и полевых исследований установлено, что стоянка Лемболовское 4 представляет собой остатки восточного края песчаной дюны с сохранившимся культурным слоем эпохи среднего неолита. Также отдельные артефакты обнаружены к западу от нее на участке разрушения.

Лемболовское 5. Стоянка

Стоянка Лемболовское 5 расположена в центральной части полуострова Зеленый Мыс на Лемболовском озере к западу от д. Васкелово, в 370 м к северо-западу от шлагбаума СНТ «Радуга». Полуостров длиной около 1000 м и шириной от 280 м до 40 м (на перешейке) вытянут в направлении юго-восток–северо-запад, имеет высокие берега, покрыт хвойным лесом с включением лиственных деревьев и кустарников.

Памятник открыт С. Н. Лисицыным в апреле 2008 г. на южном берегу озера Лемболовское. При обследовании территории учебно-спортивной базы

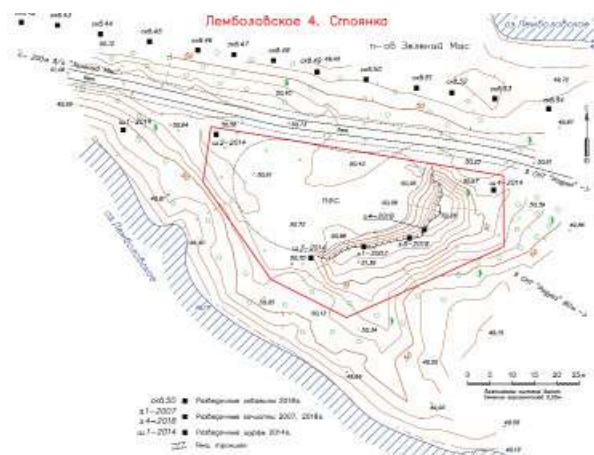

Рис. 16. Лемболовское 4. Стоянка. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 07.08.2018

«Зеленый мыс», в одном из заложённых шурфов на уровне залегания слоя красно-оранжевой супеси, зафиксированы четыре кварцевых отщепа, фрагмент керамики с примесью дресвы и кальцинированные кости. Мощность культурного слоя составила 10–20 см. Также в зачистке стенки траншеи в 40 м к западу от шурфа были обнаружены кремневый и кварцевый отщепа и пять фрагментов кальцинированных костей. На основе анализа находок памятник был датирован эпохой неолита – раннего металла. По данным разведки, поселение протяженностью около 50 м занимало ровную береговую площадку на высоте 5–6 м над современным уровнем воды. В отчетах С. Н. Лисицына фигурируют несколько наименований памятника: «поселение Лемболово 5» и «стоянка Лемболовское озеро 5» (Лисицын, 2008в. № 79-247. Л. 10–12; Лисицын, 2008г. № 79-251. Л. 9–10).

В 2014 г. в ходе обследования территории стоянки Лемболовское 5 экспедицией ИИМК РАН в заложённых шурфах также были обнаружены культурный слой и материалы эпохи неолита (Васильев, 2016в. Рис. 368).

В мае 2018 г. памятник вновь был обследован С. Н. Лисицыным в связи с расширением газораспределительной сети к котельной д. Васкелово. В ходе работ в заложённых зачистках и буровых скважинах по трассе газопровода вблизи территории стоянки археологические материалы обнаружены не были (Заключение, 2018). В том же 2018 г. экспедицией ИИМК был снят топографический план стоянки Лемболовское 5 и на основании архивных и полевых исследований 2008–2018 гг. уточнены ее границы (рис. 17).

По итогам архивных и полевых исследований установлено, что стоянка Лемболовское 5 с сохра-

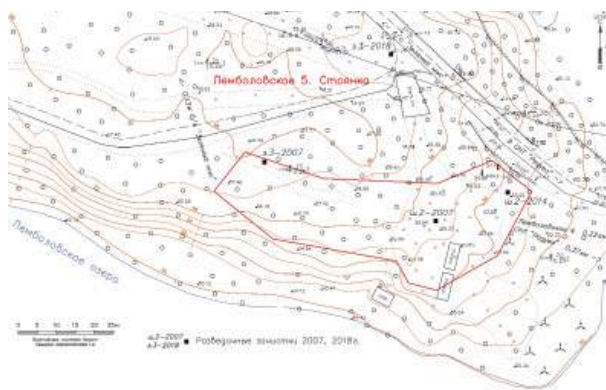

Рис. 17. Лемболовское 5. Стоянка. Топографический план. Уточнение ООА ИИМК РАН 07.08.2018

нившимся культурным слоем эпохи среднего неолита, занимает участок леса между грунтовыми дорогами, проходящими с северной стороны от памятника, высоким обрывом южного берега мыса, остатками современных жилых и хозяйственных построек с востока. Поселение вытянуто вдоль южного берега озера полосой шириной 13,5–28 м на расстоянии 83,4 м.

Щеглово. Местонахождение

Вероятно, объект «Местонахождения бронзовых предметов (разрушенный могильник?)» находился в северной части поселка Щеглово Всеволожского района Ленинградской области. В 2014 г. предполагаемое место обнаружения бронзовых предметов, указанное в Акте постановки на учет, было обследовано экспедицией ИИМК РАН. В 15 заложённых шурфах на материке были зафиксированы следы распашки, но археологические материалы ранее начала XX в. не зафиксированы (Акт 77Д от 30.12.2008. Прил. 1. Л. 2. № 8; Прил. 2. Л. 7. Рис. 12; Васильев, 2016в. Рис. 458–507). В 2018 г. повторный осмотр участка экспедицией ИИМК РАН также не дал результатов.

Исходя из итогов обследований, следует полагать, что «Местонахождение бронзовых предметов (разрушенный могильник?)» полностью уничтожен при строительстве коттеджного поселка или находки бронзовых предметов носили случайный характер.

Углежогные кучи Сертолово 1–6

Группа углежогных куч Сертолово 1–6 расположена на юго-западной окраине г. Сертолово Всеволожского района Ленинградской области, в хвойном лесу к югу и юго-востоку от ул. Кленовая, Дмитрия Кожемякина и Центральной, с северо-западной стороны участка строительства многоквартирных домов ЖК «Чистый ручей».

Объекты обнаружены весной 2016 г. сотрудниками ООО «Актуальная археология» под руководством Н. В. Новоселова при обследовании земельного участка в лесном массиве на юго-восточной окраине г. Сертолово. Они были отнесены к памятникам «индустриальной археологии позднесредневекового и Нового времени» (Новоселов, 2017; Давыдов, 2017).

В 2018 г. в ходе обследования памятников экспедицией ИИМК установлено, что объекты представляют собой округлые или подтреугольные (Сертолово 5) в плане, уплотненные насыпи высотой 0,75–1,2 м. Только куча 4 представляет собой насыпь высотой до 2,4 м. Вокруг всех куч прослежены ямы или ровики с перемычками, шириной до 3,3 м (рис. 18).

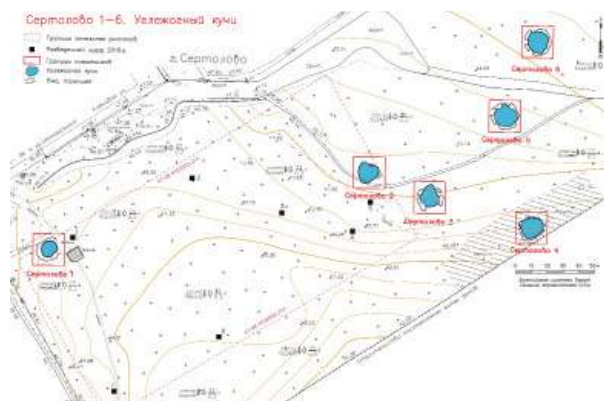

Рис. 18. Сертолово 1–6. Углежогные кучи. Топографический план. Уточнение ИИМК РАН 15.05.2018 г.

Сертолово 1 – округлая в плане, уплотненная насыпь сегментовидной формы, диаметром около 10 м и высотой до 1,1 м. По периметру окружена ровиком шириной до 3,3 м. Насыпь задернована, находится в хвойном лесу. На момент обследования в 2018 г. восточный край кучи был поврежден при строительстве трансформаторной подстанции и подсыпки технического проезда щебнем.

Сертолово 2 – уплотненная насыпь сегментовидной формы размерами 12,8 × 13,1 м и высотой до 1,1 м, в плане близкая к подтреугольной форме. По периметру зафиксировано пять ям размерами 1,3 × 3 м, 2,1 × 3,13 м, 2 × 7 м, 1,7 × 3,22 м, 1,2 × 2,7 м и глубиной до 30 см. В центре насыпи еще одна яма размерами 4 × 2,7 м. Насыпь задернована, на ней растет около 20 крупных деревьев. Углежогная куча расположена на ровном участке хвойного леса.

Сертолово 3 – уплотненная сегментовидная насыпь размерами 12 × 14,2 м и высотой до

1–1,2 м, в плане близкая к подтреугольной или грушевидной форме. По периметру зафиксировано пять ям-западин размерами 1,7 × 4 м, 1,7 × 4 м, 2,8 × 6,5 м, 3,5 × 9,5 м, 2,7 × 4,4 м и глубиной до 20–30 см. Западины, вероятнее всего, остались после выемки грунта при возведении насыпи. Сама насыпь задернована, на ней растет около 15 крупных деревьев, расположена на ровном участке хвойного леса.

Сертолово 4 – по сведениям 2016 г. объект представлял собой округлую в плане, уплощенную насыпь сегментовидной формы диаметром 13–15 м и высотой до 2,4 м с ровиками шириной 0,6–2 м, опоясывающими северную и южную полы. К моменту обследования в 2018 г. территория памятника затронута строительными работами, связанными с возведением жилищного комплекса «Чистый ручей»: вдоль южной полы проходит забор строительной площадки, восточная, северная и западная полы и ровики повреждены, засыпаны отвалами грунта и выкорчеванными стволами деревьев, на поверхности зафиксированы угли, перетолженные из разрушенных частей углежогной кучи. От насыпи визуально прослеживается только юго-восточная пола и участок северной полы.

Сертолово 5 – уплощенная насыпь сегментовидной формы диаметром 14,5–15,7 м и высотой до 1,1 м, в плане близкая к круглой форме. По периметру зафиксированы четыре ямы-западины размерами 3 × 7 м, 0,6–3,1 × 10,2 м, 1,5–3 × 10,1 м, 2,7 × 6,4 м и глубиной 10–30 см. Западины, вероятнее всего, остались после выемки грунта при возведении насыпи. Сама насыпь задернована, на ней растет около 25 крупных деревьев. Углежогная куча расположена на ровном участке хвойного леса с небольшим понижением в юго-западном направлении.

Сертолово 6 – округлая в плане, уплощенная насыпь сегментовидной формы диаметром 13,1–14,2 м и высотой до 0,75 м. По периметру зафиксирован ровик с тремя перемычками шириной до 2,5 м и глубиной 10–30 см. Насыпь задернована, на ней растет около 10 крупных деревьев. Углежогная куча расположена на ровном участке хвойного леса.

Углежогные кучи Сертолово 1–6 относятся к объектам углежогного промысла периода позднего средневековья – нового времени (XIV–XIX вв.).

ЛУЖСКИЙ РАЙОН

Группа памятников у оз. Самро

Здесь обследовано восемь объектов: сопки Самро 2 и 3, два кургана Самро 1 и 8, грунтовый

могильник у кургана Самро 1, селище Самро 4, курган Горка 4 (Самро 7), два курганных могильника Горка 2 (Самро 5) и Горка 3 (Самро 6).

Самро 1. Курган и грунтовый могильник

Могильник Самро 1 расположен на северо-восточной окраине д. Самро (бывш. д. Песье), на вершине небольшой возвышенности второй надпойменной террасы озера. В списке памятников В. Н. Глазова «К археологической карте Гдовского уезда» 1899 г. у д. Песье (современная д. Самро) учтен жальник. У него же в «Материалах для составления археологической карты Гдовского уезда Петербургской губернии» 1899–1900 гг. указано, что жальник состоит из «каменных грунтовых могил». Священник о. Азиатский сообщал, что в народе существует предание, относящее эти могилы ко времени Петра Великого (Глазов, 1899. Л. 47 об.; Материалы для составления археологической карты Гдовского у. Петерб. губ. (1900–1902). Л. 10 об., 128–129 (106–107)).

В 1979 г. Лужским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции Ленинградского государственного университета (СЗАЭ ЛГУ) под руководством Н. И. Платоновой на северо-восточной окраине д. Самро, «на второй береговой террасе в 150 м от берега оз. Самро» зафиксирована возвышенность неправильной формы размерами около 150 × 100 м, в северной части которой располагался курган полусферической формы диаметром 12 м и высотой с разных сторон 1–2 м. Насыпь была повреждена ямой и траншеей. Н. И. Платоновой было предположено, что рядом с насыпью находился грунтовый могильник, так как «в разных концах его» находили черепа и кости. Данное урочище имело название «Сопка». Памятнику был присвоен индекс «Самро I» (Платонова, 1979. Л. 5; 1980. С. 27).

В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован Северо-Западной историко-археологической экспедиции Ленинградского государственного университета (СЗИАЭ ЛГУ) под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией отмечена полусферическая насыпь диаметром 12 м и высотой с разных сторон 1–2 м, поврежденная грабительской ямой и траншеей (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 8).

В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Самро-1. Курган и грунтовый могильник» (Лапшин, 1990. С. 51, № 365).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен

отрядом Ленинградской областной экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук (ЛОЭ ИИМК РАН) под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования была отмечена насыпь с характеристиками, соответствующими сохранности и обмерам 1990 г. Памятник учтен как «Курган и грунтовый могильник Самро-1» (Семенов, 2005. Л. 11).

Исследованиями 2018 г. установлено, что курган представляет собой крупную, подовальную в плане полусферическую насыпь размерами 12 × 15 м и высотой с разных сторон 0,25–2,43 м. С северной, северо-восточной и северо-западной сторон у основания зафиксирован ровик шириной до 1,3 м. Вершина повреждена ямой и траншеей в юго-западной поле общими размерами 7 × 5 м и глубиной около 1,1 м. У основания насыпи с юго-восточной стороны зафиксирована похожая на прямоугольную оградку жальничного погребения каменная выкладка размерами 4 × 1,8 м, вытянутая по направлению северо-запад–юго-восток. Западный край холма полностью изрыт многочисленными ямами, внутри которых и на их краях видны камни.

Самро 8. Курган

Курган Самро 8 находится к северо-востоку от д. Самро, в 0,45 км к юго-востоку от оз. Самро, на краю небольшой возвышенности второй озерной террасы. Насыпь зафиксирована в 1990 г. Северо-западной историко-археологической экспедицией Ленинградского государственного университета (СЗИАЭ ЛГУ) под руководством Е. М. Колпакова. По данным экспедиции, курган имел сегментовидную форму диаметром 3,8 м и высотой 0,4 м. Насыпи был присвоен индекс «Самро-8» (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 10). В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова по привязкам 1990 г. было найдено небольшое «сильно размытое всхолмление», по краю которого проходит полевая дорожка. Высота 0,4 м отмечена только с юго-восточной стороны. Учтен как «Курган Самро-8» (Семенов, 2005).

Исследованиями 2018 г. установлено, что курган представляет собой уплощенную, несколько аморфную насыпь овальной формы размерами 17,4 × 11,5 м и высотой до 0,78 м, вытянутую по направлению северо-восток–юго-запад. Через середину кургана проложена грунтовая дорога к озеру шириной около 4 м, уничтожившая центр насыпи и разрезавшая ее на две части – юго-

западную и северо-восточную. Для уточнения характеристики насыпи была произведена зачистка северо-восточного борта дороги шириной 4 м. Зачистка показала, что курган представляет собой искусственную насыпь из песка, возведенную, как и курган Самро 1, на краю береговой террасы.

Самро 2. Сопка

Сопка Самро 2 расположена в 0,43 км к юго-востоку от оз. Самро и в 85 м к северо-востоку от р. Белка в густом смешанном лесу.

Памятник выявлен в 1979 г. Лужским отрядом СЗАЭ ЛГУ под руководством Н. И. Платоновой. По данным экспедиции сопка представляла собой насыпь высотой с разных сторон от 1,6 до 3,2 м и диаметром 15,8 × 16,4 м. В центре большая яма глубиной около 1,9 м. В восточной стенке грабительской ямы на глубине 1,48 м от поверхности была зафиксирована угольная полоса толщиной 2–3 см с кальцинированными костями – остатками разрушенного погребения. Памятнику был присвоен индекс «Самро II» (Платонова, 1979. Л. 5–6; 1980. С. 27). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией отмечена насыпь диаметром 16 м и высотой с разных сторон от 1,6 до 3,2 м. Сопка была повреждена грабительской ямой глубиной почти 2 м (Колпаков, 1988–1991; Колпаков, 1990. Л. 9).

В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Самро-2. Сопка» (Лапшин, 1990. С. 51, № 366).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района сопка осмотрена отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены ее топографические привязки и сохранность. Во время обследования была отмечена насыпь с характеристиками, соответствующими сохранности и обмерам 1990 г. Памятник учтен как «Сопка Самро-2» (Семенов, 2005).

Исследованиями 2018 г. установлено, что сопка представляет собой крупную крутобокую и округлую в плане полусферическую насыпь диаметром 15–16 м и высотой с разных сторон от 1,8 до 3,7 м. Ровик и каменная обкладка по основанию не прослеживаются. Вершина сопки повреждена ямой размерами 4 × 3,5 м.

Самро 3. Сопка

Сопка Самро 3 расположена в 0,9 км к востоку от д. Самро, в 70 м к западу-северо-западу от оз. Гагари

(Гагалинка, Гоголинка). Памятник выявлен в 1979 г. Лужским отрядом СЗАЭ ЛГУ под руководством Н. И. Платоновой. По данным экспедиции, сопка представляла собой насыпь из песка высотой с разных сторон от 2 до 3,2 м и диаметром 18 × 20 м. Ровики не прослежены. В центре повреждена ямой глубиной 1,2 м и траншеей. Памятнику был присвоен индекс «Самро III» (Платонова, 1979. Л. 6; 1980. С. 27). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией была отмечена усеченно-коническая форма насыпи диаметром 15 м, высотой 4,5 м, поврежденная ямой глубиной 1,2 м и траншеей (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 9). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Самро-3. Сопка» (Лапшин, 1990. С. 51, № 367).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района сопка осмотрена отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены ее топографические привязки и сохранность. Во время обследования была отмечена насыпь с характеристиками, соответствующими обмерам 1990 г., и поврежденная на вершине грабительской ямой 3,5 × 3,5 м и траншеей, спускающейся к восточной поле. Памятник учтен как «Сопка Самро-3» (Семенов, 2005. Л. 12).

Исследованиями 2018 г. установлено, что сопка занимает верхушку южного края небольшой песчаной гряды, вытянутой с севера на юг вдоль грунтовой дороги (расположенной с востока) и края поля (расположенного с запада). Верхушка холма возвышается над окружающей местностью на 4–5 м. Сопка представляет собой крупную усеченно-коническую насыпь, диаметром 18 м и высотой до 3,9 м. Вершина повреждена ямой размерами 4 × 4 м, глубиной около 1,5 м и траншеей, отходящей от ямы по восточной поле к подошве сопки.

Самро 4. Селище

Расположено в 0,7 км к востоку от д. Самро, в 0,1 км к западу от озера Гагари (Гагалинка, Гоголинка), с восточной стороны от ОАН «Самро 3. Сопка», на поле. В 1983 г. второй группой Ленинградского областного отряда Ленинградского отделения Института археологии (ЛОО ЛОИА) под руководством Н. И. Платоновой в 100–150 м к западу от сопки Самро III на пашне зафиксировано скопление подъемного керамического материала «позднесредневекового и, возможно, древнерусского времени». На основании этих находок на поле было зафиксировано селище с приблизительными размерами 140 × 100 м (Платонова, 1983а. Л. 32; 1983б. Рис. 101). В изданной

в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Самро-4. Селище» (Лапшин, 1990. С. 51, № 368).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района место селища осмотрено отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования было отмечено, что ранее распаханное поле, на котором находится памятник, в настоящее время заброшено и задерновано. Памятник учтен как «Селище Самро-4» (Семенов, 2005).

В 2018 г. экспедицией ИИМК для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя на поле было заложено семь шурфов размерами 1 × 1 м. Шурфовка выявила следующую стратиграфию поля. Сразу под дерном залегает мешаный пахотный слой темно/светло-серой супеси с различными включениями мощностью до 20 см, под ним незатронутые распашкой светло-серые/светло-коричневые слои супеси (погребенная почва) мощностью до 15 см или сразу материк в виде песка белесого, желтого или коричневого цветов. В шурфе № 2, 3 и на поверхности поля у его восточного края в районе шурфа № 5 найдены многочисленные мелкие фрагменты от красноглиняной дренажной трубы середины – второй половины XX в. Каким-либо материалы, подтверждающие наличие на территории поиска селища не обнаружены.

Горка 2 (Самро 5). Курганный могильник

Курганный могильник Горка 2 (Самро 5) расположен в 1,6 км к юго-востоку от церкви Воскресения в д. Самро, в 0,66 км к северу от оз. Белое, в 122 м к северо-западу от кургана Горка 4 (Самро 7), в сосновом лесу. Памятник зафиксирован в 1979 г. Лужским (Осьминским) отрядом СЗАЭ ЛГУ под руководством Н. И. Платоновой. По данным обследования, могильник состоял из одной удлиненной (продолговатой), размерами 15 × 10 м, высотой 1,2 м, и трех круглых насыпей диаметром 12–13 м, высотой 1,6–1,8 м. С южной стороны длинного кургана и с юго-западной стороны круглого кургана № 3 прослежены ровики шириной до 1,5 м, охватывающие до 1/2 окружности насыпей. Все курганы были повреждены ямами. Памятник получил индексацию «Горка II» (Платонова, 1979. Л. 9; 1980. С. 27). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. По данным разведки, площадь могильника составляет 45 × 30 м. Памятник был датирован VI–X вв. и зафиксирован как «Самро V» (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 9). В изданной

в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Горка-2. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 52, № 373).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Было установлено, что могильник состоит из четырех насыпей. Насыпи № 1 и 2 полусферические диаметром 11,5 и 13 м, высотой 2,2 и 1,7 м. Насыпи № 3 и 4 с уплощенными вершинами размерами 14,5 × 13,5 м, высотой 1,8 м и 13,5 × 11 м, высотой 1,6 м, с ровиками. Все насыпи повреждены грабительскими ямами: в насыпи № 2 две ямы, в остальных по одной. Памятник учтен как «Курганный могильник Самро-5 (Горка-2)» (Семенов, 2005).

Исследованиями 2018 г. установлено, что памятник состоит из четырех больших курганных насыпей, расположенных на вершущке и склоне моренной гряды (холма). Курганы № 1 и 2 – круглые в плане полусферические насыпи диаметром 13 и 11 м, высотой со стороны склона 2,7 м, с противоположной – 1,2 м. Курган № 3 – круглая в плане уплощенная насыпь диаметром 13 м и высотой до 1,8 м. Курган № 4 – насыпь овальной формы размерами 13,8 × 10,2 м и высотой до 1,65 м. С западной стороны кургана № 3 и с юго-западной стороны удлиненного кургана № 4 прослежены ровики шириной до 2,4 м.

Горка 4 (Самро 7). Курган

Курган расположен у подножия моренной гряды, на которой находится могильник Горка 2 (Самро 5), в смешанном лесу на небольшом относительно ровном участке. Памятник выявлен в 1984 г. второй группой ЛОО ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой. По данным обследования, курган представлял собой круглую в основании насыпь полусферической формы высотой 1,7 м и диаметром 9 м, поврежденную тремя небольшими ямами. В тексте отчета и на плане памятник отмечен под названием Горка III. Однако ранее, во время разведки Н. И. Платоновой в 1979 г., этот номер был присвоен другому памятнику, указанному на плане 1984 г. как Горка II (Платонова, 1984а. Л. 16; 1984б. № 75, л. 16; № 76, рис. 85; 86). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией отмечена полусферическая насыпь высотой 1,5 м и диаметром 8 м, поврежденная тремя ямками. Курган был датирован VI–X вв. и учтен как «Самро VII» (Колпаков, 1988–1991;

1990. Л. 10). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Горка-4. Курган» (Лапшин, 1990. С. 52, № 375).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района курган осмотрен отрядом ЛОО ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования был отмечен один курган с характеристиками, соответствующими сохранности и обмерам 1990 г. Памятник учтен как «Курган Самро-7 (Горка-4)» (Семенов, 2005).

Исследованиями 2018 г. установлено, что курган представляет собой круглую в плане полусферическую насыпь диаметром 10 м и высотой 1,7 м, поврежденную тремя небольшими старыми задернованными ямами.

Горка 3 (Самро 6). Курганный могильник

Памятник расположен в 0,84 км к северо-востоку от оз. Белое, в 170 м к северо-востоку от кургана Горка 4 (Самро 7), на краю и склоне возвышенности (моренной гряды) с резким понижением рельефа в северном и западном направлениях в сторону грунтовых лесных дорог, в сосновом лесу. Памятник зафиксирован в 1979 г. Лужским (Осьминским) отрядом СЗАЭ ЛГУ под руководством Н. И. Платоновой. По данным обследования, могильник состоял из двух круглых крутобоких насыпей высотой 1 м каждая и диаметром 8 и 10 м. Памятник получил индексацию «Горка III» (Платонова, 1979. Л. 9; 1980. С. 27). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией были отмечены две полусферические насыпи: № 1 диаметром 8 м, высотой 1,4 м, и № 2 диаметром 10 м и высотой 1,1 м. Расстояние между курганами по оси север–юг 9 м. Памятник был датирован VI–X вв. и зафиксирован как «Самро VI» (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 9–10). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Горка-3. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 52, № 374).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования были отмечены два кургана с характеристиками, соответствующими сохранности и обмерам 1990 г. Памятник учтен как «Курганный могильник Самро-6 (Горка-3)» (Семенов, 2005).

Исследованиями 2018 г. установлено, что памятник состоит из двух курганных насыпей, отстоящих друг от друга на расстоянии 9,5 м по оси север–юг. Курган 1 – крутобокая круглая в плане полусферическая насыпь диаметром 7 м, высотой со стороны склона 1,68 м, с противоположной – 0,73 м. Ровик явно не выражен. Курган 2 – насыпь овальной формы размерами 13 × 9 м и высотой со стороны склона до 1,26 м, с противоположной – 0,4 м. Насыпь вытянута по направлению северо-восток–юго-запад. Ровик не прослежен.

В 9 км к северо-востоку от группы памятников у оз. Самро были обследованы остатки жальничного могильника в д. Залустежье у оз. Залустежское.

Залустежье. Жальничный могильник

Жальничный могильник расположен в центре д. Залустежье, с северо-восточной стороны от деревянной часовни на старом кладбище. Памятник, вероятно, известен с конца XIX в. В объяснительной записке 1886 г. к «Археологической карте Гдовского уезда» члена-сотрудника Императорского Общества любителей естествознания Г. Р. Шмидта отмечено, что Залустежская группа состоит «из 50 могил III типа А, Б, В (жальников с круглыми, овальными и четырехугольными оградками. – *Прим. авт.*) При случайных раскопках найдены лишь кости» (Шмидт, 1886а. Л. 13 (17). В 1931 г. памятник включен в Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (1931. № 707. Л. 46).

В 1979 г. Лужским (Осьминским) отрядом СЗИАЭ ЛГУ под руководством Н. И. Платоновой осмотрены часовня и старинное кладбище в д. Залустежье. Было отмечено, что на участке размерами 30 × 30 м находятся жальничные погребения в виде небольших всхолмлений 0,2–0,3 м высотой с неполными оградками. В некоторых случаях у оградок прослеживались прямые углы. В часовне обнаружен каменный крест со сложным рисунком. Отмечено, что кладбище поросло кустами, здесь же растет несколько старых сосен. По информации, полученной экспедицией от местных жителей, здесь хоронили расстрелянных во время «последней войны» (Платонова, 1979. Л. 9; 1980. С. 26–27). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Залустежье. Жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 50, № 354).

В 2005 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены топографические привязки и сохранность. Во время обследования в центре

д. Залустежье за часовней отмечена территория размерами 30 × 30 м, густо заросшая кустами и травой, заваленная деревьями и опавшей листвой, под которыми были видны отдельные камни и небольшие всхолмления(?). По словам местного жителя, здесь было раньше несколько могил, «да в войну немцы хоронили, часовня горела, а в нынешней часовне никакого креста нет» (Семенов, 2005).

В результате полевого обследования 2018 г. в западной, северной и центральной частях кладбища зафиксированы отдельные небольшие полуразрушенные всхолмления высотой 0,2–0,3 м округлой и подовальной формы, фрагменты каменных жальничных оградок, отдельные камни, крупные валуны и каменные плиты. Наиболее цельная форма сохранилась у жальничного погребения 1 на западном краю кладбища. Жальник 1 представляет собой погребение с небольшой насыпью круглой формы высотой до 0,2–0,3 м и диаметром 4 м с остатками каменной оградки. Все кладбище густо заросло непроходимым кустарником, стоят несколько старых сосен. Определить точное количество сохранившихся жальничных погребений в плотных зарослях не представляется возможным. Предположительно, на обследованной площади фиксируется около 10 жальничных могил с фрагментами каменных оградок или без них. По информации, полученной от местного жителя, ранее в часовне действительно был каменный крест, который «давно забрали». Во время войны немцы здесь похоронили «30 человек своих», но «лет 10 назад немцы своих выкопали и увезли». Все старое кладбище по периметру и местами внутри завалено современным мусором.

Группа памятников у оз. Горнешенское

Здесь обследовано шесть объектов. Пять по списку Контракта: курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 1, курганные могильники Жилое Горнешно 3 и 4, грунтовый могильник Жилое Горнешно 5 и селище Жилое Горнешно 6. Дополнительно зафиксирован считавшийся утраченным курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2.

Жилое Горнешно 1. Курганно-жальничный могильник

Курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 1 расположен в 1,5 км к северу от д. Жилое Горнешно, в 170–200 м к югу от оз. Нежилое, на склоне гряды в сосновом бору. Могильник впервые исследован членом-сотрудником Императорского Общества любителей естествознания Г. Р. Шмидтом в 1886 г., раскопавшим три кургана и три

жальничных погребения с овальными оградками. По описанию Г. Р. Шмидта, «могилище», расположенное в 2 верстах на север от дер. Жилое Горнешно и приблизительно в 100 сажнях от озера «Нежилое», состояло из 68 могил, вытянутых по направлению с юга на север. Южную часть занимали «перегородчатые» могилы (6 могил), среднюю – овальные (38 могил) и северную часть покрывали 24 круглые полусферические насыпи из песка, огороженные валом из камней высотой до 2 аршин и диаметром 3–5 аршин. Два раскопанных кургана содержали в грунтовых могилах под насыпью женские погребения по обряду труположения на спине, ориентированные головой на запад. В обеих могилах находился погребальный инвентарь: серьги из бронзовой проволоки, височные кольца, бронзовые, стеклянные и «каменные» бусы, бронзовые привески, орнаментированные и витые бронзовые браслеты, бронзовая проволока и другие предметы. В могильной яме третьего кургана, по определению Г. Р. Шмидта, найден пепельно-угольный слой от сожженного трупа. Вещей в погребении не было. Три раскопанные овальные жальничные могилы, окруженные большими эрратическими камнями, «из которых самый западный и восточный отличается величиною от прочих», содержали ориентированные головами на запад безинвентарные погребения на спине (Шмидт, 1886б. С. 646–648; Спицын, 1897. С. 273–274). В 1929 г. памятник включен в картотеку, составленную сотрудником ГАИМК Б. А. Коишевым (1929. Л. 102). В 1931 г. памятник включен в Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области ГАИМК (1931. № 707. Л. 34). Могильник включен в указатель к карте курганов Северо-Западной Руси X–XIII вв., изданный в 1956 г. А. В. Успенской и М. В. Фехнер (Успенская, Фехнер, 1956. С. 196, 198). В 1959 г. А. С. Потресовым и Е. В. Шолоховой – руководителями разведки водных путей, связывающих Новгород с южной частью Чудского озера, Комплексной экспедиции АН СССР по уточнению места ледового побоища – от местных жителей были получены сведения, что «западной Затрубичья» есть еще два могильника с большим количеством камней. Один на высоте у оз. Нежилого (Потресов, Шолохова, 1966. С. 73).

Вероятно, сведения об этом памятнике были получены в 1971 г. от бывшего лесника во время разведки отрядом школьников Ленинградского Дворца пионеров под руководством А. В. Виноградова. Сообщалось, что у дороги из пос. Горнешно в пос. Лоше находится курганная группа, состоящая из «нескольких десятков» небольших насыпей высотой не более 1 м, обложенных небольшими валунами – «старика на-

зывали их «Литовское кладбище» (Виноградов, 1971. Л. 8, 11).

В 1983 г. могильник исследован второй группой ЛОО ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой. Экспедицией были зафиксированы 76 курганов и жальничных оградок с насыпью и без нее. По данным обследования, в северной части могильника были сосредоточены преимущественно полусферические курганы «средних размеров» диаметром 5–7 м и высотой 0,4–0,7 м с каменной обкладкой, и нередко в несколько ярусов. В восточной части могильника располагались курганы тех же размеров, но «имеющие отчетливо-прямоугольную форму каменной обкладки», а также круглые и овальные насыпи жальничного типа диаметром 3–4 м. В южной части были сосредоточены небольшие овальные могилы со «стелами» в головах и ногах; здесь же находились жальники без насыпей. Юго-западный угол памятника был занят прямоугольными жальничными оградками с насыпью высотой 0,2–0,4 м и «часто состоящими из нескольких секций». По мнению Н. И. Платоновой, раскопанные Г. Р. Шмидтом курганы можно идентифицировать с насыпями № 2, 4–6, а раскопанные жальничные погребения – с № 46, 61, возможно 53 или 55. После раскопок Г. Р. Шмидта, на момент обследования Н. И. Платоновой в могильнике появилось только четыре новые грабительские ямы (Платонова, 1983а. Л. 25–26; 1983б. № 70. Л. 25–26).

В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией также были зафиксированы 76 насыпей и жальничных оградок и несены небольшие уточнения и дополнения в размеры погребальных комплексов. По данным Е. М. Колпакова в северной части могильника сосредоточены преимущественно курганы диаметром 5–6 м и высотой 0,4–0,8 м с каменными обкладками. В восточной части могильника с ними соседствуют курганы, близкие по размерам, но с каменными обкладками прямоугольной формы, а также круглые и овальные насыпи диаметром 3–4 м и высотой 0,2–0,4 м. В южной части сосредоточены овальные могилы 2 × 3 или 2 × 4 м со стелами на восточном и западном концах с низкими насыпями или без них. Юго-западный угол могильника занят прямоугольными жальничными оградками шириной 2–3 м с насыпями высотой 0,2–0,4 м. Площадь могильника определена в 2000 кв. м. Исследователем также было отмечено, что в конце 1980-х гг. могильник подвергся интенсивным варварским раскопкам – 36 насыпей и оградок раскопаны ямами (№ 2, 4,

5, 8, 10, 13, 15–17, 20, 24, 32, 37), часть камней сдвинуты с места (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 14–15). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Жилое Горнешно-1. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 48, № 335).

В 2008 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Было установлено, что могильник состоял из 76 погребальных комплексов, с характеристиками соответствующими обмерам 1990 г. Все насыпи и жальничные могилы повреждены ямами. Памятник учтен как «Курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно-1» (Семенов, 2008а. Л. 48–49; 2008б).

В результате обследования 2018 г. установлено, что могильник состоит из 65 видимых погребальных комплексов – 23 курганных насыпей (№ 1–16, 18–24 в северной части могильника) и 42 жальничных погребений (№ 25–65 в южной части могильника). Большинство комплексов (87 %) разрушены грабительскими ямами, каменные обкладки насыпей и оградки жальников повреждены (сдвинуты, скинуты и т. п.), что не позволяет установить точные параметры всех погребальных объектов. В целом, полученные по результатам обследования материалы, совпадают с характеристиками памятника Н. И. Платоновой 1983 г. и Е. М. Колпакова 1990 г. В северной части могильника сосредоточены округлые в плане полусферической или сегментовидной формы курганные насыпи (№ 1–16, 18–24), диаметром 3,5–6,8 м, высотой 0,3–1,3 м. Из них три кургана (№ 15, 17 и 24) имеют несколько вытянутую, овальную форму размерами 4,7 × 3,2 м, 3,5 × 2,4 м, 7,9 × 5,3 м. Возможно, их овальная форма приобретена в результате отвалов грунта из грабительских ям. У части курганов сохранились фрагменты каменных венцов по основанию. В центральной и южной части могильника расположены круглые и овальные насыпи жальничного типа и жальничные погребения с небольшой насыпью высотой до 0,3–0,4 м или без нее с остатками каменных оградок. У большинства жальников фиксируются более крупные камни-стелы в «ногах» и «головах» погребенных, т. е. на восточном и западных концах. Размеры жальников 1,9–6,6 × 1,6–4,3 м. Юго-западный край могильника занят вытянутыми по направлению север–юг жальничными рядами с прямоугольными каменными оградками длиной 6–10,5 м и шириной 2,7–3,5 м (рис. 19; 20).

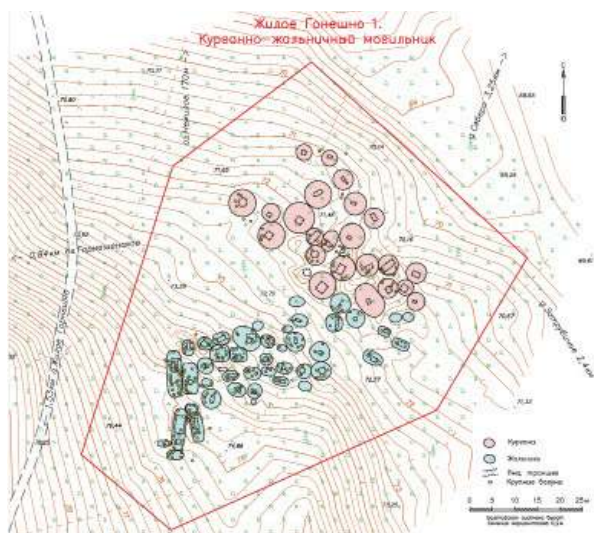

Рис. 19. Жилое Горнешно 1. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 27-28.06.2018

Рис. 20. Жилое Горнешно 1. Жальник № 63

Жилое Горнешно 2. Курганно-жальничный могильник

Курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2 считался утраченным и не был в списках контракта. Во время обследования в 2018 г. экспедицией ИИМК группы памятников у д. Жилое Горнешно могильник был обнаружен и зафиксирован: выполнена фотофиксация, инструментальная топографическая съемка плана, определены границы и поворотные (характерные) точки границы памятника.

Курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2 расположен на северной окраине д. Жилое Горнешно, в 270 м к востоку от оз. Горнешенское, в 90 м к юго-западу от курганного могильника Жилое Горнешно 4. Состоит из двух курганов – круглого, размерами 9 × 11 м, высотой около 0,73 м, и удлиненного, длиной 22 м, высотой до

1,4 м. С юга и востока от насыпей, по информации, собранной у местных жителей Н. И. Платоновой в 1983 г. и нашей экспедицией 2018 г., при хозяйственных работах с начала XX в. постоянно находят человеческие кости, что позволяет предположить наличие здесь грунтовых или жальничных погребений (рис. 21).

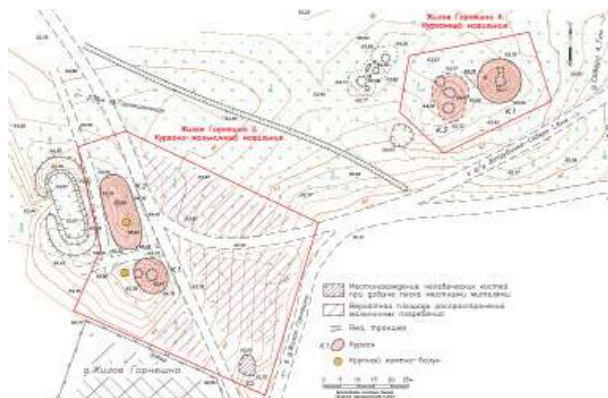

Рис. 21. Жилое Горнешно 2. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 22.06.2018

Жилое Горнешно 4. Курганный могильник

Курганный могильник Жилое Горнешно 4 расположен в 94 м к северо-востоку от д. Жилое Горнешно, в 0,19 км к юго-западу от курганного могильника Жилое Горнешно 3, в 50 м к северо-востоку от курганно-жальничного могильника Жилое Горнешно 2. Памятник выявлен в 1985 г. Лужским отрядом ЛОЭ ЛОИА Ленинградского областного управления культуры и Ленинградского дворца пионеров им. А. А. Жданова под руководством Н. И. Платоновой. В «100 м к северо-востоку от деревни, в сосновом лесу, слева от дороги в д. Затрубичье (северной)» зафиксирован «сопковидный курган» диаметром 18 и высотой 2 м, раскопанный колодцем и траншеей с подбоем в северо-западной поле. По мнению Н. И. Платоновой, этот курган был раскопан в конце XIX в. Г. Р. Шмидтом, «причем описание производилось в одном ряду с описанием жальников могильника Ж. Горнешно II, расположенного в 100 м к юго-западу». На плане Н. И. Платоновой памятник обозначен как «Курган Горнешно II», в тексте отчета – «Жилое Горнешно IV» (Платонова, 1985а. № 11028. Л. 14–15; 1985б. Л. 14–15). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. По данным экспедиции, насыпь диаметром 11 м и высотой 1,7 м была раскопана колодцем и траншеей, в северо-западной поле находился подбой. Е. М. Колпаков также (как

и Н. И. Платонова) предположил, что это курган, раскопанный Г. Р. Шмидтом в 1886 г. На снятом плане памятника в 10 м к северо-западу от кургана отмечена еще одна большая насыпь, но не зафиксированная как курган. Эта была восьмеркообразная насыпь длиной около 25 м с двумя большими ямами. Объект археологического наследия учтен как «Курган Жилое Горнешно II» (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 15). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Жилое Горнешно-4. Курган» (Лапшин, 1990. С. 48, № 338).

В 2008 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. По мнению исследователя, могильник состоял из двух или трех насыпей. Первая насыпь высотой 1,7–1,8 м и диаметром 11 м раскопана колодцем и траншеей (вероятно, Г. Р. Шмидтом в 1886 г.), в северо-западной поле подбой. В 10 м к северо-западу от нее отмечена восьмеркообразная насыпь длиной около 25 м и высотой около 1,7 м с двумя большими ямами в центре каждой окружности. Было предположено, что эта насыпь могла быть образована двумя слившимися курганами диаметром около 13 м каждый. В отчетных материалах памятник отмечен под наименованием «Курган Жилое Горнешно IV» (Семенов, 2008а. Л. 49; 2008б).

В результате обследования 2018 г. установлено, что могильник состоит из двух насыпей, отстоящих друг от друга на расстоянии 3 м вдоль лесной дороги. Курган 1 представляет собой округлую в плане полусферической формы крупную насыпь диаметром 13 м и высотой до 1,8 м. В центре насыпи повреждена или раскопана подквадратной ямой-колодцем размерами 3 × 3 м глубиной до 1,2 м и траншеей размерами 3,5 × 2 м, вытянутой от ямы в северном направлении. В северо-западной поле подбой. Курган 2 – уплощенная насыпь восьмеркообразной в плане формы, вытянута по направлению север–юг, длиной 14,2 м, шириной 8–11 м, высотой до 1,1 м. Повреждена или раскопана двумя крупными ямами размерами 3,6 × 2,8 и 3,3 × 3,1 м в центре каждой окружности. Третья яма диаметром 3 м расположена в основании северо-западной поля. Из нее происходит выборка песка. Возможно, насыпь образована двумя слившимися курганами. По информации, полученной от местного жителя из д. Жилое Горнешно, с данными насыпями никакие легенды или предания не связаны, однако раньше их деды на Пасху с кургана 1 катали пасхальные яйца по сделанному в его поле желобу (рис. 21).

Жилое Горнешно 3. Курганный могильник

Курганный могильник Жилое Горнешно 3 расположен в 0,3 км к северо-востоку от д. Жилое Горнешно, в 0,19 км к северо-востоку от курганно-жальничного могильника Жилое Горнешно 4, в сосновом бору у подошвы моренной гряды. Памятник выявлен в 1985 г. Лужским отрядом ЛОЭ ЛОИА, Ленинградского областного управления культуры и Ленинградского дворца пионеров им. А. А. Жданова, под руководством Н. И. Платоновой. В «250 м к северо-востоку от деревни, в сосновом лесу, между двумя параллельными песчаными дорогами, ведущими в д. Затрубичье», были зафиксированы две насыпи: «овальная и овально-четырёхугольная, высотой 0,3–0,4 м, с частично заплывшими ровиками» (Платонова, 1985а. Л. 14; 1985б. Л. 14). В 1990 г. в целях паспортизации памятник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. По данным экспедиции могильник состоял из двух насыпей, стоящих на расстоянии 10 м друг от друга. Насыпь № 1 овальная, размерами 8,5 × 6 × 0,5 м, № 2 овально-четырёхугольная, размерами 11 × 8,5 × 0,6 м (Колпаков, 1988–1991; 1990. Л. 15). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Жилое Горнешно-3. Курганная группа» (Лапшин, 1990. С. 48, № 337).

В 2008 г., в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района, могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Было установлено, что могильник состоит из двух насыпей, с характеристиками соответствующими обмерам 1990 г. Повреждений насыпей не зафиксировано. Памятник учтен как «Курганная группа Жилое Горнешно-3» (Семенов, 2008а. Л. 49; 2008б).

В процессе обследования 2018 г. установлено, что могильник состоит из двух овальных в плане насыпей, вытянутых по направлению юго-запад–северо-восток и стоящих друг от друга на расстоянии 11,5 м. Размеры насыпей: 1 – 8,2 × 5,7 м, высота до 0,5 м; 2 – 11,3 × 5,1 м, высота около 0,4 м. Вдоль длинной северо-западной стороны кургана 2, прослеживается слабозаметный заплывший ровик(?).

Жилое Горнешно 5. Грунтовый могильник

В 1983 г. второй группой ЛОО ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой от местных жителей была получена информация, что приблизительно на середине пути между д. Затрубичье и Жилое Горнешно, слева от дороги, если идти в по-

следнюю, в сосняке в урочище Дубское находился могильник (жальник?). Определить его местоположение экспедиции не удалось (Платонова, 1983а. Л. 25; 1983б. Л. 25). В 1985 г. Лужским отрядом ЛОЭ ЛОИА, Ленинградского областного управления культуры и Ленинградского дворца пионеров им. А. А. Жданова, под руководством Н. И. Платоновой, в «0,5 км к востоку-северо-востоку от д. Жилое Горнешно, справа от дороги в Затрубичье» осмотрено «естественное всхолмление», вытянутое север–юг, размерами 55 × 32 м, изрытое картофельными буртами. По информации, полученной от местных жителей, на этом холме при копке картофельных ям находили много костей. На основании этих данных Н. И. Платоновой здесь зафиксирован «средневековый грунтовый могильник» (Платонова, 1985а. Л. 15; 1985б. Л. 15). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Жилое Горнешно-5. Грунтовый могильник» (Лапшин, 1990. С. 48, № 339).

В 2008 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова по указанным привязкам найдено и осмотрено изрытое многочисленными ямами всхолмление, взяты его географические координаты. Объект располагался в 0,5 км к северо-востоку от д. Жилое Горнешно, к югу от дороги, ведущей в д. Затрубичье. Место учтено как «Грунтовый могильник Жилое Горнешно-5» (Семенов, 2008а. Л. 50; 2008б).

Исходя из имеющихся архивно-библиографических сведений, анализа картографического материала и ландшафтно-топографической ситуации на местности поиск предполагаемого грунтового могильника Жилое Горнешно 5 экспедицией ИИМК в 2018 г. производился на естественном всхолмлении, расположенном в сосновом лесу в 0,3 км к северо-востоку от д. Жилое Горнешно, в 80 м к югу от курганного могильника Жилое Горнешно 3, с южной стороны от лесной дороги, ведущей от д. Жилое Горнешно к грунтовой дороге д. Сяберо – пос. Волошово. В результате проведенных работ установлено, что весь холм, в особенности его центральная и южная части, изрыт многочисленными ямами, вероятно картофельными буртами, диаметром от 1 до 4 м, глубиной до 1 м и более, которые к настоящему времени заплывли и задерновались. Для уточнения категории и вида объекта, наличия культурного слоя или погребений и определения их границ, на всхолмлении было заложено семь шурфов размерами 1 × 1 м. Шурфовка показала, что холм сложен из песка желто-красноватого цвета, залегающего сразу под

дерном или почвенным слоем. На большой площади первичный почвенный слой (погребенная почва) перекрыт уже задернованным к настоящему времени материковым песком желто-красного цвета – выбросом из картофельных ям. Грунтовый могильник или его следы не обнаружены. На ранее распаханном участке леса перед южным склоном холма при визуальном обследовании были найдены 3 копейки 1949 г., две монеты номиналом 20 копеек 1949 г., 20 копеек 1952 г., гвоздик и медная бляха с заклепками.

Жилое Горнешно 6. Селище

Селище Жилое Горнешно 6 расположено на южной окраине д. Жилое Горнешно, с южной стороны вдоль грунтовой дороги, проложенной от деревни к озеру Горнешенское, на поле. Деревня Жилое Горнешно впервые упоминается в писцовых книгах Шелонской пятины 1571 г. как деревня Горнешно Заднее у озера Горнешно (Андрияшев, 1912. С. 138).

Селище выявлено в 1985 г. Лужским отрядом ЛОЭ ЛОИА Ленинградского областного управления культуры и Ленинградского дворца пионеров им. А. А. Жданова под руководством Н. И. Платоновой «на южной окраине д. Жилое Горнешно в поле, в 0,2 км к юго-востоку от оз. Горнешенского». На площади 200 × 70 м экспедицией был зафиксирован культурный слой (гумусированная супесь) мощностью 0,3–0,4 м, собран подъемный материал – керамика XII–XVI вв. (Платонова, 1985а. Л. 15; 1985б. Л. 15). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Жилое Горнешно-6. Селище» (Лапшин, 1990. С. 49, № 340).

В 2018 г. экспедицией ИИМК для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя на протяжении всей длины памятника с востока на запад были заложены восемь шурфов размерами 1 × 1 м. В результате, в шурфах 1, 3–8 был зафиксирован залегающий сразу под дерном культурный слой в виде темно-серой супеси мощностью 0,20–0,40 м, содержащий многочисленные артефакты различных категорий находок: обломки железных изделий (топоры, кованые гвозди, и пр.), осколки стекла, фрагменты фаянсовой посуды, черепки керамических изделий, печная обмазка, шлак, обломок каменного оселка. В шурфах 1, 6 и 7 под темно-серой супесью сохранились остатки более раннего культурного слоя в виде насыщенной темно-коричневой гумусированной супеси с фрагментами грубой керамики, имеющие в качестве добавок в глиняное тесто дресву. Один фрагмент стенки глиняного сосуда украшен двойной волнообразной линией.

Всего было обнаружено 55 находок: кости животных – 3; фрагменты стеклянных изделий – 3; обломки железных изделий – 4 (гвоздь, топор, вертлюк(?) и пр.); шлак – 1; обломок каменного оселка – 1; фрагменты печной обмазки – 4; фрагмент фаянсовой тарелки – 1; фрагменты красноглиняной посуды с поливой – 20; без поливы – 7; фрагменты грубой сероглиняной керамики с дресвой – 11. По результатам полевого и архивно-библиографического исследования 2018 г. установлено, что селище занимает территорию южной части исторической деревни, упоминаемой в письменных документах с XVI в. и разрушенной во время Великой Отечественной войны.

Группа памятников на оз. Красногорском

Здесь обследовано два объекта: грунтовый могильник Красные Горы 1 и жальничный могильник Красные Горы 2.

Красные Горы 1. Грунтовый могильник

Грунтовый могильник Красные Горы 1 находится на западной окраине пос. Красные Горы, в 0,2 км к западу от церкви Знамения Пресвятой Богородицы, на мысу северо-восточного берега оз. Красногорское, на высоте около 5–8 м над уровнем озера, в пределах частного участка. Первые сведения об этом могильнике были получены в 1908 г. членом-сотрудником Императорского русского археологического общества С. С. Гамченко от крестьянина д. Ситенки М. С. Лосева, который сообщал, что за с. Красные Горы, за церковью, на берегу Красногорского озера есть обрывы берега, где «видно много костей и там, говорят, была церковь, да провалилась в озеро» (Гамченко, 1913. С. 170; Коишевский, 1929. Л. 82). В 1931 г. памятник включен в Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области ГАИМК (1931. № 708. Л. 31). Красные Горы включены в перечень местностей с жальниками, составленный Н. И. Репниковым и опубликованный в 1931 г. в работе «Жальники новгородской земли» (Репников, 1931. С. 18, № 410). В 1983 г. первой группой ЛОО ЛОИА под руководством В. А. Лапшина, от местных жителей были собраны сведения, что на мысу при распашке в начале XX в. находили человеческие кости, монеты, «ожерелья», а рыбаки под обрывом (берег подмывается озером) сетями вытаскивали «40 черепов» (сообщения А. Л. Захарова) (Лапшин, 1983а. Л. 10; 1983б. № 73. Л. 10). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Красные Горы-1. Грунтовый могильник» (Лапшин, 1990. С. 39, № 285).

Для проверки историографических сведений и установления вида объекта в 2018 г. на мысу были

заложены два шурфа (рис. 22). Шурф 1 расположен в северо-западной части мыса, на краю обрыва, в 13,5 м к северу от жилого дома. Первоначально шурф имел размер 2 × 1 м, вытянутый по оси северо-запад–юго-восток. В юго-западной стенке шурфа у его северо-западного угла был зафиксирован неполный поперечный разрез восточного края дна могильной ямы шириной 0,70 м и глубиной до 0,14 м, впущенной в материк (погребение 1). Из стенки ямы торчала плюсневая кость стопы человека. Для более полного представления о размерах и ориентировке погребения к шурфу была сделана прирезка размерами 1,6 × 1 м, вытянутая в юго-западном направлении. После снятия дерна и почвенного мешаного слоя (слабогумусированной серо-красной супеси) мощностью 0,10–0,20 м, по верхнему уровню материка (желто-красный песок) в прирезке зафиксированы четко выделяющиеся заполнением темно-красной (серо-красной) супесью три могильных пятна, вытянутых по оси северо-запад–юго-восток. В прирезке могильное пятно 1 расчищено частично. На поверхности костяк не виден, вероятно, залегает несколько глубже. Могильная яма 2 прослежена частично на длину около 1 м. На поверхности пятна расположены нижние конечности человеческого костяка от бедренных костей до стоп. Ширина могильной ямы составляет 1 м. Погребение 3 раскрыто фрагментарно, основная ее площадь перекрыта бортами шурфа. На расчищенном участке погребения зафиксированы часть таза и левой

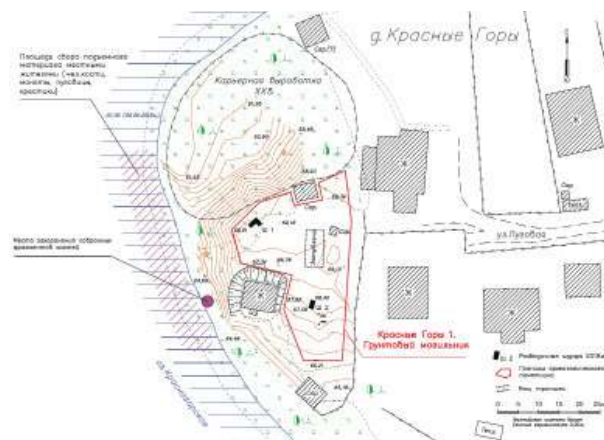

Рис. 22. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 09-10.06.2018

бедренной кости человека. Погребенные были ориентированы по православному обряду головой на запад (ЗСЗ). Погребальный инвентарь не найден. Дальнейшему исследованию захоронения не подвергались, были законсервированы, шурф засыпан. Шурф 2 размерами 2 × 1 м заложен в южной части обследованной территории на пологом склоне мыса в 8 м к востоку от жилого дома. Вытянут по оси северо-восток–юго-запад. Под дерном, в мешаном слое серо-красной супеси мощностью 0,30 м зафиксировано несколько перетолженных мелких фрагментов человеческих костей и фрагмент черепной крышки (рис. 23).

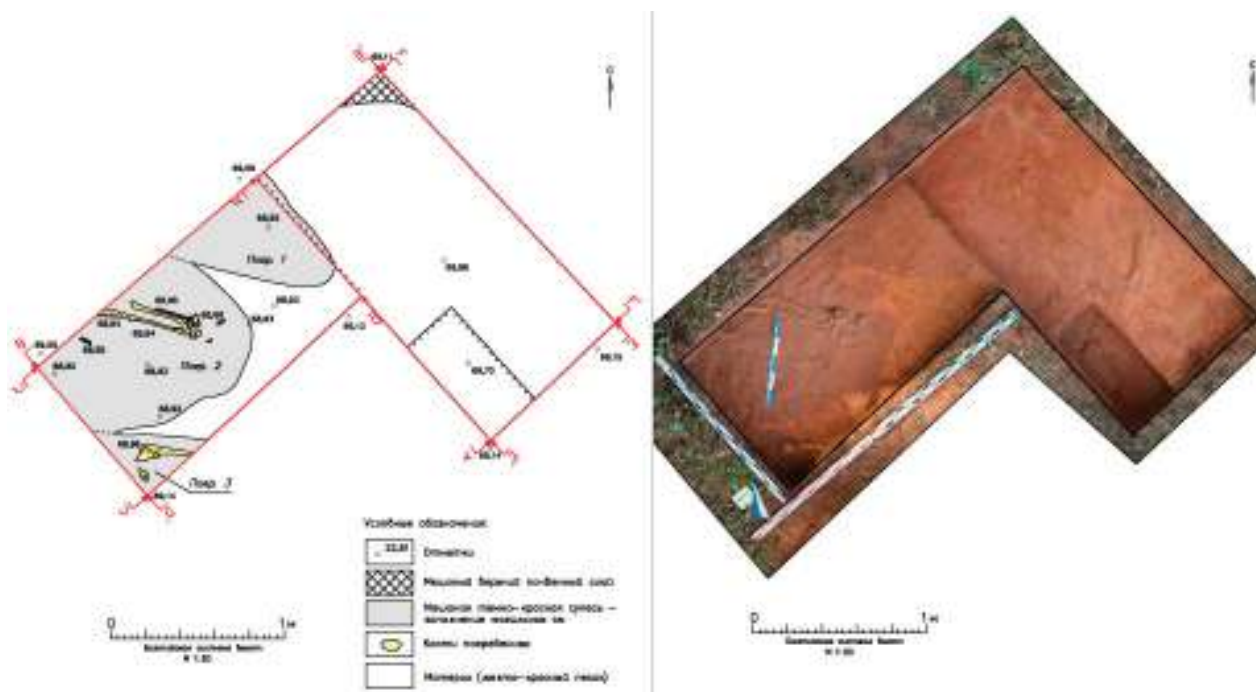

Рис. 23. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Шурф 1. План и ортофотоплан

По сведениям Ю. Н. Потапова, владельца соседнего участка, расположенного с юго-восточной стороны от обследованного участка К. П. Дмитриева, после войны северная часть мыса была срыта, отобранный грунт использовали для строительства автомобильной дороги. При этом многие видели кости, которые сыпались с мыса и даже валялись на строящейся дороге. По данным Ю. Н. Потапова, при срывании мыса видели погребения в деревянных долбленных колодах. Затем, по его словам, на мысу была устроена военно-морская часть – станция, где изучали «прохождение сигнала под водой». Станцию закрыли в 1990-х гг. По мнению Ю. Н. Потапова, при строительстве дома военными был выкопан котлован, а грунт с погребениями сброшен в озеро. Он лично под обрывом в воде озера нашел большое количество человеческих костей. Большая часть антропологического материала (череп, крупные кости) были переданы им в местную церковь Знамения для перезахоронения, а малая часть, показанная нам, закопана на склоне мыса. Вместе с частями скелетов Ю. Н. Потаповым под обрывом найдено большое количество погребального инвентаря и артефактов. Часть находок была передана нашей экспедиции. Отдельные находки, оставшиеся в коллекции Ю. Н. Потапова, были нами сфотографированы. В ИИМК РАН передано 60 артефактов: 40 шаровидных пуговиц из медного сплава, 18 обломков нательных крестиков, два проволочных (височных?) кольца. В его коллекции остались многочисленные целые нательные крестики позднего средневековья (XIX в.), монеты XVII–XVIII вв. (серебряные копейки (чешуйки) Михаила Федоровича чеканки 1613–1617 гг. и Василия Шуйского чеканки 1610 г., две полушки 1731 г.), перстень-печатка с изображением птицы, пластинчатый перстень с замкнутыми концами, нательный серебряный медальон с изображением Святител Тихона и Богоматери с младенцем XIX в. Несколько в стороне от мыса, в местной купальне Ю. Н. Потаповым найден витой трехпроволочный перстень (рис. 24–29).

Материалы, обнаруженные в озере под мысом, датируются широким периодом – от XI до XIX – начала XX вв. Вероятно, не все они происходят из погребений могильника, но отражают в целом хронологию поселения в д. Красные Горы. Исходя из всех полученных данных, грунтовый могильник на мысу предварительно следует датировать XVI – XVII/XVIII вв.

Красные Горы 2. Жальничный могильник

Жальничный могильник Красные Горы 2 находится на северо-западной окраине д. Красные Горы, в 125 м к северо-западу от оз. Красногорского,

на территории бывшего Красногорского лесничества, выкупленной к настоящему времени в частную собственность. В 1983 г. первой группой ЛОО ЛОИА под руководством В. А. Лапшина были получены сведения от информатора А. Л. Захарова,

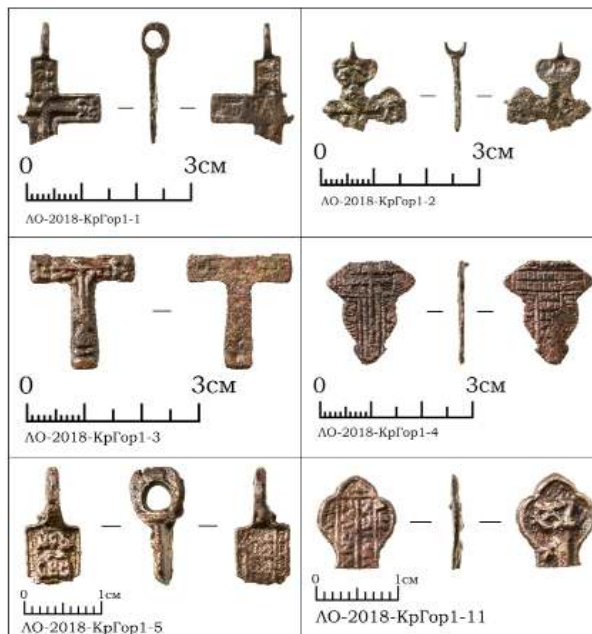

Рис. 24. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Фрагменты нательных крестиков (цветной металл)

Рис. 25. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Пуговицы (цветной металл)

Рис. 26. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Пуговицы и проволочные (височные?) кольца (цветной металл)

Рис. 28. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Монеты XVII–XVIII вв. (цветной металл)

Рис. 27. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Нательные крестики и перстни (цветной металл)

Рис. 29. Красные Горы 1. Грунтовый могильник. Нательный медальон с изображением Святого Тихона (XIX в.) и витой трехпроволочный перстень (цветной металл)

что на территории Красногорского лесничества его дед выпаживал человеческие кости, которые также находили и при строительстве шоссе Толмачево–Осьмино (брали песок у могильника). В результате обследования территории лесничества были выявлены жальничные могильники, сохранившийся на площади 30 × 30 м. По данным экспедиции, в его южной части зафиксированы три параллельных

ряда каменных оградок, каждый шириной 2 м и длиной от 12 до 18 м, ориентированные по направлению северо-запад–юго-восток. В северном ряду находился камень с выбитым шестиконечным крестом. В северной части форму обкладок проследить не удалось. По мнению В. А. Лапшина, возможно, она была овальной. Экспедицией отмечена местная легенда, связывающая могильник с литвой («литва шла») (Лапшин, 1983а. Л. 10–11; 1983б. № 73. Л. 10–11; № 74, рис. 41; 42). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Красные Горы-2. Жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 39, № 286; С. 104, рис. 4).

В 2005 и 2008 гг. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования 2005 г. также были зафиксированы ряды каменных обкладок и камень с выбитым крестом. Обследованием 2008 г. было установлено, что лесничество более не существует, а его территория приватизирована частным лицом и вместе с памятником огорожена забором (Семенов, 2005; 2008а. Л. 41; 2008б).

В результате обследования 2018 г. установлено, что памятник расположен в лиственной роще на краю песчаной гряды коренного берега озера. Могильник состоит из 25 видимых на поверхности погребальных комплексов с небольшими насыпями. В юго-западной части могильника сосредоточены девять жальничных рядов с насыпью высотой до 0,2–0,3 м, длиной 7,5–20,5 м, шириной 2,6–4,8 м, и остатками каменных оградок, вытянутых параллельно друг другу по направлению северо-запад–юго-восток. На головном камне-стеле погребения из жальничного ряда № 10 выбит шестиконечный крест. В северо-восточной и центральной частях могильника расположены 13 жальничных погребений с еле заметной насыпью и остатками каменных оградок круглой формы диаметром 2–7 м. Два жальника имеют оградки овальной формы размерами 4,5 × 5,7 м и 3,1 × 4,2 м (№ 7, 14), один – оградку прямоугольной формы размерами 1,6 × 3,3 м. По всей территории памятника расположены отдельные камни или скопления камней, в ряде случаев выстраивающиеся в прямые ряды. Вероятно, помимо зафиксированных жальников, на территории могильника сохранились погребения без видимых на поверхности насыпей или сохранившие форму каменных оградок. В южном углу могильника расположена небольшая насыпь № 26 размерами 3,5 × 4 м и высотой до 1 м. Насыпь имеет рыхлую поверхность и, возможно, не относится

к погребальным объектам и появилась вследствие современных хозяйственных работ. Погребальные комплексы не граблены и не повреждены ямами, чему способствует расположение могильника на частной территории за оградой.

Группа памятников у д. Турово в бассейне р. Луги

Здесь обследовано восемь объектов: четыре курганных могильника и два отдельных кургана Турово 6–8, 12–14, два селища Турово 18 и 19.

Турово 6. Курганный могильник

Курганный могильник Турово 6 расположен в 1,9 км к северу от д. Турово, в 0,43 км к юго-западу от р. Луга, на верхней площадке края моренной гряды в сосновом бору. Могильник выявлен в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией были зафиксированы две овальные в плане насыпи размерами 16 × 5 м и 17 × 6 м и высотой 0,5–1 м с ровиками глубиной 0,2 м вдоль длинных сторон. Насыпи повреждены неглубокими ямками. Памятник получил индексацию «Турово-VI» (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 9). В 2003 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. В результате обследования было отмечено, что курган 2 (по Колпакову) раскопан, курган № 1 не поврежден. Характеристика насыпи 1 соответствует данным 1989 г. Памятник учтен как «Курганный Турово III» (Семенов, 2003а. Л. 28; 2003б).

В процессе обследования экспедицией ИИМК в 2018 г. установлено, что курган 2 полностью раскопан широкой площадью. Данные об авторстве и дате этих работ отсутствуют. Раскопанная насыпь была впервые зафиксирована в 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Сохранившийся курган 1 расположен в 62,4 м к северо-западу от раскопанного кургана 2 и представляет собой удлиненную в плане валообразную насыпь, вытянутую по направлению север–юг, в начале склона моренной гряды. Размеры насыпи – длина 19,3 м, ширина 7,6 м, высота 0,79–1,06 м. Южный край насыпи несколько более пологий, чем северный. Вдоль длинных западной и восточной сторон прослеживается ровик. В южной части насыпи расположена старая заплывшая яма, размерами 1 × 1 × 0,5 м, зафиксированная еще в 1989 г.

Турово 7. Курганный могильник

Курганный могильник Турово 7 расположен в 2,1 км к северо-востоку от д. Турово, у края коренного берега р. Луги, на моренной гряде в со-

сновом бору. Памятник выявлен в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией были зафиксированы две сегментовидные насыпи, диаметром 6–8 м и высотой 0,3–0,5 м. У кургана № 2 с юго-восточной стороны прослежен ровик глубиной 0,4 м. Памятник получил индексацию «Турово VII» (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 10). В 2003 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. В результате обследования было установлено, что в 4 м к юго-западу от кургана № 2 находится третий курган (№ 3) высотой 0,3 м, изначально округлый, диаметром около 7 м, но из-за повреждения дорожкой юго-восточной полой, приобрел размеры 7 × 3,5 м. Характеристика насыпей 1 и 2 соответствует данным 1989 г. Памятник учтен как «Курганная группа Турово VII» (Семенов, 2003а. Л. 28; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С. 11).

В процессе обследования экспедицией ИИМК в 2018 г. установлено, что могильник состоит из трех насыпей, расположенных друг от друга на расстоянии от 31 м до 4,7 м. Курган 1 – круглая в плане насыпь сегментовидной формы диаметром 7,9 м, высотой до 0,7 м. Ровик не прослеживается. На расстоянии 31 м к северо-западу от кургана 1, с юго-восточной стороны от лесной дороги расположен курган 2. Насыпь кургана удлиненная (подовальная) 14,3 м, шириной до 5,1 м и высотой 0,4–0,8 м, вытянута вдоль дороги по направлению северо-восток–юго-запад. С длинной юго-восточной стороны прослежен ровик. Курган 3 расположен в 4,7 м к юго-западу от кургана 2. Его подовальная насыпь сильно уплотнена и также вытянута вдоль лесной дороги по направлению северо-восток–юго-запад. Размеры: длина 9,3 м, ширина до 3,6 м, высота до 0,4 м.

Турово 8. Курганный могильник

Курганный могильник Турово 8 расположен в 2 км к северо-востоку от д. Турово, на коренном берегу р. Луги, на песчаной моренной гряде в сосновом бору, в 0,16 км к юго-востоку от курганного могильника Турово 7. Памятник выявлен в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией были зафиксированы семь насыпей: два кургана (№ 2 и № 6) удлиненные, размерами 14 × 6 и 18 × 8 м, высотой 0,9–1,1 м, с ровиками глубиной до 0,3 м вдоль длинных сторон; четыре кургана (№ 1, 3, 4, 5) полусферические, диаметром 10–12 м, высотой 1,1–1,6 м, с ровиками до 0,5 м и без них; один курган (№ 7) сегментовидный, диаметром 7 м, высотой 0,3 м, с ровиком 0,1 м с северной стороны. Памятник получил индексацию «Турово VIII» (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 10).

В 2003 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района памятник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. В результате обследования было установлено, что могильник состоит из семи насыпей с характеристиками, соответствующими 1989 г. Курган № 2 поврежден ямой, в курганах № 4 и № 5 – ямы до основания, у кургана № 3 повреждена восточная полая. Учтен как «Курганная группа Турово VIII» (Семенов, 2003а. Л. 28–29; 2003б).

В процессе обследования отрядом ИИМК в 2018 г. установлено, что могильник состоит из девяти насыпей, расположенных друг от друга на расстоянии от 0 м (между курганами № 5 и 6) до 182 м (между крайними курганами № 1 и 7). Могильник вытянут вдоль гребня моренной гряды по направлению северо-восток–юго-запад. Два кургана (№ 2 и 6) удлиненные, размерами 14 × 7 и 19,3 × 7,5 м, высотой 0,71 и 1,07 м, с ровиками глубиной до 0,3 м вдоль длинных сторон; четыре кургана (№ 1, 3, 4, 5) округлые в плане крупные насыпи полусферической формы, диаметром 13,4–9 м, высотой 1–1,9 м, с ровиками до 0,5 м и без них; три кургана (№ 7, 8, 9) – округлые в плане, сегментовидной формы уплощенные насыпи, диаметром 5–7 м, высотой 0,31–0,44 м. У курганов № 2, 3, 4, 5, 6 прослежены ровики. Четыре насыпи (№ 1, 2, 4, 5) повреждены ямами. Центральные части курганов № 4 и 5 уничтожены глубокими ямами, размерами 4 × 3 и 3,5 × 5 м, глубиной 1,2 и 1,6 м (до основания насыпей и ниже). Вершина кургана № 1 повреждена старой заплывшей ямой размерами 0,5 × 0,5 м и глубиной до 0,3 м. У северного края кургана № 2 старая задернованная яма подквадратной формы размерами 1 × 1 м, глубиной до 0,5 м. У кургана № 3 противопожарной траншеей частично повреждено основание восточной полой. На большинстве насыпей растут деревья (рис. 30).

Турово 12. Курганный могильник

Курганный могильник Турово 12 расположен в 2,4 км к северу от д. Турово, в 0,2 км от р. Луга, в 0,48 км к северо-западу от курганного могильника Турово 6, в сосновом бору. В 2003 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Лужского района могильник выявлен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. В результате обследования было установлено, что могильник состоит из двух насыпей: круглой и удлиненной. Насыпи без повреждений. Памятник учтен как «Курганная группа Турово-ХII» (Семенов, 2003а. Л. 29; 2003б).

В процессе обследования 2018 г. установлено, что могильник состоит из двух насыпей: круглой

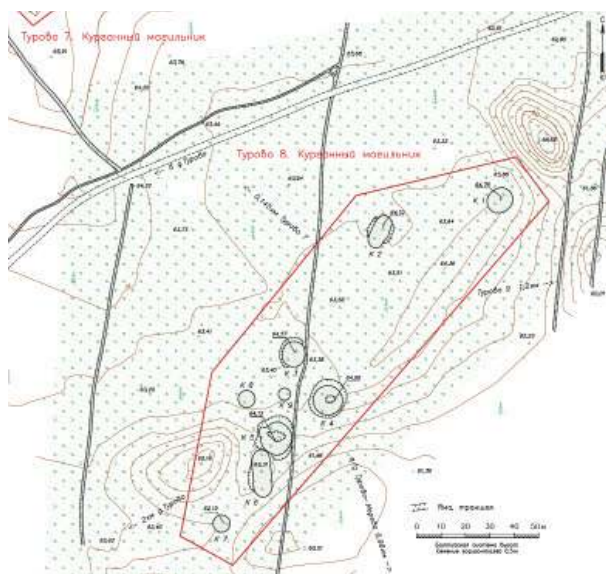

Рис. 30. Турово 8. Курганый могильник.
Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН
07.06.2018

и удлиненной. Курган 1 – круглая в плане, сегментовидной формы насыпь диаметром 10 м, высотой 0,5–0,9 м. С северной стороны фиксируется ровик шириной до 1 м. В 3 м к северо-западу от насыпи 1 расположен второй курган. Курган 2 представляет собой удлиненную насыпь, вытянутую по направлению северо-запад–юго-восток, длиной 12,3 м, шириной до 5,7 м, высотой 0,12–0,4 м. Возможно, насыпь состоит из двух слившихся курганов (или насыпана в два этапа), так как поперек насыпи в центре зафиксирована западина, разделяющая ее на две части. Вдоль длинных сторон фиксируется заплывший ровик. Сохранность насыпей хорошая, грабительские ямы отсутствуют. Вдоль юго-восточной полы кургана 1 проходит противопожарная траншея, вероятно, повредившая заплывший ровик и основание полы.

Курганы Турово 13 и 14

Курганы Турово 13 и 14 расположен в 1,8–1,9 км к северо-западу от д. Турово, в 0,5–0,6 км к юго-востоку от р. Луга, на краю песчаной моренной гряды в сосновом бору, на расстоянии 0,1 км друг от друга. Памятники зафиксированы в 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова в рамках работ по инвентаризации памятников археологии Лужского района. Курган Турово 13 представлял собой подпрямоугольную в плане насыпь размерами 8 × 7 м и высотой 0,6–0,7 м с неглубоким кольцевым ровиком. Памятник учтен как «Одиночный курган Турово-XIII». Курган Турово 14 представлял собой круглую в плане насыпь диаметром 10 м и высотой 0,4 м. На вершине кургана грабительская яма размерами

4 × 1 м. Памятник учтен как «Одиночный курган Турово-XIV» (Семенов, 2003а. Л. 29; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С. 13).

В процессе обследования 2018 г. установлено, что Турово 13 состоит из одной подовальной в плане, сегментовидной формы насыпи, размерами 7,6 × 6,3 м, высотой до 0,63 м, несколько вытянутой по направлению северо-запад–юго-восток. Первоначально курган мог быть подпрямоугольной формы. Вокруг кургана фиксируется кольцевой ровик, шириной 1–1,5 м. Насыпь без повреждений и грабительских ям.

Курган Турово 14 находится в аварийном состоянии. Около пяти лет назад здесь была произведена вырубка соснового леса, в том числе с самого кургана, а затем посадка молодняка. В настоящее время курган серьезно поврежден несколькими посадочными бороздами, вытянутыми вдоль лесной дороги в направлении запад–восток, частично разезжен техникой. Курган густо нарастает молодыми соснами и лиственным самосевом. На момент исследования курган представлял собой сильно поврежденную, округлую в плане сегментовидной формы слабозаметную насыпь диаметром около 10 м и высотой до 0,25 м. Ровик не прослежен. В центре фиксируется отмеченная еще в 2003 г. старая заплывшая яма размерами 2,7 × 1,5 м, глубиной 0,2–0,3 м.

Турово 18. Селище (Селище у д. Турово)

Селище расположено в 1,5 км к югу от р. Луга, в 0,6 км к северу от д. Турово, на поле у юго-восточного берега безымянного озера. Памятник открыт в 2000 г. С. Л. Кузьминым, собравшим на поле, расположенном с северной стороны от д. Турово у лесного озера, керамику XII–XVI вв. В 2003 г. в рамках работ по инвентаризации памятников археологии Лужского района селище осмотрено отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Уточнены топографические привязки и сохранность, снят глазомерный план, проведена фотофиксация. Памятник учтен как «Селище Турово IV» (Семенов, 2003а. Л. 26; 2003б).

В результате обследования территории селища 2018 г., в обресе юго-восточного берега озера на протяжении 41 м зафиксирован выход культурного слоя в виде темно-коричневой гумусированной супеси с большим количеством артефактов. В обресе берега и по его склону собрано около 30 фрагментов глиняной посуды, в основном так называемой «белостенки» XV–XVII вв., и грубой керамики с дресвой, предположительно XII–XIV вв. На северном краю поля, на расстоянии до 100 м

от берега озера также был собран подъемный материал: керамика, различные железные изделия, в том числе различные современные материалы. Из находок выделяется фрагмент каменного орудия, предположительно – кварцитовый отщеп с концевой ретушью, относящееся к индустрии каменного века (неолита?) (рис. 31).

Для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя были заложены пять шурфов размерами 1 × 1 м. Во всех шурфах был зафиксирован переотложенный и растащенный распашкой культурный слой с находками древнерусского, позднесредневекового, нового и новейшего времени в виде темно-коричневой гумусированной супеси мощностью 0,20–0,35 м, залегающий сразу под дерном. В шурфе 5, заложенном в 17 м от обреза берега озера, под распашкой над материком зафиксирован мешаный слой материкового песка и гумусированной супеси мощностью 0,15 м. Возможно, это остатки культурного слоя селища. Всего в шурфах и в качестве подъемного материала собрано 49 артефактов: фрагменты глиняной посуды (29 фрагментов), железные кованые гвозди, обломок подковы, железные пластины и др. (шесть находок), обломок пряжки из медного сплава, шлак, кварцитовое орудие.

Исходя из результатов обследования следует констатировать, что нетронутый культурный слой селища сохранился в узкой полосе вдоль обрыва юго-восточного берега озера шириной около 10–20 м. На поле за этой полосой культурный слой не сохранился или переотложен, материал растащен распашкой в юго-восточном направлении, вследствие чего многие фрагменты керамики,

найденные в шурфах и на поверхности сильно окатаны. У южной и юго-восточной границы селища материал исчезает. В целом найденным материалом датируется широким промежутком времени от XII до XX в., но основную массу керамических находок следует отнести к XII–XVII вв. Утверждать о наличии на этой территории стоянки эпохи каменного века на основании одной переотложенной кварцитовой находки преждевременно. Вся территория селища попала под застройку ИЖС, на поле уже расставлены межевые вешки участков, насыпаны дороги из битого кирпича, установлены столбы ЛЭП, подготовлены для нивелирования поверхности огромные холмы завезенного грунта. Памятник находится под угрозой полного разрушения.

Турово 19. Селище (Селище-2 с КЖМ у д. Турово)

В 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова на южной окраине д. Турово, «в 50 м к северу от берега оз. Туровское» на частном огороде собраны фрагменты керамики «XII–XVIII вв.(?)». Участок сбора подъемного материала учтен как «Селище Турово VI», произведена фотофиксация и съемка глазомерного плана. От местного населения также были получены сведения о том, что к северо-востоку от территории сбора подъемного материала через грунтовую дорожку к озеру располагался разрушенный к настоящему времени могильник («курганно-жальничный могильник?»). Предполагаемое место могильника было определено с юго-восточной стороны от перекрестка Приозерной улицы и грунтовой дорожки, ведущей к озеру. Место было осмотрено и сфотографировано. Видимых следов разрушенного «могильника» не отмечено. Предполагаемый разрушенный могильник учтен как «Курганно-жальничный могильник Турово V/2» (Семенов, 2003а. Л. 26; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С.13).

Деревня Турово впервые упоминается в писцовой книге Водской пятины 1500 г. как «селцо Турово над озером над Туровым в Дмитриевском Городенском погосте Новгородского уезда» (Переписная, 1868. С. 228). На Плана генерального межевания конца XVIII в. и топографических картах XIX–XX вв. южная граница деревни располагается вблизи северного берега оз. Туровского. При этом основная деревенская застройка сосредоточена вдоль проходящих через центр деревни дорог Заклинье–Турово–Нелаи и Турово–Шалово, территория же между деревенской застройкой на южной границе деревни и северным берегом озера отводилась под обширные огороды. Кроме того, на перекрестке двух упомянутых путей в центре деревни и на

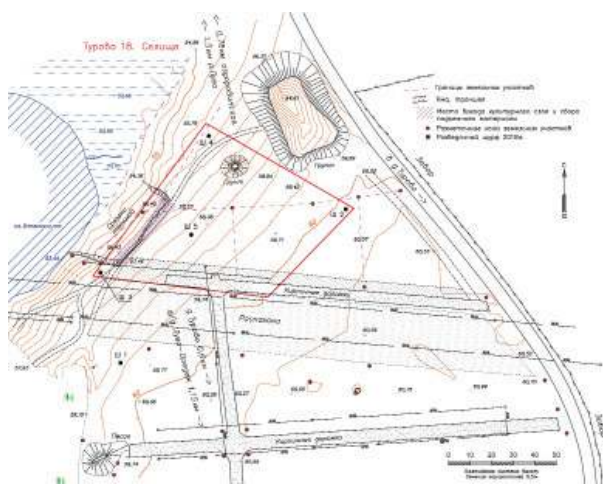

Рис. 31. Турово 18. Селище. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 28.05.2018

ее восточной окраине до первой половины XX в. существовали две часовни.

По результатам анализа архивных материалов предполагаемое местоположение объекта «Селище-2 с КЖМ у д. Турово» в ходе полевого обследования 2018 г. локализовано на открытом участке на южной окраине д. Турово, в 60–115 м к северу от оз. Туровское, в 60 м к югу от перекрестка улиц Приозерная и Пионерская, с южной стороны от частной территории дома № 11 по ул. Приозерная. «Курганно-жальничный могильник» по данным 2003 г. находился с юго-восточной стороны от перекрестка ул. Пионерская, ул. Приозерная и грунтовой дорожки к озеру, с восточной стороны от частного участка с домом № 11.

В результате обследования территории «селища» установлено, что оно занимает находящийся в частной собственности, открытый участок заброшенного огорода на склоне коренного берега оз. Туровского. Со слов владельца участка, два или три года назад верхний огородный (почвенный) слой был содран трактором и сдвинут вниз по склону на несколько десятков метров. Для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя на обследуемой площади были заложены два шурфа размерами 1 × 1 м. В шурфе 1, заложенном в верхней (северной) части участка, под дерном зафиксирован частично сохранившийся слой огородной распашки в виде темно-коричневого суглинка мощностью 0,20 м. Под ним залегал перекрывающий материк слой коричневого суглинка мощностью 0,15 м, из которого происходит один мелкий фрагмент грубой деревенской керамики. С этого слоя в материковую светло-коричневую глину была спущена яма глубиной 0,45 м. Яма заполнена перемешанными слоями материковой глины и коричневого суглинка. В ней найдено четыре мелких фрагмента костей животных. В шурфе 2, заложенном в нижней южной части «селища», под дерном зафиксирован мощный перемешанный слой коричневого суглинка толщиной 0,75 м с включением мелкой кирпичной крошки. Вероятно, он сформировался за счет сползшей или сдвинутой сверху распашкой или техникой почвы. Из шурфа происходит 18 артефактов: современное бутылочное стекло, шлак, мелкие фрагменты печной обмазки, мелкие фрагменты деревенской грубой глиняной посуды. Из керамического материала следует выделить один очень мелкий фрагмент так называемой «белостенки» – белоглиняной посуды XV–XVII вв. Исходя из полученных результатов следует констатировать, что территория «селища» является хозяйственной зоной, использовавшейся

под деревенские огороды. В верхней, северной части, территории обследования огородный (пахотный) слой частично разрушен, сдвинут вниз. В нижней, южной части, накопившийся и сдвинутый сюда сверху слой перемешан, насыщен современными артефактами.

На основе анализа архивно-библиографических и картографических материалов было установлено, что предполагаемое место разрушенного могильника («курганно-жальничного могильника») в XIX–XX вв. занимала деревенская застройка. В настоящее время на этой территории расположено «Цветочное хозяйство». Возможно, могильник или отдельные захоронения (погост?) могли находиться при часовне, расположенной на противоположной стороне ул. Приозерной. Визуальный осмотр этого места не выявил никаких следов кладбища. На карте 1926 г. у восточной окраины д. Турово указана еще одна часовня, расположенная рядом с крупной насыпью. Возможно, на этом месте и был «курганно-жальничный могильник».

Группа памятников у оз. Нелайское

Здесь обследованы два памятника: курганный могильник Нелай-1 в д. Нелай и отдельный курган Нелай-2 на северо-восточном берегу оз. Нелайское.

Нелай 1. Курганный могильник

Курганный могильник находится в центральной части д. Нелай, в 135 м к югу от оз. Нелайского, на его коренном берегу. Памятник открыт в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. В центральной части д. Нелай, на коренном берегу оз. Нелайского экспедицией были зафиксированы 11 полусферических и сегментовидных насыпей диаметром 3–5,5 м и высотой 0,2–0,8 м, расположенных вокруг деревянной часовни. Один курган (№ 5) полуразрушенный. К югу от курганов отмечены две могилы. Памятник был датирован XI–XIV вв. и учтен как «Курганный могильник Нелай-1» (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 11).

В 2003 г. в рамках работ по инвентаризации памятников археологии Лужского района памятник обследован отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Было установлено, что восточная часть могильника попала в границы частных владений. Курганы № 5, 6, 9 не сохранились, № 4 и 3 полуразрушены. На момент исследования, могильник состоял из шести целых и двух полуразрушенных насыпей. Со слов местного населения стало известно, что деревянная часовня, располагавшаяся среди насыпей, сгорела. Памятник постоянно подвергается разрушительному воздействию человеческого фактора и находится

в аварийном состоянии. Памятник учтен как «Курганный группа Нелаи I» (Семенов, 2003а. Л. 26; 2003б). В 2014 г. разведкой Лужского отряда ООА ИИМК установлено, что видимые на поверхности курганные насыпи практически полностью уничтожены обустройством подъездных путей к новому частному коттеджному участку на южном берегу оз. Нелайского. От могильника частично сохранились два сильно поврежденных кургана (Материалы, 2014).

В результате обследования 2018 г. в западной части могильника, с восточной стороны от ограды усадьбы А. А. Степанова, фиксируется сильно уплотненная (снивелированная?) насыпь диаметром 3,5 м и высотой около 0,1–0,2 м. Возможно, это остатки курганной насыпи № 6 или 7 по плану 1989 г. В кустах вдоль ограды участка Степанова прослежены еще две или три еле заметных всхолмления, возможно, также являющиеся остатками курганных насыпей. Несмотря на отсутствие остальных курганных насыпей, на территории могильника с большой долей вероятности могли сохраниться подкурганные грунтовые погребения как в пределах частного участка А. А. Степанова, так и на остальной площади, где произведена поверхностная перепланировка без существенного заглабления в почву (рис. 32). По сведениям местного жителя А. А. Степанова, на территории могильника были захоронения советских солдат, отмеченные еще в 1989 г. Е. М. Колпаковым «к югу от курганов». Судьба этих могил неизвестна, возможно, они также находятся на своих местах без поверхностных насыпей (могилки). С учетом вышеизложенного, границы памятника определены по контуру плана курганного могильника Нелаи 1989 г.

Нелаи 2. Курган

Курган Нелаи 2 расположен в 1,2 км к северо-востоку от д. Нелаи, в 0,26 км к северу от оз. Нелайское, в лиственном лесу. В 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова в 0,2 км к северо-западу от оз. Нелайское на лесной вырубке в смешанном лесу была впервые зафиксирована полусферическая насыпь с уплощенной вершиной высотой 1,3 м, диаметром 10 м (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 11).

В 2008 г. в рамках работ по инвентаризации памятников археологии Лужского района памятник исследован отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Экспедицией было установлено, что вокруг памятника произведена вырубка леса на большой площади, сам курган в центре поврежден большой грабительской ямой размерами 1,20 × 0,70 м и глубиной 0,90 м. Памятник учтен как

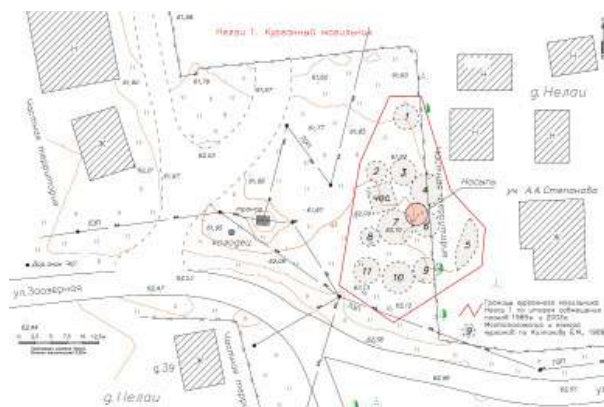

Рис. 32. Нелаи 1. Курганный могильник. Топографический план с нанесением курганных насыпей, отмеченных на плане Е. М. Колпакова в 1989 г. Съемка ООА ИИМК РАН 23.05.2018

«Одиночный курган Нелаи-2» (Семенов, 2008а. Л. 22, рис. 76–78; 2008б).

По результатам обследования 2018 г. установлено, что курган расположен у края коренного берега оз. Нелайского на старой вырубке, густо зарастающей молодым (10-летним) лиственным лесом. Курган представляет собой круглую в плане полусферическую насыпь с уплощенной вершиной, диаметром 11 м и высотой до 1,4 м. На вершине заплывающая грабительская яма размерами 1,2 × 0,7 м и глубиной до 0,9 м. Ровик не прослеживается, так как вся территория вокруг кургана разъезжена тяжелой техникой при лесозаготовительных работах, произведенных около 10 лет назад. Курган, как и окружающее пространство, густо зарос лиственным молодняком.

Отдельно расположенный памятник у д. Вычелобок на р. Удрайка Вычелобок. Селище

Селище Вычелобок расположено на противоположном от д. Вычелобок правом берегу р. Удрайки, в 84 м к юго-западу от церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Деревня Вычелобок впервые упоминается в переписной оброчной книге Вотской пятины 1500 г. как «селцо Вычелопокъ» (Переписная, 1868. С. 208). Селище выявлено во время разведки, проведенной в 1984 г. второй группой ЛОО ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой. На «высоком коренном берегу реки» на огородах был зафиксирован культурный слой с фрагментами белоглиняной керамики «XIV–XVII вв.» (Платонова, 1984а. Л. 1; 1984б. № 75. Л. 1, № 76, рис. 2–3). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Вычелобок. Селище» (Лапшин, 1990. С. 24, № 119).

В результате полевых исследований 2018 г. установлено, что селище Вычелобок занимает небольшой участок заливного луга правого берега р. Удрайки между шоссе и грунтовой дорогой к разрушенному деревянному мосту через реку. С северо-восточной стороны от грунтовой дороги сразу начинается подъем возвышенности, на краю которой построена ц. Покрова Пресвятой Богородицы. Для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя на протяжении всей длины памятника с юго-востока на северо-запад и за его пределами были заложены шесть шурфов размерами 1 × 1 м. В результате в четырех шурфах (№ 1–3, 6) был зафиксирован культурный слой с материалами XV–XX вв. В шурфах № 2, 3, 6 культурный представляет собой переотложенный распашкой и огородами темно-коричневый гумусированный суглинок мощностью 0,25–0,65 м, залегающий сразу под дерном. В шурфе № 1, заложенном в непосредственной близости от берега реки, обнаружен фрагмент угловой стены каменного фундамента, сложенного насухо в один ряд из крупного камня до 0,30 м в сечении. Фундамент заглублен в материк до 1,1 м от современной дневной поверхности. Стена вытянута по оси юго-восток–северо-запад, затем поворачивает на юго-запад. С юго-западной стороны от стены располагался вырытый в материке фундаментный котлован. В нижней части котлован заполнен темно-коричневой супесью (мощностью 0,40 м), которая перекрыта слоем разрушения сооружения в виде слоя битого кирпича и кирпичной крошки (мощностью 0,30 м). Над кирпичным боем залегают почвенный слой коричневой супеси.

На селище было обнаружено 54 находки: зуб свиньи; фрагменты стеклянных изделий, железные изделия (в основном кованые гвозди); изделия из цветного металла, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, печная обмазка, фрагменты керамической посуды, изготовленной на гончарном круге. Среди фрагментов керамики выделяется ряд грубых черепков содержащих в тесте в качестве примеси дрсеву, а также белоглиняная керамика XV–XVII вв. – времени первого упоминания д. Вычелобок в Новгородской писцовой книге. В целом найденные артефакты датируются широким временным отрезком от XV до XX в. Не совсем ясна датировка и предназначение обнаруженного в шурфе № 1 каменного фундамента кирпичного сооружения. На таком фундаменте возводили большие и тяжелые постройки. Исходя из размеров (толщина 5,6 см) и качества фрагментов кирпича из заполнения котлована, постройка, предположительно датируется XVIII – первой половиной XIX в.

Культурный слой селища переотложен, так как до недавнего времени здесь находились деревенские огороды, что подтверждается материалами разведки Н. И. Платоновой 1984 г. и информацией, полученной нами от местных жителей. В советское время участок также обрабатывался, о чем свидетельствуют следы глубокой плужной распашки в шурфах.

Группа памятников у оз. Меревское

Здесь обследованы три памятника: курганно-жальничные могильники у д. Запишенье и Заполье 2, курган-жальник Заполье 3.

Запишенье. Курганно-жальничный могильник

Курганно-жальничный могильник расположен в 1,1 км к северу от оз. Меревское, в 0,28 км к юго-западу от д. Запишенье, в смешанном лесу на вершине и склонах моренной гряды, вытянутой вдоль грунтовой дороги по оси северо-запад–юго-восток. Могильник выявлен в 1979 г. Оредежским отрядом СЗАЭ ЛГУ совместно с Ленинградским областным отделением ВООПИиК и Ленинградской областной ГИОП под руководством Ю. М. Лесмана. Экспедицией было зафиксировано около 120 насыпей (Лесман, 1980. С. 18). В 1979 г. государственным инспектором охраны памятников Леноблсполкома В. А. Лапшиным на памятник было оформлено Охранное обязательство для совхоза «Мичуринский». В 1988 г. в целях паспортизации могильник обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. В результате работ было зафиксировано 72 полусферические насыпи диаметром 2–5 м, высотой 0,3–1,5 м. В некоторых из них были видны крупные валуны. По данным экспедиции, в южной части могильника располагались кольцевые выкладки из камней. Часть могильника была уничтожена дорогой и карьером. Семь насыпей были повреждены ямами в центре, у двух разрушены восточные полы, одна повреждена траншеей (Колпаков, 1988–1991; 1988. Л. 9–10). Сведения о «памятнике археологии» на месте расположения курганно-жальничного могильника Запишенье также имеются на топографической карте Госгисцентра 2000-х гг. (предположительно, 2001 г.).

В 2004 г. в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников Лужского района могильник осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. Во время обследования на южной окраине памятнике зафиксированы большие ямы (карьеры?), заваленные бытовым мусором и другими отходами. На курганах и в жальничных погребениях отмечены многочисленные следы новых грабительских раско-

пок. В северо-западной части могильника зафиксированы жальничные ряды. Памятник учтен как «Курганно-жальничный могильник у д. Запишень» (Семенов, 2004а. Л. 33; 2004б).

Исследованиями 2018 г. установлено, что могильник по всей площади сильно разрушен многочисленными грабительскими раскопами, ямами, отвалами грунта. Через центральную часть памятника проложена просека ЛЭП, вытянутая по направлению север–юг, разделившая его на две части – северо-западную и юго-восточную. На юго-западном краю юго-восточной части расположен старый карьер. На территории памятника зафиксировано 57 погребальных комплексов – 17 жальников и 40 курганов. Курганы, сконцентрированные в северо-западной половине могильника, представлены круглыми в плане полу-сферическими или сегментовидными насыпями диаметром 1,6–6 м и высотой 0,2–1 м. У многих курганов фиксируются фрагменты каменных обкладок по основанию или отдельные валуны. Жальники расположены в юго-восточной половине памятника и в северо-западном углу северо-западной части могильника и представлены четырьмя жальничными рядами с каменными оградками длиной 4,8–18,6 м, шириной 2,9–3,9 м, вытянутые по оси север–юг, шестью жальниками с оградкой прямоугольной формы размерами 3,3–5,2 × 2,6–3,7 м, шестью жальниками с оградкой квадратной формы размерами 2,1–5,1 × 2,1–4,6 м и жальником с оградкой овальной формы размерами 4,8 × 3,9 м. На просеке ЛЭП и на северо-восточной окраине могильника расположены отдельные группы или выкладки камней. Возможно, они также являются жальниками, не сохранившими четкую форму своих оградок (рис. 33).

Курганно-жальничный могильник Заполье 2 и курган-жальник Заполье 3

Курганно-жальничный могильник Заполье 2 находится в 0,67 км к востоку от д. Заполье, в 0,2 км к северо-востоку от оз. Меревское, на вершине гряды края коренного берега озера, в хвойном лесу. Курган-жальник Заполье 3 расположен в 35 м к востоку от жм Заполье 2 на площадке южного склона гряды. Оба памятника выявлены в 2006 г. отрядом Северо-Западной археологической экспедиции научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского Государственного университета (СЗАЭ НИИКСИ СПбГУ) под руководством С. Л. Кузьмина. В результате обследования установлено, что могильник Заполье 2 состоит из пяти визуально выделяемых погребальных комплексов (объектов), вероятно, относящихся к переходному этапу от древнерусских курганов

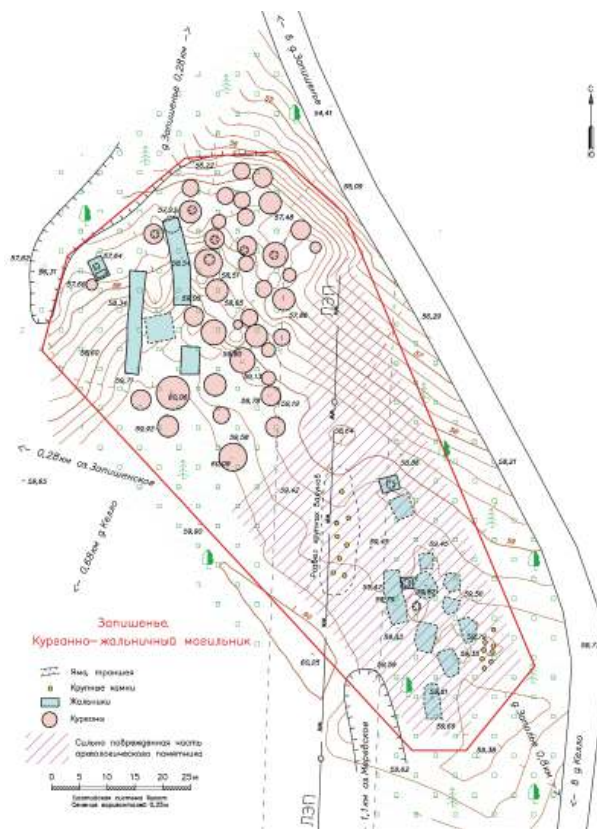

Рис. 33. Запишень. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 25.05.2018

к жальникам. Объекты представляют собой круглые в плане курганы с сильно уплощенной сегментовидной насыпью и остатками кольцевой обкладки (№ 1 и 2) и совсем низкие, почти без насыпи, курганы-жальники с каменными обкладками или уже оградками жальничного типа (№ 3–5). Курганы 1, 2, 5 округлые в плане, диаметром 4–5 м, высотой 0,3–0,9 м. Курганы-жальники 3 и 4 несколько подовальные в плане, размерами 6,5 × 5,5 м и 7,1 × 6,2 м, высотой 0,3–0,5 м и 0,4 м. Между курганами находятся еще две совсем аморфные насыпи, отдельные камни или их скопления, возможно, также относящиеся к погребальным объектам. Курган-жальник 3 поврежден двумя старыми запывшими ямами.

Курган-жальник Заполье-3 состоит из погребального комплекса (объекта), вероятно, относящегося к переходному этапу от древнерусского кургана к жальнику и представляет собой подовальную в плане, несколько аморфную, сильно уплощенную насыпь с фрагментами каменной кольцевой обкладки по основанию. Размеры кургана-жальника 7,3 × 6,2 м, высота около 0,3–0,4 м. По центру поврежден большой ямой размерами 3,2 × 2,5 м, глубиной до 1 м.

Группа памятников у оз. Поддубское

Здесь обследованы четыре памятника: курган Заплотье 1, селища Заплотье 2 и 3, селище Коленцево 1.

Курган Заплотье 1

Курган расположен в 0,57 км к северо-востоку от д. Заплотье, на гребне гряды юго-западного коренного берега оз. Поддубского, на высоте 5,5 м от уровня воды.

Курган открыт Ю. М. Лесманом в 1986 г. В 1988 г. в целях паспортизации памятник был обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией была зафиксирована удлиненная насыпь размерами 14 × 7 м, высотой 0,6–1 м. Снят план. По топографии и форме насыпи памятник датирован VI–X вв. (Колпаков, 1988–1991; 1988. Л. 10). В 2003 г. в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников Лужского района курган осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Было определено, что курган представляет собой удлиненную насыпь, соответствующую обмерам 1988 г., сохранность хорошая. Памятник учтен как «Одиночный курган Заплотье I» (Семенов, 2003а. Л. 37–38; 2003б).

В результате обследования 2018 г. установлено, что памятник состоит из одной удлиненной насыпи размерами 15 × 8 м, высотой до 0,75 м, вытянутой вдоль берега по оси северо-запад–юго-восток. Ровик не прослеживается (рис. 34).

Селище Заплотье 2

Селище расположено в 0,57 км к северо-востоку от д. Заплотье, с юго-восточной стороны от кургана Заплотье 1, на ровной площадке мыса коренного берега оз. Поддубского, на высоте 5,4–5,5 м от уровня воды. Селище выявлено С. Л. Кузьминым в 2000 г. На участке в 0,5 км к северо-востоку от д. Заплотье, с восточной стороны от кургана Заплотье 1 была собрана средневековая керамика. В 2003 г., в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников археологии Лужского района, территория памятника осмотрена отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова. Уточнены топографические привязки и сохранность. Памятник учтен как «Селище Заплотье II» (Семенов, 2003а. Л. 38; 2003б).

Во время исследования 2018 г. для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя на протяжении всей оконечности мыса к юго-востоку от кургана Заплотье 1 были заложены пять шурфов размерами 1 × 1 м и один шурф размерами 1 × 1 м с северо-западной сто-

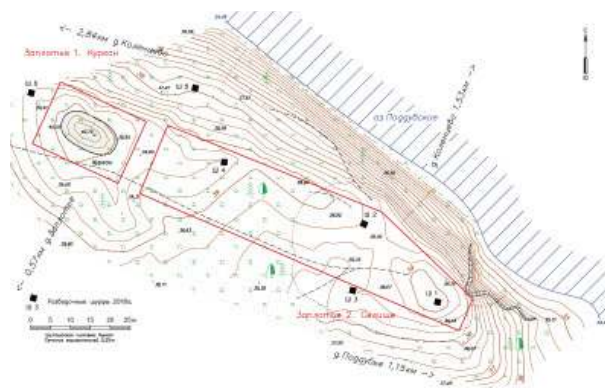

Рис. 34. Заплотье 1. Курган и Заплотье 2. Селище. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК РАН 29.05.2018

роны от кургана. В двух шурфах (№ 2 и 4) был зафиксирован культурный слой в виде светлорыжевато-коричневой слабогумусированной мешаной супеси мощностью 0,15–0,25 м с включением мелких угольков, залегающей сразу под почвенными слоями, а также заполнение ямы глубиной в материке 0,25 м в виде светло-серого более гумусированного слоя супеси. Из культурного слоя происходит восемь фрагментов лепной глиняной посуды с включением крупной дресвы, в том числе три венчика, датируемой не позднее X в. (рис. 35).

Рис. 35. Заплотье 2. Селище. Венчики лепной керамической посуды

Селище Заплотье 3

Селище расположено 0,7 км к северо-востоку от д. Заплотье, с северо-восточной стороны от истока р. Троицкая, на северо-западном берегу оз. Поддубское. Селище выявлено в 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников археологии Лужского района. На протяжении 75 м вдоль берега озера собрана средневековая керамика XV–XVI вв. Памятнику был присвоен индекс «Селище Заплотье III» (Семенов, 2003а. Л. 38; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С. 15).

В 2018 г. для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя вдоль берега озера от пруда на протяжении 90 м в северо-восточном направлении были заложены четыре шурфа размерами 1 × 1 м. В двух шурфах (№ 3 и 4) под почвенным торфянистым слоем зафиксирован культурный слой мощностью 0,15–0,25 м в виде серой гумусированной супеси с включением угольков. Из слоя происходит девять находок: железный гвоздик и восемь фрагментов керамики, из которой три фрагмента печной обмазки и пять от грубой деревенской посуды, изготовленной на гончарном круге. Два фрагмента с дрсевой в стенках могут относиться к древнерусскому времени, один фрагмент, вероятно, относится к позднесредневековой белоглиняной посуде XV–XVII вв., еще два фрагмента к более позднему времени. Следует полагать, что обследованный в 2003 и 2018 гг. участок на низком затапливаемом озером берегу является хозяйственной зоной поселения, расположенного несколько выше, на коренном берегу озера.

Коленцево I. Селище

Селище находится в 0,7 км к юго-западу от д. Коленцево, с северо-восточной стороны от частной базы отдыха «Хутор Верхутино» (бывшая база отдыха «Пескари» – территория бывшей усадьбы Живописная и деревни Верхутино), на краю северо-западного коренного берега оз. Поддубское, на высоте 16,2–24,2 м от уровня воды. Памятник выявлен в 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников археологии Лужского района. На участке пашни площадью 90 × 70 м была собрана круговая керамика XIV–XIX вв. На северной окраине селища был заложен разведочный шурф размерами 1 × 1 м, показавший следующую стратиграфию: 1) культурный слой – серый пахотный гумусированный слой мощностью 0,25 м; 2) материк – желтая супесь со следами распашки. В культурном слое шурфа найдены шесть фрагментов круговой керамики XIV–XIX вв. и небольшой фрагмент оплавленного железа. Памятнику была присвоена индексация «Селище Коленцево I» (Семенов, 2003а. Л. 38; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С. 15).

В результате обследования территории селища в 2018 г. на ее северо-восточной границе на краю оврага найдены руины каменного дома размерами 9,2 × 8,8 м. От постройки сохранились фрагменты фундамента, сложенного в 1–3 ряда из крупных камней и валунов размерами 0,50–0,60 м в сечении. Во внутреннем пространстве фундамента находятся обломки кирпичей шириной 12 см и

толщиной 6,5 см. Постройку следует датировать XIX – началом XX в.

Для уточнения наличия, мощности и территории распространения культурного слоя вдоль берега озера от оврага до базы отдыха были заложены пять шурфов размерами 1 × 1 м. В четырех шурфах (№ 2–5) сразу под почвенным слоем с дерном был зафиксирован переотложенный распашкой культурный слой в виде коричневой гумусированной супеси мощностью 0,20–0,30 м с находками древнерусского, позднесредневекового, нового и новейшего времени. В шурфах 3 и 4 под распашкой зафиксирован первичный культурный слой в виде сильно гумусированной темно-коричневой супеси мощностью 0,10 м, залегающий над материком. Из этого слоя происходят находки более раннего времени, в том числе фрагмент лепной(?) керамики (по описи № 15). Всего в шурфах и в качестве подъемного материала найден 31 артефакт: фрагменты глиняной посуды, печной обмазки, железные кованые гвозди, шлак, обломок каменного оселка, две монеты начала XX в. и XIX в., перстень из цветного металла, сережка с камнями, фигурная накладка и дверная скоба (рис. 36). Территория селища находится в частном владении.

Отдельно расположенный памятник у оз. Раковическое и д. Калгановка Калгановка I. Курганный могильник

Памятник расположен в 0,9 км к западу от д. Калгановка, в 22 м к юго-востоку от автомобильной дороги к д. Ильжо, в сосновом бору на песчаной (моренной) гряде. В 2003 г. отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова к юго-востоку от дороги Киевское шоссе – Смерди были зафиксированы две насыпи. По данным экспедиции насыпь № 1 диаметром 16 м имела высоту 2 м, в центре повреждена ямой размерами 5 × 6 м, глубиной 1,5 м. Насыпь № 2 имела длину 7,5 м, ширину 4,5 м, высоту 0,2–0,3 м. Ее северо-восточный край разрушен противопожарной траншеей. В 2004 и 2008 гг. этим же отрядом проводился мониторинг памятника (Семенов, 2003а. Л. 22–23; 2003б; Лапшин, Семенов, 2012. С. 15). В 2014 г. насыпи обследованы

Рис. 36. Коленцево I. Селище. Перстень (цветной металл) из шурфа 3

отрядом ООА ИИМК во время разведки по трассе проектируемой ЛЭП с юго-восточной стороны от памятника (Материалы, 2014).

В результате обследования 2018 г. установлено, что памятник состоит из двух курганов. Курган 1 – крупная сопкообразная насыпь, несколько подовальная в плане, размерами 21 × 17 м, высотой до 2,35 м. С северо-западной и юго-восточной сторон прослеживается ровик шириной до 4 м и глубиной около 0,30 м с перемычками. Центр насыпи разрушен ямой размерами 7,5 × 7,5 м, глубиной до 1,5 м. Основание юго-западной полы повреждено противопожарной траншеей. По склонам насыпи растут крупные сосны, молодые ели, кустарник. Курган 2 – небольшая, подовальная в плане насыпь, размерами 7 × 5 м, высотой до 0,35 м, вытянутая по оси северо-восток–юго-запад.

Группа памятников на р. Тесова у д. Заполье

Здесь обследованы два памятника: курганный могильник Заполье 1 и селище Заполье 2.

Заполье 1. Курганный могильник

Курганный могильник Заполье-1 находится в 0,2 км к северо-западу от д. Заполье Ям-Тесовского сельского поселения, на вершине мыса, образованного при впадении р. Тесовой в р. Рыденка, к северо-востоку от церкви Св. Климента, на территории кладбища Климентовского погоста. В 1500 г. Климентовский Тесовский погост впервые упоминается в новгородских писцовых книгах (Переписная, 1868. С. 67; Селин, 2002. С. 284). В межевых книгах 1578–1586 гг. впервые упомянуты курганы и кладбище погоста: «...прямо к кладу и к курганом...» (Селин, 2003. С. 485 (Приложение 2); 2008. С. 343). Под 1629 г. в выписи из писцовых книг на кладбище погоста упомянуты «курганы» и каменный крест (Селин, 1996. С. 14).

В 1878 г. к северо-востоку от церкви Климента священник, секретарь Новгородского статистического комитета Н. Г. Богословский зафиксировал 12 курганов, обложенных камнем: два кургана высотой до 3,6 м, диаметром до 14,9 м и 10 курганов высотой до 2 м, диаметром до 6 м. Две насыпи Н. Г. Богословским были раскопаны. В «большом кургане» сразу под дерном обнаружена могила в виде камеры, крышка и стенки которой состояли из плит на фундаменте из булыжника. Дно могилы было грунтовое без плиты или камня. В могиле, заполненной землей, в ее западной части, обнаружены семь черепов, а также кости скелетов, поломанные и перемешанные, вероятно грабительскими раскопками. В головах были найдены черепки двух горшков и две медные

бляшки от конского убора, а в ногах один целый и один малый горшок с отбитым краем. В середине могилы найдена западноевропейская («ганзейская» по определению Н. Г. Богословского) монета XIII–XIV вв. Во втором исследованном кургане меньших размеров обнаружен только «столб» в центре, сложенный из плиты и булыжника высотой около 1,43 м. По сведениям Н. Г. Богословского, местные жители называют эти курганы Шведскими. Сам же исследователь предположил, что это могилы новгородцев, павших в бою с Ливонцами в XIII или XIV в. (Богословский, 1878–1879. С. 205; Спицын, 1897. С. 245). Сведения о 12 насыпях Климентовского погоста и раскопках Н. Г. Богословского включены в указатель И. С. Романцева 1911 г. (Романцев, 1911. С. 59–60).

В мае 1924 г. А. А. Спицын заказал открытый лист на раскопки курганов, но исследования произведены не были. В том же году он представил в комиссию по нумизматике фрисландский динарий Бруно III, чеканенный в Доккуме в 1038–1057 гг., найденный в одном из курганов Климентовского погоста местным крестьянином (О монете, 1924. Л. 45–45 об.; 1925. Л. 7 об.; Лесман, 1995. С. 80; Селин, 2002. С. 285). В 1920-х гг. курганы у д. Заполье раскапывал археолог-любитель, землемер из г. Луги В. Н. Сергеев (Шульц, Гроздилов, 1927).

В 1928 г. сотрудником (хранителем) Этнографического отдела Русского музея С. А. Теплоуховым к северо-западу от церкви Климента, в 80 м к северо-западу от кладбища, на мысу была зафиксирована вторая часть могильника, состоящая из 26 курганов высотой 0,5–4 м и диаметром 2–4 м с кольцевыми обкладками из камней по основанию. Восемь курганов могильника исследователем были раскопаны. Во всех насыпях обнаружены погребения по обряду ингумации, содержавшие мужские, женские и детские захоронения. В шести курганах (1, 3, 5–8 по нумерации С. А. Теплоухова) под насыпью находились грунтовые погребения в ямах прямоугольной формы длиной 1,85–3 м, шириной 0,7–2 м и глубиной 0,2–0,65 м, вытянутых по направлению восток–запад. В них находились плохо сохранившиеся костяки в вытянутом положении на спине, ориентированные головой на запад или северо-запад. В кургане № 1 могильная яма была обрамлена по верхнему краю камнями, в кургане № 8 длинные стенки могилы были выложены изнутри каменными плитами. В кургане № 1 умерший, вероятно, был укрыт берестой; в кургане № 3 раздавленный череп лежал на камне; в кургане № 5 погребенный, возможно, находился в деревянной «гробнице» длиной 2,08 м и шириной 0,75–0,6 м, его череп был разрушен и лежал на

каменной плитке; в кургане № 8 захороненный был обернут в органическую материю. В насыпи кургана № 6 зафиксировано подзахоронение – костяк ребенка, а в грунтовой могильной яме – семейное погребение мужчины, женщины и ребенка. В кургане № 1 рядом с погребением взрослого находились кости ребенка. В кургане № 2 грунтовая могильная яма отсутствует, но в насыпи найдены кости ребенка. В кургане № 4 захоронение находилось под насыпью на уровне погребенной почвы в каменной оградке, расположенной с трех сторон. Длина оградки составила 2 м, ширина – 1 м. В оградке на грунте, в вытянутом положении на спине находился костяк мужчины, ориентированный головой на юго-запад. Раздавленный череп лежал на плите. Рядом с погребением находилось каменное сооружение размерами 2 × 1 м, состоящее из груды камней, перекрытых сверху каменными плитами. Большинству погребений сопутствовал погребальный инвентарь. Мужские захоронения сопровождали железные ножи, кресало, медная пряжка, железная дужка, кольца, железная секира (топор), глиняная посуда. Женский набор вещей традиционно богаче и состоял из височных ромбоштитковых и проволочных колец, подвески в виде уточки, лунниц, трапецевидных подвесок, медных браслетов и перстней, стеклянных, каменных и металлических бус, бисера, медных бубенчиков, глиняной посуды, амулета из астрагала бобра. В кургане № 5 женское погребение сопровождали конопляные зерна. В насыпях курганов также зафиксированы различные находки: железный нож, ключ, гвозди, фрагменты керамики, шлаки, кости животных. По находкам курганы датируются XI–XIII вв. (Теплоухов, 1928).

На следующий год С. А. Теплоухов обращается в ГАИМК за разрешением на продолжение раскопок «в Оредежском районе в Лужском округе» в 1929 г. ГАИМК, рассмотрев отчет исследователя за 1928 г., обратилась в Главнауку с просьбой о выдаче Открытого листа Теплоухову на «право производства раскопок в указанном районе» (Теплоухов, 1929). Проводились ли С. А. Теплоуховым полевые работы, осталось неизвестным. В опубликованной в 1995 г. статье Ю. М. Лесмана «Древнерусский Тесов» дана хронология каждого из восьми курганов, раскопанных С. А. Теплоуховым в 1928 г., и датировка всех курганов в целом серединой – третьей четвертью XII в. (Лесман, 1995. С. 80–81).

В 1979 г. памятник обследован Ю. М. Лесманом, зафиксировавшим к северо-востоку от церкви 12 насыпей высотой 0,3–2 м и диаметром 6–10 м.

Вторая часть могильника, расположенная к северо-западу от церкви Климента, по его данным уничтожена в 1975 г. (Лесман, 1979; 1980. С. 19; 1995. С. 80). В 1989 г. могильник, в целях паспортизации, обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Экспедицией зафиксированы 12 насыпей, из которых № 6 и 12 были почти полностью разрушены, а в курганах № 1 и 5 устроены могилы (Колпаков, 1989. Л. 4–5; 1988–1991). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Заполье-1 (Климентовский погост). Курганный могильник» (Лапшин, 1990. С. 13, № 22).

В 2003 и 2008 гг. могильник, в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников Лужского района, осмотрен отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова, уточнены его топографические привязки и сохранность. С восточной и северо-восточной стороны от церкви на территории современного кладбища были зафиксированы 10 курганов и остатки двух насыпей (Семенов, 2003б; 2008б).

В процессе обследования 2018 г. установлено, что памятник состоит из 13 курганных насыпей: 12 круглых в плане полусферических курганов диаметром 4,8–10,3 м и высотой 0,5 м (№ 1–3, 5–7, 9–11, 13–15) и удлиненного, овального в плане, кургана № 4 размерами 9,1 × 4,8 м и высотой 0,5 м. Вокруг насыпей № 2 и 4 отмечены остатки каменного венца по основанию. Все кладбище и сами насыпи густо заросли деревьями и кустарником. В тело курганов № 1 и 10 впущены современные могилы. Большинство насыпей засыпаны мусором, полы повреждены дорожками или вплотную расположенными/врезанными современными погребениями. Курганы № 8 и 12 по нумерации Лесмана-Колпакова не сохранились. Сохранность объекта аварийная (рис. 37).

Заполье 2. Селище

Селище Заполье 2 расположено в 0,24 км к западу от д. Заполье Ям-Тесовского сельского поселения, на мысу образованном при впадении р. Тесовой в р. Рыденка, на высоте 12 м над уровнем воды, на поле, в 70 м к юго-западу от церкви Св. Климента (рис. 37). В 1979 г. у д. Заполье на территории погоста к юго-западу от церкви Св. Климента и старого кладбища Ю. М. Лесманом выявлено селище, значительная часть которого к тому времени была уничтожена карьером. При зачистке стенки карьера им были обнаружены остатки постройки и гончарная древнерусская керамика XI–XIII вв. Мощность культурного слоя в обресе

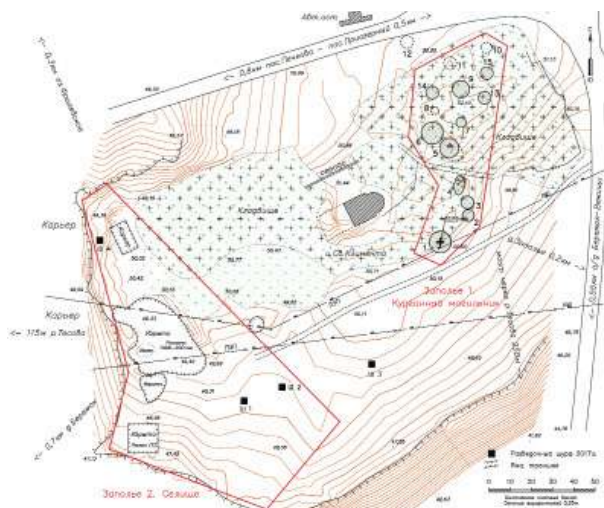

Рис. 37. Заполье 1. Курганный могильник и Заполье 2. Селище. Топографический план. Съемка ООА ИИМК РАН 28.06.2017 г. и 22.05.2018

карьера составила 0,2–0,6 м, размеры памятника определены как 120 × 70 м. Исследователь данное поселение соотнес с известным по письменным источникам древнерусским Тесовым. Ю. М. Лесман полагал, что «упоминаемый в летописи населенный пункт – центр плотно заселенного плодородного района расположен на месте пересечения идущей из Новгорода дороги с водной магистралью и представлен всего лишь неукрепленным и сравнительно небольшим (не более 1,5–2 га) поселением»: «Город не появился ни в XI, ни в XIII в., ни позже» (Лесман, 1979; 1980. С. 19; 1995).

Впервые Тесово упоминается в русских летописях под 1233 и 1240 гг. в связи с захватом его немецкими рыцарями: «В то же лето изгониша Немци Кюрила Синкиница в Тесве, и ведоша и в Медвежю голову; и сиде окован...»; «Тои же зимы придоша Немци на Водь с Чудью, и повоеваша и дань на них взложиша, а город учиниша в Копорьи погосте. И не то бысть зло, но и Тесов взяша, и за 30 верст до Новагорода ганяшася, гость биюче; а семо Лугу и до Сабля» (Новгородская первая летопись, 1950. С. 72, 78). Под 1400–1401 (6909) гг. Тесово упоминается в западнорусской Евреиновой летописи: «Того ж году в Новегороде и на Москве и в Ладоге и в Порхове и в Тесове и в Торжку и во Твери и в Дмитрове и по всем Руским волостем было поветрие велми велико» (Евреиновский, 1907. С. 392). В 1500 г. в новгородских писцовых книгах впервые упомянут Климентовский Тесовский погост, являвшийся центром Дворцовой волости Тесово и церковь Св. Климента. Волость, в основном, состояла из бывших владений новгородского вла-

дыки (архиепископа), конфискованных Иваном III и описанных на себя (Переписная, 1868. С. 67, 81; Селин, 2002. С. 284, 286).

Н. М. Карамзин в своем труде «История государства Российского» локализовал Тесов где-то на границе с Эстонией: «Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новгородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ версть за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ» (Карамзин, 1842. С. 19).

Возможно, памятник был отмечен на карте польского археолога-слависта З. Ходаковского (совершившего «Ученое путешествие» по «Северной Руси» в 1820–1821 гг.), изданной после его смерти М. П. Погодиным в 1871 г. и названной «Указание (обозрение) Славянского Городства в Северо-западной части России по первому опыту в 1822 г. Ходаковского» (Погодин, 1871. Л. 4, список рисунков: с. 1, пункт 10). З. Д. Ходаковский в статье «Пути сообщения в Древней России», поправляя Н. М. Карамзина, отмечает, что Тесовско-Климентовский погост, «который упоминается в 1240 г.» (т.е. ставя знак равенства между летописным Тесовым и погостом. – *Прим. авт.*), находится «в Новгородском уезде» (Ходаковский, 1837. С. 18).

А. Н. Насонов в изданной в 1951 г. книге «Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование» географически соотнес территорию «Климецко Тесовского погоста» с летописным Тесовым (Насонов, 1951. С. 121). Памятник как «Тесовский погост» включен в указатель к карте поселений Северо-Западной Руси X–XIII вв., изданный в 1956 г. А. В. Успенской и М. В. Фехнер (Успенская, Фехнер, 1956. С. 153, рис. 19а).

В 1989 г. селище в целях паспортизации было обследовано СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова, снят инструментальный план (Колпаков, 1988–1991; 1989. Л. 4, рис.9). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Заполье-2. Селище» (Лапшин, 1990. С. 13, № 23). В 1998 г. Инспекцией по охране и использованию памятников истории и культуры Ленинградской области памятник зарегистрирован как вновь выявленный объект культурного (археологического) наследия «Поселение, XI–XIV вв.» (Акт регистрации №12-8 от 7 мая 1998 г.).

В 1998–1999 гг. на памятнике проведены раскопки Тесовским отрядом Северо-Западной экспедиции Российского научно-исследовательского Института культурного и природного наследия под руководством А. А. Селина. В 1998 г. была вскрыта площадь 136 кв. м, в 1999 г. – 96 кв. м. Раскопки выявили, что весь культурный слой мощностью 0,25–0,40 м распахан, что исключило стратификацию памятника. Основную массу находок составили железные предметы и гвозди позднейшего происхождения, предметы из жилого строения XIX в. К средневековым древностям относятся находки фрагмента ромбо-щиткового височного кольца, хрустальной многогранной бусины, двух бронебойных наконечников стрел XIII в., детской свистульки из белоглиняного теста, фигурки птицы из рога, медвежьего клыка-амулета, трех ножей, ледоходного шипа. В материковых ямах обнаружены костяной гребень и футляр к нему с циркульным орнаментом, датирующиеся XI в. Из древностей раннего средневековья были найдены бронзовая накладка на кожаное изделие, датируемое не позднее X в., две глазчатые бусины, рубленный бисер, прописка желтого стекла рубежа X–XI вв. Отдельную категорию находок составили предметы личного благочестия – четыре нательных креста XIV–XVII вв. На поселении также представлен непрерывный ряд керамического материала, от лепной керамики рубежа I–II тыс. до позднесредневековой XVII–XVIII вв. Результаты работ показали, что поселение возникло в X–XI вв. (Селин и др., 2001. С. 36–46; Селин, Антипов, 2001. С. 39).

В 2000–2001 гг. Тесовским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции Центра «Петроскандика» при НИИКСИ СПбГУ под руководством А. А. Селина были продолжены археологические исследования на поселении. Работы проводились к востоку от раскопа 1999 г. На обоих участках вдоль южного склона холма была выявлена подрезка материка, каменная вымостка с рядом столбовых ям, забутованных камнями, вероятно, для укрепления плетня XIX в. В черном пахотном слое помимо материалов позднего времени были встречены средневековая бронзовая подвеска-бубенчик, соединенная цепочкой с клыком, фрагмент желтой мозаичной бусины (980–1096 гг.), костяной гребень, шиферное пряслице, кочедык, полностью сохранившийся тигель, бронзовая накладка, железная пряжка, четыре железных ножа, датирующиеся в диапазоне от конца I тыс. н. э. до XIV–XV вв. Также обнаружено около 5000 тысяч фрагментов керамики. Лепная и раннегончарная керамика представлена единичными фрагментами. Наибольшее количество составляет серо-бежевая гончарная керамика. В яме 19 обнаружен комплекс

древнерусской керамики за исключением пяти фрагментов белостенной. Также впервые на селище встречено несколько фрагментов одного донца с клеймом. Osteологический материал представлен костями домашних животных, птиц, рыб, а также костями бобра.

За четыре года археологических работ СЗАЭ на памятнике было исследовано 420 кв. м, преимущественно в разрушающейся юго-западной части. Было установлено, что памятник почти полностью распахан в XVIII–XX вв., а основной исследованный участок был занят жилой зоной XI–XII вв. Локализация Тесова XIII–XVII вв. остается открытой. На основании археологических раскопок и исследования письменных источников А. А. Селиным был сделан ряд выводов. По его мнению, представляется убедительным предложенное Ю. М. Лесманом соотнесение центра Тесовского погоста и дворцовой Тесовской волости с поселением Заполье-2 у д. Заполье. Однако Тесов, первоначально был, видимо, укрепленным городком. Город возникает в середине X в., когда функции локального центра переносятся с укрепленного поселения – городища у д. Надбелье – на 12 км к востоку, сюда, в район Климентовского Тесовского погоста. После 1240 г. необходимость в укреплениях Тесова, вероятно, отпадает, так как его функции порубежной крепости переносятся в Копорье. На рубеже XIV–XV вв. это уже село Тесово, но, согласно Евреиновской летописи, не рядовое, а центр Тесовского погоста. В XV в. с. Тесово принадлежит новгородскому архиепископу, а храм Св. Климента является приходским центром для всей Тесовской волости. С конца XV в. до 1648 г. поселение в составе Дворцовых (государевых) земель, затем опять возвращено во владения новгородского митрополита (Селин, Магола, 2001; Селин и др., 2001; Селин, 2002; Магола, Селин, 2002; Селин, 2008. С. 333–350, рис. 2, 3; Селин и др., <http://www.nwae.spb.ru/?1-1007>).

В 2003 и 2008 гг. селище осмотрено отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семенова в рамках работ по мониторингу и инвентаризации памятников Лужского района, уточнены топографические привязки и сохранность (Семенов, 2003а. Л. 41, рис. 243; 2003б; 2008а. Л. 15; 2008б).

В 2017 г. экспедицией ИИМК РАН на памятнике, учтенном как «Поселение, XI–XIV вв.», выполнен комплекс работ в рамках проведения историко-культурной экспертизы ОАН Ленинградской области: произведен осмотр, фотофиксация, выполнена топографическая съемка плана. Для проверки наличия, мощности и территории рас-

пространения культурного слоя для определения границ археологического объекта заложены четыре шурфа размерами 1 × 1 м. В трех шурфах (№ 1, 2, 4) зафиксирован культурный слой, насыщенный артефактами рубежа X–XIX вв. В шурфе № 1 найдено 14 фрагментов керамики (в том числе раннегончарной), кость, фрагмент кварца, в шурфе № 2 – 14 фрагментов керамики (в том числе раннегончарной), кость, в шурфе № 4 – 24 фрагмента керамики (в том числе раннегончарной), две кости, кварц, глиняная обмазка. Всего в указанных шурфах найдено 62 артефакта. В шурфе № 3, расположенном в 40 м к востоку от шурфа № 2, зафиксировано всего два мелких окатанных фрагмента керамики, что указывает на тенденцию истощения культурного слоя в восточном направлении. Было установлено, что культурный слой памятника представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь, поврежденную и перемешанную распашкой XVIII–XX вв. У края карьера и на склонах поля культурный слой приобретает черный насыщенный цвет. Мощность слоя достигает 0,4–0,6 м. Во время исследований 2017 г. на месте раскопок 1998–2001 гг. обнаружена средневековая бронзовая накладка на кожу с изображением коня или «барса» (рис. 38). Границы памятника были установлены исходя из рельефа местности, результатов шурфовки и историографических данных (Соловьева, 2017а).

Рис. 38. Заполье 2. Селище. Накладка с изображением коня или «барса» (цветной металл)

В процессе исследования 2018 г. на памятнике был произведен визуальный осмотр, поиск подъемного материала, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и технического состояния, произведена фотографическая фиксация и дополнительные работы по уточнению инструментальной топографической съемки плана местности, выполненного экспедицией ИИМК в 2017 г. Установлено, что данный памятник в списках Комитета по культуре Ленинградской области числится как два различных выявленных объекта археологического наследия «Поселение, XI–XIV вв.» и «Селище Заполье-2».

Источники и литература

- Акт № 4-16 регистрации вновь выявленных объектов Всеволожского района, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. 31 марта 2000 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Акт № 12-8 регистрации вновь выявленных объектов Лужского района, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. 7 мая 1998 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Акт № 70Д регистрации вновь выявленных объектов на территории Бокситогорского, Всеволожского и Кировского муниципальных районов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (объекты археологии). 28 декабря 2007 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Акт № 77Д регистрации вновь выявленных объектов на территории Ленинградской области представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (объекты археологии). 30 декабря 2008 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Андряшев А. М., 1912. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. СПб.
- Бельский С. В., 2017а. Производственный отчет об археологическом обследовании проектируемого объекта «Газопровод – отвод к г. Приозерску, Ленинградская обл.». МАЭ РАН. СПб. // Шуньгина С. Ю. Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности выявленных объектов культурного наследия «Группа каменных сложенных Рощинское 1» и «Группа каменных сложенных

- Торфяное 2» при проведении земляных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса РФ работ по использованию лесов и иных работ в зоне проектирования объекта «Газопровод–отвод к г. Приозерску, Ленинградская обл.» в границах территории выявленного объекта и на земельном участке, непосредственно связанном с земельным участком в границах территории выявленного объекта культурного наследия. СПб.
- Бельский С. В., 2017б. Археологические изыскания. Линейная часть (Раздел 7). Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на территории Ленинградской области (Ч. 5) // Развитие газотранспортных мощностей ЕСГ Северо-Западного региона, участок Грязовец–КС Славянская. Отчетная документация по результатам инженерных изысканий. Раздел 7. Часть 5. ООО НИЦ «Актуальная археология». СПб.
- Богословский Н. Г., 1878–1879. Раскопка курганов в Тесове, вблизи границы Лужского уезда Петербургской губернии, в 75 верстах от Новгорода // ИОЛЕАЭ. М. Т. 31.
- Васильев Ст. А., 2016а. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2016 г. Том XXIX. Гришино 1. Группа каменных куч. СПб.
- Васильев Ст. А., 2016б. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2016 г. Том XXX. Гришино 2. Два камня-чашечника. СПб.
- Васильев Ст. А., 2016в. Отчет о проведении полевого археологического обследования с целью актуализации сведений и уточнения границ территорий объектов археологического наследия во Всеволожском, Ломоносовском и Тосненском районах Ленинградской области в 2014 г. СПб.
- Виноградов А. В., 1971. Разведка бассейна реки Сабы отрядом Ленинградского Дворца пионеров // Материалы Санкт-Петербургского Дворца Творчества Юных (Ленинградского Дворца Пионеров).
- Гамченко С. С., 1913. Исследование курганов уд. Сытенки, на левом берегу р. Луги в 1908 г. // ЗОРСА. Т. 9.
- Глазов В. Н., 1899. О раскопках В. Н. Глазова в 1899 г. в Гдовском у. Список памятников // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. № 50 (Дело ИАК по ходатайству В. Н. Глазова о разрешении ему производства раскопок в Гдовском уезде С.-Петербургской губ.). Л. 47 об.
- Давыдов А. И., 2017. Акт государственной историко-культурной экспертизы документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ в границах земельного участка по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, г. Сертолово, кадастровый номер участка 47:08:0102002:214. Сертолово–Н.Новгород.
- Евреиновский список. Книга Великого княжества Литовского и Жемоицкого // ПСРЛ. Т. 17. № XI. СПб., 1907.
- Заключение о выполнении археологического обследования земельного участка по объекту: «Газораспределительная сеть к котельной, расположенной по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, д. Васкелово, литер А». ООО «НИЦ «Актуальная археология». СПб, 2018.
- Карамзин Н. М., 1842. История государства Российского. СПб. Книга I. Т. IV.
- Коишевский Б. А., 1929. Картотека по археологическому обследованию Ленинградской области составленная Б. А. Коишевским и др. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 253.
- Колпаков Е. М., 1988–1991. Паспорта памятников Лужского р-на // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Колпаков Е. М., 1988. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1988 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА РАН.
- Колпаков Е. М., 1989. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1989 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА РАН, № 13890.

- Колпаков Е. М., 1990. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1990 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА РАН.
- Лапшин В. А., 1983а. Отчет о разведке в Лужском р-не // Архив ИА РАН. № 9633, 9633а.
- Лапшин В. А., 1983б. Отчет о разведке в Лужском районе в 1983 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 73, 74.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2. Восточные и северные районы.
- Лапшин В. А., Семенов С. А., 2012. Мониторинг и охранные мероприятия, проведенные ИИМК РАН на территории Ленинградской области в 2005–2009 гг. // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб.
- Лесман Ю. М., 1979. Отчет Оредежского археологического отряда. Лужский и Гатчинский р-ны. 46 л. // Архив ИА РАН. № 7692.
- Лесман Ю. М., 1980. Работы в Полужье // АО–1979. М.
- Лесман Ю. М., 1995. Древнерусский Тесов // Древности Северо-Западной России. СПб.
- Лисицын С. Н., 2008а. Отчет о проведении археологических исследований на участке площадью 123 га между озерами Хепоярви и Курголовское севернее поселка Токсово Всеволожского р-на Ленинградской области. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре правительства Ленинградской области. № 79-256.
- Лисицын С. Н., 2008б. Предварительный отчет по выявлению объектов культурного наследия на территории турбазы, расположенной на полуострове Зеленый мыс на Лемболовском озере во Всеволожском районе Ленинградской области. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре правительства Ленинградской области. № 79-243. Оп. 9117. Инв. 1704 (8106).
- Лисицын С. Н., 2008в. Отчет о результатах предварительного археологического обследования учебно-спортивной базы «Зеленый мыс» на оз. Лемболовское во Всеволожском районе Ленинградской области. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре правительства Ленинградской области. № 79-247. Оп. 9142. Инв. 1728 (8130).
- Лисицын С. Н., 2008г. Отчет о разведке памятников каменного века в Кингисеппском и Всеволожском районах Ленинградской области в 2007 году. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре правительства Ленинградской области. № 79-251. Оп. 9146. Инв. 1732 (8134).
- Магола А. А., Селин А. А., 2002. Керамический комплекс Тесовского погоста // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Макаров С. С., 2007. Отчет о результатах археологического обследования земельного участка (общей площадью 109,4 га) ГОУ высшего профессионального образования Учебного центра Военного института физической культуры, расположенного по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, п. Токсово. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре правительства Ленинградской области. № 79-226. Оп. 9067. Инв. 1659 (8061).
- Материалы для составления археологической карты Гдовского у. Петерб. губ. (1900–1902). Материалы для составления археологической карты Гдовского уезда, собранные В. Н. Глазовым (1899–1900).
- Материалы разведки отряда ООА ИИМК РАН в 2014 г.
- Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладожского и Гдовского уездов от Шведских владений // Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное / Под редакцией М. М. Сперанского. СПб. 1830. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I. С 1649 по 1675 гг.
- Насонов А. Н., 1951. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.

- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950 / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.
- Новоселов Н. В., 2017. Отчет о разведочных археологических работах на территории Ленинградской области в 2016 г. ООО «НИЦ «Актуальная археология». СПб. Том 1.
- О монете, найденной в кургане на Климентовском погосте, 1924. Комиссия по нумизматике и глиптике. Отчет о деятельности Комиссии // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, № 23.
- О монете, найденной в кургане на Климентовском погосте, 1925. Комиссия по нумизматике и глиптике. Приложение к протоколам и отчеты о работе Комиссии за 1924/1925 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, № 27.
- Переписная окладная книга Водской пятины 1500 года. СПб., 1868.
- Платонова Н. И., 1979. Отчет Лужского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ о разведке в Лужском р-не // Архив ИА РАН. 1979 г., № 7542.
- Платонова Н. И., 1980. Исследования в Полужье // АО–1979. М.
- Платонова Н. И., 1983а. Отчет о полевых исследованиях в Лужском и Сланцевском р-нах // Архив ИА РАН, 1983 г. № 10653, 10653а, 10653б.
- Платонова Н. И., 1983б. Отчет о полевых исследованиях 2-й группы ленинградского областного отряда ЛОИА в Лужском и Сланцевском районах в 1983 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 70, 71.
- Платонова Н. И., 1984а. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда // Архив ИА РАН. № 10242, 10242а, б.
- Платонова Н. И., 1984б. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1984 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. № 75 (текст), № 76 (альбом).
- Платонова Н. И., 1985а. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда // Архив ИА РАН, № 11028, 11028а-в.
- Платонова Н. И., 1985б. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда ЛОЭ в 1985 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. № 65.
- Погодин М. П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. М. Т. II.
- Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. М.; Л.
- Резников А. И., Степочкина О. Е., 2005. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб.
- Репников Н. И., 1931. Жальники Новгородской земли // ИГАИМК. Т. 9. Вып. 5.
- Романцев И. С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород.
- Селин А. А., 1996. Оредежские сопки в позднесредневековых письменных источниках // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: Тез. докладов тематической научной конференции (23–25 апреля 1996 г., Санкт-Петербург). СПб.
- Селин А. А., 2002. Тесово (исторические исследования и археологические перспективы) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.
- Селин А. А., 2003. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб.
- Селин А. А., 2008. Итоги исследования Тесовского погоста в Водской пятине Новгородской земли // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Селин А. А., Антипов И. В., 2001. Исследования на территории бывшей Водской пятины Новгородской земли // АО 1999 г. М.
- Селин А. А., Антипов И. В., Красильников В. М., 2001. Исследования Тесовского отряда Северо-Западной экспедиции РНИИ КПН в 1998–1999 гг. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15.
- Селин А. А., Кувалдина М. Б., Магола А. А., Шавкина Т. Л. Раскопки Климентовского погоста в Лужском районе // <http://www.nwae.spb.ru/?1-1007>.
- Селин А. А., Кувалдина М. Б., Магола А. А., Шавкина Т. Л., 2001. Раскопки Климентовского погоста в Лужском районе // АО–2000. М.

- Селин А. А., Магола А. А., 2001. Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 4.
- Семенов С. А., 2003а. Отчет о работе Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2003 г. СПб. // Архив ИА РАН.
- Семенов С. А., 2003б. Отчет о работе Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2003 г. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Семенов С. А., 2004а. Отчет о разведках Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2004 г. СПб // Архив ИА РАН.
- Семенов С. А., 2004б. Отчет о разведках Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции в 2004 г. СПб // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Семенов С. А., 2005. Отчет о проведении археологического обследования территории Лужского района Ленинградской области в 2005 г. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Семенов С. А., 2008а. Отчет о проведении Лужским отрядом Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН археологического обследования (инвентаризации памятников) территории Лужского района Ленинградской области в 2008 г. СПб. // Архив ИА РАН.
- Семенов С. А., 2008б. Отчет о проведении Лужским отрядом Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН археологического обследования (инвентаризации памятников) территории Лужского района Ленинградской области в 2008 г. СПб. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Соловьева Н. Ф., 2017а. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 г. // Акт Государственной историко-культурной экспертизы. СПб. Том LXVI. Поселение, XI–XIV вв. (Заполье 2. Селище).
- Соловьева Н. Ф., 2017б. Полный научно-технический отчет о выполнении научно-исследовательских археологических работ в виде историко-культурного научного археологического обследования (разведки) земельного участка, отведенного под строительство объекта «ВОЛП ГПС Кириши – Красный Бор – н/б Пулково. Этап 1. Строительство». СПб. Том 1–3.
- Спицын А. А., 1897. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. СПб. Т. IX. Вып. 1, 2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии.
- Теплоухов С. А., 1928. Раскопки С. А. Теплоухова 1928 г. в Северо-западной области. Переписка, отчет и чертежи 1928 г. (Отчет о раскопках в 1928 г. восьми курганов у с. Заполье Оредежского района Лужского округа) // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 122.
- Теплоухов С. А., 1929. Работы С. А. Теплоухова в Лужском округе (переписка, запрос на Открытый лист в 1929 г. и т.д.) // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 242.
- Тимофеев В. И., 1984. Отчет об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 35 (ЛЮИА). Д. 68–70.
- Успенская А. В., Фехнер М. В., 1956. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Тр. ГИМ. М. Вып. 32.
- Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Лужский округ. Д–И. На 93 листах // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1931 г. № 707.
- Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Лужский округ. К–Л. На 107 листах // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1931 г. № 708.
- Харьковский И., 2014. Комплекс валунных выкладок и камней-чашечников на берегу реки Мужала // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб.
- Ходаковский З. Д., 1837. Пути сообщения в Древней России // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом Истории и Древностей Российских. Редактор профессор Погодин. Т. 1. Книга 1. М.

Шмидт Г. Р., 1886а. Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губернии (Г. Р. Шмидта) // Архив ИИМК РАН. Ф. 4. № 176.

Шмидт Г. Р., 1886б. Курганы и могилы Шелонской пятины (отчет о раскопках, произведенных в 1886 г.) // ИОЛЕАЭ. Т. XLIX. Вып. 3.

Шульц П. Н., Гроздилов Г. П., 1927. Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде, произведенных сотрудниками Северо-Западной Экспедиции КИПС'а Академии Наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. 1927 г. Археологические разведки в Лужском уезде // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 106.

Археологические раскопки и наблюдения в г. Калининграде¹

А. В. Субботин², Е. Л. Кириллов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-125-135

В сентябре–ноябре 2018 г. Калининградской городской археологической экспедицией ИИМК РАН осуществлялись раскопки и наблюдения за земляными работами на территории строительства: «Торгово-развлекательный центр с многоярусной автостоянкой в границах улиц Профессора Баранова – Пролетарская – Черняховского в городе Калининграде». Данный участок является частью территории объекта археологического наследия «Культурный слой города Кенигсберга». Общая площадь участка всего комплекса археологических исследований составила 6663 кв. м. Землеотвод под строительство площадью 10551+26 кв. м имеет форму неправильного четырехугольника. С западной стороны к участку планируемой застройки примыкает рынок «Центральный».

Земельный участок расположен на западном берегу искусственного Верхнего озера (пруда), в 150 м от уреза воды. Работы проводились между улицами: Черняховского–Пролетарской и ул. Профессора Баранова. До 1945 г. эти улицы назывались, соответственно, ул. Врангельштрассе, ул. Миттельтрагхайм, ул. Валринг. С западной стороны к участку планируемой застройки примыкает рынок «Центральный».

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² Россия 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии центральной Азии и Кавказа. E-mail: asubbotin@mail.ru.

³ Россия 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии центральной Азии и Кавказа. E-mail: kiriloff51@mail.ru.

Район, в котором эти улицы располагались, ранее назывался Трагхайм («выжженный лес»). Район Трагхайм находился к северу от Королевского замка и занимал часть нынешних улиц Пролетарской и Подполковника Иванникова с окрестностями. Этот район города ведет свою историю с 1300 г., когда здесь стояла прусская деревня, построенная на выжженном лесе. В XVI в. Трагхайм получил права свободной общины, а позже поделился на две самостоятельные части.

В XVII в. к северу от обследованного земельного участка были построены Первые вальные укрепления Кенигсберга – сооружения, представляющие собой оборонительную систему из оборонительного рва, земляного вала и деревоземляных бастионов. В середине XIX в. оборонительные сооружения Кенигсберга были скрыты, и к северу от обследованного участка были сооружены: новый оборонительный ров, земляной вал и кирпичные фортификационные сооружения (бастионы и казематы) Вторых вальных укреплений Кенигсберга. Среди узлов оборонительной системы северного фронта Кенигсберга – крепость Врангеля с башней Врангеля, которая находится к северу от обследованного участка. В ноябре 2016 г. отрядом Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН было проведено археологическое обследование данного земельного участка. В границах заложенного на участке одного шурфа (размеры 2,0 × 2,0 м) был зафиксирован культурный слой XVII – первой половины XX в.

По мнению автора этих работ, глубина шурфа до нижней границы прокопки материка 2 м. Культурный слой (многократно переотложенный, перемешанный и нестратифицированный) на территории земельного участка представлен коричневой и серо-коричневой супесью с включениями мелких камней и красной кирпичной крошки,

мощностью от 0,5 до 0,8 м. Материк сложен супесью светло-коричневого цвета.

Описание участка застройки и его функционирование с XVIII в. до настоящего времени по картографическим данным, планам и схемам

На двух картах города 1725 г. показано, что на данном участке в его южной части (рис. 1) были сооружены земляной вал и дерево-земляные бастионы Первых вальных укреплений Кенигсберга, а также широкий зигзагообразный в плане ров к северу от бастионов. Виден оборонительный ров и на карте 1834 г. (рис. 2). Позднее эти укрепления были убраны, участок спланирован, а Вторые вальные укрепления были сооружены севернее территории исследуемого участка (рис. 3).

На территории снесенных Первых вальных укреплений были выделены земельные участки под строительство казарм, конюшен и манежа для войск Кенигсбергского гарнизона. Строительство этих зданий было осуществлено в начале 1870-х гг. Сам участок использовался военными, начиная с этого времени и позднее как парадный (или учебный) плац. Следует отметить, что на подробном (скорее архитектурном чертеже) плане 1873 г. (рис. 4) обозначен туалет (в западной части участка), которого на плане 1870 г. не было (рис. 3). Учитывая пунктуальность немецких картографов, можно сделать вывод, что туалет действительно был построен не ранее 1873 г. Нет туалета и на плане 1885 г., что заставляет предполагать его снос и последующую перестройку уже в более позднее время. Свидетельством последнему суждению может служить план 1905 г., где туалет находится на прежнем месте. На следующем плане 1913–1915 гг. (рис. 5) на территории плаца в его западной части туалет находится там же, а на северном крае участка появляются еще две небольшие постройки – к западу от указанного на всех более ранних планах длинного сооружения, служившего сначала каретным двором, а затем гаражом.

На плане 1931 г. (рис. 6) показано, что сильно вытянутое с запада на восток весьма протяженное в плане здание казармы, находящееся на самом южном крае участка исследования было снесено в его центральной части для прокладки улицы, ныне носящей название Пролетарской, а ранее улицы Миттельтрагхайм. Восточная половина конюшен (к западу от плаца) на этом же плане стала называться «Спортивная площадка». Наконец, последний из исторических планов участка относится к 1939 г. (рис. 7). На нем показано, что западное крыло здания казармы было к этому

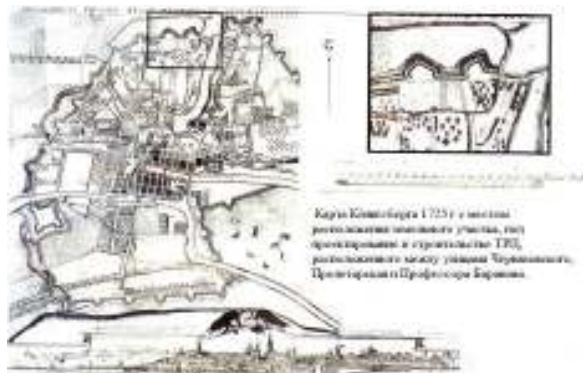

Рис. 1. План участка 1725 г.

Рис. 2. План участка 1834 г.

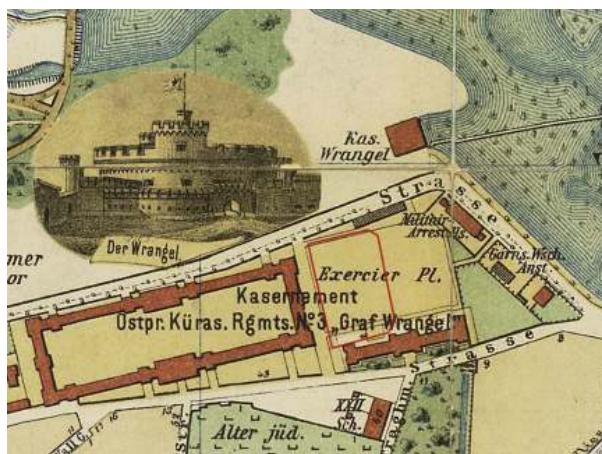

Рис. 3. План участка 1870 г. Башня Врангеля как часть Вторых оборонительных сооружений

времени также снесено, так как оно обозначено лишь пунктирной линией. Возможно, что к этому времени здесь оставались лишь руины или фундаменты западного флигеля казармы. Сам же участок никак не использовался и, вероятно, в последующем времени был пустырем.

Рис. 4. План участка 1873 г.

Рис. 7. План участка 1939 г.

Рис. 5. План участка 1913–1915 гг.

Рис. 6. План участка 1931 г. Центральная часть казармы кирасирского полка снесена для прокладки улицы

Территория исследуемого участка во все времена, начиная с XVIII в., подвергалась активному техногенному и антропогенному воздействию. Это обусловило значительную, практически повсеместную перемешанность культурного слоя, по всей толще археологических исследований. О том, что культурный слой на данном месте был не раз переотложен и не стратифицирован, свидетельствует также обнаруженное в процессе работ большое количество коммуникаций (водопроводы, канализация, дренаж и пр.) разного времени прокладки, подведенных к зданиям через участок застройки или проходящих через прилегающую территорию. Трубы различного диаметра и материала изготовления (свинцовые, керамические, чугунные, пластмассовые) встречались почти на всей площади исследования. Многочисленные следы засыпанных траншей читаются как в планах раскрываемых площадей, так и в стратиграфических разрезах семи секторов, по которым осуществлялось археологическое наблюдение. Следует упомянуть также, что в процессе работ были обнаружены несколько воронок от артиллерийских снарядов, заполнение и содержание которых представляло собой бытовой мусор.

Верхние слагающие отложения представляли собой: асфальт, песчаная подсыпка под асфальт, брусчатка, местами бетонная стяжка, утрамбованная песчаная подсыпка под брусчатку или бетонную стяжку. Самый значительный по площади сектор брусчатки в северо-западном углу демонстрирует, что камень на нем укладывался не одновременно, поскольку и размеры, и форма камней, а также рисунок кладки заметно отличаются на разных участках его фиксации.

Итоги наблюдения

Вся площадь участка наблюдения была разделена на семь секторов, нумерация которых шла с севера на юг. Выемка грунта механизированным способом в каждом из секторов поэтапно с 1 по 7 сектор производились слоями от 0,2 до 0,3 м на всю глубину до проектных отметок и ниже, так как в процессе археологических работ выяснилось, что мешанный и нестратифицированный культурный слой залегает и простирается глубже проектных отметок, причем в центральной части котлована значительно. Фиксация находок в переотложенном и нестратифицированном культурном слое осуществлялась и документировалась по секторам. Проводилась зачистка вертикальных поверхностей – стенок каждого сектора – для получения необходимого количества разрезов котлована. После выемки слоя, зачистки территории и фиксации выявленных в процессе наблюдения нескольких фундаментов архитектурных конструкций и каменных вымосток дальнейшее их изучение производилось в виде археологических раскопок.

Все архитектурные сооружения, выявленные в процессе наблюдения (строение 1 в секторе 1, коллектор у западного борта котлована) раскапывались до самого основания фундаментов. Наблюдение за строительными работами осуществлялось с фиксацией находок по секторам.

Заполнение всех секторов от нижней границы верхних слагающих отложений до материка, который, как выяснилось в процессе работ, залегает в большинстве секторов ниже проектных отметок, представляет собой слоеный «пирог» из мешаных слоев различного цвета, состава и многочисленных техногенных траншей для прокладки труб и иных коммуникаций. Среди этих слоев зафиксированы следующие: а) коричневая супесь с включениями строительного мусора; б) темно-коричневая супесь (слой XVIII? – XIX вв.); в) желтый суглинок с включениями темно-коричневой супеси и кирпичного боя; г) желтый суглинок; д) желтая супесь.

Находки представлены в основной своей массе: (последовательность перечисления по убыванию количества) фрагментами гончарной красноглиняной и белоглиняной керамики различного времени (XVIII–XIX вв.), фрагментами фарфоровой и фаянсовой посуды, стеклянной посудой (бутылки, банки и пр.), печными изразцами, металлическими предметами (в основном пули и монеты), курительными трубками (керамическими и фарфоровыми), прочими редкими артефактами. На многих предметах имеются клейма изготовителей, орнамент, роспись, рисунки, полива, рифление

и т. д. Сохранность большинства монет (из 41 экз.) неудовлетворительная, поэтому определить их дату не представляется возможным.

В процессе работ в секторе 1 выяснилось, что он содержит в себе фундаменты трех кирпичных строений. Одно из них (строение 1) было исследовано методом раскопок и будет описано ниже. Фундамент небольшой постройки (строение 2) из белого силикатного кирпича, положенного в девять рядов в восточной половине сектора 1, сохранился на высоту около 0,8 м. Размеры постройки 3,6 × 2 м. Толщина стенок в два кирпича. Все заполнение этой постройки представляет собой свалку множества фрагментов бытовой и частично технической (химической) посуды. Находки: около 600 черепков фарфоровых и фаянсовых предметов, стеклянных бутылок, колб, гончарной керамики. Некоторые стеклянные колбы и бутылки сохранились полностью, даже с содержимым – неизвестными жидкостями. Функциональное назначение постройки – помойка.

3. Почти в центральной части сектора 1 расчищено на уровне материка строение 3. Выкладка в 1 кирпич высотой, площадью 4,8 × 4,8 м. Функциональное назначение строения 3 неизвестно. Находок не было. Находок в данном секторе вне выявленных в процессе наблюдений трех строений практически не было. В секторе 2 до уровня материка выявлено более 600 предметов, значительная часть которых была найдена в трех артиллерийских воронках. Сектор 3 содержал в слое уже более 1600 предметов. В секторе 4 найдено также более 1500 артефактов. В самых нижних горизонтах бровки, над материком, зафиксирован (почти по всей протяженности бровки) древний погребенный слой темно-серого цвета.

Находки в слое сектора 5 представлены всего 50 предметами. У западного борта котлована с западной стороны от секторов 4 и 5 выявлен архитектурный объект – массивная кирпичная конструкция с каменным фундаментом и вымосткой вокруг нее из брусчатки. У южного борта котлована в процессе наблюдения были выявлены архитектурные конструкции. Юго-западный сектор 6 содержал около 100 археологических предметов. Наконец в юго-восточном секторе 7 обнаружено более 100 предметов.

На южном борту котлована, в секторах 6 и 7 выявлена и исследована мостовая из брусчатки, протянувшаяся от восточного до западного борта котлована. Она залегает на глубине 0,7–0,8 м от современной дневной поверхности и достаточно

хорошо сохранилась на всем своем пространстве. Площадь расчистки брусчатки 443 кв. м. Вероятно, эта вымостка имела прямое отношение к зданию казарм кирасирского полка и была выложена у северной стенки западного флигеля казармы вдоль всей его длины. Судя по чертежам и планам расположения казарм, брусчатая мостовая была выложена по уровню дневной поверхности последней трети XIX в. и не только маркирует уровень дневной поверхности основания здания в момент его постройки, но и четко определяет северную границу фундамента казармы.

На самом южном крае брусчатки практически в центральной ее части обнаружены две конструкции, также вероятно имеющие непосредственное отношение к ныне не сохранившемуся западному флигелю казармы. Первая из них – это фрагмент (одна стенка, длиной 12 м) кирпичного фундамента пристройки к казарме, названный на плане (рис. 4) «зольниковым и мусорным помещением». Вторая конструкция, начинающаяся в 8 м к западу от первой, представляет остатки выкладки из метлахской плитки песочного цвета размерами 6 × 3 м. Скорее всего, это сохранившаяся лишь по периметру часть площадки возле крыльца самого западного входа в здание казармы. Само крыльцо и ступеньки лестницы, вероятно, были разобраны во время сноса флигеля. Еще одним косвенным подтверждением сказанному является скрепленная известковым раствором кладка из крупных камней, обнаруженных и расчищенных в южной стенке котлована как раз напротив вымостки из метлахских плиток. Эта кладка, очевидно, является выступающим на север краем основного фундамента здания казармы в его самой западной части. Обращает на себя внимание факт существенной концентрации находок в центральной части котлована – секторах 2–4 (рис. 8; 9).

Итоги раскопок

В процессе работ на объекте методом археологических раскопок был исследован ряд объектов, выявленных в процессе наблюдений. Вдоль северного борта котлована, в секторе 1 исследован фундамент небольшой кирпичной постройки на каменном основании в самом северном борту котлована на западном крае сектора. Основным своим объемом постройка уходит в северный борт и была исследована до самого возможного предела. Кирпичная кладка сохранилась на высоту 1,2 м. Раскрытая площадь строения 4,2 × 5,5 м. Толщина кирпичной кладки 0,5 м. Представляет собой постройку, состоящую из трех частей – южный объем 3,3 × 2 м, северный – 2,8 × 2,8 м, и лестница. Из южного помещения в два северных идут

Рис. 8. Древняя погребенная почва и подстилающие её материк в юго-восточном углу сектора 3

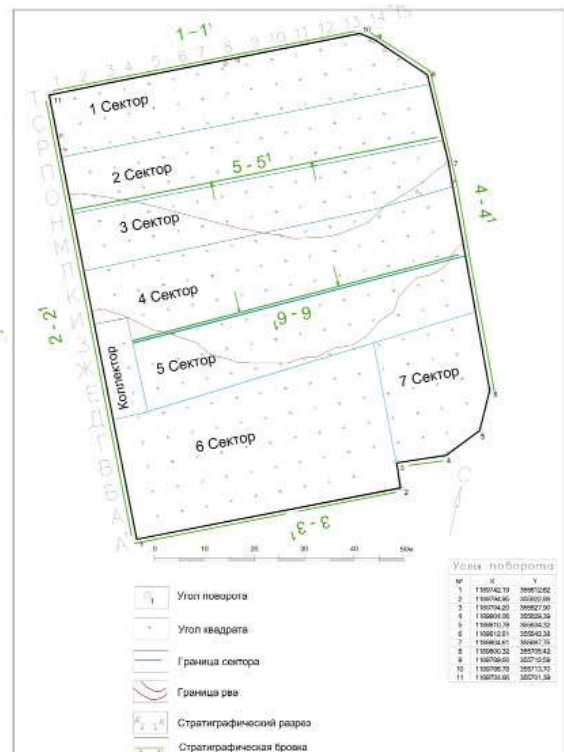

Рис. 9. План раскопа с границами секторов, места и площади рва Первых вальных укреплений, стратиграфическими разрезами и бровками

сводчатые проходы. Функциональное назначение строения 1 неизвестно. Находок немного, несколько фрагментов фарфоровой посуды.

Возле западного борта котлована к западу от южной части сектора 4 и к западу от всего сектора 5 находилась еще одна массивная кирпичная постройка, исследованная раскопками. В своей южной части она

фиксировалась еще на уровне современной дневной поверхности, как раз под слоем асфальта, и являлась верхней поверхностью большого кирпичного свода. Расчищенная площадь этого свода над помещением (точнее камерой) имела вид прямоугольника размерами $5,7 \times 3,6$ м. В середине достаточно плоского свода находилось четыре небольших отверстия круглой (диаметром не более 0,2 м) формы, расположенных симметрично попарно, уходящие вовнутрь камеры под сводом. Раскопки этого объекта, показанного на плане 1873 г. (рис. 3) и обозначенного там буквой «С» как туалет, показали следующее: кирпичная в целом постройка была вытянута с юга на север на 15,2 м (рис. 10). В южной части находилась указанная выше камера, а от нее на север уходила узкая (шириной не более 1,8 м), но длинная кирпичная конструкция с бетонным глубоким, сферическим в разрезе ложем наверху. Это ложе, шириной до 0,5 м и глубиной до 0,6 м покоилось на мощном и очень глубоком фундаменте (глубиной до 4 м) с контрфорсами с длинных восточной и западной сторон. Сложная архитектура объекта, наличие кирпичных перегородок в самом бетонном ложе, дополнительные небольшие кирпичные пристройки с северной, а также с западной стороны, уходящие в западный борт котлована, не позволяют понять принцип функционирования этого объекта. Поскольку в западную стенку котлована от данного сооружения уходят несколько керамических труб по направлению к бывшим конюшням, можно допустить, что этот объект являлся сборным коллектором конюшен Кирасирского полка, восточный фасад которых находится лишь в нескольких метрах к западу от объекта. Никаких коммуникаций между сборным коллектором и остатками фундаментов западного, разрушенного и снесенного флигеля казармы не обнаружено.

К востоку и к югу от коллектора, чуть ниже уровня верха свода камеры коллектора (на 0,15–0,25 м) расчищена значительная площадь, по-

Рис. 10. Коллектор на западном борту котлована. Вид сверху

крытая брусчаткой. Следует отметить, что уровень ее залегания на 0,15–0,25 м выше, чем уровень вымостки брусчаткой на юге котлована (расчищенной в секторах 6 и 7), вдоль северной границы казармы. Площадь расчистки вымостки около 55 кв. м.

Это позволяет допустить, что укладка брусчатки у коллектора происходила немного позже, чем возле фундамента казармы. Отсюда вытекает объяснение наличия массивной фундаментной кладки из крупных камней под южной и западной кирпичными стенками коллектора, зафиксированной и расчищенной в процессе раскопок.

Следовательно, можно предположить следующее: а) первоначально, в 1873 г. был сооружен туалет, остатки его каменного фундамента обнаружены на юге под южной кирпичной стенкой камеры сборного коллектора и под вымосткой брусчаткой; б) позже туалет был снесен, и на его месте между 1885 и 1905 гг. был построен сборный коллектор конюшен, а каменный фундамент туалета, вероятно, был использован как опора кирпичных стен не по всей сохранившейся каменной кладке, а только в его южной и юго-восточной части; в) так как ширина сборного коллектора в его северной части оказалась не столь широкой, как его южная часть, каменная кладка фундамента туалета в северо-восточном углу не была использована и осталась нетронутой новым строительством. Разборка всей конструкции сборного коллектора с целью получения разреза показала, что под бетонным ложем, проходящем по верху коллектора, находится большое по объему помещение, функциональное назначение которого осталось не выясненным. Всего площадь исследования данного объекта с кирпичными стенами, каменным фундаментами и вымосткой из брусчатки около 170 кв. м, а глубина до 4 м.

В процессе работ было найдено свыше 100 археологических артефактов. Среди них керамические и фарфоровые фрагменты посуды, гильзы, патроны, ножи, другие бытовые и технические металлические предметы. Найдено более 10 монет, фарфоровая и фаянсовая посуда.

После выборки грунта во всех секторах до проектной отметки, согласно методике археологических работ была осуществлена контрольная прокопка верхней части археологически стерильного слоя, подстилающего почвенный горизонт (материка). Местом этой работы был выбран юго-восточный угол сектора 3. Результаты прокопки показали, что на глубине 1,8–2 м от дневной поверхности обнаружен слой темно-серой супеси,

толщиной 0,08–0,15 м – древняя погребенная почва (рис. 8).

Дальнейшие работы по определению границ распространения древней погребенной почвы установили, что площадь залегания древнего культурного слоя занимает без малого 1770 кв. м и простирается широкой дугообразной полосой шириной от 17 м (на восточном крае котлована) до 25 м в центральной и в западной его частях (рис. 9). Его подстиляет серый, а местами даже зеленовато-голубоватый суглинок, являющийся материком. Сам этот слой древней погребенной почвы, хорошо читаемый в разрезах западного и восточного бортов котлована, очевидно, является донными иловыми отложениями в ложе оборонительного рва Первых вальных укреплений, изображенного на одном из ранних планов начала XVIII в. (1725 г.) оборонительных сооружений г. Кенигсберга (рис. 2). Скорее всего, в процессе сноса укреплений во второй половине XIX в. дно рва было просто засыпано землей, площадка выровнена и неоднократно использовалась для других целей.

Находок в толще заполнения немного – не более 100 предметов. В основном фрагменты гончарной керамики и 70 свинцовых пуль. Не исключено, что в какое-то время данное место было стрельбищем Кирасирского полка, что может объяснить такую концентрацию находок данной категории.

Заключение

1. Первоначальный этап использования территории относится ко времени начала XVIII в. – времени функционирования Первых вальных сооружений г. Кенигсберга. После их сноса и планирования площадки под иное использование оборонительный ров сохранился лишь в его самой нижней, донной части, что доказывается темно-серым слоем супеси – донных илистых отложений по дну рва. Форма донной части рва зафиксированного в процессе наблюдений и выбранного в процессе археологических работ, совпадает с изображением рва на планах этого участка начала XVIII в.

2. Следующий этап использования территории относится ко времени с середины XIX по конец 1930-х гг. В это время здесь были сооружены и функционировали казарма Кирасирского полка с конюшней и плацем, а также ряд других построек. Фундаменты некоторых из них, а также остатки нескольких горизонтов вымостки из брусчатки оказались в пределах поворотных точек северной, южной и западной границ котлована

под строительство будущего Торгово-развлекательного центра. Данные постройки и сооружения были в полном объеме исследованы методом археологических раскопок.

3. Подавляющее большинство археологических артефактов (из более чем 4800 предметов) относятся к XIX–XX вв. и происходят из мешаного, многократно переотложенного культурного слоя.

4. Концентрация большинства находок, представленных преобладающим количеством (по отношению ко всему массиву находок) фрагментов керамической, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды в центральной части котлована (сектора 2–4), свидетельствует о том, что эта территория являлась городской помойкой.

5. На территории зафиксированы многочисленные траншеи коммуникаций, проложенных в различное время. Трубы различного диаметра и материала изготовления (свинцовые, керамические, чугунные, пластмассовые) встречались на разной глубине практически на всей площади исследования. Следы засыпанных траншей читаются как в планах раскрываемых площадей, так и в стратиграфических разрезах всех семи секторов, в которых осуществлялось археологическое наблюдение. В центральной части котлована выявлены воронки от бомб и снарядов Великой Отечественной войны, в которых были свалены предметы бытового мусора.

Находки

За время наблюдения и раскопок собрано более 4800 артефактов, иллюстрирующих материальную культуру новейшего времени (XVIII–XX вв.) на территории Пруссии и конкретно г. Кенигсберга. Большая часть из них после описания и внесения в опись была «захоронена» на месте работ как массовый маловыразительный и рядовой материал, представленный в основном фрагментами стенок керамической, а также фарфоровой и фаянсовой посуды, осколками бутылок (горлышки и донца), обломками трубок, гильзами и пр. Меньшая часть, содержащая индивидуальные находки и являющаяся наиболее информативной частью массового материала (целые и редкие формы, профили, орнамент, предметы с клеймами и пр.) – 711 предметов – взята для передачи наиболее ценной части коллекции в Государственный музейный фонд на постоянное хранение в Калининградский историко-художественный музей (рис. 11–20).

Среди керамики преобладают обломки столовой посуды, изготовленные из фаянса и фарфора: тарелки блюдца, чашки. Некоторые из них имеют

Рис. 11. Фарфоровая столовая посуда с клеймами и основание фарфоровой лампы

Рис. 12. Аптечная посуда

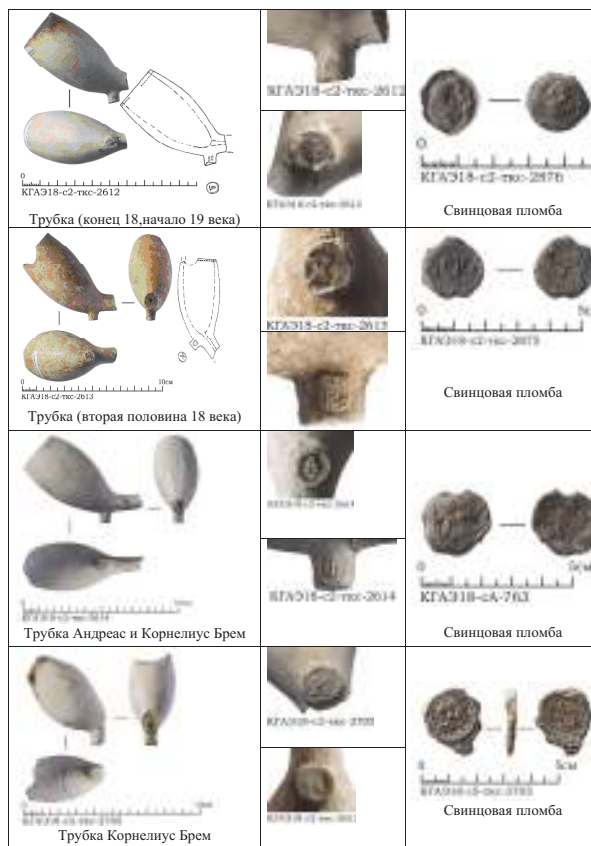

Рис. 13. Курительные трубки с клеймами и свинцовые торговые пломбы

Рис. 14. Фрагменты стенок пивных кружек и курительные трубки конца XIX в. с рисунками

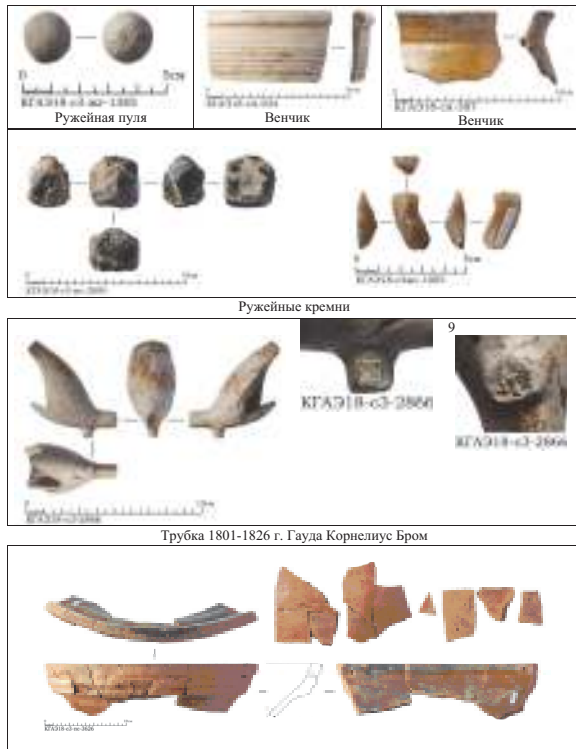

Рис. 15. Свинцовая пуля, венчики сосудов, ружейные кремни, трубка и глиняная тарелка (миска?)

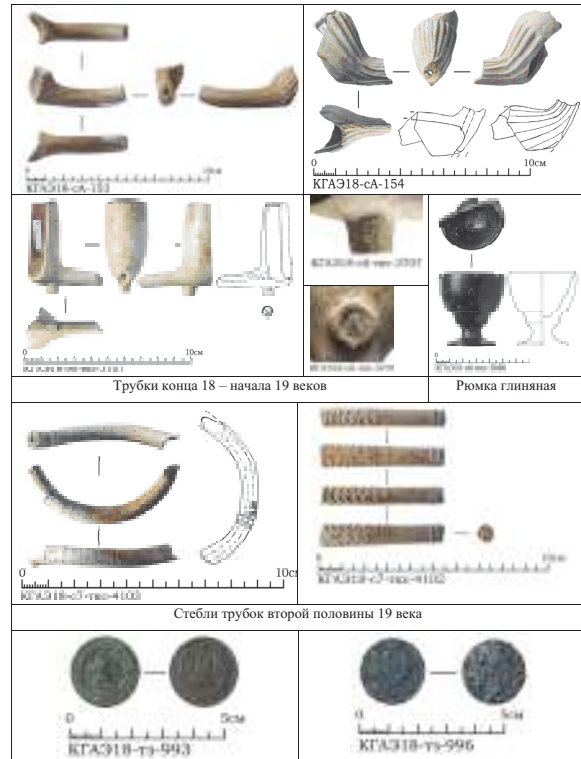

Рис. 17. Трубки редких форм (вторая половина XIX в.), глиняная рюмка и монеты

Рис. 16. Ключ от часов и монеты (Германия, Пруссия, Китай, СССР)

Рис. 18. Венчики поливных керамических сосудов XVII–XIX вв.

Рис. 19. Фаянсовая посуда и плитки с росписью в китайском стиле

Рис. 20. Редкие единичные предметы

разнообразные клейма и данные немецких фабрик, в том числе клейма с датами 1938–1942 гт. (рис. 11), а также других стран. Некоторые чайные чашки украшены растительным орнаментом (рис. 19).

Подобный рисунок присутствует и на тарелках. В коллекции присутствуют и другие формы столовой посуды: суповые миски, молочник, кружки, тарелки (рис. 11), а также аптечная посуда (рис. 12). Любопытна миска с росписью в китайском стиле (рис. 19). Основная часть фарфоровой и фаянсовой посуды датируется XIX – первой половиной XX в. Не исключено, что отдельные фрагменты могут быть датированы более ранним временем. Среди них фрагменты пивных кружек из каменной массы с серо-голубой поливой и рельефным орнаментом, изготовленных в г. Вестервальде в конце XVII – XVIII в. (рис. 14). Возможно, среди мелких фрагментов фарфора также есть черепки посуды XVIII в. (рис. 18). Среди находок имеются несколько фрагментов от бутылок минеральной (сельтерской) воды. Подобные бутылки были широко распространены по всей Европе в XVIII–XIX вв. и в начале XX в.

Среди глиняной посуды, наряду со столовой, покрытой поливой и росписью (рис. 15) имеются несколько фрагментов, отличающихся по составу теста, профилю и характеризующиеся отсутствием поливы. Насколько можно судить по форме венчика, они могут относиться к более раннему времени – эпохе позднего средневековья (рис. 18).

Найдено также небольшое количество печных изразцов и кафельных плиток с росписью (иногда также в китайском стиле середины XIX в.) (рис. 19), а также рельефные изразцы с белой поливой конца XIX – начала XX в.

Среди фарфоровых изделий технического назначения – патронов для электрических ламп, пробок от пивных бутылок, подсвечников и пр., найдена часть основания лампы с рисунками, изображающими игры детей. На дне клеймо фарфоровой фабрики Хейнриха (рис. 11).

Второй по величине группой находок, собранной в заполнении котлована, являются курительные трубки. Распространение культуры курения в XVII в. в Европе привело к организации большого количества мастерских по их изготовлению. Первые мастерские появились в конце XVI в. в Англии. Второй по значимости производства трубок стала Голландия (Амстердам и Гауда). В XVIII в. на первое место по качеству и широте распространения продукции выходит г. Гауда (Пошернева, 2011.

С. 251–331). Разработанная западноевропейскими учеными эволюция форм и декора трубок позволяет создать типологическую шкалу и хронологию этого материала. На основании этих данных, по форме чашки, орнаментации стебля и сюжету пятючных клейм, большая часть коллекции трубок относится к продукции г. Гауда, изготовленной в первой половине XIX в. или в конце XVIII – начале XIX в. (рис. 13; 15). Ко второй половине XIX в. относятся расписные фарфоровые трубки с рисунками и надписями (рис. 14; 17). Найден также фрагмент изогнутого стебля курительной трубки, украшенный орнаментом. Подобные трубки выпускала в 1864–1869 гг. фирма Яна Принса.

Монеты (рис. 16), найденные в процессе раскопок и наблюдения (те, на которых можно до реставрации хоть что-то прочесть), можно разделить на три группы: 1) монеты кайзеровской Германии; 2) монеты Германии 1937–1944 гг.; 3) монеты советского времени 40–60-х гг. XX в. Особую группу составляют две медные китайские монеты. Не исключено, что при реставрации будут обнаружены монеты других государств.

Кроме монет, интерес представляют четыре свинцовые торговые пломбы (рис. 13). На пломбах плохо читаются остатки рельефных изображений и цифр. Подобные пломбы навешивались на тюки с материалами (или другими товарами) и маркировали производителя или хозяина товара. Шнур продевался через продольный канал в теле пломбы и зажимался. Такой способ крепления пломб практиковался в России в позднем Средневековье. В западной Европе в XVI–XVIII вв. для этих целей практиковался другой способ крепления пломб.

Остальные категории находок представлены фрагментами стеклянных бутылок (во множестве) и единичными предметами: бронзовые накладки на мебель, аптечная посуда (рис. 12), детали металлического оборудования, подковы, деревянные и фарфоровые пробки и пр. (рис. 20). Можно отметить наличие разного рода пуговиц – от пуговиц военных мундиров до пуговиц нательного белья.

Среди находок (главным образом на дне оборонительного рва) имеется представительная коллекция круглых свинцовых пуль для гладкоствольных ружей, несколько кусков ружейного кремня (рис. 15). Пули (рис. 15) возможно датировать XVIII – первой половиной XIX в. Встречены патроны, каски и другие предметы, они относятся к последней войне. Любопытна находка саперного немецкого

тесака времени Первой мировой войны, с зубьями на тыльной стороне (рис. 20). В целом находки – типичный городской бытовой мусор, который вываливали в ров, траншеи, воронки и ямы на протяжении XIX–XX вв.

Источники и литература

Пошернева Т. Н., 2011. Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса // Бюллетень ИИМК РАН. № 2.

Археологические памятники Восточного Сегозерья. Опыт работы в Центральной Карелии

М. М. Шахнович

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-136-144

Республика Карелия находится в уникальной географической ситуации: в ее границах представлены разнородные ландшафты Восточной Фенноскандии. Это болотистые низины и острова Западного Прибеломорья, скальные шхеры Северного Приладожья, песчаные равнины Олонии, глубокие заливы Заонежья, озера и реки Западно-Карельской возвышенности, тундра вершин хребта Манселька. Все это ландшафтное многообразие создает специфику вариативности расположения разновременных памятников археологии. В статье представлен опыт работы по поиску археологических объектов в небольшом районе Центральной (Средней) Карелии, расположенном между двумя большими водоемами – Сегозером и Выгозером и условно называемом Восточное Сегозерье. Административно это – территория Поповпорожского сельского поселения Сегежского района Республики Карелия (рис. 1).

Геоморфологическая характеристика Центральной Карелии и общие закономерности расположения памятников археологии

Рельеф, поверхностные отложения и ландшафты Центральной Карелии сформировались в ходе деградации последнего ледникового покрова и послеледниковых трансгрессий. Характер местности – камы и озовые гряды, сложенные разнородными песками с гравием и галькой, с озерами и болотами в понижениях. Ландшафт – таежный, местами антропогенно-преобразованный. Абсолютные отметки не превышают 200 м над уровнем моря.

Гидрографическая сеть района относится к бассейну Белого моря. Формирование озер региона, накопление в них органического материала по данным радиоуглеродного и палинологического анализа датируется 10–9,8 тыс. л. (Лукашев, Экман, 1980. С. 18; Суббето и др., 2003. С. 5). На образование озерных террас повлияло изостатическое и сводовое

равномерно-замедленное поднятие Балтийского щита, на которое накладывались дифференцированные колебания земной коры. Это создало общую ситуацию повышения северных и северо-западных берегов озер и подтопление южных и юго-восточных. Перекос озерных котловин носил как общий равнозамедленный, так и интенсивно-локальный характер. Современная высота над уровнем водоема площадок, занимаемых памятниками каменного века, напрямую зависит от того, какой участок берега избран для заселения. На северных берегах водоемов стоянки могут располагаться на высоте от 2 до 10–11 м над уровнем воды, на южных – у прибойной линии или в воде. Чем крупнее по площади озеро и чем ближе оно находится к центру Балтийского щита, тем дальше отстоят, находящиеся на северных берегах памятники от современного уровня воды (Гурина, 1961. С. 16). На небольших водоемах Северной и Западной Карелии процесс изостатического поднятия берегов менее выражен, поэтому их береговые очертания можно рассматривать как относительно стабильные. Помимо тектоники, колебание уровня водоемов было реакцией на изменения в увлажнении климата (Шахнович, 2007. С. 11–40).

Речная сеть отличается слабой разработанностью поперечных профилей долин. Это связано с тем, что из-за малой мощности четвертичных отложений врезание рек прекращалось по достижению руслом пород кристаллического фундамента. Поэтому для рек Карелии характерно отсутствие «лестниц» надпойменных террас, что создавало определенную «специфику» в модели освоения территории: обживались одни и те же удобные береговые площадки около порогов, устьев и истоков рек. Также следует отметить глубокое дренирование водосборов озерными котловинами и большое удельное падение речных потоков (2–5 м/км),

Рис. 1. Восточное Сегозерье

приходящиеся, в основном, на многочисленные пороги.

Болота занимают около трети современной территории Карелии. Начало интенсивного торфонакопления в понижениях рельефа началось в послеледниковье. В Центральной Карелии это происходило на рубеже ВО1 и ВО2 (8,5 тыс. л. н.), с отставанием от болотообразовательных процессов на юге РК, где они датируются ВО1 (8995±100 л. н.; 8695±100 л. н.) (Елина и др., 2000. С. 190). Степень заболоченности динамично прогрессировала с течением времени, как следствие климатических, гидрологических и геолого-геоморфологических изменений. Если в бореале болота, в среднем по Карелии, составляли 2–7 % от их современной площади, то в атлантический период заболачивание палеоводоемов достигло 15 % (Елина, 1995). Соответственно, стоянки каменного века могут располагаться по краевой линии современных болот.

Восточное Сегозерье находится в подзоне северной тайги с типичной растительностью: елово-сосновые лишайниковые северотаежные леса, ольшаниково-ивняковые осоково-зеленомошные сообщества, кустарничково-осоково-сфагновые болота. Средняя лесистость по округу составляет 52,6 %. В среднетаежной подзоне самые распространенные почвы – это подзолистые и торфяно-подзолистые глеевые, образующиеся на бедных железосодержащими минералами породах – флювиогляциальных и озерных песках (Марченко, 1962. С. 151; Шишов и др., 2004. С. 248).

Второй по величине водоем Центральной Карелии (после оз. Выгозеро) – озеро Сегозеро, с водостоком по реке Сегежа, относящейся к Баренцево-Беломорскому бассейновому кругу рек.¹ В месте истока реки в 1957 г. построена плотина

Сегозерской ГЭС, и озеро превращено в водохранилище. Природный уровень Сегозера был поднят на 6 м, с увеличением площади водного зеркала с 752,5 кв. км до 900 кв. км.

По документам (Переписные книги и ревизские сказки Лопских погостов 1597, 1678, 1707, 1720, 1745, 1763 гг.) и историческому картографическому материалу деревни в XVI–XIX вв. преимущественно фиксируются по западному и южному берегам Сегозера и отсутствуют на его восточном побережье и в истоке реки Сегежа (Орфинский, 2001. С. 72–90; Чернякова, 2001. С. 39–60). Исторических карельских поселений в Восточном Сегозерье немного: деревни Сегежа, Сумеричи, Табойпорог, располагающиеся на небольших озерах Сегозерско-Выговского межозерья. Находящийся в 1 км к востоку от ГЭС п. Попов Порог относительно молодой населенный пункт, основанный в 1953 г. как поселок гидростроителей и леспромхоз Сегежского ЦБК.

История археологического изучения территории Сегежского района РК

Центральная Карелия по сравнению с другими территориями края обделена вниманием археологов. Археологические работы здесь проводились эпизодично и без конкретного научного плана около населенных пунктов или в зоне «строек коммунизма». В настоящее время на государственной охране на территории Сегежского муниципального района РК (площадь 10723 кв. км) состоит всего 44 памятника археологии.

Первые сообщения об археологических находках в районе Сегозеро связываются с финляндскими этнографами С. В. Ювелиусом и Л. В. Пяконеном, которые во время своих путешествий по Карелии в 1890-е гг. описывали или приобретали у местных жителей предметы каменного века, преимущественно крупные шлифованные орудия из сланца, собранные крестьянами при сельскохозяйственных работах. Считалось, что «долота и топоры Укко» обладают магической силой. Из села Паданы в Национальный музей Финляндии поступил обломок лезвия пещни «красноватого камня», найденный при осушении озера (Pääkkönen, 1898; Juvelius, 1898. S. 65; Nordqvist, Seitsonen, 2008). Несколько сланцевых орудий из деревень по южному берегу Сегозеро – Карельская Масельга и Евгора переданы в конце XIX – начале XX в. в музейные собрания Москвы и Санкт-Петербурга (Брюсов, 1940. С. 184, 187, 201; Гурина, 1961. С. 517).

Первым российским археологом, обратившим внимание на информацию об интересных объектах

¹ Длина водотока реки 59 км, водосборная площадь 9140 кв. км.

на реке Выг – «насыпи из земли и камня около с. Надвоицы», был А. А. Спицын (1903. С. 5–6). В 1929 г. Н. Прокошев на трассе будущего Беломоро-Балтийского канала, в среднем течении р. Выг, около с. Надвоицы обнаружил первую стоянку эпохи неолита. В 1931 г. ее раскопки провел С. Руденко, а в 1932 г. А. Я. Брюсов сделал на размытых участках дополнительные сборы подъемного материала (фрагменты ямочно-гребенчатой керамики) (Брюсов, 1940. С. 192, 226). В 1936 г. в фонды Карельского краеведческого музея местным жителем П. Грудиным переданы с острова Грудин и побережья Воицкого озера наконечники стрел из кремня, орудия из камня и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов, 1940. С. 247, 248).

Важное значение для археологии Западной и Центральной Карелии имела экспедиция ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной в 1947–1950 гг. К сожалению, в Сеgezском районе она не работала, обследовав в 1948 и 1950 гг. только отдельные участки западного и юго-западного побережий озера Сегозеро около сел Паданы и Сондалы, где зафиксировала пять «бескерамических» и неолитических памятников (Сегозеро I–V) (Гурина, 1951; 1961. С. 182, 183, 517).

Более активный поиск объектов археологии стал осуществляться в 1970 и 1990-х гг. сотрудниками сектора археологии ИЯЛИ КФ АН СССР, преимущественно на локальных участках вдоль трассы Беломоро-Балтийского канала по р. Выг и на оз. Ондозеро. В 1962 г. Г. А. Панкрушевым на оз. Ондозеро зафиксирована стоянка Ондозеро V. В 1975 г. А. П. Журавлевым на окраине п. Шавань на берегу р. Выг открыто размывающееся поселение Шавань I (Журавлев, 1975). В 1976 г. в районе шлюза № 10 Беломоро-Балтийского канала П. Э. Песонен зафиксировала два местонахождения орудий и отщепов из кварца (Песонен, 1976). В 1977 г. М. Г. Косменко на оз. Ондозеро нашел два местонахождения и пять небольших стоянок мезолита–неолита (Овлунлаксы I–V, Овлунлаксы 1, 2) и в 1979 г. Ю. А. Савватеев – стоянку Харгуба (Археологические..., 2007. С. 93, 155). В 1990 г. в фонды Института ЯЛИ КФ АН СССР снова поступили фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, собранные на Воицком озере на острове Грудин (Герман, 2004). В 1991 г. И. С. Манюхиным обследованы берега оз. Идель, где обнаружено пять бескерамических поселений (Идель I–V) (Археологические памятники..., 2007. С. 43).

В 1992–1993 гг. в районе п. Надвоицы К. Э. Германом открыты пять поселений каменного века – Грудино I, Воицкое I, Выг I, II, Шобозеро I (Герман, 2004) и в 2003–2004 гг. – Грудино II–III,

Воицкое II–X, Воицкий Водопад I–II (Герман, 2009). В 2000 г. А. М. Жульников на оз. Хижъярви нашел восемь памятников неолита – железного века (Хижозеро I–VIII) и в 2005 г. на озерах около п. Пертозеро – семь небольших стоянок каменного века (Пертозеро I–VII).

Археологическое изучение Восточного Сегозерья

Озеро Сегозеро до 1990-х гг. археологами фактически не обследовалось. Основная причина – устойчивое мнение, что после искусственного поднятия уровня водоема в 1957 г. большинство памятников было уничтожено. Во многом это утверждение было оправдано, так как после строительства плотины ГЭС в истоке р. Сегежа и последовавшего подъема воды на 6,3 м существенно увеличилась площадь озера и кардинально изменилась береговая линия. Это привело к тотальному размыву памятников археологии, располагавшихся на нижних береговых террасах по всему побережью. Но это не дает основание категорично утверждать, что все древние поселения по берегам Сегозера уничтожены. Например, в западной части оз. Сегозеро (Медвежьегорский район РК), кроме пяти поселений, зафиксированных Н. Н. Гуриной в 1950 г., на образовавшихся после затопления островах известны найденные в 1990-е гг., четыре стоянки эпохи неолита–энеолита – Панозеро I, II и Сондалы I, II (Археологические..., 2007. С. 103, 130; Герман, 1992).

На территории Восточного Сегозерья в настоящее время на государственной охране находятся двенадцать памятников археологии. Это восемь стоянок в верховье р. Сегежа (Сегежа I–VII, Попов Порог I), ниже по течению – смолокурная куча XVII–XIX вв. Табойпорог I, каменные кладки Табойпорог II и III и небольшая стоянка эпохи мезолита Юркиннаволок I на западном берегу оз. Уросозеро. Кратко остановимся на характеристике этих разновременных и разновидовых памятников (рис. 2).

Основные принципы поиска «керамических» стоянок каменного века на речных системах Центральной и Северной Карелии были сформулированы в период активных разведывательных работ в 1960–1980-х гг. (Савватеев, 1966. С. 100–101; 1978; Песонен, 1986). Примером эффективности использования методики «старших коллег» стали результаты обследования в 1992 г. А. М. Жульниковым р. Сегежа: на северном, южном и западном берегах безымянного озерного расширения речного русла, в 1,6 км к востоку от п. Попов Порог была зафиксирована группа стоянок Сегежа I–VII. Они располагаются на удобном участке берега, около мест впадения

Рис. 2. Памятники археологии Восточного Сегозерья: 1 – стоянка Попов Порог I; 2 – стоянки Сегежа I–VII; 3 – каменные кучи Табойпорог II, III; 4 – углежогная куча Табойпорог I; 5 – стоянка Уросзеро I

в озеро рек Сегежа и Вожема, на ровных песчаных площадках первой береговой террасы, недалеко от воды, в 10–20 м, на высоте 1–3 м над уровнем водоема, имеют относительно небольшую площадь (от 400 до 1000 кв. м). Находки в шурфах (по 1 кв. м) стандартны: единичные орудия (скребки, отщепы с ретушью) и отходы производства (куски, отщепы, осколки) кварца, кремня, лидита и сланца, фрагменты кальцинированных косточек. Неолитическая керамика (сперрингс и ромбо-ямочная) встречена в шурфе (4 кв. м) только на поселении Сегежа V, где отмечена и жилищная впадина округлой в плане формы (диаметром 5 м, глубиной 0,3 м) (Жульников, 2003. С. 14. Рис. 4). Памятники предварительно датированы периодом неолит–энеолит (рис. 3).

В 2019 г. на левом берегу реки, на западной окраине п. Попов Порог, в 0,85 км к юго-востоку от плотины МГЭС М. М. Шахновичем найдена стоянка каменного века Попов Порог I. Она находится на уцелевшем от антропогенного воздействия ровном участке береговой террасы, на удалении 0,1 км к северу от реки. Высота над современным уровнем воды 5–5,5 м. В каменном веке это был, по-видимому, древний мыс оз. Сегозеро, к западу от природного истока реки. На памятнике заложены три шурфа (по 1 кв. м), позволившие очертить площадь распространения культурного слоя 28 × 11 м (200 кв. м). Стратиграфия, наблюдаемая в шурфах, ровная: дерн, мощностью 0,05 м; темно-серый песок (наброс) – 0,1–0,3 м; темно-

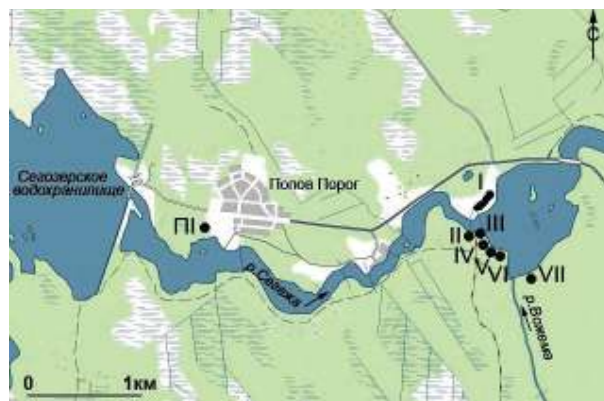

Рис. 3. Памятники археологии около истока р. Сегежа: III – стоянка Попов Порог I; I–VII – стоянки Сегежа I–VII

желтый с красноватым оттенком песок – 0,1 м; желтый песок – 0,1–0,15 м; светло-желтый песок. Суммарный комплекс находок, происходящих из верхнего слоя – небольшое количество орудий и отходов производства из кварца: пять концевых микроскребок, оформленных неглубокой, крутой ретушью, восемь отщепов (два с галечной коркой) и шесть чешуек (рис. 3; 4).

Блок информации о стоянке незначителен, что естественно, так как площадь шурфов минимальна, а плотность распространения находок в слое традиционно для этого региона Карелии невелика. В то же время ряд признаков может свидетельствовать о мезолитическом возрасте памятника. Остановимся на них подробнее.

Топография памятников эпохи мезолита этого региона Карелии во многом сходна: в большинстве случаев они располагаются на песчаных мысах и островах озер. На выбор места влияли многочисленные природно-географические факторы: микрорельеф, характер грунта, роза ветров, время года. Преимущественно для заселения использовались прикрытые от холодных ветров северные берега водоемов или реже песчаные площадки около порогов или по берегам рек (Шахнович, 1997). В Центральной Карелии закономерность

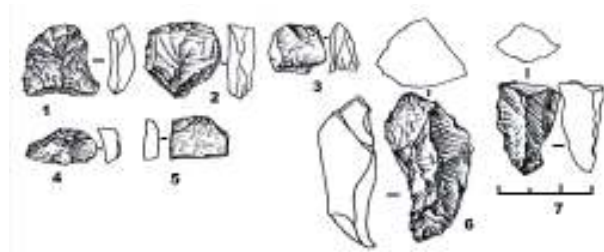

Рис. 4. Стоянка Попов Порог I. Находки: 1–5 – скребки кварцевые; 6, 7 – кварцевые сколы

перекоса небольших озерных котловин наблюдается более выразительно, чем на внутренних водоемах, расположенных юго-восточнее, и мезолит на северных берегах сегодня удален от воды на 100–150 м. В нашем случае также можно отметить существенную высоту нахождения стоянки над уровнем озера до подъема воды в 1950-х гг. (10–11 м), расположение на северном берегу, с существенной удаленностью (100 м) от современного уреза воды. Для сравнения стоянка Юркинвалок I, найденная Б. С. Короткевичем в 2018 г. на юго-западном берегу оз. Уросозеро, с кварцевыми находками, располагается непосредственно около озера, на уровне 1,5 м от воды.

На мезолитических памятниках Северной и Западной Карелии нет культурного слоя в его «классическом» понимании. Искусственная цветность слоя отсутствует, и обычно он представлен горизонтом с культурными остатками, «втоптаннами» в процессе жизнедеятельности на глубину 0,1–0,2 м от современной дневной поверхности. Стратиграфическая колонка, как и на Попов Порог I, отличается от естественного профиля дерново-подзолистых почв только более темным оттенком серого подзола (Шахнович, 2006).

Наиболее доступным и повсеместно присутствующим сырьем для производства каменных орудий в Карелии был кварц, который и сформировал своеобразный облик мезолитической культуры в этом регионе Карелии. В виде галек и желваков он массово встречается на поверхности осыпей обрывов и на озерных пляжах. Доминирующая технология его расщепления основана на биполярной технике скола (Тарасов, 2006).

Кварцевые скребки из мезолитических комплексов этого региона – наиболее морфологически устойчивая категория орудий, создававшаяся массово и стандартными сериями. Хронологические признаки для кварцевых скребков – качество нанесенной ретуши (глубина и площадь фасеток) и форма артефакта. В целом в мезолите Западной и Северной Карелии доминирует тип концевой скребка на уплощенном отщепе или осколке укороченных пропорций подпрямоугольной формы с минимальной формовкой ретушью края рабочего лезвия (Шахнович, Харин, 1993). Все эти признаки можно наблюдать у пяти скребков из кварца со стоянки Попов Порог I. Таким образом, ее можно предварительно датировать эпохой мезолита (VI–V тыс. до н.э.).

В 32 км вниз по течению р. Сегежа, на правом берегу реки, в 0,4 км к юго-востоку от п. Табойпорог,

Б. С. Короткевичем и А. М. Жульниковым в 2018 г. при обследовании проектируемой трассы ЛЭП зафиксированы четыре валунных сложения (Табойпорог II, III) (Короткевич, 2018). Три из них (Табойпорог II) найдены внизу склона скальной гряды: два рядом в 7 м друг от друга и одно на удалении от них в 75 м. От воды их отделяет полоса прибрежной низины шириной в 30–85 м. «Валунные кучи» сложены из необработанных камней без следов теплового воздействия, задернованы, высотой 0,3–0,5 м, в плане овальной или округлой формы, ориентированы по длинной оси запад–восток и юго-запад–северо-восток. Они различаются по величине: расположенное отдельно сложение относительно крупное размерами 3 × 4 м, остальные – 1,8 × 1,6 м. Каменная кладка Табойпорог III, находящаяся в отдалении (55 м к северо-востоку) на вершине скальной площадки в 60 м от реки, размерами 3 × 3,6 × 0,4 м, вытянута по линии юго-запад–северо-восток. В шурфах около «каменных груд» отмечена естественная стратиграфическая колонка с отсутствием следов пашни, лесных пожаров под подсеку или других признаков культурного слоя (рис. 5).

Валунные насыпи Карелии – это оригинальные, сложные в полевом изучении и последующей интерпретации объекты. Относительно их культурной и функциональной трактовки долгое время у археологов существовало два полярных мнения: или они рассматривались в связи с описанием так называемых «саамских древностей», или скептически воспринимались как прозаичные следы очистки от камней крестьянских участков земли под пашню и сенокосы.

Визуально, без раскопок, точно определить функциональное назначение и тем более культурную принадлежность и датировку конкретной

Рис. 5. Каменное сложение Табойпорог II

каменной кучи чаще всего нереально. В последнее десятилетие при полевых работах в Восточной Финноскандии накоплен некоторый опыт комплексного изучения валунных куч, где наряду с традиционными методиками применяются и естественнонаучные (Кирпичников и др., 1992; Шахнович, 2003; 2005; Сакса, 2016; Бельский, 2018). Это дало положительные результаты, позволяющие утверждать, что отдельные невыразительные «валунные насыпи» могут быть интересными археологическими объектами (Шахнович, Кулькова, 2014; Шахнович и др., 2019).

Датировка, функция каменных сложений около Табойпорога, как и их культурная принадлежность, сейчас не ясны, но можно высказать ряд замечаний по их первичной интерпретации. В первую очередь, показательное отсутствие на камнях следов от воздействия огня, угольков в почве, а также топография места их создания: скалистый мыс с примыкающей сырой береговой низиной с угнетенным лесом и расположение трех «куч» вплотную к отвесной скале. Это делает некомфортным и, соответственно, маловероятным размещение здесь утилитарных объектов – жилых сооружений с отопительными конструкциями из валуника, расчищенных подсечных участков, кострищ временных бивуаков промысловиков, крестьянских кустарных домниц. Остается блок назначений сакрального характера. Предлагаем несколько рабочих гипотез: валунное основание памятного креста, нехристианское культовое место локального почитания, определенные типы специфичных наземных сооружений православного погребального обряда – кенотаф или поверхностное захоронение «заложного» («нечистого») умершего.

В 2017 г. А. М. Жульниковым на левом берегу р. Сегежа, в 0,9 км к северо-востоку от п. Табойпорог, зафиксирована смолокурная куча (Табойпорог I). Она располагается на ровной, с небольшим наклоном в сторону реки, песчаной площадке, в 0,1 км от воды. Это квадратная в плане насыпь, размерами 3,5 × 3,5 м и высотой 0,6 м, без традиционного ровика по периметру, но с небольшой траншеей (1 × 1,7 × 0,5 м), отрытой со стороны реки. В шурфе, примыкающем к куче с северной стороны, прослежены уложенные в клеть крест-накрест обугленные стволы деревьев со следами рубки топором, ниже их находится прослойка обгорелой сосновой и березовой коры.

Остатки производства древесного угля и смолы, так называемые «угольные ямы и кучи» – сейчас самый многочисленный вид археологических памятников Карелии и Финляндии. В 2000-е гг.

археологи перешли рубеж от их игнорирования до ежегодных широкомасштабных раскопок в зонах промышленного строительства. В Южной Карелии угольные ямы обычно датируют периодом максимальной активности железодельных заводов в Олонецком крае в XVIII – первой половине XIX в., когда древесный уголь был необходимой частью производственного процесса по выплавке чугуна. В удаленных деревнях Беломорской Карелии выгонка смолы невысокого качества (с примесью подсмольной воды), как и выплавка железа из «болотной руды», проводилась в основном для нужд крестьянских хозяйств и как отдельная отрасль в небольшом объеме существовала еще в XIX–XX вв. В соседних районах Северной Финляндии и Приладожья «ямная выкурка» смолы была «модернизирована» под растущий спрос химической промышленности в «печное» производство уже во второй половине XIX в. (Kauppila, Suihko, 1987).

Процесс термической переработки древесины подразумевал многоразовое и разносезонное использование ям. По этнографическим данным для того, чтобы избежать засорения смолы песком, стенки конструкции обмазывались глиной или обкладывались еловой корой и берестой. Поверх штабеля поленьев укладывался слой свежего мха или коры и толстый слой земли, дерна или торфа (Merva, 1939. S. 235–259; Конкка, Логинов, 2008. С. 242). Технология смолокурения предполагает отвод наружу продуктов перегонки (смолы, скипидара) по подземным желобам или в емкость на дне ямы. При производстве смолы и дегтя в Финской Лапландии смолокурные кучи сооружались на пологом склоне около водоема, так как чем меньше наклон, тем более качественным получался конечный продукт, который по воронке из еловой коры стекал в бочонок, установленный в углублении внизу (Itkonen, 1984. S. 497–499). Все эти признаки: слой коры, отделяющий уложенную древесину от земли, наклонная канавка-«выход» и нижняя яма для принимающей емкости – можно наблюдать и на смолокурной куче Табойпорог I.

Раскопки углежогных ям в Карелии и на сопредельных территориях показали, что их датировка может иметь очень широкий диапазон: от раннего Средневековья до Нового времени (Суворов, 2008; Соболев, Шмелев, 2017; Михайлова и др., 2018). Сегодня самая древняя известная нам дата на северо-западе России происходит из смолокурной ямы на острове Лиетесуари на оз. Верхнее Куйто, около д. Вокнаволок – 270±50 л. н. *ca* 1580±110 н. э. (SPb-4), т. е. период с 1470 по 1690 г. (Шахнович, 2014). В 2011 г. М. М. Шахновичем раскопана

угольная яма Варонярви I (д. Ведлозеро), где по нескольким крупным фрагментам угля со дна получена радиоуглеродная дата 240 ± 25 л. н. (SPb-376). Ее калиброванное значение позволило определить период функционирования объекта с 1634 по 1678 г.

Данный краткий обзор памятников археологии Восточного Сегозерья, по нашему мнению, должен содействовать большей результативности поисковых работ на территории Республики Карелия.

Источники и литература

Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007.

Бельский С. В., 2018. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 5. Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы.

Брюсов А. Я., 1940. История древней Карелии. М.

Герман К. Э., 1992. Отчет об археологических разведках в Сегежском и Олонецком районах Республики Карелия в 1992 г. // НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 330.

Герман К. Э., 2004. Древние поселения в окрестностях поселка Надвоицы Сегежского района Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 9.

Герман К. Э., 2009. Поселения каменного века – раннего металла у поселка Надвоицы (Сегежский район Республики Карелия) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 7.

Гурина Н. Н., 1951. Археологические исследования в Карелии и Ленинградской области // КСИИМК. Вып. 51.

Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // М. МИА. № 87.

Елина Г. А., 1995. Динамика болотных экосистем на севере России в голоцене // Чтения памяти Ю. А. Львова. Томск.

Елина Г. А., Лукашов А. Д., Юрковская Т. К., 2000. Позднеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастительность и палеогеография). Петрозаводск.

Жульников А. М., 2003. Жилища древней Карелии. Петрозаводск.

Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я., 1992. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб.

Лукашев А. Д., Экман И. М., 1980. Деградация последнего оледенения и некоторые особенности маргинальной и островной ледниковой ассимиляции в Карелии // Природа и хозяйство Севера. Мурманск. № 7.

Журавлев А. П., 1975. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1975 год // НА ИА РАН. Р-1. Оп. 5641.

Конкка А. П., Логинов К. К., 2008. Материальная культура, семейная и календарная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск.

Короткевич Б. С., 2018. Отчет об археологических разведках в зоне строительства ВЛ 330 кВ Ондская ГЭС – ПС 330 кВ Петрозаводская в Сегежском, Медвежьегорском, Кондопожском, Пряжинском районах Республики Карелия в 2018 г.

Марченко А. И., 1962. Почвы Карелии. М.; Л.

Михайлова Е. Р., Шмелев К. В., Соболев В. Ю., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., Тарасов И. И., 2018. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева в 2015–2016 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 8.

Орфинский В. П., 2001. Сегозерские деревни // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск.

Савватеев Ю. А., 1966. Древние поселения в верховьях реки Суна // Новые памятники истории древней Карелии. М.–Л.

Савватеев Ю. А., 1978. Археологические разведки на территории Карелии // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.

Сакса А. И., 2016. Каменные насыпи древней Карелии. От погребальных сооружений к ритуальным каменным кучам // Археология сакральных мест России. Соловки.

Соболев Ю. В., Шмелев К. В., 2017. Раскопки «курганов» в Тосненском районе Ленинградской области // Бюллетень ИИМК РАН. № 6.

Спицын А. А., 1903. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. Т. V.

Субетто Д. А., Давыдов Н. И., Сапелко Т. В., Вольфарт Б., Вастергорд С., Кузнецов Д. Д., 2003. Климат северо-запада России на рубеже плейстоцена и голоцена // Известия АН. Серия Географическая. № 5.

Суворов А. В., 2008. Новые археологические исследования объектов углежогого промысла в Вологодской и Архангельской областях // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Вологда.

Песонен П. Э., 1976. Отчет о работе Медвежьего отряда Карельской археологической комплексной экспедиции в 1976 году // НА ИА РАН. Р-1. Оп. 6304.

Песонен П. Э., 1986. Стоянки в низовье р. Кереть // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск.

Тарасов А. Ю., 2006. Нуклеусы и бифасы: некоторые особенности первичной обработки кремневых пород и кварца на поселениях Карелии (неолит – ранний железный век) // ТАС. Тверь. Вып. 6. Т. 1.

Чернякова И. А., 2001. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск.

Шахнович М. М., 1997. Бескерамические комплексы Северной Карелии. Поиск хронологических критериев // Археология Севера. Петрозаводск. Вып. 1.

Шахнович М. М., 2003. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск.

Шахнович М. М., 2005. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 10.

Шахнович М. М., 2006. Мезолит Северного и Западного Прибеломорья // Вестник Поморского университета. Вып. 8.

Шахнович М. М., 2007. Культурно-хронологическая атрибуция мезолитических памятников Северной и Западной Карелии и их место в мезолите Северной Европы // Кольский сборник. СПб.

Шахнович М. М., 2014. «Лопарские ямы» Северной Карелии или о смолокурении в позднем Средневековье // Археология Севера. Череповец. Вып. 5.

Шахнович М. М., Харин В. Н., 1993. Опыт классификации кварцевых скребков мезолитических поселений Западной Карелии // Вестник карельского краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 1.

Шахнович М. М., Кулькова М. А., 2014. «Ковдорские платформы»: опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии // X Ушаковские чтения. Мурманск.

Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сониная А. В., 2019. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 12.

Шишов Л. Л., Тонконогов В. Д., Лебедева И. И., Герасимова М. И., 2004. Классификация и диагностика почв России. Смоленск.

Itkonen T. I., 1984. Suomen lappalaiset. Vuoteen 1945. Helsinki. Т. 1.

Juvelius S. W., 1898. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta // SMYA – FFT. Helsinki. № X.

Kauppi R., Suihko A., 1987. Tervan tie. Kajaani.

Merva T., 1939. Miesten tekniikkaa. Kansatieteellisiä muistiainoja ilomansin itäkylistä // Kansatieteellinen arkisto. III.

Nordqvist K., Seitsonen O., 2008. Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944 // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. XXV.

Pääkkönen L. W., 1898. Kesämatkoja Vienan Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä // *SMYA*. Suomen Muinaismuistoyhdistys. Helsinki. № 18.

Археологические исследования в регионах России

Подводные археологические разведки в зоне проектирования сухогрузного района морского порта Тамань в акватории Керченского пролива в 2018–2019 гг.¹

В. В. Вахонеев², П. А. Горбунов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-145-160

В 2018–2019 гг. археологической экспедицией ИИМК РАН было произведено историко-культурное научное археологическое обследование (разведки) с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы участка водной акватории по объекту: «Сухогрузный район морского порта Тамань в акватории Темрюкского района Краснодарского края», площадью 1343 га (рис. 1). Проектируемый сухогрузный район порта Тамань расположен в южной части Керченского пролива между мысами Панагия и Тузла полуострова Тамань.

В историко-географическом отношении современный Таманский полуостров представляет собой достаточно обширную территорию в пределах Южного побережья Азовского моря, Керченского пролива и побережья Черного моря. Со стороны Керченского пролива в восточном направлении, вглубь материка вдается обширный по площади, но мелководный Таманский залив. К северо-западу от Таманского залива, между косой Чушка (Северной) и западным побережьем Фанталовского полуострова находится Динский залив. Коса Чушка протяженностью 17,5 км, беря свое начало от коренного берега у мыса Ахиллеон, отделяет Таманский залив от Керченского пролива. Южнее этой косы, на подходе к Таманскому заливу с запада, располагается остров Тузла, образовавшийся в результате размыва одноименной

косы сильным штормом. От западного побережья Таманского полуострова в сторону Керченского пролива отходят рифовые гряды от мыса Тузла, Среднетузлинского мыса и мыса Панагия.

Рельеф местности в районе мыса Панагия имеет обрывистый характер. Существующие отметки земли изменяются от 25 до 80 м. Район мыса Тузла имеет ровный характер местности. Отметки изменяются от 1 до 40 м. Общее понижение отметок происходит на протяжении всего побережья от мыса Панагия до мыса Тузла. В районе озера Тузла существующие отметки снижаются до уровня 1–2 м.

Мыс Тузла невысокий, но приметный; вблизи него имеются надводные камни. Прилегающая к береговой зоне территория имеет высотные отметки 15–21 м с уклоном в сторону моря. Рельеф осложнен развивающейся балочной сетью.

Берег на участке, где планируется строительство, обрывистый. Береговой уступ высотой 15–19 м, крутизной 75–80 градусов по своему типу делится на абразионно-оползневой и обвальный. Интенсивному развитию экзогенных геологических процессов способствует сочетание активной морской абразии с благоприятными геоморфологическими условиями и гидрологическим режимом. Обвальные шлейфы, образующиеся в основании уступа, быстро смываются морем.

Пляж на побережье абразионно-аккумулятивный, прислоненного типа, односклонный, пологий. Ширина пляжа 5–15 м. Сложен пляж кварцеводетритусовыми песками, содержащими гальку, гравий и ракушку.

Дно акватории проектируемого порта на исследуемом участке относительно ровное и пологое,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Группа подводной археологии. E-mail: vakhoniev@yahoо.com.

³ Россия, 298100, Республика Крым, Феодосия, пр. Айвазовского, 47А. Черноморский центр подводных исследований. E-mail: pauels@mail.ru.

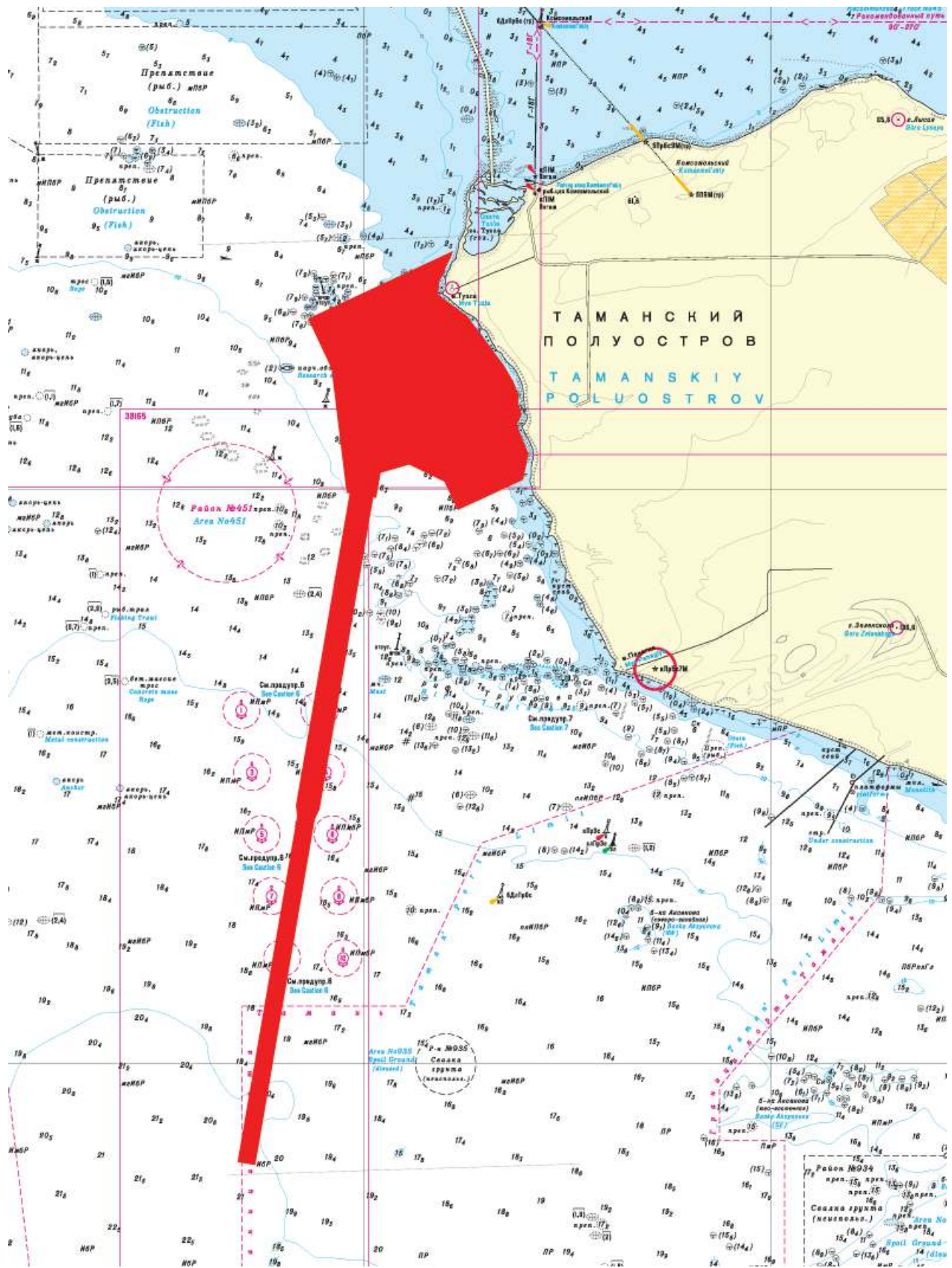

Рис. 1. Схема расположения морского участка проектируемого сухогрузного района морского порта Тамань у мыса Туза

имеются отдельные грядовые поднятия, каменистые рифы. Изобата 5 м находится на расстоянии 30 м от берега, изобата 10 м на расстоянии 900 м, 15-метровая изобата на расстоянии 3000 м, 20-метровая изобата на расстоянии 9000 м.

От Таманского залива акватория порта по проекту должна быть ограждена восстановленной косой Тузла. Гидротехнические сооружения проектируемого порта состоят из подходного канала и собственно гавани с защитными и причальными сооружениями. На акватории порта глубина переменная: с учетом дноуглубления от -7,1 до -21,1 м БС.

Рассматриваемый участок располагается в южной части Керченского пролива, близ мыса Тузла. Этот район находится в зоне активных тектонических движений, которые происходят и в наше время. Характерной особенностью территории является наличие большого количества брахискладок. Возраст пород в складках: от Верхнего мела до плиоцена включительно. Особенности геологии района в значительной степени определили характер рельефа морского дна и береговых структур на исследуемой территории.

Общая площадь акватории подходного канала составляет 392 га, акватория порта – 951 га. По результатам проведенных историко-библиографических исследований в акватории проекта были локализованы и изучены все объекты, стоящие на государственном учете.

Учитывая наличие в прибрежной зоне двух наземных объектов археологии (могильник у м. Тузла и поселение Тузла 21), были организованы пешие маршруты вдоль зоны пляжа и зоны прибоя. Берег в районе могильника активно подвергнут активной абразии, ввиду чего на пляж регулярно обрушается клиф с археологическими объектами (рис. 2). Непосредственно на пляже у мыса в свежем обвале обнаружено несколько фрагментов красноглиняных амфор, также обработанная прямоугольная плита, возможно от конструкций склепа или могилы. В 390 м к юго-востоку от мыса в обрыве также обнаружены остатки сильно поврежденной конструкции, обложенной каменной кладкой (могила) (рис. 3). Признаков обрушения культурного слоя в обрыве у объекта Тузла 21 не обнаружено.

С берега и моря на участке исследований четко выделяются длинные рифовые гряды, которые в древности служили прикрытием от сильных ветров при якорной стоянке судна (рис. 4). Эти

Рис. 2. Эрозия берега на территории могильника у мыса Тузла. Вид с севера

Рис. 3. Эрозия берега к югу от мыса Тузла. Поврежденный склеп. Вид с запада

Рис. 4. Участок акватории с указанием рифовых зон в районе мыса Тузла. Космоснимок

же гряды хорошо прослеживаются на трехмерной модели, полученной по результатам сканирования дна многолучевым эхолотом (рис. 5). В ходе гидрографических работ по изучению акватории была проведена съемка рельефа дна способом площадного обследования с сечением изобат 0,5 м. Приборный дистанционный поиск проводился с использованием гидролокаторов бокового обзора «DSME S-150» и «С-тах», магнитометра «Sea SPY», многолучевого эхолота MB2 фирмы «Teledyn Odom Hydrographic».

С учетом специфики района и особенностей выполнения работ использована следующая последовательность выполнения работ: а) в прибрежных, стесненных и других относительно мелководных районах, где применение акустических поисковых комплексов в ряде случаев бывает малоэффективно, необходимые разведочные работы осуществлялись магнитометром, буксируемым за немагнитным катером способом параллельных галсов с перекрытием поисковых полос. Если магнитометрический поиск в силу каких-либо причин был невозможен, то акватория по площадям обследовалась водолазами с применением подводных металлоискателей (это, в первую очередь, касалось прибрежных районов и районов подводных препятствий); б) в местах стоящих на учете объектов наследия, а также в пределах установленных границ акватории проектируемых якорных стоянок, подходных фарватеров, эстакад, причалов и подводных трубопроводов обследование гидролокатором бокового обзора и магнитометром проводилось с максимальной чувствительностью способом параллельных галсов; в) по итогам акустического и магнитометрического поиска в местах аномалий проводилось визуальное водолазное обследование с применением подводного металлоискателя «Minelab Excalibur II».

В ходе приборного поиска было выполнено три вида работ: съемка рельефа дна способом площадного обследования с использованием многолучевого эхолота; гидролокационная съемка; морская магнитная съемка. Работы на подходном канале и глубоководной части акватории проектируемого порта (до 5-метровой изобаты) выполнялись на судне обеспечения «Групер». В связи с нахождением на мелководной части акватории проектируемого порта отдельных грядовых поднятий и каменистых рифов во избежание навигационного происшествия (посадки на мель судна обеспечения) и предпосылок к повреждению техники поисковые и водолазные работы от 5-метровой изобаты до уреза воды проводились на моторных лодках.

Навигационное сопровождение работ выполнялось с использованием GNSS-приемника «Trimble BD982», интегрированного с инерциальной системой

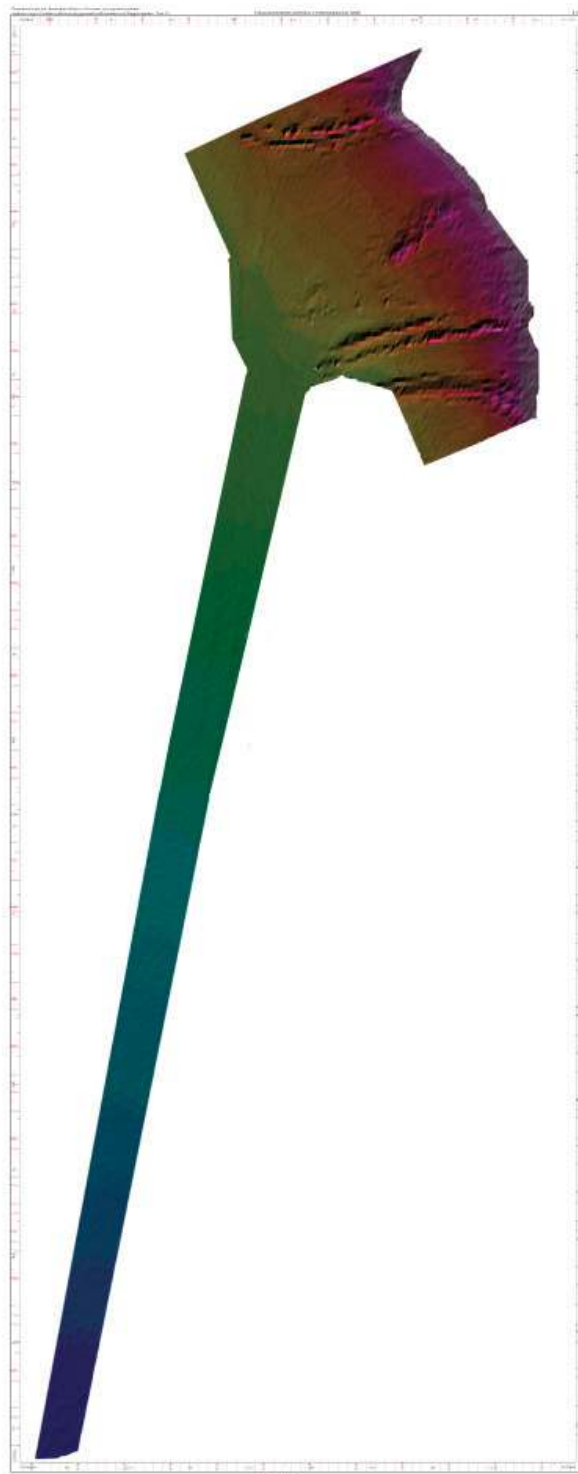

Рис. 5. Результаты обследования участка многолучевым эхолотом

«Ekinox2-E». Использование поправок от базовой RTK станции «Trimble R8s» позволяло определить местоположение с точностью 0,3–0,5 м.

Планирование гидрографических работ проводилось с помощью программы «HYDRORgo», в ходе которого были заданы: положения проектных линий (галсов); границы участка, в пределах которого предстоит выполнить работы; координаты береговой линии. Прокладка галсов при производстве работ осуществлялась по проектным линиям. Для выполнения гидрографических работ согласно масштабу съемки было определено межгалсовое расстояние 10 м. Скорость движения судна на галсах составляло 4 узла. Для определения качества выполненного промера были проложены контрольные галсы с таким расчетом, чтобы они пересекали галсы выполненных промеров под углами в пределах 30–150 градусов и имели с ними не менее двух пересечений. Расхождения между контрольными и выполненными промерами на пересечениях галсов в ходе работ не превышало 0,2 м для глубин от 0 до 10 м и 4 % от глубин более 10 м.

Гидролокационное обследование дна выполнялось для поиска объектов антропогенного происхождения. Полоса обзора составляла 50 м, что обеспечило полное покрытие 100 м полосы маршрута. Гидролокатор буксировался за кормой судна на скорости от 4,0 до 4,5 уз. Расстояние между профилями составило 20 метров, что позволило проводить съемку с 80 % перекрытием. Съемка выполнялась по заранее спланированной системе галсов – проекту съемки, с ручным включением и выключением режима записи гидролокатора. В результате обработки данных гидролокатора бокового обзора было выявлено 227 акустических контактов.

Для выполнения магнитометрических работ использовался морской буксируемый магнитометр «Sea Spy», предназначенный для высокоточных измерений модуля магнитного поля Земли в море в целях проведения геологоразведочных работ, поиска ферромагнитных объектов различных магнитных масс. Работа прибора основана на эффекте Оверхаузера – увеличении интенсивности ядерного магнитного резонанса и поляризации ядерной магнитной системы при насыщении электронного парамагнитного резонанса. Эффект Оверхаузера наблюдается в условиях, когда в электронной парамагнитной системе существует релаксационный процесс, содержащий в каждом акте связанное однонаправленное изменение ядерных спиновых переменных и определяющий стационарное состояние ядерной магнитной системы.

В связи с наличием в районе работ закоренных судов, перед началом работ на запланированных

галсах была произведена рекогносцировка, с целью уточнения диапазонов глубин на участке работ и других металлических конструкций, влияние которых необходимо учитывать при обработке результатов съемки. В результате проведенной рекогносцировки весь участок работ был разделен на отдельные площадки, в соответствии с расположением объектов, препятствующих выполнению непрерывных длинных галсов, были выбраны оптимальные длины буксировочного кабеля и схемы углубления для разных диапазонов глубин на участках работ. Буксировка магнитометра осуществлялась по системе ранее запланированных галсов. Междугалсовое расстояние составляло 10 м. Удержание буксируемого магнитометра на заданном горизонте осуществлялось применением системы грузов, прикрепляемых к буксировочному кабелю и варьированием скорости судна.

Обработка материалов магнитометрической съемки выполнялась по окончании проведения полевых работ с помощью программного комплекса «Oasis montaj». В результате обработки магнитометрических данных на основе карты аналитического сигнала (комплексного градиента магнитного поля) был построен планшет интенсивности аномалий магнитного поля с локализацией магнитных объектов (рис. 6). Наиболее четко локализуются высокочастотные аномалии, которые могут быть связаны с магнитоактивными объектами, в том числе антропогенного происхождения. Всего выделена 641 аномалия.

В ходе магнитного и акустического сканирования каждая выявленная магнитная и акустическая аномалия наносилась на общий планшет аномалий, соотносилась друг с другом, сравнивалась с результатами предыдущих исследований, подвергалась дополнительному изучению. По результатам первичных исследований установлено, что большая часть аномалий представляет собой современные изделия (к примеру, зафиксировано более 200 автомобильных покрышек, которые современные суда используют в качестве кранцев, металлические детали судов), следы современной якорной стоянки (борозды на грунте), остатки сетей, канатов и многочисленных тросов. После детального изучения полученных магнитных и акустических аномалий, выявленные аномалии подвергались дополнительной визуальной идентификации.

Акватория порта, общей площадью в 951 га, была исследована в 2018 и частично в 2019 гг. Для удобства в ходе проведения археологических работ она была условно разделена на три части: северная, центральная и южная. Границами между зонами являлись протяженные подводные каменные рифы.

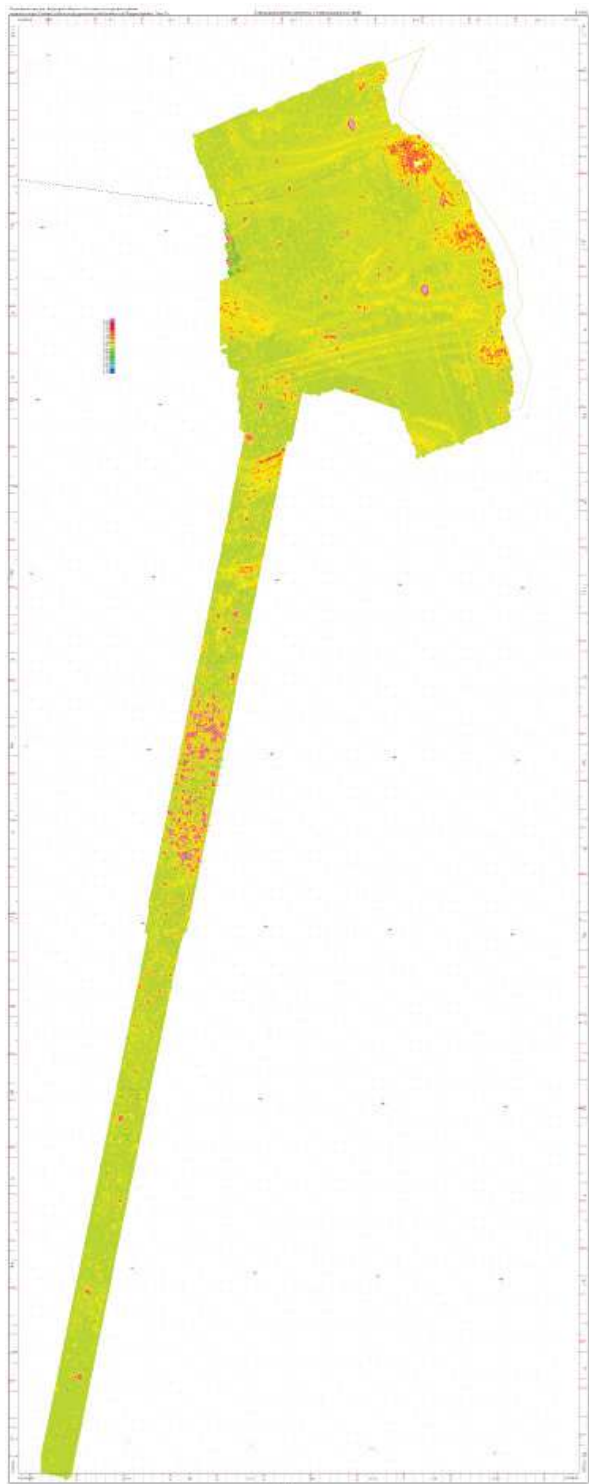

Рис. 6. Магнитная карта участка исследований

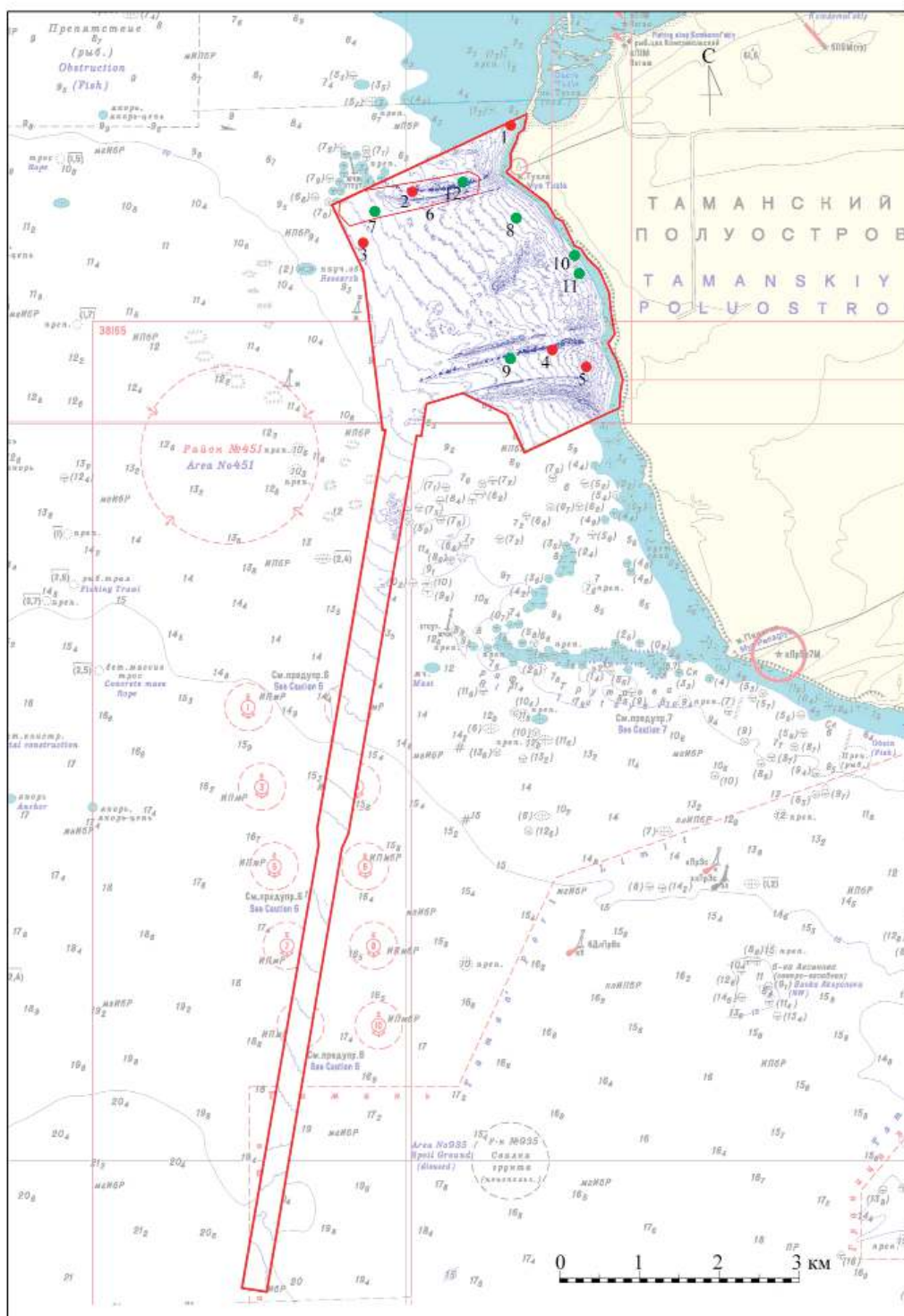
Всего в ходе работ было выявлено 12 объектов, из которых шесть объектов археологии, пять объектов времен Великой Отечественной войны и один современный объект (рис. 7).

В северо-восточной части проектируемого участка порта располагается стоящий на государственном

учете объект археологического наследия – «Поселение античного времени (Корокондама)». Предполагаемое античное поселение Корокондама стоит на учете как вытянутая вдоль современного берега полоса акватории, ограниченная координатами северной и южной границ, общей протяженностью 500 м и площадью 5 га (рис. 7; 8). Территория поселения полностью затоплена морем в результате Нимфейской трансгрессии в первой половине I тыс. и с тех пор разрушается вследствие сильной волновой эрозии в условиях малых глубин.

Корокондама – один из городов Боспорского государства. Упоминается Страбоном [XI, 2, 8 и 14] и др. античными авторами. Предположительно Корокондама находилась на южном берегу Таманского залива, именовавшегося в древности Корокондамитским озером, в районе близком к мысу Тузла (Темрюкский район, Краснодарский край). Принято считать, что поселение существовало с VI в. до н. э. по IV в. В настоящее время наиболее распространенной является версия о том, что античная Корокондама располагалась на Тузлинском мысу, рядом с грунтовым могильником античного времени (так называемый Тузлинский некрополь). Раскопки памятника эпизодически велись с середины XIX в., что позволило за весь период исследований открыть более 250 захоронений VI в. до н. э. – IV в. Некрополь занимает участок около 4 га и простирается от мыса в восточном и южном направлениях. Западная часть могильника выходит на береговые обрывы и постоянно подвергается ветровой и водной эрозии. Самый ранний материал с могильника датируется 580–560 гг. до н.э. (ионийские расписные амфоры и кубки). До сих пор нет единого мнения, к какому поселению мог бы принадлежать Тузлинский некрополь. Тем не менее большинство ученых полагают, что некрополь относится к античной Корокондаме, предположительно, полностью разрушенной морем. Однако следов архаичного или более позднего античного поселения до настоящего времени на суше обнаружено не было,

Косвенным подтверждением того, что Корокондама находилась на мысе Тузла, является обнаружение в 2004 г. археологической экспедицией Краснодарского музея-заповедника на берегу моря, под береговыми обрывами более 200 сильно окатанных античных монет. Материал датируется второй половиной V в. до н. э. – началом I в. (преобладали пантикапейские монеты III в. до н. э.). По мнению А. З. Аптекарева и А. В. Кондрашева, находка не связана с кладовым комплексом, а, судя по временным границам и степени окатанности монет, представляет собой переотложенный разно-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

● - Объекты археологического наследия:	● - Военные и современные объекты:
1. Поселение античного времени (Корокондама);	7. Крыло самолета Ил-2;
2. Место кораблекрушения деревянного судна (казачий струг);	8. Самолет Ил-2;
3. Каменный балласт древнего судна;	9. Самолет Ил-2;
4. Остатки деревянного парусного судна;	10. Советские мотоботы;
5. Остатки деревянного судна XIX в.;	11. Германские понтоны;
6. Древняя корабельная стоянка на мысе Тузла;	12. Сейнер «Труженик» (1997 г.).
○ - Границы зоны археологического обследования.	

Рис. 7. Схема расположения выявленных объектов

Рис. 8. Общий вид на так называемую Корокондаму с юга

временный материал, происходящий из обвалившегося и размытого морем культурного слоя античного городища или поселения (Кондрашев, 2001. С. 68–77).

В 2008 г. «Поселение античного времени (Корокондама)» было включено в «Список объектов культурного наследия, расположенных на территории Темрюкского района» (№ 1122) как выявленный объект культурного наследия (памятник археологии) (Приказ управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 22.12.2008. № 79). Местонахождение объекта определялось: западная часть Таманского полуострова в прибрежной части мыса Тузла, затопленной водами Керченского пролива; расстояние от мыса Тузла до ЮЗ границы поселения 650 м к ССВ. В примечаниях приводится уточнение: «Поселение полностью находится под водой и разрушается в результате волновой переработки. Вытянуто полосой вдоль берега в направлении ССВ–ЮЮЗ на протяжении около 500 м. Ширина затопленной части поселения 60–100 м, глубина от 0,8 м до 3,0 м. На грунте выражено отдельными развалами камней местных и привозных пород с включениями античной керамики и костями животных. Юго-западный край поселения ограничен подводным каменным валом длиной 80 м и высотой до 1,5 м от уровня дна, вытянутым перпендикулярно линии берега. Мористая часть перекрыта песчаными отложениями. Предполагаемая площадь поселения около 5 га. На берегу культурный слой отсутствует».

В зону исследований 2018–2019 гг. входила южная оконечность затопленного поселения, ограниченная, по данным А. В. Кондрашева, каменным валом длиной 80 м и высотой 1,5 м,

вытянутым перпендикулярно линии берега. На современном берегу культурный слой отсутствует. Данный участок неоднократно подвергался археологическому изучению, по результатам которого у разных исследователей сформированы кардинально противоположные выводы относительно нахождения на этом участке остатков античного поселения. Так, исследования К. К. Шилика, А. В. Кондаршева, А. Н. Шамрая в 1980–2000 гг. подтверждают наличие на данном участке остатков поврежденного культурного слоя. Напротив, исследования и шурфовки С. В. Ольховского, А. В. Огорокова, Ю. О. Егорова в 2011 и 2015 гг. не выявили на данном участке ни одного фрагмента керамики, не говоря уже о других остатках поселения (Огороков, Егоров, 2017. С. 51).

Учитывая вышесказанное, в 2018 г. данному участку было уделено особое внимание. В ходе подводного визуального осмотра южной части так называемой Корокондамы на дне обнаружены каменные насыпи, расположенные на расстоянии 580 м севернее мыса Тузла (рис. 9; 10). Насыпи образуют цепь, вытянутую по направлению восток–запад, перпендикулярно береговой линии. Длина возвышающейся над дном цепи насыпей, с учетом развалов камней у их оконечностей, составляет около 100 м. Ширина цепи 12–17 м, глубины у подошвы в ее начале 1,8 м, у оконечности 2,8 м. Цепь окружает песчаный грунт. Расстояние от берега до начала каменной насыпи составляет 90 м.

Цепь имеет четыре обособленных насыпи, состоящих из округлых в плане развалов, подымающихся над уровнем дна до 1,2 м. Насыпи сложены из камней различных форм, размеров и пород, в том числе привозных, включая крупные (до 1 м) валуны местного песчаника. Привозные камни (диорит, базальт, гранит, мергелевые сланцы) меньших размеров и в большинстве случаев окатаны, наиболее крупные уложены у подошвы насыпи. Среди камней встречаются фрагменты античной керамики, чего не было обнаружено при работах 2011 и 2015 гг.

Для уточнения стратиграфии осадочных слоев на южной оконечности поселения в пределах участка каменных насыпей были разбиты три шурфа размерами 1 × 1 м. В одном из шурфов на глубине 2,8 м в слое с рваными камнями песчаника и розового мергеля обнаружены четыре фрагмента античной неокатанной керамики (ножка пифоидной амфоры, ручка и две стенки амфоры). Учитывая находки керамических фрагментов античного периода на поверхности в отчетном сезоне, а также многочисленные факты выявления

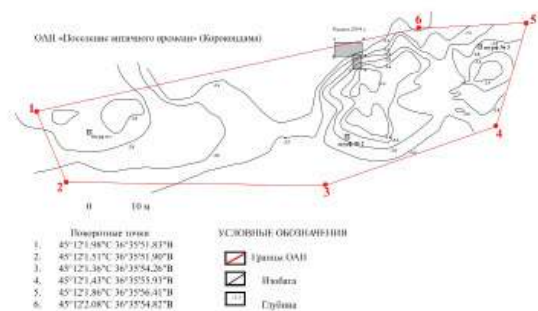

Рис. 9. План каменных насыпей в южной части Корокондамы с остатками разрушенного культурного слоя

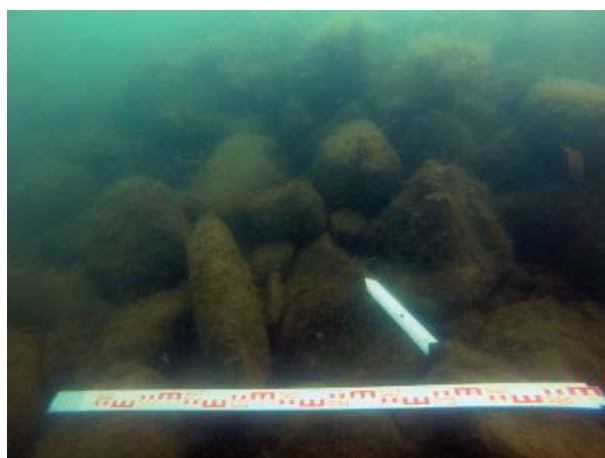

Рис. 10. Каменная насыпь в южной части Корокондамы, вид с юго-запада

археологического материала на данном участке в 1980–2000 гг., которые позволили поставить данный объект на государственный учет, следует признать, что на данном участке акватории имеются следы поврежденного культурного слоя античного периода.

Тем не менее утверждать, что данный слой соотносится с известным из письменных источников городком Корокондама, пока преждевременно. Итоги работ 2018 г. не подтверждают выводы работ 2015 г. под рук. А. В. Огорокова о полном отсутствии культурного слоя на данном памятнике (Огороков, 2016). Перспективными для последующих работ является полное изучение каменных насыпей на площади 2000 кв. м в пределах распространения археологического материала.

Дополнительному визуальному обследованию полосовым методом также подвергся участок акватории, прилегающий к мысу Кротки на удалении до 300 м, где по мнению А. В. Огорокова

и Ю. О. Егорова (Огороков, Егоров, 2017. С. 54) присутствуют размытые остатки Корокондамы. Следов объектов археологического наследия не выявлено, археологический материал на участке отсутствует.

Северная часть акватории проектируемого порта характеризуется наличием Средне-Тузлинской каменной гряды. Данный участок является зоной повышенной навигационной опасности. Тут обследовано место кораблекрушения деревянного судна XVIII в. и остатки потерпевшего крушение в 1997 г. сейнера «Труженик». Сама гряда является стоящим на государственном учете объектом археологического наследия «Древняя корабельная стоянка на мысе Тузла».

Следующим исследованным объектом археологического наследия была древняя корабельная стоянка на мысе Тузла. Ее размеры составляют 1,9 × 0,45 км, предполагаемая площадь – 0,64 кв. км. Стоянка вытянута вдоль Тузлинской рифовой гряды по линии запад–восток, которая в античное время частично возвышалась над уровнем моря и могла быть использована для прикрытия кораблей от северных и южных ветров. Стоянка была идентифицирована в 1990-е гг. благодаря многочисленным находкам в районе гряды якорных камней, каменных штоков якорей античного времени и керамики.

Так, в 1978 г. у мыса Тузла аквалангисты группы В. Н. Лаврухина провели осмотр района оградительной вехи на западной оконечности рифа (Лаврухин, 1978. С. 34). На участке подводного рифа были обнаружены профилированные фрагменты амфор различного времени, а также сетевые грузила из плоских галек с просверленными отверстиями, известняковый якорный камень из архитектурной детали, чугунные ядра с прикрепленными к ним обрывками цепей. К северу от вехи найден якорный камень из плотного железистого кварцита, а к югу под рифом – обломок плеча свинцового штока квадратной в сечении формы с деревянным сердечником внутри (Лаврухин, 1978. С. 31). Находки сезона были переданы в фонды Керченского музея.

В 1979–1980 гг. подводные изыскания у мыса Тузла осуществляла другая группа аквалангистов Керченского музея – «Корабел», которая изначально была ориентирована на археологический уклон поисковых работ в проливе (Шамрай, 1979). В районе кораблекрушения нового времени при осмотрах склонов скалы были найдены вилообразный железный якорь средневекового времени и три

примитивных якорных камня продолговатых форм, предположительно, относящихся к античному времени. На склонах двух ближайших к востоку скал, расположенных в 200 и 350 м, обнаружены еще два подобных якорных камня небольших размеров. Здесь же отмечено множество фрагментов античной и средневековой керамики, которые были оставлены на месте (Шамрай, 1979. С. 20). В это же время проведены осмотры дна в западной оконечности Тузлинского рифа, к востоку от ограничивающей его вехи. С мористой стороны оконечности рифового массива подводных скал найдены каменный шток из диорита сегментовидной формы весом около 200 кг и остатки железного Т-образного якоря в виде окаменелой пустотелой формы.

Дальнейшие подводные разведки у мыса Тузла были продолжены экспедицией Д. Ф. Кравченко в 1981–1982 гг., в результате планомерных работ была предложена реконструкция античной береговой линии, предположительно локализована гавань в районе рифа Трутаева, обнаружено множество якорных штоков и якорей разного времени, фрагменты античной керамики.

Очередной этап подводных разведок у мыса Тузла проходил в 1994–1997 гг. Работы были организованы Краснодарским государственным историко-археологическим музеем-заповедником под руководством А. В. Кондрашова (Кондрашов, 1995; 1996; 1997; 1998). В ходе этих работ в основном была исследована центральная часть рифа, где было обнаружено большое количество якорных штоков и керамики античного времени. За четыре года подводных разведок вдоль южной стороны Тузлинского рифа обследовано 30 га площади дна, при этом открыто 123 артефакта, среди которых 55,3 % приходилось на детали античных якорей, 3,2 % – на железные якоря средневекового времени. Фрагменты античных амфор в находках составили 35,8 %, а средневековых 1,6 %. Вне зоны рифа обследовано 50 га площади дна и открыто четыре артефакта – один железный якорь вилообразного типа средневекового времени, один каменный топор из базальта эпохи поздней бронзы, одна надгробная стела античного времени и один профилированный фрагмент кухонного сосуда из серой глины также античного времени. По мнению руководителя исследований, «обилие якорей в одном месте, защищенном от наиболее опасных ветров северных направлений мысом и каменной грядой (которая в древности могла быть далеко выдающейся в море косой), позволяют предполагать существование здесь в античный период удобной корабельной стоянки, может быть, одной из лучших на азиатской стороне Боспора» (Кондрашов, 1997.

С. 21). На основании этих находок часть рифа была поставлена на государственный учет как античная корабельная стоянка.

В 2011–2012 гг. данная акватория обследовалась подводным отрядом под руководством А. Н. Шамрая (Шамрай, Сударев, 2013. С. 506–513). С 2016 г. подводные археологические разведки в акватории мыса Тузла продолжил Таманский отряд Боспорской подводно-археологической экспедиции научно-исследовательского центра истории и археологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского под руководством А. В. Зинько.

К настоящему времени часть обнаруженных находок поднята и находится на хранении в музеях Тамани и Керчи. Морское дно в районе рифовой гряды покрыто метровым слоем песчаных наносов из абразии берега и прослойками раковин мидий, густо покрывающих скалы рифа. Течения в Керченском проливе часто меняются, размывая и замывая участки дна вокруг рифовой гряды, в толще донных осадков, несомненно, наличие находок, ныне визуально незаметных. Археологический материал сосредоточен в естественных промоинах, сформированных в результате обнажения и размыва геологических складок. Данные складки представлены как цепью обособленных останцев мшанковых известняков (отдельно выступающие скалы), так и сплошной грядой геологической складки и отдельных пластов киммерийских руд с юга. На западном участке данного объекта располагалась современная мидийная ферма, в результате деятельности которой под водой образовалось скопление бетонных пригрузов.

Археологический материал представлен якорными камнями различных форм и размеров, с отверстиями и перехватами, один из которых был поднят на поверхность в ходе разведок 2018 г., элементами деревянных якорей – свинцовыми штоками, каменными штоками малых и больших размеров, швартовыми камнями в виде столбов и тумб (кнехты), конгломератных форм железных средневековых кораблей, а также каменных ступ и корыт в прибрежной части. На данном участке акватории также встречены одиночные фрагменты античной и средневековой керамики. В 1090 м к западу от мыса Тузла вблизи от одной из подводных скал Тузлинской рифовой гряды обследованы также следы кораблекрушения судна периода нового времени (XVIII в.).

Первые подводные поисковые работы на данном участке Тузлинского рифа относятся к 1977–1978 гг. Они проводились группой под

руководством В. Н. Лаврухина (Лаврухин, 1977). Во время разведок в средней части рифа были обнаружены остатки кремневых ружей, свинцовые пули, фрагменты сабельных ножен, кирпичи и окаменелые железные конструкции, в том числе фрагменты холодного оружия (рукоятка меча и кинжал). Кроме того, под водой была найдена чугунная пушка. Данные находки позволили предположить наличие на данном участке акватории остатков кораблекрушения военного судна Нового времени. По предположению руководителя группы, найденные предметы относились к снаряжению «турецкого судна, которое было расстреляно и посажено на рифы при южном ветре». Им также высказано мнение о необходимости дальнейшего изучения этого памятника методами археологических раскопок. Поднятые на поверхность находки были переданы в фонды Керченского музея.

В следующий поисковый сезон 1978 г. у мыса Тузла аквалангисты группы В. Н. Лаврухина провели осмотры места крушения турецкого судна и района оградительной вехи на западной оконечности рифа (Лаврухин, 1978. С. 34). У турецкого судна найден гак, а несколько в стороне к северу от вершины подводной скалы на песке – кремневый пистолет.

В 1979–1980 гг. подводные изыскания у мыса Тузла осуществляла другая группа аквалангистов Керченского музея «Корабел». В процессе работ уточнено место гибели турецкого судна. Кораблекрушение произошло у подводной скалы, расположенной примерно в 1 км от мыса. Современная глубина моря над ее вершиной была всего 0,9 м. Место удалось определить благодаря находкам кирпичей от судовой печи, упомянутым в отчете В. Н. Лаврухина, и якорю «кошка» галерного типа, некогда принадлежавшему погибшему судну (Шамрай, 1979. С. 20). В дальнейшем район данного кораблекрушения осматривался в 2011 г. и 2012 г. (Шамрай, 2015).

Таким образом, в предыдущие годы с этой акватории были подняты на поверхность фрагменты турецкого военного судна XVIII в. (оружие, керамика, кирпичи печи), а также значительное количество античной и средневековой керамики и фрагментов якорей (данный археологический материал соотносится с ОАН «Древняя якорная стоянка», на месте которой располагается рассматриваемое кораблекрушение XVIII в.). Донный рельеф сложный, при общей глубине 5,7–5,9 м скала возвышается над грунтом более чем на 4 м. Площадь скалы составляет около 400 кв. м,

ее окружает песчаное дно с ракушками и рваными камнями, и глыбами различных размеров. К северо-западу от скалы на дне обнажен материк, он представлен плотной серо-светло-коричневой глиной с многочисленными отверстиями от моллюсков. Разрозненный археологический материал встречается на площади около 1000 кв. м. Согласно данным магнитометрического исследования, на данном участке отмечается магнитная аномалия (рис. 11).

В месте обнаружения верхней части керамической двуручной корчаги Нового времени (рис. 12) был заложен шурф № 1, размерами 2 × 1 м, для проверки мощности морских отложений. Мощность морских отложений, представленных перемешанным слоем песка, раковин моллюсков и мелких камней, составила 0,35 м. Ниже залегал материковый слой плотной серой глины. Шурф № 2, размерами 2 × 1 м, был заложен в 20 м к юго-востоку от предыдущего. Стратиграфия морских отложений идентична шурфу № 1, но мощность слоя песка, раковин и камней составила 0,6 м. Археологических находок не обнаружено.

В ходе визуального осмотра с применением подводного металлодетектора на дне у подножия скалы и между камней были зафиксированы многочисленные магнитные цели, представленные фрагментами железных изделий затонувшего судна, покрытых многочисленными наростами, а также единичные фрагменты керамики. Здесь же на дне обнаружена минометная мина времен Великой Отечественной войны. Индивидуальные находки представлены плоским кирпичом, по-видимому, от корабельной печи и чугунной картечью. Следует отметить, что находки кирпичей от печи на данном объекте не редки и фиксировались с 1980-х гг.

Таким образом, в ходе археологических разведок 2018 г. уточнены границы распространения археологического материала на площади 1000 кв. м, связанного с данным кораблекрушением (керамика XVIII в., металлические детали такелажа и элементов судна, фрагменты оружия).

Следует отметить, что прибрежная часть центральной зоны проектируемого порта активно насыщена магнитными аномалиями. Большая их часть связана с современным рыболовецким промыслом. Рыбаки в море устанавливают массивные металлические конструкции, вбивают в грунт столбы, активно используют стальные тросы и арматуру. Однако на данном участке также выявлен ряд объектов периода Великой Отечественной войны: остатки двух самолетов, советские

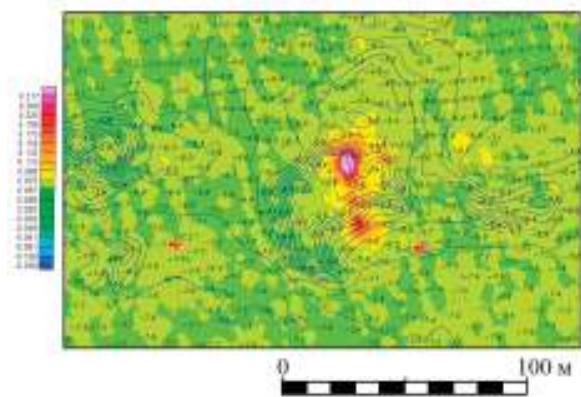

Рис. 11. Магнитная и батиметрическая карта участка дна в месте гибели судна XVIII в.

Рис. 12. Глиняная корчага в месте гибели судна XVIII в.

мотоботы и германские понтоны. При этом следует отметить, что вся западная часть участка активно насыщена пригрузами и канатами, массивными чугунными якорями-присосками современных мидийных хозяйств.

В северо-западной части участка обследован объект археологического наследия «Каменный балласт древнего судна». В соответствии с учетной документацией ОАН «Каменный балласт древнего судна» располагается в 1,8 км к юго-западу от мыса Тузла на глубине 7,3 м. По факту объект обнаружен на расстоянии 1,9 км на глубине 8,7 м в. Он представляет собой скопление камней овальной формы, размерами 10 × 6 м, вытянутое по линии северо-восток–юго-запад (рис. 13). Скопление состоит из окатанных камней, не типичных для этого региона (гранит, диорит, базальт), размерами от 0,2 × 0,2 м до 0,5 × 0,5 м. Многие камни магматического происхождения имеют хорошо зафиксированное магнитное поле (рис. 14). Центральная часть скопления не замыта

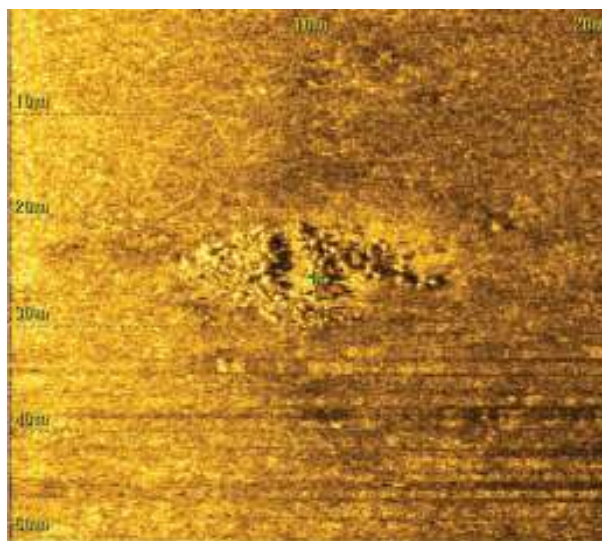

Рис. 13. Сонограмма ОАН «Каменный балласт древнего судна»

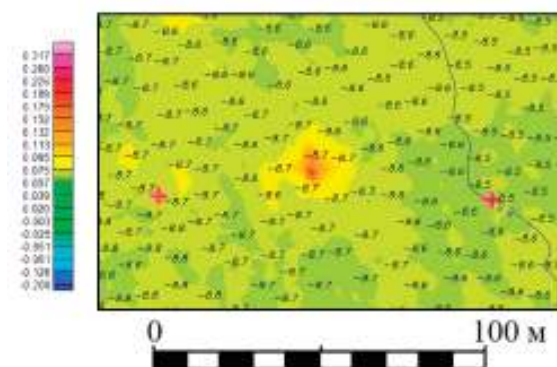

Рис. 14. Магнитная и батиметрическая карта участка ОАН «Каменный балласт древнего судна»

песком и возвышается над уровнем дна на высоту до 0,4 м. Объект был исследован экспедицией А. В. Кондрашева и повторно обследован в 2011 г. При обследовании памятника в 2018 г. также обнаружены окатанные нижняя часть тулова и венчик с ручкой античной амфоры.

В центральной части памятника был разбит шурф размерами 2 × 1 м для уточнения мощности морских отложений. Каменное скопление состоит из 1–2 рядов камней, залегающих на слое песка со створками моллюсков и фрагментами серого сланца, мощностью 0,6 м (рис. 15). Его подстилает материковый слой плотной серой глины. В верхнем слое под камнями обнаружен один неокатанный фрагмент высокоподнятой ручки кувшина. Исследования 2018 г. подтверждают выводы о том, что данное каменное скопление является

балластом или частью балласта судна, сбросившего камень на рейде.

Южная часть акватории порта на траверзе мыса Кротки также насыщена современными металлическими деталями. На рифовой гряде и в прилегающей к ней акватории выявлены остатки двух кораблекрушений середины XIX в., а также фрагменты кабины и крыла самолета Ил-2. Здесь же найден якорь-кошка (рис. 16).

Первое кораблекрушение согласно учетной документации расположено между мысом Тузла и мысом Панагия в рифовой зоне «Кротки», на расстоянии 800 м от берега и в 140 м западнее одиночной скалы. Объект был обнаружен в начале 1980-х гг. и имел хорошо сохранившиеся шпангоуты с бронзовыми гвоздями, двухметровое перо руля с бронзовыми креплениями (Елкин, 2017. С. 110).

В ходе исследований 2018 г. объект обнаружен на расстоянии 580 м от берега в 120 м к юго-западу от выступающей над морем скалы подводной гряды у мыса Кротки. Согласно данным магнитометрического исследования, на данном участке отмечается магнитная аномалия (рис. 17). Объект представляет собой остатки днища деревянного судна, длиной 22 м и шириной 5 м (рис. 18). Носовая часть определена по наличию брашпиля – массивной конструкции для подъема якоря (рис. 19). Деревянные конструкции частично скрыты слоем песка и завалами камней различных размеров, а также сильно повреждены морским шашенем (рис. 20; 21). Кораблекрушение лежит по линии север–юг. Вдоль левого борта по всей длине затонувшего судна располагается якорная цепь, звенья которой снабжены контрфорсами. Носовая часть скрыта песчаными отложениями мощностью

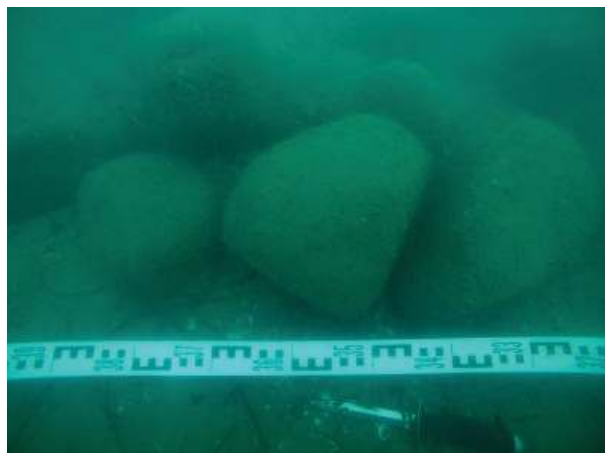

Рис. 15. Каменный балласт античного судна

Рис. 16. Якорь-кошка

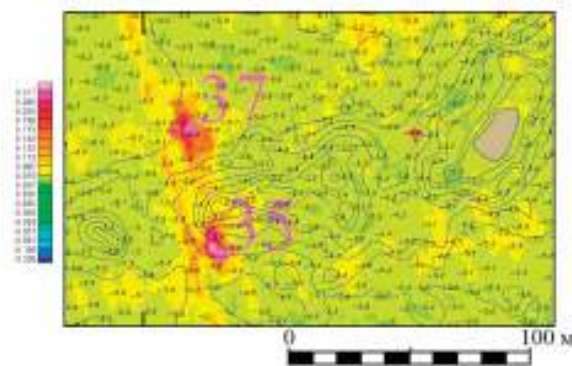

Рис. 17. Магнитная и батиметрическая карта участка в месте гибели деревянного судна XIX в. у мыса Кротки

до 0,3 м. В этой части в деревянных конструкциях судна фиксируются латунные четырехгранные массивные гвозди, а также обнаружен свинцовый ремонтный пластырь (пластина) с квадратными отверстиями по периметру. Кормовая часть скрыта крупными каменными глыбами. Кораблекрушение может быть датировано серединой – второй половиной XIX в.

В центральной части был заложен шурф 1 × 1 м. После удаления слоя песчаных отложений, мощностью 0,15 м, был зачищен участок деревянных конструкций днища: шпангоуты и продольные балки. Шпац составляет 0,25 м. Между шпангоутами расчищен участок нижней обшивки судна. Пространство между шпангоутами было заполнено угольной крошкой.

Второе кораблекрушение обнаружено в 380 м к юго-западу от мыса Кротки и в 500 м к юго-востоку от предыдущего объекта на глубине

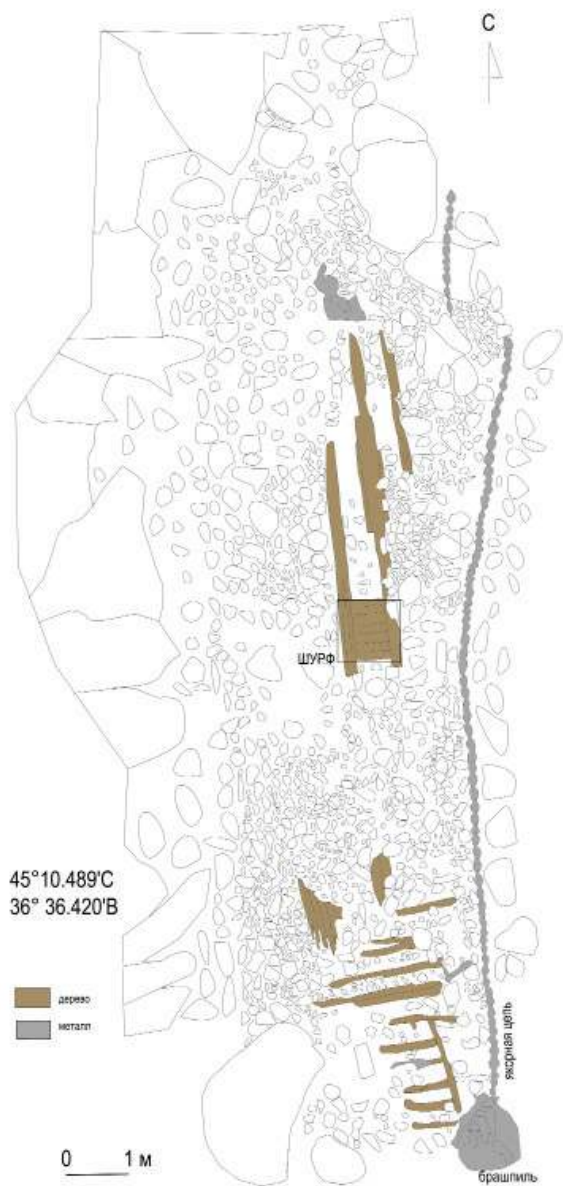

Рис. 18. План кораблекрушения судна XIX в. у мыса Кротки

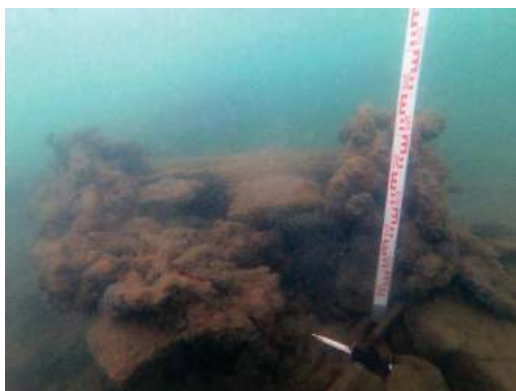

Рис. 19. Металлическая конструкция подъема якоря в месте кораблекрушения судна XIX в. у мыса Кротки

Рис. 20. Деревянные конструкции днища кораблекрушения XIX в. у мыса Кротки

Рис. 21. Осмотр кораблекрушения XIX в. у мыса Кротки

3,8 м. Оно представлено фрагментом борта судна со шпангоутами, длиной 5,6 м, возвышающимися над дном до 0,5 м (рис. 22). Данный объект зафиксирован в том числе на полученной сонограмме гидролокатора бокового обзора (рис. 23). Сохранившаяся площадь объекта составляет 12 кв. м. На одном из шпангоутов найден латунный четырехгранный гвоздь, который позволил датировать кораблекрушение серединой XIX в. Такие же гвозди были обнаружены и на предыдущем объекте. Вокруг объекта располагаются современные рыболовецкие снасти. Не исключено, что эти остатки кораблекрушения связаны с предыдущим, однако значительное расстояние между объектами может свидетельствовать и о наличии другого кораблекрушения.

Акватория подходного канала проектируемого порта составляет 392 га и примыкает к акватории порта с юго-запада. Южная часть канала выходит в Черное море. Общая длина подходного канала

Рис. 22. Кораблекрушение XIX в. к юго-западу от мыса Кротки

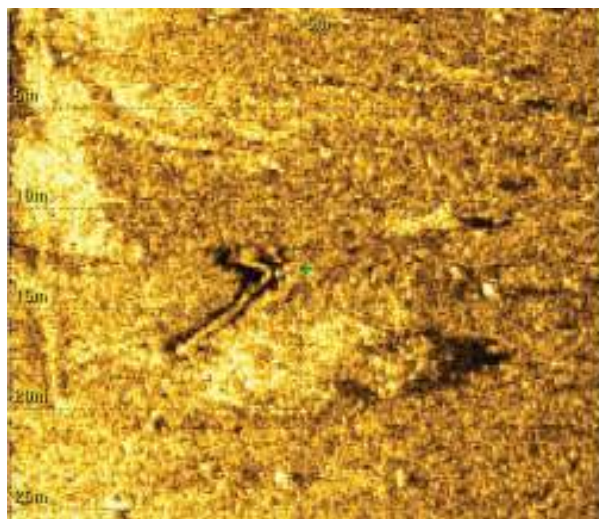

Рис. 23. Сонограмма кораблекрушения XIX в. к юго-западу от мыса Кротки

составляет более 12 км, глубина в северной части составляет 10 м, в южной – 22 м. Акватория была полностью исследована в 2019 г. Наибольшее количество магнитных и акустических аномалий представлено в центральной части канала. Все они связаны с современной якорной стоянкой. Под водой, на дне зафиксировано большое количество стальных тросов, автомобильных покрышек, используемых в качестве кранцев на судах, бочек, труб, разнообразных металлических предметов и сетей. Из всех целей отдельного внимания заслуживает только акустическая цель № 221, она же магнитная цель № 647, которая является остатками рыболовного трала, в сетях которого опутаны небольшие фрагменты самолета. Магнитная цель № 646 представлена дюрачевыми таврами, по-видимому, также от самолета. Все

эти фрагменты попали на участок исследований в результате разрушения неизвестного самолета в результате тралового рыболовства на смежных участках.

Таким образом, подводные археологические работы 2018–2019 гг. в акватории проектирования сухогрузного района морского порта Тамань носили комплексный характер. Были проведены исследования дистанционными методами, а также натурное водолазное изучение всех выявленных аномалий. По результатам исследований установлено нахождение на этом участке шести объектов археологического наследия: поселение античного времени (Корокондама), античная корабельная стоянка на мысе Тузла, каменный балласт древнего судна, место кораблекрушения деревянного судна XVIII в., а также остатки двух деревянных судов XIX в. Кроме того, были осмотрены фрагменты трех самолетов времен Великой Отечественной войны, советские мотоботы, германские понтоны и остатки современного сейнера «Труженик».

Источники и литература

Елкин А. В., 2017. Атлас затонувших судов Черного и Азовского морей. Тольятти. Ч. 2.

Кондрашов А. В., 1995. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1994 году. Краснодар // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18892.

Кондрашов А. В., 1996. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1995 году. Краснодар // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19601.

Кондрашов А. В., 1997. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1996 году. Краснодар // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 0276.

Кондрашов А. В., 1998. Отчет о проведении подводной археологической разведки у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1997 году. Краснодар // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19757.

Кондрашев А. В., 2001. Спасательные раскопки Тузлинского некрополя (1995–1999 г.) //

Музейный вестник (к 25-летию Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника). Краснодар.

Лаврухин В. Н., 1977. Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМа за 1977 г. // Архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хран. № 739.

Лаврухин В. Н., 1978. Отчет о работе подводной экспедиции Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. Керчь // Архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хран. № 852.

Окороков А. В., 2016. Отчет о проведении археологической разведке в южной части акватории Керченского пролива, прибрежной части территории Ленинского района Республики Крым, прибрежной части территории Темрюкского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Оп. 1. Ш. 53. Д. № 48509.

Окороков А. В., Егоров Ю. О., 2017. Локализация местоположения античного поселения Корокондама // Вопросы подводной археологии. М.

Шамрай А. Н., 1979. Отчет о работе подводно-поисковой группы «Корабел» при КИАМ за 1979 г. // Архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Ед. хран. № 740.

Шамрай А. Н., 2015. Кораблекрушение XVIII в. у мыса Тузла (история открытия и изучения) // Материалы II Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь.

Шамрай А. Н., Сударев Н. И., 2013. Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам подводных разведок 2011–2012 гг.) // Боспорские чтения. Керчь. Вып. XIV.

Спасательные археологические раскопки трех кораблекрушений XIX в. в Евпаторийской бухте в 2018 г.

В. В. Вахонеев¹, П. А. Горбунов²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-161-169

Акватория г. Евпатория (Республика Крым) является одним из мест, которому уделено особое внимание морских археологов. Особенно это касается объектов подводного культурного наследия XIX – первой половины XX в. Первые достоверно известные гидрографические работы в акватории Евпаторийской бухты, связанные с промерами глубин, проводились в 1836 г., затем подобные работы были проведены в 1890 и 1896 гг. и были связаны с проектированием Евпаторийского порта (Руммель, 1899. Л. 6–7). Работы по промерам 1890 г. детально отображены на плане города Евпатории и рейда 1890 г., хранящемся в фондах Евпаторийского краеведческого музея (ЕКМ 1704/Д 2317). Этот план вместе с планом Евпатории, снятым с натуры в 1895 г. (ЕКМ 6907/Д 1806) и планом Евпатории к путеводителю Г. Г. Москвича позволяют восстановить береговую линию бухты в дореволюционный период вместе с построенными вдоль нее пирсами, причалами и помещениями городских купален на сваях, ныне совершенно утраченными. Современный вид набережная приобрела во второй половине 1980-х гг.

Первые подводные археологические работы в прилегающей акватории были проведены в 1980 г. сотрудниками Евпаторийского краеведческого музея в районе нового пляжа Евпатории. Под водой было зафиксировано кораблекрушение времен Крымской войны, а на поверхность поднято перо руля с латунной обшивкой с клеймом «Liverpool», ныне выставленное в экспозиции музея истории Крымской войны, филиале краеведческого музея.

¹ Россия, 298100, Республика Крым, Феодосия, пр. Айвазовского, 47А. Черноморский центр подводных исследований. E-mail: vakhonicev@yahoo.com.

² Россия, 298100, Республика Крым, Феодосия, пр. Айвазовского, 47А. Черноморский центр подводных исследований. E-mail: pauels@mail.ru.

В 2006 г. подводной экспедицией под руководством В. В. Нефедова и А. Л. Ластенко в этом же районе обследовано три кораблекрушения времен Крымской войны, включая предыдущее (Зеленко, 2008. С. 75–76).

В 2013 г. экспедицией Черноморского центра подводных исследований в акватории Евпаторийской бухты были проведены подводные археологические исследования восьми кораблекрушений времен Крымской войны (Вахонеев, 2015. С. 49–51), по результатам которых они были паспортизированы и поставлены приказом Республиканского комитета по охране культурного наследия АРК на государственный учет в качестве нововыявленных объектов культурного наследия (приказ № 48 от 28.05.2013).

В 2016 г. в связи с разработкой проекта реконструкции набережной им. В. В. Терешковой были выполнены работы по археологическому обследованию (разведке) с использованием археологической шурфовки в указанной акватории (Вахонеев, 2017). В общей сложности площадь разведок составила около 70 тыс. кв. м, было разбито 13 разведочных шурфов. Глубина шурфов варьировалась от 0,2 до 1,3 м и зависела от мощности морских песчаных отложений. В акватории набережной им. В. В. Терешковой в зоне строительных работ был выявлен ряд объектов.

Один объект были обнаружен и паспортизирован сотрудниками Черноморского центра подводных исследований в 2013 г. и стоит на государственном учете. В 2016 г. на объекте проведена шурфовка с целью проверки сохранности объекта. Затонувшее судно датировано серединой XIX в.

Кроме того, в центральной части набережной были обследованы следы старой товаро-пассажирской

пристани конца XIX в. с двумя объектами – следами деревянных кораблекрушений. Учитывая, что оба затонувших судна деревянные, имеют черты судового набора, характерного для довоенной постройки, а также то, что с 1920-х гг. деревянные сваи пристаней и причалов стали заменять металлическими, данные объекты обладают признаками объектов культурного наследия. В связи с этим в 2018 г. были запланированы их полные археологические раскопки.

В 2018 г. для исследования трех затонувших деревянных судов, расположенных в акватории Евпаторийской бухты в зоне реконструкции набережной им. В. В. Терешковой (рис. 1), был организован водолазный пост – понтон ЗV1 с мотопомпами различных мощностей и грузовым краном. Работу поста обеспечивали маломерный буксир «Sprut», надувная лодка и команда аквалангистов.

Границы раскопов устанавливались с помощью шнура и металлических рам, после чего определялись координаты углов участка. Раскопы на затонувших судах были разделены на квадраты с помощью специально подготовленных металлических рам с ячейкой 1 × 1 м. Остатки затонувших деревянных судов XIX в. были перекрыты слоем песка и местами ила, которые первоначально удалялись вручную с помощью различных типов гидроэжекторов. Удаленная из раскопа пульпа по шлангам выбрасывалась на сито для просмотра и контроля мелких находок. После этого была проведена графическая и фотофиксация сохранившихся деталей судов с помощью фотокамер в подводных боксах, а также их маркировка.

Все поднятые на поверхность находки подлежали полевому комплексу мер по стабилизации со-

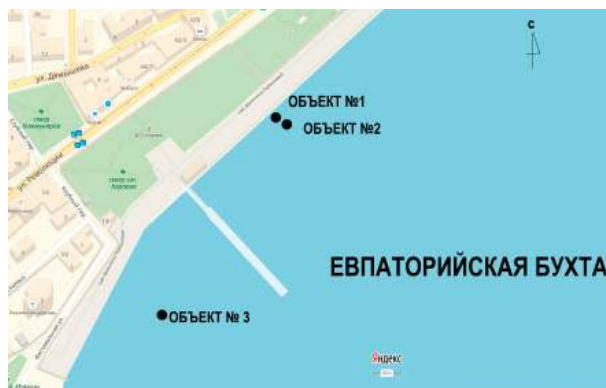

Рис. 1. Схема расположения объектов (кораблекрушений) в акватории набережной им. В. В. Терешковой в г. Евпатория

стояния, включая извлечение, камеральную обработку, упаковку, транспортировку и хранение до передачи квалифицированному реставратору. Учитывая особенности консервации в полевых условиях, все находки независимо от их материала были защищены от высыхания и химических реакций, хранились во время проведения полевого этапа работ в холодной воде без доступа света.

Помимо обычного фотографирования с линейкой и установкой направления севера, помимо традиционных методик ручного обмера была использована цифровая фотограмметрия. Благодаря данному методу с помощью массива фотографий, сделанных по определенным правилам, после соответствующей компьютерной обработки в программном обеспечении «Agisoft Photoscan» были получены трехмерные цифровые модели всех кораблекрушений с корректными геометрическими размерами их составных элементов (Вахонеев, 2018. С. 66–70).

Учитывая глубину залегания объектов, на которой практически невозможно установить вешку тахеометра, замеры глубин проводились с помощью подводных компьютеров, а также нивелира и пятиметровой рейки. Репером служила верхняя площадка старой набережной с отметкой +1,90 м.

Кораблекрушение деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в.

Кораблекрушение было выявлено в ходе подводных археологических разведок 2016 г. в точке с координатами 45°11'39.92"N, 33°22'38.13"E в 5 м от уреза воды на траверзе колеса обозрения в сквере им. Караева. Кораблекрушение находится на глубине 2,7 м. В ходе работ 2016 г. в его юго-восточной оконечности был разбит шурф, размерами 1 × 1 м. В результате расчистки песчаных отложений с современным мусором, включая большое количество современных монет, был расчищен участок затонувшего деревянного судна (дно и части судового набора). Порода дерева – сосна. Судя по ориентировке судового набора, затонувшее судно лежит курсом 300 градусов. Большая его часть была скрыта песчаными отложениями, а также завалена камнями средних и крупных размеров, из-за которых было невозможно определить границы кораблекрушения.

В сезоне 2018 г. были выполнены полноценные археологические раскопки кораблекрушения (рис. 2; 3). К началу работ участок кораблекрушения был замывт песком и завален камнями разных размеров: от мелкой гальки до крупных каменных глыб. После уборки верхнего слоя камней участок

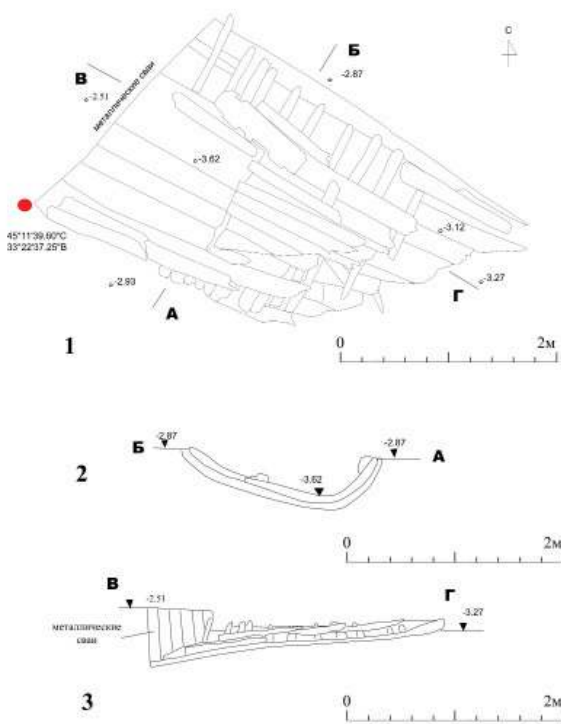

Рис. 2. План и разрезы кораблекрушения деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в.

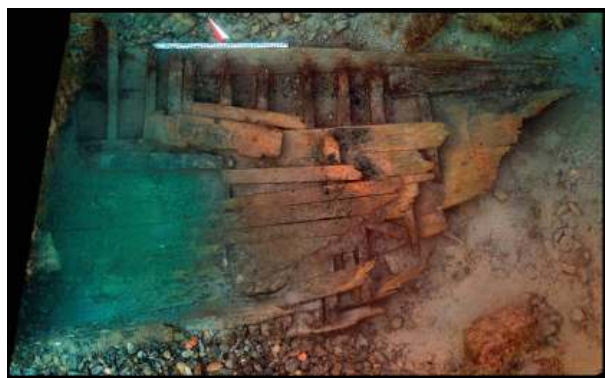

Рис. 3. Кораблекрушение деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в. (фотограмметрия)

кораблекрушения был покрыт разметкой на 16 квадратов, размерами 1 × 1 м. При дальнейшей расчистке слоя песка и камней внутри корпуса затонувшего судна были сделаны немногочисленные находки современных предметов: кирпичи, черепица, монеты второй половины XX – начала XXI в. Особо следует отметить фрагмент нижней части поливного закрытого сосуда XIX – начала XX в.

По результатам раскопок установлено, что с северо-западной части деревянный корпус затонувшего судна обрублен плотным рядом метал-

лический свай, а дальше уничтожен бетонными ступенями набережной (рис. 4). Определить часть судна (носовую или кормовую) не представляется возможным.

Обшивка корпуса выполнена вгладь без дополнительного покрытия. Шпаци составляет 0,2 м. На шпангоуты вгладь уложена внутренняя обшивка из широких досок, шириной 0,2 м. На них в юго-восточной части уложен ряд из шести узких досок шириной 0,12 м, частично подрезанных под углом к окончанию судна. Также в этой части найден фрагмент кия судна, длиной 1,0 м. Сохранившаяся глубина корпуса составила 0,7 м. Таким образом, от затонувшего деревянного судна сохранилась не более четвертой части, общей площадью около 9 кв. м. Остальная часть объекта оказалась уничтоженной береговыми укреплениями набережной, построенными в середине XX в.

Кораблекрушение деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в.

Кораблекрушение располагается в 19 м на юго-восток от предыдущего на глубине 2,9 м в точке с координатами 45°11'39.12\"N, 33°22'38.37\"E. Оно выявлено в ходе подводных археологических исследований 2016 г. Тогда на участке было разбито два разведочных шурфа размерами 1 × 1 м на расстоянии 4 м друг от друга, в которых были выявлены остатки затонувшего деревянного судна. Учитывая ориентировку судового набора судна в обоих шурфах (0 градусов в первом и 270 градусов во втором) было высказано предположение, что на этом участке акватории находятся два кораблекрушения небольших судов, одно из которых атрибутировано в качестве фе-

Рис. 4. Общий вид кораблекрушения с юго-запада. Западная часть уничтожена бетонными ступенями набережной

люги. Согласно исследованиям 2016 г., судя по характеру судового набора, время постройки судов определялось концом XIX – началом XX в. и первой половиной XX в.

В сезоне 2018 г. на этом участке были выполнены полноценные археологические раскопки кораблекрушения. По результатам работ было выяснено, что шурфовка 2016 г. проводилась не на двух небольших судах, а на одном достаточно крупном торговом судне конца XIX – начала XX в. Сохранившаяся длина затонувшего судна составляет 21 м, ширина – 5 м, высота бортов – около 2 м. Судно лежит курсом 310 градусов, носом в сторону берега (рис. 5; 6).

К началу работ участок кораблекрушения был практически полностью замыт песком, за исключением его северо-западной части. После частичной уборки песчаных отложений на кораблекрушении была разбита сетка квадратов,

размерами 1 × 1 м. В последствии при углублении для обеспечения безопасности аквалангистов, а также для удобства проведения археологических работ, сетка была демонтирована, поскольку сохранившаяся высота бортов затонувшего судна составила около 2 м. В ходе расчистки песка были сделаны немногочисленные перетолженные находки XIX–XX вв. Они представлены фрагментами поливной и фаянсовой посуды, доньями плоскодонных кувшинов, латунными рукояткой и крышками, фрагментом винной бутылки, неопределенными железными предметами, а также дном античной амфоры. Особого внимания заслуживает каменный корабельный жернов с металлической рукояткой (рис. 7), по-видимому, использовавшийся на затонувшем судне для помола зерна.

Носовая и кормовая части сильно повреждены. Носовая (северо-западная) часть определена в месте сужения судового набора на основе находки якор-

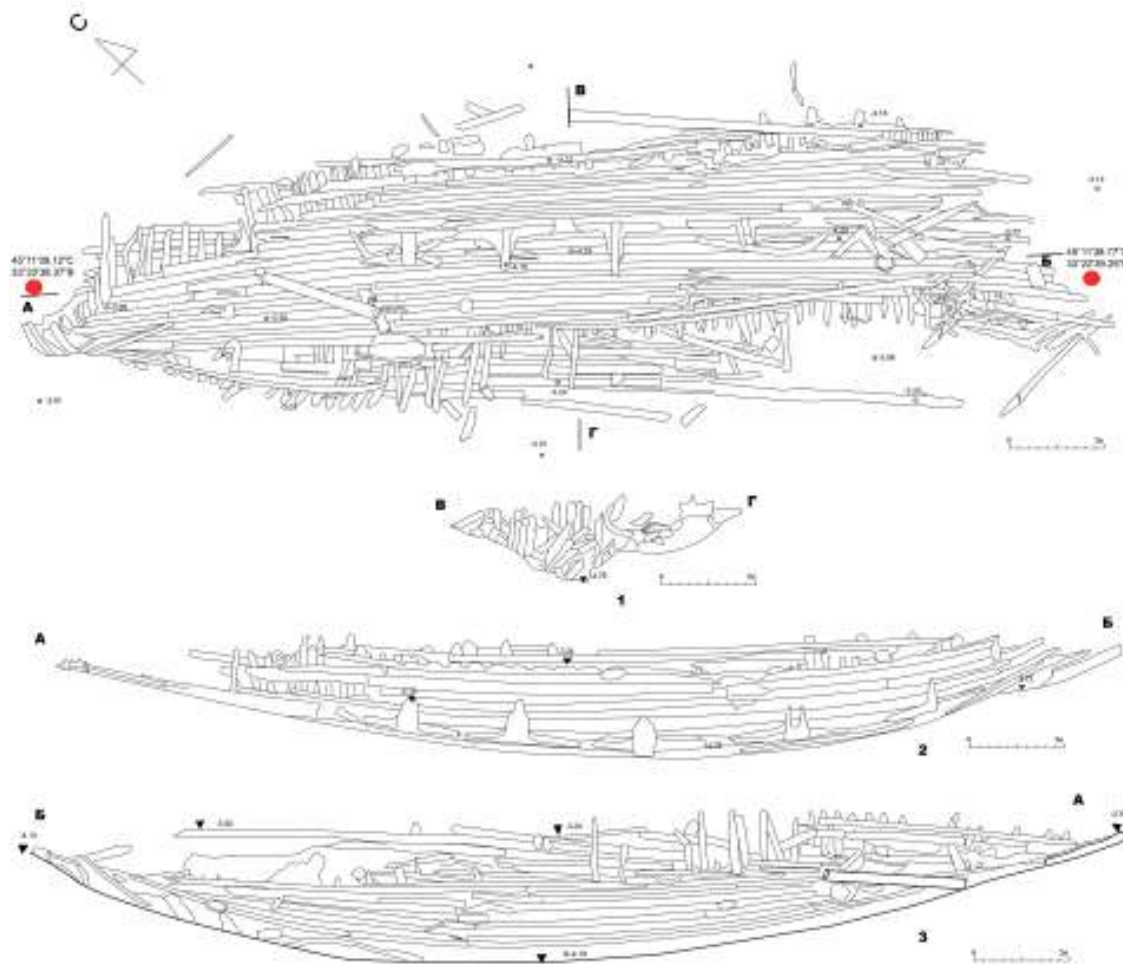

Рис. 5. План и разрез кораблекрушения деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в.

Рис. 6. Кораблекрушение деревянного купеческого судна конца XIX – начала XX в. (фотограмметрия)

Рис. 7. Каменный корабельный жернов с металлической рукояткой

ных клюзов (один был обнаружен в 2016 г.). Судно лежит с креном на левый борт, в результате чего левый борт более пологий, правый – крутой. По центру проходит киль, на котором с внутренней части уложен резенкиль. К нему через каждые 2 м перпендикулярно установлены массивные кницы с прямо стоячими балками для поддержания несохранившейся палубы. Сохранилось четыре балки

с Г-образными кницами в центральной части. Под нагрузкой кницы наклонились в сторону левого борта.

Ближе к носовой части обнаружен фрагмент разломанной на две части мачты высотой 4,3 м, диаметром в нижней части 0,3 м, в верхней части 0,2 м. В верхней части имеется ровная площадка для второй составной части. Внутри мачты по всей длине имеется отверстие диаметром 0,1 м. Нижняя часть мачты оканчивается массивным металлическим кольцом с длинной деформированной металлической втулкой длиной 0,5 м и диаметром 0,05 м (рис. 8). Все металлические объекты покрыты слоем песчаного конгломерата, в связи с чем детальное изучение конструкций невозможно выполнить без их повреждения.

У основания мачты с правого бока расчищен массивный металлический Г-образный якорный клюз. В этой же части обнаружена латунная круглая катушка и прорезью по краю. Также у основания левого борта найдены остатки деревянного бочонка диаметром 0,25 м с крышкой (рис. 9). На днище обнаружена торговая свинцовая печать 1890–1910х гг. братьев Синадино (г. Одесса) (рис. 10).

В двух местах по верхнему краю сохранившейся части правого борта (рис. 11) зафиксированы остатки сливных отверстий, выполненных из развальцованных свинцовых труб. Такие трубы обычно служили для слива канализационных вод с судна. По левому борту в двух местах (ближе к носу и ближе к корме) расчищены остатки двух плетеных грузовых корзин размерами 0,33 × 0,2 × 0,2 м (рис. 12). Корзины выполнены из длинных деревянных полосок шириной 3 см. Ручки не сохранились. В ходе изучения центральной части

Рис. 8. Нижняя часть мачты

Рис. 12. Плетеная грузовая корзина

Рис. 9. Деревянный бочонок

Рис. 10. Торговая свинцовая печать 1890–1910-х гг. братьев Синадино

Рис. 11. Правый борт судна

Рис. 13. Веревочные канаты

судна также выявлено скопление деревянных полосок – заготовок для изготовления корзин.

В кормовой части на площади 4 кв. м обнаружено несколько металлических предметов: два гака, полуклюз, железный наконечник багра, шесть металлических пластин разной длины, кольцо диаметром 0,3 м. Также в этой части расчищены около 4 м свернутых остатков веревочных канатов (рис. 13) и остатки мешковины очень плохой сохранности. Там же обнаружены две целые стеклянные бутылки и фрагментированное дно бутылки с клеймом 1892 г., а также чернильница XIX в., два аптечных пузырька, причем один с пробкой и прозрачной жидкостью внутри, многочисленные фрагменты кожаной обуви, а также шесть деревянных блоков такелажа.

Кормовая часть обломана, доски корпуса судна имеют следы механических повреждений. Кроме того, на днище судна со стороны левого борта в трех местах зафиксированы три рукотворных

сквозных отверстия, диаметром 0,25 м. Также в носовой части по правому борту расчищен участок обугленных досок внутренней обшивки.

Судя по ориентировке данного судна, оно затонуло вдоль правой стороны причала Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), сваи которого были выявлены в 2016 г. Судя по находке свинцовой печати братьев Синадино из Одессы, судно могло принадлежать РОПиТу, поскольку винная продукция Товарищества братьев И. и В. Синадино пользовалась широким спросом на пароходах РОПиТ (Белявская, Михайленко, 2009. С. 157). Исходя из этого, затонувшее судно может быть датировано периодом с 1895 по 1917 гг.

Деревянное судно союзнического флота Крымской кампании

В 2013 г. кораблекрушение было паспортизировано и поставлено на государственный учет как «Место гибели деревянного купеческого судна времен Крымской войны». Дата гибели судна определялась временем знаменитого шторма 14 ноября 1854 г. В 2016 г. в ходе подводных археологических исследований кораблекрушение в точке с координатами 45°11'33.20"N, 33°22'31.97"E было повторно обследовано. Тогда над грунтом возвышался один из бортов на высоту до 0,3 м, другой борт был замыт. Видимая на поверхности дна длина кораблекрушения составила 27 м, ширина – 4 м. Глубина залегания объекта 3,2 м. Остов судна лежит курсом 215 градусов. Зафиксированные в 2013 г. листы латунной обшивки отсутствовали, однако в двух местах выступали латунные нагели. На выступающих над дном деревянных конструкциях повсюду фиксировались следы морского шашеня (Вахонеев, 2017. С. 13).

В сезоне 2018 г. на месте кораблекрушения были выполнены полноценные археологические

раскопки. Сохранившаяся длина обнаруженного затонувшего судна составляет 21 м, ширина – 4 м, высота бортов около 1 м. Судно лежит курсом 40 градусов, параллельно берегу (рис. 14; 15). Правый борт сильно поврежден и сохранился в ширину около 1,0 м. На всех шпангоутах фиксируются следы шашеня. Вдоль внешней стороны корпуса судна сохранились следы крепления латунной обшивки, ныне отсутствующей. Ни киле в двух местах сохранились латунные нагели. У кормовой части на нем найдена прямоугольная полая железная конструкция. Со стороны левого борта ее подпирают две деревянные подставки, установленные под углом 45 градусов к днищу. Корма сохранилась в высоту до 1,2 м. Левый борт сохранился в ширину около 3 м. На нем частично сохранилась укладка продольных досок поверх шпангоутов.

К началу работ участок кораблекрушения был частично замыт илом мощностью до 0,1 м и песчаными отложениями с современным мусором мощностью до 0,4 м. Частично над дном выступали части судового набора затонувшего судна (рис. 16). После частичного снятия песчаных отложений на кораблекрушении была разбита сетка квадратов, размерами 1 × 1 м. В ходе расчистки песка были сделаны немногочисленные неоднократно переотложенные находки XIX–XX вв. Отдельно следует отметить коллекцию латунных четырехгранных в сечении крупных гвоздей и их фрагментов, использовавшихся в конструкциях судового набора. Некоторые гвозди сохранились с остатками древесины. Также в ходе работ была собрана коллекция турецких курительных трубок (рис. 17). Сохранившийся остов судна в трех местах пробит крупными деревянными сваями, которые служили для крепления «мертвяков» якорной стоянки яхтклуба.

Судя по характеру судового набора, использования латунных нагелей и гвоздей, а также сообщениям

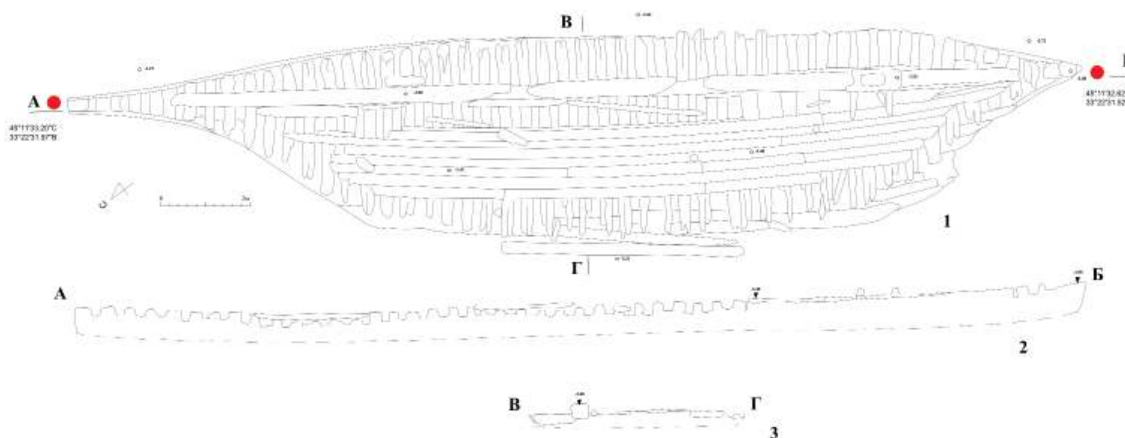

Рис. 14. План и разрез деревянного судна союзнического флота Крымской кампании

Рис. 15. Деревянное судно союзнического флота Крымской кампании (фотограмметрия)

Рис. 16. Шпангоуты судового набора затонувшего судна

Рис. 17. Чубуки курительных трубок

местных жителей о том, что на листах латунной обшивки прослеживались английские клейма, кораблекрушение представляет собой остатки английского купеческого судна союзного флота Крымской кампании, которое могло затонуть во время шторма 14 ноября 1854 г.

Таким образом, работами 2018 г. было полностью изучено три кораблекрушения второй половины XIX – начала XX в., расположенные в акватории, прилегающей к зоне реконструкции

набережной им. В. В. Терешковой в г. Евпатория. Археологические исследования осуществлялись на трех участках акватории общей площадью 270 кв. м. Глубина участков раскопок достигала 2,5 м. Результатом исследований явилось полное археологическое изучение указанных объектов.

Найденные в ходе раскопок предметы были переданы на постоянное хранение в филиал «Музей подводной археологии» ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований». По окончании раскопок все исследованные затонувшие деревянные суда были проложены слоем иглопробивного геотекстиля марки «Дорнит» плотностью 180 гр/м кв. (рис. 18; 19) У геотекстиля высокий коэффициент фильтрации, при этом частицы грунта не проникают внутрь. Именно по этой причине его можно встретить при строительстве бассейнов и водоемов, а также в устройстве дренажных и производственных фильтрационных систем. Кроме того, в составе данного материала отсутствуют вредные вещества. За счет своих характеристик геотекстиль «Дорнит 180» считается очень стойким к износу, не поддающимся воздействию влаги, разных химических веществ и климатических осадков. Покрытие из геотекстиля очень устойчиво

Рис. 18. Общий вид расчищенного судна

Рис. 19. Консервация судна геотекстилем

к температурным изменениям. Подобный метод консервации затонувших деревянных судов (объектов археологического наследия) успешно был апробирован при исследованиях кораблекрушения I в. до н.э. в Фанагории под руководством В. Д. Кузнецова и С. В. Ольховского в 2012–2014 г. (Ольховский, 2012. С. 26).

Источники и литература

Белявская Н. П., Михайленко А. М., 2009. Они были первыми // Очерки истории виноделия в Одессе. Вторая половина XIX – начало XX в. Одесса.

Вахонеев В. В. 2015. Гибель союзнического флота Крымской кампании у берегов Евпатории (по результатам подводных исследований 2013 г.) // Материалы II Международной научной конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь.

Вахонеев В. В., 2017. Отчет о подводных археологических разведках в акватории г. Евпатория в зонах реконструкции набережной им. Терешковой с прилегающими сквером Караева с берегоукрепительными работами, строительства двух пассажирских пирсов в районе пансионата Солнечный и пос. Заозерное в г. Евпатория Республики Крым. Симферополь.

Вахонеев В. В., 2018. Фотограмметрия в подводной археологии // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. Симферополь–Керчь.

Зеленко С. М., 2008. Подводная археология Крыма. К.

Ольховский С. В., 2012. Фанагорийский корабль // Нептун. № 6.

Руммель В. Ю., 1899. Джарылгатский залив, Евпатория, Севастополь. Результаты изысканий, произведенных в 1896 г. Атлас чертежей // Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. СПб. Вып. XXVII.

В преддверии Саянского каньона: могильник Чирик-Даш и окружающие памятники¹

А. В. Семенов²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-170-176

Могильник Чирик-Даш находится на левом берегу Саяно-Шушенского водохранилища, возле урочища Каравей, при входе в Саянский каньон Енисея. Памятник расположен на террасе у подножия гор, которая в наше время образует небольшую заимку у берега водохранилища (рис. 1: 1). Работы на Чирик-Даше усложнены тем, что водохранилище к 5–10 числам июня поднимается достаточно высоко, чтобы путь по дну оказался отрезан, попасть сюда летом можно только на лодке или по горным тропам. Сама по себе терраса никогда не затопливается и расположена довольно высоко относительно уровня русла реки. Терраса, вероятно, разрушалась и ранее вследствие эрозии, а под действием прибойных волн (во время максимального набора воды) разрушение многократно ускорилось. Это уже привело к разрушению некоего количества погребений – пляж под обрывом во время первого посещения Чирик-Даша был буквально усеян костями людей и животных, был собран комплект бронзовых предметов (рис. 2; 3), обнаружен керамический сосуд. Кости и находки на пляже концентрировались вокруг скоплений камней, являющихся остатками разрушенных конструкций. Тогда же было отмечено, что несколько объектов, маркированных небольшими каменными насыпями, находятся на краю обрыва, сам край рассечен трещинами и регулярно падает, местами в обрыве виднелись кости.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки археологического материала. E-mail: blaze85@inbox.ru.

После этого мы несколько раз посещали Чирик-Даш в рамках мониторинга памятников на дне и по берегу водохранилища, однако раскопки удалось организовать только в 2017 г., в 2018 и 2019 гг. работа продолжилась. Был снят топоплан, уточненный в 2018 г. при помощи квадрокоптера (рис. 1: 2). Расположенная над долиной небольшая терраса, видимо, представлялась в древности надежным местом для захоронения, здесь зафиксировано 20 объектов – это невысокие курганные насыпи с западинами, сложенные из обломков горной породы, без каких-либо четких конструкций (объекты 1–9), западины без каменных конструкций (объекты 12, 13, 15, 17, 20), каменный ящик – объект 14 и несколько разрушенных объектов, маркированных развалами камней под обрывом (объекты 18 и 19). В отличие от ближайшего могильника Каравей, где все семь раскопанных в 1978 г. Г. В. Длужневской захоронений относились к монгун-тайгинскому времени (Длужневская, Савинов, 2007. С. 181, № 32), на Чирик-Даше нет монгун-тайгинских курганов.

Все исследованные на Чирик-Даше объекты (7, 10, 12, 13, 16, 17) находились в линии обрыва, за исключением объекта 11. Обрыв в этой части террасы невысок, верхний слой почвы был смыт водой, и погребение оказалось на поверхности. Краниальная часть черепа и стопы скелета уже отсутствовали, очевидно, что при следующем наборе воды, погребение бы исчезло. Каких-либо конструкций вокруг погребения не сохранилось, за исключением нескольких небольших камней. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Инвентарь состоял из фрагментов маленьких железных пряжек, обломка железного ножа, нескольких железных наконечников стрел, за головой скелета осталось пятно истлевшего дерева, вероятно здесь стоял деревянный сосуд. Несмотря на наличие стрел и относительно крупные размеры скелета,

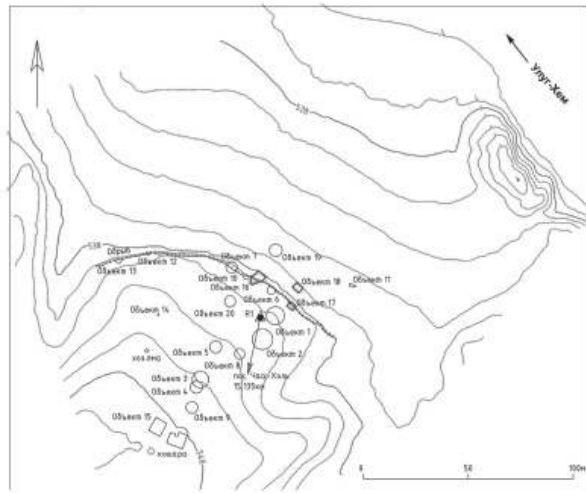
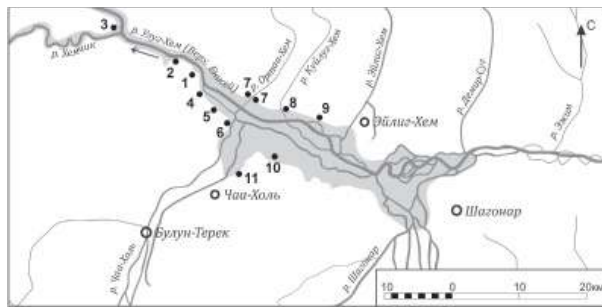

Рис. 1. Карта памятников в преддверии Саянского каньона Енисея: 1 – Чирик-Даш, 2 – Каравей, 3 – Хемчик-Бам, 4 – Урбюн, 5 – Суме-Беи, 6 – Аймырлыг, 7 – Ортаа-Хем, 8 – Куйлуг-Хем, 9 – Алды-Бель; 2 – план могильника Чирик-Даш

Рис. 2. Общий вид могильника Чирик-Даш с северо-востока

по тазовым костям пол можно установить как женский. Погребение 11 во многом (положение на спине, головой на запад, слабые ограждающие конструкции) сходно с погребениями хуннского времени на могильнике Ала-Тей, но, вероятнее, относится к более позднему, кокельскому времени. Комплекс стрел и железная пряжка, аналогичные

Рис. 3. Чирик-Даш. 2010 г. Подъемный материал. Бронза

найденным в Чирик-Даше 11, происходят, например, из раскопок И. У. Самбу 1967 г., из погребения 1 кургана 3 на могильнике Ортаа-Хем (Самбу, 2010. С. 39–45), речь о котором пойдет ниже.

Объекты 12 и 13, отмеченные сверху западинами и виднеющимися в обрыве костями, оказались остатками разрушенных погребений или жертвенными захоронениями частей туш животных. В обоих случаях зафиксировано скопление костей скота на глубине около метра.

Объект 10, также раскопанный в 2017 г., представлял собой разрушенное погребение. Несколько человеческих костей и фрагменты дерева торчали из обрыва на глубине около 1 м, другие валялись на осыпи. Наземного сооружения не было видно, но на уровне самой могилы присутствовало скопление камней, которые не представляли никакой конструкции. Под камнями было несколько фрагментов дерева, которые, возможно, являлись остатками деревянной рамы. Кости скелета были уложены между камнями хаотично, но достаточно компактно. По-видимому, это было погребение в «мешке», но возможно, что здесь было разграбление могилы, после которого кости погребенного сбросили обратно. В погребении сохранились останки двух человек – взрослого мужчины 20–30 лет и ребенка. Но большая их часть, по-видимому, уже выпала из обрыва, поэтому точное количество погребенных не известно.

Объект 7, раскопанный в 2017 г., представляет большой интерес (рис. 4; 5). Над обрывом находилась половина каменной насыпи, а под обрывом

Рис. 4. Чирик-Даи. Погребение 7. Вид с юго-запада

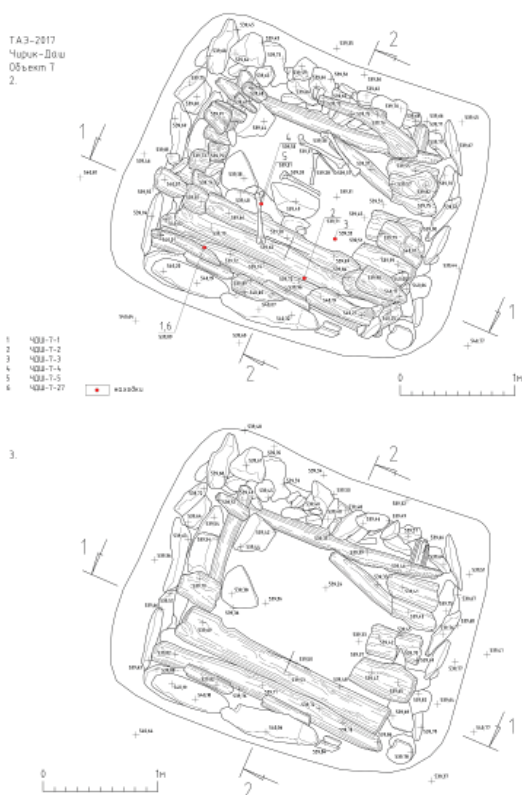

Рис. 5. Чирик-Даи. Погребение 7. Планы перекрытия и погребения

и на осыпи найдено скопление упавших камней и костей из грабительского хода. В обрыве четко виднелось каменное заполнение ямы. Обрыв здесь разрушался ступенями, низ могильной ямы сохранился неповрежденным. На глубине чуть более 2 м был зафиксирован сруб из бревен в три венца, ориентированный сторонами по странам света, имевший двойное бревенчатое перекрытие. Яма была заполнена обломками скал. Сам сруб был обложен массивными плитами. В центре перекрытия вырублено отверстие. В заполнении между камней и на осыпи найдены разрозненные

человеческие кости. Однако, помимо камней, сброшенных в грабительский ход, в заполнении ямы явно присутствовали крупные обломки породы, намеренно расположенные по периметру ямы, таким образом, очевидно, что здесь имело место намеренное заполнение ямы камнем, вместе с обкладкой сруба. В погребении присутствовали останки семи человек: четырех мужчин, одного подростка и двух детей. Из погребального инвентаря сохранились только костяные и бронзовые наконечники стрел, половина костяных ножен (рис. 6) (вторая половина отсутствовала, также как и сам акинак), несколько бронзовых обойм, ворворки, семь таранных костей коз или овец, костяная подвеска, фрагмент керамического сосуда, обрывки кожи.

На объекте 7 кости были перемешаны и разбросаны в процессе ограбления в древности. Часть костей встречалась в верхней части забутовки ямы, другие были хаотично распределены внутри сруба, лишь несколько костей стоп погребенных лежали *in situ* на полу сруба. Очевидно, в связи с ограблением многие кости переломаны и скелеты представлены не целиком. По сохранившимся останкам можно предположить, что в срубе на объекте 7 было погребено семь человек. Скелет 1 принадлежал мужчине, кости отличаются крупными размерами и выраженным мускулатурным рельефом. По стертости зубов и изменчивости костей скелета можно предположить, что это был старый человек. Необычен приросший к черепу атлант – скорее всего, следствие прижизненной травмы шеи. Скелет 2 принадлежал молодому мужчине. Пропорции сохранившейся части лицевого скелета имеют силь-

Рис. 6. Чирик-Даи. Погребение 7. Костяные ножны акинака

ное сходство с черепом скелета 1. Скелет 3 принадлежал подростку, судя по сохранившимся зубам верхней челюсти и швам на черепе, в возрасте 9–12 лет. Скелет 4 принадлежал взрослому человеку, пол и возраст которого установить крайне затруднительно, судя по фрагменту тазовой кости, скорее всего мужского пола. Скелет 5 принадлежал ребенку предположительно 5–6 лет. От скелета 6 сохранилось лишь несколько костей. Пол и возраст погребенного установить затруднительно, но, судя по фрагментам нижней челюсти, скорее всего это был мужчина. Часть позвонков из заполнения ямы также принадлежали скелету 6, по которым можно предположить, что это был старый человек. Скелет 7 принадлежал новорожденному или эмбриону, найденному *in situ* возле стены сруба, на полу. Большая часть костей не сохранилась, кроме нескольких фрагментов черепа и нижней челюсти.

Конструктивные особенности погребения позволяют отнести его к саглыскому варианту уюкско-саглынской культуры. Датировка дерева из сруба по результатам радиоуглеродного анализа – 2350±50 лет (т. е. IV в. до н. э.). Между тем аналогии каменной обкладке сруба можно найти на находящихся неподалеку памятниках, где, как и на Чирик-Даше, открыты захоронения разных периодов.

Аналогии данной конструктивной особенности находятся, например, на могильнике Ортаа-Хем на правом берегу Улуг-Хема, где работал отряд Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством И. У. Самбу (Самбу, 1980. С. 65–70). Впадение р. Ортаа-Хем в Улуг-Хем (Верхний Енисей) находится практически напротив устья р. Чаа-Холь и хорошо видно с Чирик-Даша. Могильник расположен по обоим сторонам устья реки. Цепочки захоронений были вытянуты в направлении север–юг. В 1967 г. И. У. Самбу раскопал семь курганов, из которых три относятся к скифскому времени. На могильнике Ортаа-Хем 2 это – курган 2, где могильная яма была заполнена камнями и галькой и «сохранилась обкладка из каменных плит в виде ящика» вокруг бревенчатого сруба. Там было захоронено три человека. Сруб был ограблен, когда «трупы еще не успели разложиться» (Самбу И. У. Отчет в архиве ИИМК РАН за 1967 г.). Из инвентаря сохранились бронзовый нож с петлей и нефритовая бусина. В кургане 5 также отмечено каменное заполнение ямы. В срубe было погребено четыре человека. В нем сохранилось довольно много различных предметов, среди которых акинак в ножнах, чекан, наконечники стрел и др.

На могильнике Ортаа-Хем III в кургане 1 центральное погребение И. У. Самбу определил как

«гунно-сарматское». В заполненной обломками горных пород яме был погребен человек головой на север, на спине, без инвентаря, причем под погребенным лежал другой скелет, «плохо сохранившийся», а под ним еще третий, у которого было бронзовое зеркало и бусы. Погребение 2 в этом кургане – сруб в яме с каменным заполнением. В срубe найден один скелет, у которого была серьга, пектораль, зеркало и обоймы.

В 1965 г. IV отряд Саяно-Тувинской экспедиции под руководством Д. Г. Савинова (в 5–6 км к востоку от Чирик-Даша) проводил раскопки могильников Урбюн I, II и III, находящихся в районе одноименного поселка, который сейчас на дне Саянского моря (Савинов, 1969. С. 104–108; 1980. С. 107–119). Здесь было раскопано 14 курганов с 17 погребениями, из которых шесть относятся к скифскому времени. Могильник Урбюн III находился на надпойменной террасе, ближе к Чирик-Дашу. На нем выявлено 18 объектов – каменные насыпи и кольцевые выкладки. В кургане 1 прослежено каменное заполнение ямы в форме конуса до глубины около 3 м, поверх больших плит, уложенных горизонтально в виде «вымостки», в полуметре под которой найден сруб, ориентированный сторонами по странам света, с останками 5–6 человек, сильно ограбленный, но содержащий много инвентаря: подвески из клыков кабарги, фигурки животных из бронзы и золота, фрагменты деревянных сосудов, костяные наконечники стрел, сходные с полученными из объекта 7, ножи от чекана.

Необычные срубы прямоугольной формы с обкладкой из камней, содержащие одиночные погребения, известны в составе алды-бельских комплексов на могильниках Чинге (по обоим берегам р. Чинге, впадающей справа в Енисей, раскопки И. У. Самбу) и Хемчик-Бом (у впадения р. Хемчик в Енисей, раскопки А. Д. Грача) (Грач, 1980. С. 25–30).

Раскопки у впадения р. Хемчик в Енисей в урочище Хемчик-Бом проводил А. Д. Грач (1 отряд СТЭАН) (Грач А. Д. Отчеты за 1969 и 1970 гг.; Грач, 1980). В 1969 г. на могильнике Хемчик-Бом 1 было раскопано несколько курганов со срубам. В кургане 2, помимо большого количества камней в заполнении, множество крупных плит располагаются на перекрытии и за стенками сруба. Комплекс костяных стрел из этого кургана весьма близок материалам из могильника Чирик-Даш-7. В 1970 г. работы велись на могильниках Хемчик-Бом-3, 4 и 5. На могильнике Хемчик-Бом 3 в кургане 1-2 открыто погребение 8 – сруб прямоугольной фор-

мы, ориентированный по линии запад–восток, верх перекрытия которого обнаружено каменное заполнение. Стены сруба сложены в пять венцов и укреплены снаружи камнями. В нем был погребен один человек. Погребение 10 – прямоугольный сруб, ориентированный по линии северо-запад–юго-восток, снаружи стены сруба укреплены камнями. Погребение 11 – прямоугольный сруб, ориентированный по линии север–юг, стенки сруба укреплены камнями.

В том же году на могильнике Хемчик-Бом-4 был раскопан курган 1, где в заполнении ямы присутствовало много камней и плит. В конструкции сруба использована береста. В 1971–1972 гг. исследовался могильник Хемчик-Бом-2 и Хемчик-Бом-5. Могильник Хемчик-Бом-2 – большой погребальный комплекс у подножия горы, по-видимому, алдыбельского времени, сходный с могильником Бай-Даг-6 в долине Эрбека. На могильнике Хемчик-Бом-5 был раскопан курган 3-4 с каменным заполнением ямы поверх сруба (саглынского времени).

Каменное заполнение могильной ямы также было прослежено в кургане 25 на могильнике Чинге II, который раскопал И. У. Самбу в 1975 г. В кургане 27 этого могильника отмечено каменное заполнение ямы и плиточное перекрытие поверх прямоугольного сруба из тонких бревен, ориентированного сторонами по странам света. Кости одного погребенного найдены *in situ* и еще четыре человека были представлены разрозненными и перемешанными костями.

Таким образом, ряд близлежащих к Чирик-Дашу памятников содержал объекты, имевшие конструктивную особенность, аналогичную открытой на объекте 7 на Чирик-Даше. Однако наличие каменной обкладки сруба или вымостки поверх перекрытия, которые, как правило, состоят из небольших плит и продолговатых обломков породы, вряд ли может характеризовать некий подтип, так как эта особенность не имеет конкретной хронологической привязки: она присуща погребениям разного времени на разных могильниках. В случаях с Хемчик-Бомом и Чинге, это одиночные захоронения в срубках из тонких бревен, относящихся к алды-бельской культуре. Однако, в тех же курганах найдены захоронения в каменных ящиках и ямах без конструкций, известны и срубы без обкладки. Это утверждение будет корректным и по отношению к срубам с каменными конструкциями на могильниках Урбюн и Ортаа-Хем, где наличие таких конструкций, видимо, связано с труднодоступностью листовницы в долине Енисея, на предгорных террасах в Саянском

каньоне, где срубы из древесины более низкого качества укреплялись плитняком.

В 2018 г. при раскопках на могильнике Чирик-Даш были открыты объекты 16 и 17. Обрыв сильно изменился за одну зиму, в двух местах появились новые разрушенные объекты. Уровень воды в водохранилище достиг максимума, и прибойные волны частично смыли осыпь из-под обрыва, талая вода с террасы промыла в краю обрыва и в осыпи новые трещины и каверны, местами обрыв к нашему приезду уже обрушился.

Объект 16 был многослойным. На уровне современной поверхности не прослеживался, но в обрыве виднелось параллельное берегу бревно и фрагмент черепа, развал камней. Основное погребение в срубе было полностью разрушено (погребение 16-1). От него осталось только одно бревно. Выше обнаружено несколько одиночных одновременных захоронений: погребение младенца (16-2) и погребение 16-3.

Погребение 16-3. Погребенный – мужчина в возрасте около 30 лет. Он лежал на левом боку головой на запад. Над ним на уровне древней дневной поверхности, на террасе лежало несколько плоских камней, остальные, очевидно, упали. В заполнении могилы также присутствовало несколько камней, но без видимой системы. Над скелетом обнаружено несколько фрагментов дерева. Инвентарь отсутствовал. Скелет лежал на прослойке охристого цвета толщиной около 0,10 м. При расчистке погребения в обрыве прослежены уходящие в него камни, которые оказались обкладкой торцевых сторон могильной ямы (погребение 16-4).

Погребение 16-4 (рис. 7) было перекрыто камнями, а затем тонкими хорошо сохранившимися жердями, уложенными в несколько слоев. Глубина могильной ямы 0,60 м от уровня древней дневной поверхности. В могиле была погребена женщина в возрасте 25–30 лет, лежащая на спине головой на север. Сохранность скелета удовлетворительная. На шее погребенной найдена маленькая бусина. Вероятно, это погребение кокзельской культуры.

Рядом найдено детское погребение 16-5, сильно разрушенное, так как провалилось в мерзлотную трещину, нарушившую погребение 16-1, разрушив относившийся к нему сруб. В развале камней в обрыве и под ним найден бронзовый нож с навершием в виде головы волка. Аналогии этому предмету, нехарактерному для Тувы, мы находим в материалах тагарской культуры в Минусинской котловине и Хакасии.

Рис. 7. Чирик-Даш. Погребение 16. Могила 4. Погребение кокзельского времени. Вид с юго-востока

Рис. 8. Чирик-Даш. Погребение 17. Вид с юга

В осыпи под обрывом лежали разрозненные кости и их обломки как минимум от пяти человек: две берцовые кости взрослого мужчины, бедренная кость, фрагменты таза ребенка, бедренная кость и фрагменты нижней челюсти подростка постарше, тазовые кости и крестец женщины, два обломка крупных тазовых костей, вероятно, женщины. Вероятно, в погребении был захоронен мужчина, две женщины и двое детей.

В погребении 16-1 также найдены кости животных: обломок ребра лошади, неопределимый обломок кости крупного животного, обломок тазовой кости овцы или козы, два обломка кости мелкого животного.

Далее вдоль обрыва к востоку был обнаружен еще один объект – погребение 17. На поверхности он также не прослеживался, лишь в 2 м от края террасы виднелись два ряда параллельно лежащих бревен и пол сруба, человеческий череп и керамический сосуд. Перекрытие сруба обнаружено на глубине 1,80 м, сложено из двух слоев бревен, вероятнее всего из толстого горбыля. Верхний слой состоял из 12 бревен шириной 0,20 м, длиной 2,40 м, уложенных в направлении северо-восток–юго-запад. Во втором слое найдено 10 бревен. Размеры сохранившейся части перекрытия 2,40 × 1,82 м. Сруб имел высоту в 3–4 венца, около 0,50 м уровня пола. Пол сделан из семи досок шириной 0,15–0,30 м и толщиной 0,05–0,06 м, уложенных поверх бревен вдоль северной и южной стен (рис. 8).

Трое из восьми погребенных лежали *in situ*, а остальные были сдвинуты к западной стене, кости девятого скелета находились в грабительской яме. Скелеты 1, 7 и 8 принадлежали мужчинам в возрасте: 60–80 лет (скелет 1), около 40 лет (скелет 7) и 30–40 лет (скелет 8). Останки ранее погребенных двух женщин и троих детей были смещены, по-видимому, во время захоронения трех

мужчин. Скелет 2 принадлежал младенцу 1–2 лет, скелет 3 – ребенку 1,5–2 лет, скелет 4 – ребенку 3–4 лет. Кости скелета 5 принадлежали женщине 20–30 лет. На черепе имеется повреждение теменной кости справа и пролом на стыке теменной и лобной кости слева – след удара оружием. Череп скелета 6, женщины в возрасте 18–25 лет, лежал на каменной «подушке» возле западной стены. Скелет 9 был обнаружен ранее, при выборке заполнения могильной ямы. К нему относились ребра и позвонки грудного отдела со следами перелома, сросшиеся криво, что указывает на то, что погребенный был горбуном.

Погребение было ограблено дважды, однако часть инвентаря сохранилась. Возле скелета 7 обнаружено изделие из кожи (мешочек), костяная ворворка, изделие из дерева и фрагменты тонкой кожи или коры, акинак в ножнах, обломок ножа, нож в кожно-деревянных ножнах (рис. 9). За тазовыми костями этого скелета лежали остатки колчана из коры с сохранившимися фрагментами древков стрел с костяными и бронзовыми наконечниками. Вдоль западной стены, за головами погребенных найдены четыре керамических сосуда (рис. 10).

Судя по конструкции и инвентарю, погребение 17 относится к саглыньскому периоду и имеет широкие аналогии среди материалов из разных районов Тувы, включая ближайшие к Чирик-Дашу памятники – могильники Аймырлыг, Суме-Беш и Урбюн. В составе погребального инвентаря наибольший интерес вызывает стрела с костяной свистункой. Подобные стрелы обычно относят к периоду хунну или так называемому гунно-сарматскому времени. Однако, согласно результатам радиоуглеродного анализа древков стрел, все стрелы должны быть датированы серединой IV в. до н.э.

К тому же времени относится и керамика из погребения, хотя она выглядит более архаично,

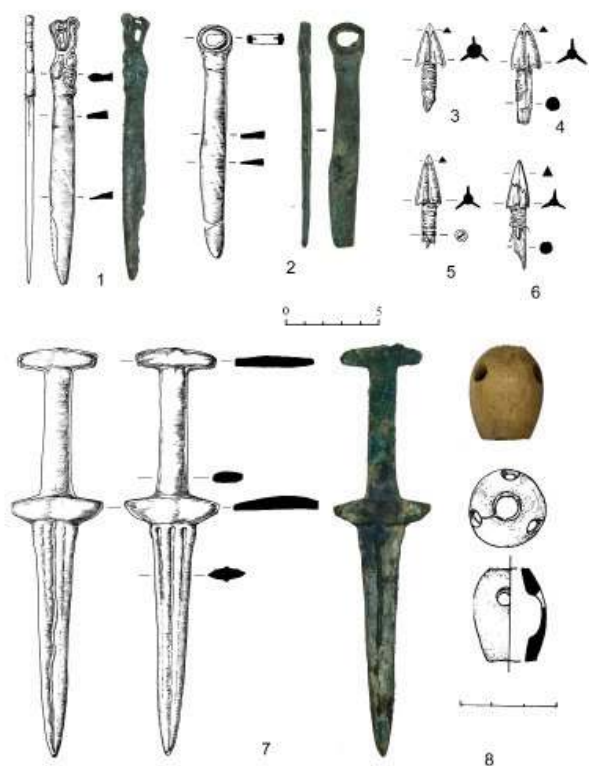

Рис. 9. Чирик-Даш. Находки: 1 – бронзовый нож с изображением волка (погребение 16), 2 – бронзовый нож, 5, 6 – бронзовые наконечники стрел; 7 – бронзовый кинжал; 8 – костяная свистунка (погребение 17)

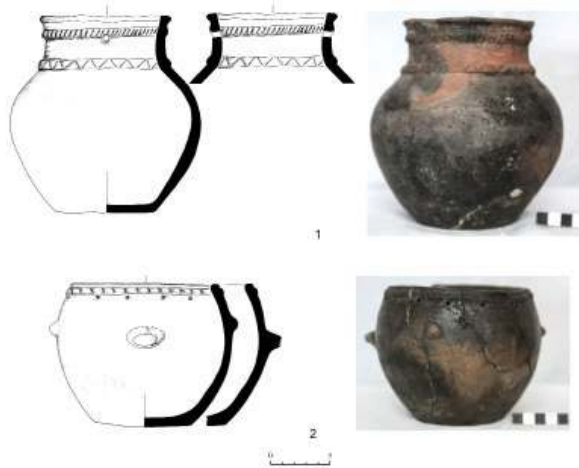

Рис. 10. Чирик-Даш. Погребение 17. Керамические сосуды уюкско-саглынской культуры

по сравнению с материалами поздних саглыских могильников, таких как Суглуг-Хем и Хайыракан. Считается, что от уюкских комплексов, саглыские отличает присутствие керамики. Отмечается такая конструктивная особенность, как ориентация досок

пола относительно перекрытия. В саглыских погребениях она обычно перпендикулярная. В могильнике Чирик-Даш в обоих случаях доски пола и перекрытия параллельны. В погребении 7 они уложены в направлении запад–восток (чем напоминают погребение в кургане 2 могильника Хемчик-Бом-1), а в погребении 17 – в направлении север–юг. Эти конструктивные особенности требуют отдельного изучения. В погребении 7 керамика отсутствует, за исключением одного фрагмента сосуда, что позволяет считать его более древним, чем погребение 17.

Таким образом, коллективные захоронения в срубках уюкско-саглынского периода, открытые на могильнике Чирик-Даш, обладают рядом важных конструктивных особенностей. При их раскопках был получен новый археологический и антропологический материал.

Источники и литература

- Грач А. Д., 1969. Отчет о работах 1-го отряда СТЭ в 1969 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35, Оп. 1. Д. 74, 75, 76, 77.
- Грач А. Д., 1970. Отчет о полевых работах 1-го отряда СТЭ в 1970 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 83, 84, 85, 86.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г., 2007. Памятники древности на дне Саянского моря. СПб.
- Савинов Д. Г., 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. № 119.
- Савинов Д. Г., 1980. Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово. Вып. 11.
- Самбу Э. У., 1967. Отчет о работах 4 отряда по продолжению исследований на правом берегу Улуг-Хема (Енисей) могильников Ортаа-Хем I и II // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 61, 62, 63, 63а.
- Самбу И. У., 1980. Могильник скифского времени в Енисейском каньоне // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.
- Самбу И. У., 2010. Могильники Ортаа-Хем I, II и Темир-Суг I // Памятники кокзальской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.

Междисциплинарные исследования

Включение археологических коллекций в Музейный фонд РФ. Опыт ИИМК РАН¹

Е. С. Бердник², А. Ф. Покровская³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-177-180

В соответствии с требованиями Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» археологические предметы подлежат передаче государству для последующего включения в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации. Учет и хранение закреплен законодательно в следующих документах: Федеральный закон от 26.05.1996. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями); Федеральный закон от 03.07.2016. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; Приказ Министерства культуры РФ № 17 от 15.01.2019. «Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации»; Приказ Министерства культуры от 01.12.2017. № 2012 «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации».

Особенности учета и хранения археологических предметов и коллекций отражены в статье 12.1. ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (введена Федеральным законом от 03.07.2016. № 357-ФЗ): «Музеи, иные

организации, физические лица, в собственности, во владении или в пользовании которых находятся музейные предметы и музейные коллекции, содержащие в своем составе драгоценные камни и драгоценные металлы или относящиеся к предметам геологии, зоологии, археологии, палеонтологии, к оружию, государственным наградам, государственным знакам почтовой оплаты и иным видам объектов гражданских прав, осуществляют учет, обеспечивают хранение и использование таких музейных предметов и музейных коллекций с учетом требований законодательства Российской Федерации».

Требования к организации учета содержатся в статье 6 ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 357-ФЗ): «Музейные предметы и музейные коллекции, независимо от того, в чьей собственности или во владении они находятся, подлежат государственному учету».

Государственный учет состоит из первичного государственного учета и централизованного государственного учета. Первичный государственный учет включает в себя: 1) экспертизу культурных ценностей в целях отнесения их к музейным предметам и музейным коллекциям. В государственных и муниципальных музеях экспертиза культурных ценностей и экспертиза музейных предметов и музейных коллекций проводится уполномоченным коллегиальным органом музея. В иных организациях, кроме государственных и муниципальных музеев, экспертиза культурных ценностей и экспертиза музейных предметов и музейных коллекций, проводится в порядке, установленном положением о Музейном фонде; 2) первичную регистрацию музейных предметов

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: bes89@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: aspaf@mail.ru.

и музейных коллекций, подлежащих включению в состав Музейного фонда Российской Федерации.

Первичная регистрация проводится музеями, иными организациями, в собственности или во владении которых находятся музейные предметы и музейные коллекции, в установленном порядке на основании приказа руководителя музея, иной организации, в собственности или во владении которых находятся музейные предметы и музейные коллекции, в том числе подлежащие включению в состав Музейного фонда Российской Федерации, путем внесения сведений в Книгу поступлений основного фонда (Главная инвентарная книга) в срок не более 30 календарных дней со дня утверждения результатов экспертизы культурных ценностей.

Централизованный учет осуществляется посредством внесения сведений в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации и включает в себя: 1) внесение сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, подлежащих включению в состав Музейного фонда Российской Федерации, в государственный каталог; 2) присвоение каждому музейному предмету и каждой музейной коллекции уникального идентификационного номера.

Музейные предметы и музейные коллекции считаются включенными в состав Музейного фонда Российской Федерации со дня их регистрации в государственном каталоге (ст. 8 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»). В то же время следует обратить внимание на некоторые несоответствия в нормативной базе. Так, Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» дает отсылку к «Единым правилам организации формирования, государственного учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций». В то же время Единые правила до сих пор не приняты, а музеи и организации, у которых на хранении находятся музейные предметы, вынуждены в учетно-хранительской деятельности следовать требованиям устаревшей Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, утвержденной Приказом Минкультуры СССР в 1985 г. В частности, Инструкция относит все археологические предметы к основному фонду без деления на индивидуальные находки и массовый материал, что в условиях огромного количества находок делает практически невыполнимым требование современного законодательства о постановке на

государственный учет археологических предметов и коллекций в установленные нормативно-правовыми актами сроки. Однако в тексте Проекта Единых правил комплектования и учета музейных фондов указано, что к основному фонду относятся уникальные и индивидуальные археологические предметы и их фрагменты, имеющие музейную ценность, к научно-вспомогательному фонду относится массовый археологический материал (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты).

По официальным данным Министерства культуры РФ в настоящее время в государственных и муниципальных музеях страны, ежегодно отчитывающихся по утвержденной форме статистической отчетности, хранится почти 16 млн предметов археологии, из которых около 4 млн составляет массовый материал. И это только паспортизированные коллекции. В Госкаталог музейного фонда РФ на сегодняшний день внесена информация об 1,62 млн предметов, то есть в состав Музейного фонда РФ включено лишь немногим более полутора миллионов предметов археологии (9,1 %). С каждым годом количество находок увеличивается. Неизвестно сколько археологических предметов, полученных в результате раскопок в последние годы, не поставлены на государственный учет и хранятся в научных учреждениях. Музеи, по причине острого дефицита площадей для хранения, не готовы принимать предметы, не имеющие экспозиционной ценности, но и коллекции, как источник информации, делить нельзя.

Уже несколько лет на различных уровнях обсуждается необходимость создания специализированных археологических хранилищ, но до сих пор вопрос не решен. В результате сотни тысяч находок вынужденно остаются на хранении в археологических организациях, где условий для обработки и экспонирования коллекций нет, а хранилища, соответствующие всем современным требованиям безопасности: это и температурно-влажностный режим, и требования противопожарной безопасности и многое другое – просто отсутствуют.

Кроме проблемы нехватки оборудованных фондохранилищ порой возникает проблема взаимодействия музейных сотрудников и археологов-исследователей в деле реконструкции исторических процессов. В академических институтах работают высококвалифицированные специалисты, которые с помощью новейших технологий и оборудования с каждым годом повышают уровень исследования и интерпретации полученных артефактов, однако

после передачи находок в музей, к сожалению, нередки случаи, когда доступ к коллекциям для исследователя по различным причинам становится ограничен.

В ряде археологических институтов созданы собственные структурные подразделения, которые ведут первичный учет археологических коллекций, но перед научными учреждениями нередко встает проблема регистрации предметов в Госкаталоге и тем самым включения коллекций в музейный фонд Российской Федерации, а также осуществления всех процедур учета в соответствии с требованиями музейного законодательства. Эта проблема отчасти обусловлена отсутствием в штате большинства академических учреждений специалистов в сфере учета музейных ценностей.

В ИИМК РАН кадровая проблема в области музейного учета решена – создан отдел по учету и хранению коллекций, укомплектованный специалистами-музееведами. Деятельность отдела по учету и хранению коллекций основывается на Положении об отделе (рис. 1).

Утверждена следующая структура фондов:

Категории фондов:

1. Основной фонд – ОФ;
2. Научно-вспомогательный фонд – НВФ;
3. Фонд временного хранения – ВХ.

Коллекции по фондам распределяются в соответствии с коллекциями по отделам:

1. Фонд отдела палеолита – П;
2. Фонд отдела археологии Центральной Азии и Кавказа – ЦАК;
3. Фонд отдела истории античной культуры – АК;
4. Фонд отдела охранной археологии – ОА;
5. Фонд отдела славяно-финской археологии – СФА.

СХЕМА ПРОЦЕССА УЧЕТА КОЛЛЕКЦИЙ ИИМК РАН

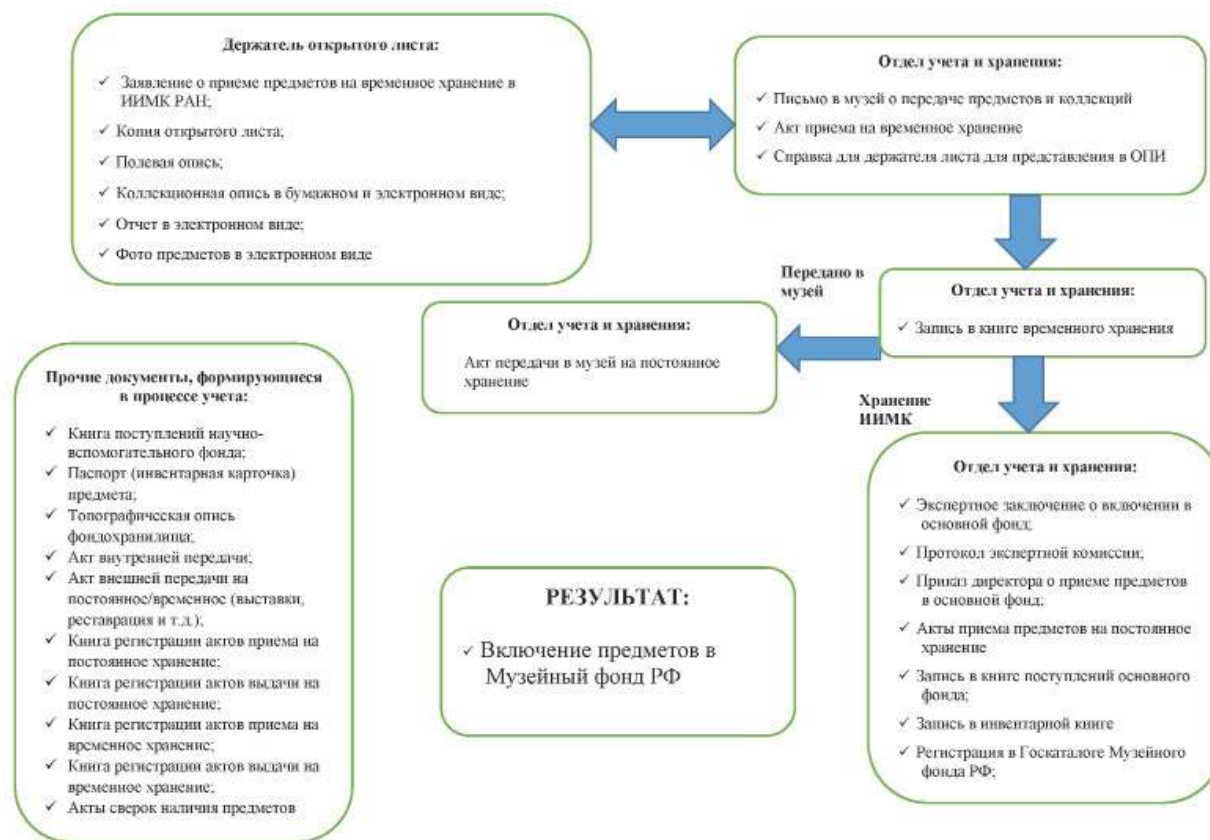

Рис. 1. Схема процесса учета коллекций ИИМК РАН

Для ведения электронного учета внедрена автоматизированная информационная система КАМИС, что позволяет реализовать все ступени музейного учета. В результате находки регистрируются в Госкаталоге, следовательно включаются в Музейный фонд РФ.

Сайт ГИВЦ МК РФ // Основные показатели АИС «Статистическая отчетность отрасли» <https://stat.mkrf.ru/indicators/>

Источники и литература

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»

«Положение о Музейном фонде Российской Федерации»
Приказ МК РФ № 17 от 15 января 2019 г.

«Положение о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» Приказ МК РФ № 2012 от 1 декабря 2017 г.

Приказ МК СССР от 17 июля 1985 года № 290 Об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР».

«Инструкция по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР». Приказ МК СССР № 513 от 15 декабря 1987 г.

«Положение о передаче музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в государственной собственности, в безвозмездное пользование государственным и муниципальным музеям и другим организациям». Постановление Правительства РФ № 960 от 10 августа 2017 г.

Проект Приказа Министерства культуры РФ «О единых правилах организации формирования, государственного учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» (подготовлен МК РФ 24 декабря 2016 г.).

Обзор нумизматических находок из крепости Копорье из раскопок ИИМК РАН в 2018 г.¹

К. В. Горлов², А. А. Липатов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-181-186

Копорье – одна из древнейших каменных крепостей северо-запада России – с первого упоминания в летописи под 1240 г. становится участником важнейших исторических событий, следы которых отразились в нумизматическом материале, обнаруженном в кольце ее укреплений.

В 2018 г. экспедицией ИИМК РАН под руководством А. А. Липатова в крепости проводились археологические раскопки, в ходе которых была обнаружена коллекция из 93 монет (табл. 1). Наиболее ранняя находка представлена английским пенни Эдуарда I, чеканенным на монетном дворе Дарема в 1289–1291 гг. (рис. 1: а). Аверс денежного знака несет портретное изображение правителя и круговую надпись, по краю заключенную между двумя точечными ободками: +EDW R ANGL DNS HYB (Эдвард, король Англии, лорд Ирландии). Реверс включает рельеф в виде большого равностороннего креста с расширениями на концах, между лопастей которого помещены комбинации из трех точек. Композицию окружает надпись +CIV ITAS DVR EME (город Дарем), обрамленная двумя точечными ободками. Монета

не несет следов внеэкономического использования. Примечательно, что дата ее чеканки близка ко времени возведения в Копорье новгородцами в 1297 г. каменной крепости при князе Андрее Александровиче (Кирпичников, Овсянников, 1979. С. 103–118). К сожалению, находка происходит из отвала раскопок начала 70-х гг. XX в. и не имеет стратиграфической привязки к культурному слою. Для территории России данный пенни уникален. Авторам известен только один случай находки гроута (четыре пенса) Эдуарда I в Брянской области (Грачев, 2015. С. 107, 108).

Следующая группа монет XVI в. представлена артигом Густава I, чеканенным в Стокгольме в 1524–1527 гг., ревельским шиллингом 1566 г., выпущенным от имени Эрика XIV в период шведского присутствия в Северной Ливонии, и шиллингом вольного города Риги 1576 г. (рис. 1: б, в, г). Вероятнее всего, данные монеты являются маркерами направления международных торговых контактов Русского государства. Прибалтийская эмиссия шведских правителей благодаря большой массовости выпусков и малой величине номиналов получила широкое распространение на восточноевропейском денежном рынке (Горячев, 1998. С. 119, 120; Травкин, 2001/2002. С. 263, 264; 2018. С. 109–114).

К этому времени относится группа русских монет Ивана IV, чеканенных на Московском (три денги), Тверском (одна денга), Псковском (одна копейка) и Новгородском (одна копейка) денежных дворах в царский и княжеский период его правления (рис. 1: д, е). Выпадение этих монет в культурный слой было связано с нахождением в Копорье русского гарнизона служилых людей.

В ходе Ливонской войны в 1582 г. шведские войска занимают Копорье. Здесь размещаются

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций», а также в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: costik.gorlov@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alex_lipatov@mail.ru.

Таблица 1. Каталог монет XIII–XVII вв. из крепости Копорье

№	Государство	Правитель	Номинал	Место чеканки	Дата чеканки, гг.	Металл	Кол-во	Вес, г
1	Англия	Эдвард I	Пенни	Дарем	1289–1291	Серебро	1	1,130
2	Швеция	Густав I	Артиг	Стокгольм	1524–1527	"	1	0,775
3	Швеция	Эрик XIV	Шиллинг	Ревель	1566	Низкопробное серебро	1	0,415
4	Вольный город Рига		Шиллинг	Рига	1576	"	1	0,750
5, 6	Швеция	Юхан III	1/2 эре	Стокгольм	1574	"	1	1,180
7, 8	"	"	"	"	1582	"	2	1,050; 1,140
9, 10	"	"	2 эре	"	1573	"	2	2,135; 2,230
11–15	"	"	"	"	1573	"	5	2,120; 2,130; 2,365; 2,450; 2,550
16	"	"	2 эре (фр.)	"	1573	"	1	0,580
17	"	"	1 фирк	"	1576	"	1	2,340
18	"	"	Шиллинг	Ревель	1568–1592	"	1	0,710
19	Швеция	Густав II Адольф	1/2 эре	Стокгольм	1615	Серебро	1	1,040
20–22	"	"	"	Сетер или Нючепинг	1625	Медь	3	15,440; 17,155; 18,935
23	"	"	1 эре	Сетер	1627	"	1	
24	"	"	"	"	1628	"	1	
25	"	"	"	"	1630	"	1	
26	Речь Посполитая	Сигизмунд III Ваза	Солид	Рига	1621	Низкопробное серебро	1	0,500
27	Швеция	Кристина	1 эре	Ревель	1650	"	1	0,895

№	Государство	Правитель	Номинал	Место чеканки	Дата чеканки, гг.	Металл	Кол-во	Вес, г
28	"	"	1/4 эре	Нючепинг	1634	Медь	1	
29–31	"	"	"	Нючепинг или Сетер	1635	"	3	
32, 33	"	"	"	"	1636	"	2	
34	"	"	"	Сетер	1637	"	1	
35	"	"	"	"	1638	"	1	
36	"	"	"	"	1641	"	1	
37	"	"	"	Авеста	1653	"	1	
38–43	Швеция	Карл XI	1/6 эре	"	1666	"	6	
44–47	"	"	"	"	1671	"	4	
48	"	"	"	"	1673	"	1	
49	"	"	"	"	1674	"	1	
50	Россия	Иван IV	Денга	Москва	1535–1547	Серебро	1	0,285
51	"	"	"	Тверь	1535–1547	"	1	
52	"	"	Копейка	Новгород	1635–1647	"	1	0,640
53, 54	"	"	Денга	Москва	1570-е	"	2	0,285; 0,325
55	"	"	Копейка	Псков	1570-е	"	1	0,675
56	Россия	Федор Иванович	"	"	1584–1598	"	1	0,535
57	Россия	Борис Годунов	"	"	1599	"	1	0,575
58	"	"	"	Новгород	1601	"	1	0,655
59	Россия	Василий Шуйский	"	Москва	1606–1610	"	1	0,590
60	"	"	"	Псков	1606–1610	"	1	0,625
61	Россия	Алексей Михайлович	"	Кукенойс?	1658–1661?	Медь	1	0,345

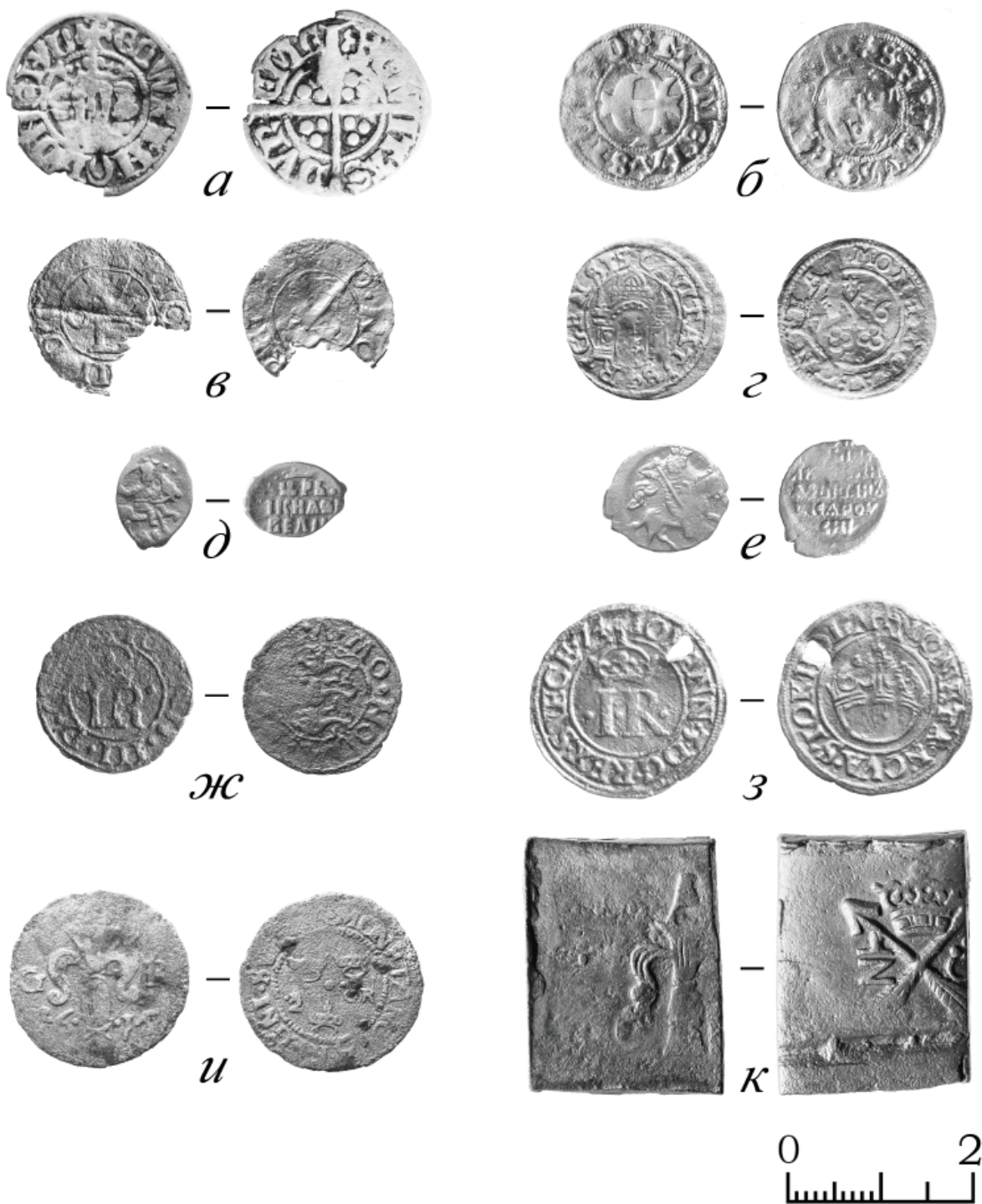

Рис. 1. Монеты из крепости Копорье: а – пенни 1289–1291 гг., Эдвард I; б – артиг 1524–1527 гг., Густав I; в – шиллинг 1566 г., Эрик XIV; г – шиллинг 1576 г., Вольный город Рига; д – денга 1570-е гг., Иван IV; е – копейка 1570-е гг., Иван IV; ж – шиллинг 1568–1592 гг., Юхан III; з – 1/2 эре 1574 г., Юхан III; и – 1/2 эре 1615 г., Густав II Адольф; к – 1/2 эре 1625 г., Густав II Адольф (фотографии К. В. Горлова, И. А. Самоварова)

500 солдат. В 1583 г. на основании Плюсского мирного договора крепость входит в состав Шведского королевства (Овсянников, 1976. С. 87–91). Нумизматическим свидетельством этих событий может выступать часть серии из 13 монет Юхана III номиналами фирк (один экземпляр), 1/2 эре (три экземпляра), 2 эре (семь целых экземпляров и один фрагмент) и шиллинг, чеканенный в Ревеле (рис. 1: ж, з). Данные монеты низкого достоинства чеканились в большом количестве из биллона для мелких повседневных расчетов. Для территории северо-запада России такие деньги являются маркером более-менее длительного шведского присутствия, что подтверждается топографией их находок: Старая Ладога, Ниеншанц, Выборг (Седых, 2013. С. 148).

В 1590 г. Россия в ходе военных действий освобождает Ижорскую землю и возвращает Копорье. С этого времени в крепости присутствует русский гарнизон, насчитывающий в 1611 г. около 300 стрельцов и казаков (Овсянников, 1976. С. 91, 92). Вероятно, это событие отразилось выпадением в культурный слой четырех серебряных копеек царей Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского. К этому времени относится и сокрытие в кольце крепостных стен небольшого монетного клада 1606 г., владельцем которого, скорее всего, был служилый, человек входивший в гарнизон цитадели (Горлов, Рожнова, 2018. С. 149–157).

В 1612 г. шведские войска отвоевывают Копорье, которое почти столетие будет принадлежать шведской короне. Этот этап истории крепости представлен семью монетами Густава II Адольфа, из которых только одна номиналом 1/2 эре 1615 г. изготовлена из серебра. Остальные экземпляры в виде клипп номиналом 1/2 эре и крупных круглых монет в 1 эре чеканены из меди (рис. 1: и, к). Это нововведение было связано с началом выпуска в 1624 г. в Швеции полновесной медной монеты. До 1643 г. в оборот вводятся круглые эре, их фракции фюрки и клиппы прямоугольной формы, более простые в технике производства (Яровая, 2015. С. 121). Такие монеты выпускались в очень больших объемах и компенсировали нехватку драгоценных металлов. В некоторые годы тираж медных монет мог достигать 30 млн. экземпляров (Скрипунов, 2008. С. 93). Вероятно, в это время в Копорье попадает и солид Сигизмунда III, чеканенный в Ревеле в 1621 г.

После смерти Густава II Адольфа в 1632 г. производство медных монет было остановлено. Однако уже в следующем году правительство королевы Кристины возобновляет их чеканку

с введением в оборот экземпляров достоинством 1/4 эре (Скрипунов, 2008. С. 112.). В Копорье в 2018 г. было обнаружено 10 таких монет, отчеканенных на монетных дворах Нючепинга и Сетера. Идентичные денежные знаки преобладали над остальными шведскими монетами, найденными при раскопках Ниеншанца и Выборга (Сорокин, Травкин, 2009. С. 104, 105; Бельский, 2002. С. 127). Массово 1/4 эре в виде единичных находок и кладов происходят из земель, отошедших по условиям Столбовского мира к Швеции.

Также в Копорье была найдена серебряная монета королевы Кристины номиналом 1 эре, чеканенная в Ревеле в 1650 г. Подобные экземпляры хорошо известны на памятниках северо-запада России и часто встречаются на территориях, сохранившихся в пределах Русского государства после 1617 г. (Изборск, Старая Ладога, Псков и др). Вероятно, на рубеже 50-х – начале 60-х гг. XVII в. в крепость попадает медная копейка Алексея Михайловича, отчеканенная в крепости Кукенойс.

Правление Карла XI отразилось в Копорье серией из 11 монет номиналом 1/6 эре, отчеканенных в городе Авеста. К середине XVII в. объемы добычи меди в Швеции продолжали увеличиваться, что позволило правительству выпустить в обращение монету крупного размера, но низкого номинала в 1/6 эре, которая благодаря большим тиражам быстро заняла видное место в денежном обращении. Следует отметить отсутствие в нумизматической коллекции 2018 г. эмиссии Карла XII, монеты которого также не были найдены при раскопках Ниеншанца (Сорокин, Травкин, 2009. С. 104).

В 1703 г. Копорье было взято войсками Петра I. После Северной войны из-за расширения русских границ на север и запад, удаленности основных морских и речных магистралей крепость перестала играть роль военно-административного центра. В первой четверти XVIII в. цитадель полностью утратила военное значение и превратилась в склад хлебных и фуражных запасов, военной амуниции. К концу первой четверти XVIII в. ее обслуживающий персонал составлял всего 24 человека (Овсянников, 1976. С. 103–113).

Угасание жизни в крепости помимо письменных отразили и нумизматические источники. Правление Петра I представлено четырьмя медными монетами (две денги и две копейки), Анны Иоанновны – восемью (шесть полушек и две денги), Елизаветы Петровны – одной. Небольшая серия мелких номиналов относится к XIX – первой половине XX вв.

Таким образом история крепости Копорья с XIII по XX вв. нашла отражение в нумизматическом материале, лишней раз подчеркнув его огромный информационный потенциал для археологии. Пока остается труднообъяснимым отсутствие среди находок монет XV в. как иностранной, так и русской чеканки. Объяснение этого феномена возможно будет получить в результате дальнейшего археологического исследования крепости, которое планируется проводить еще не один год.

Травкин С. Н., 2018. Об использовании монет Шведского королевства мелких достоинств на территории Восточной Европы в XVII столетии // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: Первая международная научная конференция (18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург): Сб. материалов. СПб. Вып. 1.

Яровая Е. А., 2015. О необходимости создания общероссийского свода шведских монет-плит // ВНК (20–25 апреля 2015 г., Москва, Коломна): Тез. докл. М. № 18.

Источники и литература

Бельский С. В., 2002. Монеты из раскопок в Выборге в 1999–2001 гг. // ВНК (15–20 апреля 2002 г., Псков): Тез. докл. М. № 10.

Горлов К. В., Рожнова О. В., 2018. Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье // Записки ИИМК РАН. Вып. 18.

Горячев С. А., 1998. Монеты короля Сигизмунда III. СПб.

Грачев С. Ю., 2015. Находка английской средневековой монеты в районе г. Брянска // ВНК (20–25 апреля 2015 г., Москва, Коломна): Тез. докл. М. № 18.

Кирпичников А. Н., Овсянников О. В., 1979. Крепость Копорье по данным архитектурно-археологических исследований // СА. № 3.

Овсянников О. В., 1976. Копорье. Историко-архитектурный очерк. Л.

Седых В. Н., 2013. Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН 2010–2012 гг. // ВНК (20–26 апреля 2013 г., Москва, Пушкино): Тез. докл. М. № 17.

Скрипунов А. В., 2008. Шведские монеты 1/4 эре королевы Кристины 1663–1654 гг. СПб.

Сорокин П. Е., Травкин С. Н., 2009. Об одной группе шведских монет из археологических раскопок в устье Невы // ВНК (20–26 апреля 2009 г., Ростов-на-Дону): Тез. докл. М. № 15.

Травкин С. Н., 2001/2002. Поступление иноземных монет на территорию Юго-Восточной Европы в XIII – первой половине XVII вв. // *Stratum plus*. № 6.

Первые доказательства охоты на крупных хищников в раннем энеолите подгорной полосы Копетдага¹

А. К. Каспаров², Н. Ф. Соловьева³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-187-190

Осенью 2019 г. Международная российско-туркменская комплексная археологическая экспедиция продолжила исследования раннеэнеолитических слоев на стратиграфическом раскопе 3 поселения Йылгынлы-депе в юго-восточном Туркменистане. При расчистке мусорных слоев заполнения дворовой территории (помещение 134) комплекса мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики (Соловьева, 2015) и междомного пространства (помещение 132), отгораживающего комплекс от соседнего домохозяйства (рис. 1), были обнаружены две кости крупного кошачьего хищника, впоследствии определенные как проксимальная часть правой третьей задней метаподии тигра и вторая задняя фаланга, вероятно также от третьего пальца задней ноги этого же животного (рис. 2).

Находки костей крупных хищников на памятниках региона от неолита до ранней бронзы до настоящего момента известны не были (Шевченко, 1960; Ермолова 1970; 1985; Виноградов, 1981), за

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры», а также в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи каменного века, бронзы, железа и Средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория археологических технологий. E-mail: alexkas@yahoo.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

исключением передней фаланги, предположительно отнесенной к тигру (Каспаров, 2006), которая была обнаружена на полу помещения 44 раскопа 4 Йылгынлы-депе. Однако, поскольку домохозяйство, в котором была сделана эта находка, относится к самому последнему (раннегеоксюрскому) этапу жизни поселения и, соответственно, расположенному практически на поверхности памятника, вполне можно было допускать, что кость угодила в культурные слои поселения случайно.

О том, что найденные в 2019 г. костные остатки принадлежат именно тигру, свидетельствуют, во-первых, форма и конфигурация суставной поверхности метаподии и форма фаланги, а, во-вторых, величина находок. Описываемые объекты не могли принадлежать леопарду, поскольку аналогичные кости этого животного почти в полтора раза меньше. Для достоверного определения находки сравнивались с костями современных тигров и львов из коллекции Зоологического института РАН (присовка общей конфигурации суставной поверхности третьей задней метаподии современных тигров, львов и археологической находки представлена на рисунке 3). Видно, что суставная поверхность у львов имеет другие пропорции, более узка в задней части и несколько меньшего размера. У тигров же, наоборот, почти полностью соответствует по своему абрису йылгынлынской находке. Соответственно, принадлежность последней тигру *Panthera tigris L.*, 1758, на наш взгляд, сомнений не вызывает.

В историческое время тигр был известен в Южном Туркменистане. Он обитал в тугайных зарослях вдоль крупных водных артерий, таких как Амударья или Сырдарья, но был весьма редок (Зыков, Коршунов 1986). К концу XIX в. на всем ареале своего обитания в границах Российской Империи, за исключением Приморья, был полностью истреблен (Барышников и др., 1981).

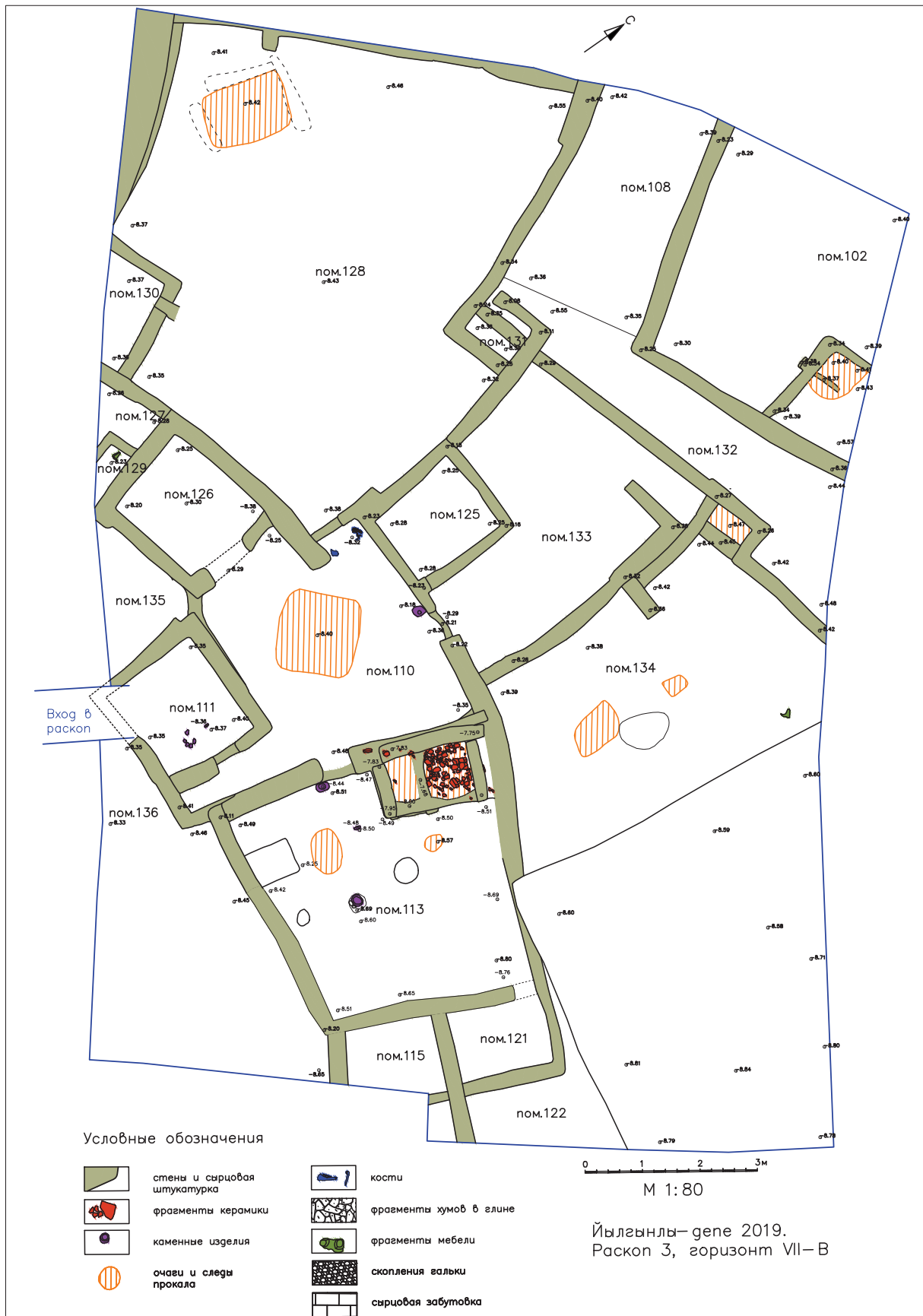

Рис. 1. План строительного горизонта VII-B раскопа 3 поселения Йылгынлы-депе

Рис. 2. Фрагмент задней метаподии и второй задней фаланги тигра из Йылгынлы-депе

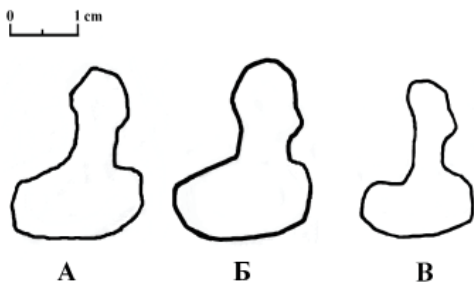

Рис. 3. Контуры проксимальной суставной поверхности третьей задней метаподии современных тигра, льва и найденной на Йылгынлы-депе:

A – современный тигр, B – тигр из Йылгынлы-депе, C – современный лев

Таким образом, обнаруженные осенью 2019 г. костные остатки являются доказательством того, что этот вид, перейдя Копетдагский горный хребет, обитал в подгорной полосе, по крайней мере, с середины голоцена, вероятно, в течение Льяляканского плювиала.

На второй задней фаланге отчетливо видны пять полос разной степени глубины, нанесенные режущим орудием (рис. 4). Месторасположение их весьма характерно. Они находятся как раз в том месте, где обычно подрезаются сухожилия и соединительные ткани при снятии с хищника шкуры, если необходимо, чтобы когти с третьими фалангами оставались бы при ней. Примечательно, что на вторых фалангах коллекционных современных скелетов тигров и львов в Зоологическом институте РАН зачастую видны следы от острого скальпеля точно в тех же местах, что и порезы на археологической находке (с животных, перед помещением их в коллекцию, снималась шкура).

То, что охотники Йылгынлы-депе постарались снять шкуру с добытого тигра именно вместе с когтями, говорит о многом: вероятно, мы вправе

Рис. 4. Вторая задняя фаланга тигра из Йылгынлы-депе с характерными порезами, оставленными при снятии шкуры

предположить, что шкура должна была использоваться в каких-то обрядовых действиях, а не просто для утепления (чтобы пошить меховую одежду или сделать полог для дверного проема, когти не нужны). Подрезание толстых жестких сухожилий на каждом из пальцев не очень острым орудием (как видно на рисунке 4) – процесс довольно трудоемкий, требующий больших усилий. Для изготовления из тигриного меха каких-то бытовых изделий это было совершенно излишне, гораздо проще и быстрее отрубить концевые части лап. Но обитатели поселения не посчитались с трудозатратами для того, чтобы при шкуре остались все атрибуты хищника, и стали обладателями редкого трофея, вероятно, имевшего статусное значение.

Обнаружение оставшихся после обработки туши тигра костных фрагментов на территории поселка, возможно, свидетельствует, во-первых, о том, что убитый хищник был доставлен целиком, а не в виде снятой на месте добычи шкуры, а, во-вторых, что снятие шкуры с животного происходило здесь же, на территории поселка, что косвенно может говорить о неординарном статусе добычи.

Где и как был добыт древними охотниками этот сильный и очень опасный хищник? Была ли охота организована специально? Или подошедший близко к поселку зверь был просто убит жителями в целях самозащиты? То, что тигры, как и другие хищники, привлеченные запахом отходов от разделки туш домашнего скота, могли приближаться к поселению – несомненно. С каким оружием вышли на такого опасного зверя жители? Сведения о боевом или охотничьем вооружении обитателей Йылгынлы-депе крайне скудны. Вероятно, они владели луком и стрелами, какими-то легкими копьями с костяными или каменными наконечниками, но это лишь предположения.

Ответов на все эти вопросы археологический контекст, в котором были сделаны находки, не дает. Остается лишь надеяться, что будущие исследования Йылгынлы-депе и соседних поселений принесут новые находки, которые дополнят наши знания о взаимоотношениях энеолитического человека и крупных хищников в северных предгорьях Копетдага.

Источники и литература

Барышников Г. Ф., Гарутт В. Е., Громов И. М., Гуреев А. А., Кузьмина И. Е., Соколов А. С., Стрелков П. П., Година А. В., Жегалло В. И., 1981. Каталог млекопитающих СССР (плиоцен–современность). Л.

Виноградов А. В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М.

Ермолова Н. М., 1970. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракумские древности. Ашхабад. № 3.

Ермолова Н. М., 1985. Новые исследования остатков млекопитающих из энеолитического поселения Анау // Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук. Ашхабад. № 1.

Зыков А. Е., Коршунов В. М., 1986. Аннотированный список млекопитающих Центрального Копетдага // Природа Центрального Копетдага. Ашхабад.

Каспаров А. К., 2006. Скотоводство и охота эпохи неолита и палеометалла в Южном Туркменистане. Развитие стратегии использования животных ресурсов. СПб.

Соловьева Н. Ф., 2015. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах // Записки ИИМК РАН. № 12.

Шевченко А. И., 1960. К истории домашних животных Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 10.

Реставрационно-строительные работы на Томской писанице в рамках хоздоговорных тем «Курган». История в документах¹

К. В. Коночук², Д. С. Филимонова³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-191-196

Памятник наскального искусства Томская писаница расположен на территории Кемеровской области в нижнем течении р. Томи. Этот петроглифический комплекс имеет продолжительную историю изучения, отдельные аспекты которой подробно освещены в многочисленных публикациях (Окладников, Мартынов, 1972; Мартынова, Покровская, 2000; Ковтун, 2013б; Коночук, 2016а). Наименее изученный раздел истории Томской писаницы связан с реставрационными работами, проведенными на памятнике во второй половине XX – начале XXI в.

В историографии процесс реставрации Томской писаницы описан с различной для каждого хронологического периода степенью полноты и достоверности. Так публикации, в которых анализируются реставрационные работы 2000–2010-х гг. подготовлены по материалам отчетной документации и с учетом практического опыта авторов (Агеева, 2004; Агеева, Кочанович, 2005; Лобозова, Кочанович, 2005). Сообщения о рес-

таврационных мероприятиях 1960–1990-х гг. долгое время основывались исключительно на воспоминаниях участников экспедиций (Егоров, 1997; Мартынова, Покровская, 2000; Русакова, 2004). В результате подобного подхода отдельные хронологические отрезки истории реставрации памятника описаны крайне лаконично. Например, в научной литературе эпизодически затрагиваются реставрационные работы середины 1970-х гг. (Егоров, 1997. С. 114; Агеева, 2004. С. 27; Агеева, Кочанович, 2005).

Научные публикации последнего десятилетия изменили описанную выше тенденцию. Вышла целая серия статей, в которых описываются реставрационные работы 1960–1990-х гг. на основе архивных материалов (Ковтун, 2013а; Коночук, 2016б, 2016в). В частности, в публикации 2018 г. подробно анализируются реставрационные работы середины 1970-х гг., выполненные на Томской писанице (Коночук, Покровская, 2018). Привлечение архивных материалов позволило установить, что в период с 1974 по 1976 гг. на Томской писанице работали реставрационно-строительные экспедиции в рамках хоздоговорных тем «Курган», «Курган-1», «Курган-2» (Коночук, Покровская, 2018).

В настоящей работе будут опубликованы документы, анализ которых позволил существенно продвинуться в разработке проблемы, связанной с изучением ранних этапов (1960–1970-е гг.) реставрационных работ на Томской писанице. Данные материалы хранятся в фондах научного архива музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» (далее КМАЭЭ) Кемеровского государственного университета (далее КемГУ) в деле № 559 в папке с наименованием «Тема «Курган-1» /Томская писаница/». Публикация этих уникальных документов призвана активизировать исследовательскую практику в области

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры», а также в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи каменного века, бронзы, железа и Средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория археологических технологий. E-mail: alexkas@yahoо.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

изучения истории охранных мероприятий на памятниках наскального искусства. Отдельные опубликованные документы сопровождаются краткими пояснительными комментариями авторов статьи. В документах сохранена авторская орфография и пунктуация.

ДОПОЛНЕНИЕ К КРАТКОМУ ОТЧЕТУ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ НА «ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЕ» (1974 г.)

С 1 января по 1 июля 1975 года сотрудниками лаборатории археологических исследований Кемеровского университета на хоздоговорных началах выполнили (работы. – *Прим. авт.*) по реставрации и благоустройству уникального памятника древней истории народов СССР «Томской писаницы» (Яшкинский район Кемеровской области) III этап работы, запланированный в 1974 году. Два основных этапа работы были выполнены по хоздоговорной теме «Курган» в 1974 году.

В третий этап входили следующие работы:

1. Составление эскизов и рабочих чертежей по планированным работам на 1975 г. (хоздоговорная тема «Курган-1»):

а) рабочий чертеж 2-й лестницы (железной), идущей от «Писаной скалы» в сторону спортивного лагеря Политехнического института;

б) рабочий чертеж бетонированной площадки, ведущей к центральной лестнице;

в) рабочий чертеж соединительной большой бетонированной площадки в овраге;

г) рабочий чертеж смотровой площадки со скамейками у 2-й (железной) лестницы;

д) рабочий чертеж горизонтальной стеллы № 3 (далее приписано от руки. – *Прим. авт.*) и 2-х стелл построенных в 1974 году (оформление их);

е) общий чертеж: архитектурный план историко-археологического заповедника «Писаные скалы».

2. Приобретение материалов для строительно-реставрационных работ; подготовительные работы и разработка проекта реставрации.

3. Снятие портящих памятник надписей.

4. Сооружение водоотводного канала и большой соединительной бетонной площадки в овраге.

5. Окончательная подготовка «Томской писаницы» к дальнейшим строительно-реставрационным работам по хоздоговорной теме «Курган-1».

Таким образом, с выполнением III этапа строительно-реставрационных работ на «Томских писаницах» закончена хоздоговорная тема 1974 года «Курган», выполнено 35 % по следующей теме «Курган-1».

28 июня 1975 г. Научный руководитель темы, доцент А. И. Мартынов (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 7–8).

Документ содержит упоминание о реставрационно-строительных работах, проведенных на Томской писанице в 1974 г. в рамках хоздоговорной темы «Курган». Архивных материалов, посвященных непосредственно работам 1974 г., выявить не удалось.

В дополнении к приказу перечислены виды проектных и строительных работ. Отдельно стоит остановиться на пункте «Снятие портящих памятник надписей». Речь идет об удалении посетительских «автографов» при помощи электроинструментов в конце 1960-х – середине 1970-х гг. Этот метод реставрации, примененный на Томской писанице, получил широкое освещение в историографии (Мартынова, Покровская, 2000. С. 58–60; Русакова, 2004. С. 142; Ковтун, 2013а. С. 281, Конончук, 2016б. С. 261).

ОБОСНОВАНИЕ РАБОТЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-1»

Работа экспедиции по хоздоговорной теме «Курган-1» в полевой период 1975 года будет проходить в районе «Томской писаницы» Яшкинского района Кемеровской области. Она будет продолжением строительно-реставрационных работ и благоустройства «Томской писаницы» и прилегающих к ней территорий, начатых в 1974 году. В результате этих работ будет приведена в порядок и благоустроена «Томская писаница» – один из немногих уцелевших уникальных памятников древней истории народов СССР, имеющий всесоюзное значение и известный во многих странах мира.

Необходимость подобных строительно-реставрационных работ вызвана тем, что ценнейший памятник первобытного искусства постоянно разрушается и систематически портится «нерадивыми туристами», в то же время – он постоянно влечет к себе многочисленных посетителей со всего Кузбасса, которых интересует далекое прошлое сибирских народов их культура и искусство.

Руководитель темы «Курган-1» А. И. Мартынов (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 3).

ПЛАН РАБОТЫ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-1» НА 1975 г.

1. Составление эскизов и рабочих чертежей по планированным работам на 1975 г.:

а) рабочий чертеж 2-й лестницы (железной), идущей от «Писаной скалы» в сторону спортивного лагеря Политехнического института;

б) рабочий чертеж бетонированной площадки, ведущей к центральной лестнице;

в) рабочий чертеж соединительной большой бетонированной площадки в овраге;

г) рабочий чертеж смотровой площадки со скамейками у 2-й (железной) лестницы;

д) рабочий чертеж горизонтальной стелы № 3 (далее, до конца абзаца вписано от руки. – Прим. авт.) и 2-х стел, построенных в 1974 году (оформление их);

е) общий чертеж: архитектурный план историко-археологического заповедника «Писаные скалы».

2. Приобретение материалов для реставрационных работ; подготовительные работы и разработка проекта реставрации.

3. Снятие портящих памятник надписей.

4. Сооружение водоотводного канала и большой соединительной бетонной площадки в овраге.

5. Сооружение 2-й (железной) лестницы.

6. Благоустройство большой бетонной лестницы.

7. Художественное оформление построенных в 1974 году 2х стел.

8. Оборудование 3-й (горизонтальной) стелы 3 (далее, до конца абзаца вписано от руки. – Прим. авт.) для автографов.

9. Сооружение бетонированной (или из плит) площадки, ведущей к центральной лестнице.

10. Стела на вершине «писаниц» 3 (пункт 10 полностью вписан от руки. – Прим. авт.).

11. Скамейки и столы для отдыха. Гравийная стоянка (пункт 11 полностью вписан от руки. – Прим. авт.).

12. Фундамент под «экспозицию» (пункт 12 полностью вписан от руки. – Прим. авт.).

Доцент А. И. Мартынов (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 1).

Интерес представляют правки, внесенные в документ от руки. В частности, упоминание о горизонтальной бетонной «стеле для автографов». По замыслу создателей стела должна была отвлечь случайных посетителей от оставления надписей на плоскостях Томской писаницы. Примечательно, что эта бетонная плита до сих пор лежит на территории музея-заповедника «Томская Писаница», к сожалению, ее популярность у потенциальных «вандалов» оказалась крайне низкой.

СМЕТА РАСХОДОВ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-1»

Расходы:

Полевое довольствие.

1. Совместители

а) Начальник экспедиции Бородкин Ю. М. в размере 80 % от ставки 150 р. $120 \times 2 \text{ м} = 240 \text{ руб.}$

б) Заместитель начальника экспедиции Биглер В. И. $96 (80 \%) \times 2 = 192 \text{ руб.}$

в) Старший научный сотрудник Мартынова Г. С. – 82 руб.

Всего – 514 руб.

2. Лаборанты и рабочие

а) Лаборанты в размере 80 % от ставки 75 руб.
1. Лемешев В. Н. – 60 руб. 8. Шведова И. М. – 60 руб.

2. Куприянов М. Н. – 60 руб. 9. Стебельская Н. И. – 60 руб.

3. Трофимов В. А. – 60 руб. 10. Селеверстова М. В. – 60 руб.

4. Бобнов В. Н. – 60 руб. 11. Казьмин В. Н. – 60 руб.

5. Нехорошева В. Н. – 60 руб. 12. Бондарин В. П. – 60 руб.

6. Ковякин В. К. – 60 руб. 13. Кумсков В. Я. – 60 руб.

7. Якупова Т. Н. – 60 руб. 14. Ланг Д. В. – 60 руб.

б) 1. Яницкий С. А.

2. Антоневиц Л. С.

3. Михайловский Н. Н.

4. Голиев Р. А.

5. Коробейникова В. А.

6. Савинов Д. Г.

7. Ефремов Ю. В.

3. Проездные согласно представленным документам.

Всего расходов – 1638 руб.

Руководитель темы доцент А. И. Мартынов.

Начальник экспедиции Ю. М. Бородкин (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 15).

В смете представлен полный состав участников экспедиции. Всего 24 человека. Привлечение к работе экспедиции столь значительного количества исполнителей было обусловлено масштабными строительными работами, направленными на благоустройство территории вокруг памятника.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СМЕТЕ РАСХОДОВ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-1» (документ не имеет заглавия, данное название предложено авторами статьи. – Прим. авт.)

По смете предусмотрено:

1. Зарплата – 5750 руб.

2. Спецоборудование, материалы – 1000 руб.

3. Полевое довольствие, научные командировки – 4800 руб.

4. Хозяйственные расходы, услуги сторонних организаций – 900 руб.

5. Накладные расходы (в фонд университета) – 2490 руб.

Остался: 5-й этап – частичные строительные работы (абзац написан от руки, далее до конца документа только рукописный текст. – Прим. авт.).

1. Этап – подготовительные работы и разработка проекта реставрации, 15 % (2250 руб.) (этот этап

(февраль–март) выполнен за счет Общ-ва охраны памятников

2. Этап – снятие надписей и реставрация (апрель, май, июнь). 20 % (3000 руб.)

3. Приобретение материалов для строительно-реставрационных работ и реставрация испорченных мест. 15 % (2250 руб.)

4. Сооружение большой соединит. бетонной лестницы. 15 % (2250 руб.)

5 (3) Этап – реставрация испорченных мест.

6. (4) Этап – благоустройство террит. пам-ка (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 16).

В документе упоминается о софинансировании работ со стороны Кемеровского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК). Анализ архивных материалов данной организации позволил установить, что в 1974 г. более 16000 руб. ВООПИК перечислил на реставрацию Томской писаницы (Кемеровское областное отделение, 1975. Л. 99, 100, 119, 120, 158, 159).

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРИКАЗУ ОТ 11 ИЮЛЯ 1975 г. ЗА № 662: ПРИКАЗ ОТ 16 ИЮЛЯ 1975 г. № 682 (документ написан от руки. – Прим. авт.)

Зачислить в состав рабочей группы по договору «Курган-1» на должность лаборантов с 1 августа 1975 г. следующих студентов:

1. Лемешева В. М.
2. Кумскова В. Я.
3. Ланг Д. Э.

Выплатить им полевое довольствие (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 18).

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРИКАЗУ ОТ 16 ИЮЛЯ 1975 г. № 682 (дополнение написано от руки на том же листе, что и документ НА КМАЭ, Д. 559. – Прим. авт.)

Считать работавшими на должности лаборантов студентов Лемешева, Кумскова, Ланг по договору «Курган-1» с 1 августа 1975 г. (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 18).

ОБОСНОВАНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-2»

Кафедра археологии Кемеровского государственного университета продолжит строительно-реставрационные работы на Томской писанице – уникальном памятнике духовной культуры и первобытного искусства древнего населения европейской рассы, жившего в 6–1 тысячелетиях до н.э. в Западной Сибири.

Согласно постановлению Совмина СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «Положение об охране памятников культуры», планируемая экспедиция ставит своей целью частичную реставрацию ценных

изображений, строительство и оформление доски (или тематической выставки) «Сокровища Томских писаниц». Кроме того, планируется строительство стоянки для транспорта и переделка 2-й лестницы (деревянные ступени заменяются железными).

г. Кемерово 1976 г. Руководитель темы, ст. преподаватель Ю. М. Бородкин (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 20).

Документация, посвященная хоздоговорной теме «Курган-2» (1976 г.) также хранится в деле № 559.

ГРАФИК ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ НА 1976 ГОД ПО ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-2» ЭТАПЫ

1. Подготовительная работа: составление программы, сметных расчетов, эскизов и научных текстов по теме (январь, май).

2. Реставрация ценных рисунков «Томской писаницы», строительство и оформление доски (или тематической выставки) «Сокровища Томских писаниц» (июнь-июль-август):

- а) Строительство стоянки для транспорта (сентябрь);
- б) переделка 2-ой лестницы-спуска к Писаным скалам (деревянные ступени заменить железными) (сентябрь-октябрь).

3. Доводка всех работ в районе «Писаных скал» до эксплуатационных характеристик (ноябрь):

- а) Изготовление фотографий, общего плана выполненных работ, подготовка отчета (декабрь).

Руководитель темы, ст. преподаватель – Ю. М. Бородкин

Ответственный исполнитель, мл. научн. сотрудн. – Н. М. Зиняков (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 21).

В данном документе упоминается о «реставрации ценных рисунков «Томской писаницы». О каком виде работ идет речь установить сложно. Однако, известно, что помимо удаления посетительских надписей при помощи электроинструментов, применялся и другой контактный метод реставрации. Речь идет о нанесении на отдельные участки Томской писаницы специального укрепляющего состава на основе эпоксидной смолы (Мартынова, Покровская, 2000. С. 49, 50; Агеева, Кочанович, 2005. С. 15–20; Конончук, 2016б. С. 261–263). Публикуемые документы не содержат прямых отсылок к данной методике. Тем не менее, помимо фразы о «снятии портящих памятник надписей», явно относящейся к работам, осуществляемым электроинструментами, встречаются и другие словосочетания, например: «реставрация рисунков», «реставрация ценных рисунков», «реставрация испорченных мест», «частичная реставрация ценных изображений».

Достоверно идентифицировать приведенные выше фразы пока невозможно.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ К ПРИКАЗУ ПО
КЕМЕРОВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ О СОЗДАНИИ НАУЧНОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО
ХОЗДОГОВОРНОЙ ТЕМЕ «КУРГАН-2»**

1. На основании договора с Областным управлением культуры и согласно календарного плана работы провести научную археологическую экспедицию по благоустройству и реставрации Томской писаницы (с 25 июня по 20 сентября) на территории Яшкинского района Кемеровской области.

2. Назначить начальником экспедиции с правом издавать приказы по экспедиции в период ее работы руководителем темы, старшего научного сотрудника кафедры археологии Бородкина Ю. М.

3. Назначить заместителем начальника экспедиции младшего научного сотрудника Зинякова Н. М.

4. Зачислить лаборантами в состав экспедиции следующих студентов старших курсов исторического факультета:

1. Лемешев В. М. – 4 курс
2. Ананин В. А. – 4 курс
3. Мур А. П. – 4 курс
4. Яковлев А. Н. – 4 курс
5. Глушков Н. В. – 4 курс
6. Куприянов М. Н. – 4 курс

С 25 июня по 10 августа с выплатой полевого довольствия 60 руб. в месяц (подписано от руки. – *Прим. авт.*).

5. Зачислить лаборантами в состав экспедиции лаборанта кафедры археологии Ковякина С. К. и старшего техника Биглера Э. И.

г. Кемерово, 1976 г. Руководитель темы, ст.науч. сотр. Ю. М. Бородкин

Зав.кафедрой археологии, доцент А. И. Мартынов (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 23).

**ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ НА ТОМСКОЙ
ПИСАНИЦЕ, ПОДЛЕЖАЩИХ
ИСПОЛНЕНИЮ УЧАСТНИКАМИ
ЭКСПЕДИЦИИ**

1. Завершить строительство стоянки для транспорта (засыпать гравием, утрамбовать, установить знаки «Въезд воспрещен» и «Стоянка автотранспорта»).

2. Завершить строительство железной лестницы (сделать и приварить железные ступени, вбить вертикальные рельсы-стояки и приварить к ним пролеты лестницы, изготовить поручни с одной стороны лестницы, покрасить лестницу).

3. Построить согласно проекта стационарную выставку-витраж о писаницах.

4. Завершить работы по строительству основной бетонной лестницы и подхода к скале внизу (сделать декоративные откосы из камня, подправить ступени на бетонной лестнице, залить бетоном ступени-откосы для прохода по краю скалы и спуск на смотровую площадку – бетонные работы на месте).

5. Сделать большой щит на железе с планом историко-археологического заповедника, обозначением зон отдыха, объектов. Установить его рядом с стоянкой автотранспорта.

6. Установить на территории заповедника 8–10 больших железных ящиков для мусора с крышками.

7. Установить 4 дополнительных места отдыха (стол, скамьи).

8. Провести реставрацию рисунков.

Руководитель темы Ю. М. Бородкин (Тема «Курган-1», 1975/1976. Л. 24).

Таким образом, можно констатировать, что за последнее десятилетие объем знаний о реставрационных работах, проведенных на Томской писанице в середине 1970-х гг. существенно увеличился. Однако отдельные аспекты данной темы требуют дополнительной разработки. Например, недостаточно подробно описаны реставрационные методики, использованные на Томской писанице в период 1960–1970-х гг. Пока не выявлены документы, подробно описывающие реставрационные мероприятия 1974 и 1975 гг. Также большую ценность могут представлять фотографии памятника, выполненные в 1960–1970-х гг. В качестве основных направлений исследовательской деятельности в рамках данной темы можно выделить работу с архивными материалами из фондов архивов Кемеровского государственного университета, музея-заповедника «Томская Писаница» и Государственного архива Кемеровской области. Отдельным направлением работы может стать опрос участников реставраций 1970-х гг., полный список которых приведен в данной публикации.

Источники и литература

Агеева Э. Н., 2004. Исследования и некоторые консервационные работы на «Томской писанице» // Новые подходы к изучению, сохранению и устойчивому управлению природным и культурным наследием Сарматия: Материалы международной научной конференции. Навои.

Агеева Э. Н., Кочанович А. В., 2005. Исследования и консервация памятников наскального искусства // Современный подход. Исследования

- и консервация культурного наследия: Материалы научно-практической конференции (12–14 октября 2004 г. ГосНИИР). М.
- Егоров В. Н., 1997. На пути к музеефикации (Э. И. Биглеру посвящается) // Наскальное искусство Азии: Сб. статей. Кемерово. Вып. 2.
- Кемеровское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 1975 // ГАКО. Ф. Р-555. Оп. 1. Д. 7.
- Ковтун И. В., 2013а. Краткая история разрушения Томской писаницы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул.
- Ковтун И. В., 2013б. Письмагора: (История открытия и исследований: 1630–1956 гг.). Кемерово.
- Конончук К. В. 2016а. История открытия и исследования наскальных изображений Нижнего Притомья: Дис.... канд. ист. наук. Кемерово.
- Конончук К. В., 2016б. Первые шаги направления. Реставрационные мероприятия на Томской писанице в 1960–1970-е гг. История и оценка // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Материалы международной конференции. Кемерово.
- Конончук К. В. 2016в. Реставрационно-консервационные мероприятия на памятнике наскального искусства Томская писаница в конце 1980–1990-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. № 4 (92).
- Конончук К. В., Покровская А. Ф. 2018. Новые данные о реставрационно-строительных работах на памятнике наскального искусства Томская писаница в конце 1960-х – середине 1970-х гг. // Бюллетень ИИМК РАН. Т. 8.
- Лобзова Р. В., Кочанович А. В. 2005. Скальные породы, корковые отслоения и патины на некоторых местонахождениях петроглифов Сибири // Мир наскального искусства. М.
- Мартынова Г. С., Покровская А. Ф., 2000. Исследователи Томской писаницы. Кемерово.
- Окладников А. П., Мартынов А. И., 1972. Сокровища Томских писаниц. М.
- Русакова И. Д., 2004. Музей-заповедник «Томская писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы.
- Тема «Курган-1», 1975/1976. Тема «Курган-1» (Томская писаница) // Научный архив КМАЭЭ. Д. № 559.

Классификация каменного инвентаря позднепалеолитической стоянки Ирба-2 в Красноярском крае¹

Т. В. Корнева²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-197-198

Многослойный памятник Ирба-2 расположен на северо-восточной окраине поселка Курагино в Курагинском районе Красноярского края. Его изучение является одним из этапов исследования памятников археологии в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. Памятник был обнаружен летом 2012 г. Первый этап его изучения пришелся на осень 2012 г., когда при вскрытии площади 3262 кв. м были найдены предметы, относящиеся к эпохе позднего палеолита. В ходе второго этапа работ летом 2015 г. была вскрыта площадь 4113 кв. м. В дальнейшем планируется продолжить изучение стоянки; предполагаемая площадь исследований составит примерно 8000 кв. м в зоне, расположенной к югу от раскопа 2015 г.

В 2012 г. культурные остатки эпохи палеолита были зафиксированы в 17 пикетах, а в 2015 г. – еще в 35 пикетах преимущественно в восточной части раскопа. Находки залежали на глубинах 0,44–0,78 м и были приурочены к слою плотной серо-желтой супеси. Все предметы лежали горизонтально на широкой плоскости на глубине 0,10–0,20 м. Планиграфическое распределение и характер каменного инвентаря указывают на то, что была вскрыта периферийная часть стоянки, где велись работы по изготовлению и переоформлению каменных орудий и обработке кости.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт Истории Материальной Культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки археологических материалов. E-mail: kortania22@gmail.com.

Распространение находок в плане представляло собой ряд скоплений предметов расщепленного камня и костных остатков. В каждом из скоплений находилось от нескольких десятков до нескольких сотен предметов. Особенности каменного инвентаря указывают на принадлежность памятника к афонтовской культуре.

Коллекция каменных изделий эпохи палеолита, переданная на хранение в ИИМК РАН, насчитывает около 4000 предметов и включает в себя различные сколы, нуклеусы и орудия. В качестве сырья обитатели стоянки использовали преимущественно серо-зеленые кремневые породы типа кремнистых сланцев, серо-зеленых, серых и черных кварцитов.

Среди нуклеусов встречается большое количество заготовок на гальках, брошенных на начальной стадии обработки. Распространены одноплощадочные клиновидные и торцовые нуклеусы и микронуклеусы, также встречаются двуплощадочные и призматические нуклеусы.

Предварительный анализ позволяет сделать вывод, что большую часть орудий стоянки составляют скребки, скребла, резцы, каменные ножи, пластины с ретушью, проколки, долотовидные орудия и галечные орудия. Среди скребков доминируют короткие, укороченные и миниатюрные концевые и боковые скребки, встречаются также скребки с носиком, с выемкой в основании, округлые с обработкой по периметру, угловые, двойные, атипичные, скребки высоких форм.

Среди скребел преобладают экземпляры на пластинах и пластинчатых отщепках, массивных отщепках, обломках галек. Распространены массивные продольные и поперечные выпуклые скребла, реже встречаются вогнутые и прямые, а также двойные, конвергентные и бифасиальные скребла.

В коллекции есть ряд угловых и диагональных резцов, а также несколько комбинированных орудий. На некоторых предметах присутствуют следы сработанности. Среди сколов преобладают чешуйки, отщепы и микроотщепы, осколки галек и угловатые обломки, встречаются пластинчатые отщепы и пластинки.

Коллекция памятника Ирба-2 представляет значительный научный интерес для изучения позднего палеолита Верхнего Енисея и требует более подробного анализа. В ходе камеральной работы планируется классифицировать артефакты по видам сырья и по общему составу инвентаря по методике, разработанной С. А. Васильевым для описания каменных находок позднепалеолитических комплексов этого региона (Васильев, 1996. С. 7–9). В ходе работы будет произведен анализ первичного раскалывания и вторичной обработки изделий. Изучение нуклеусов позволит расширить наши знания о технологиях расщепления, использовавшихся на данной стоянке. Классификация заготовок будет включать в себя их разделение на целые экземпляры и фрагменты, с последующим измерением углов скалывания, изучением характера площадок и огранок спинки каждого целого экземпляра. Изделия со следами вторичной обработки будут проанализированы с точки зрения особенностей ретуши, выемок и резцовых сколов.

Полученная в результате камеральной работы технико-типологическая характеристика каменного инвентаря будет дополнена планиграфическим анализом. Следует подчеркнуть, что Ирба-2 – единственный памятник палеолита Енисея, вскрытый на огромной площади с полной индивидуальной фиксацией находок, тогда как раскопки всех остальных позднепалеолитических стоянок этого региона (раскопки З. А. Абрамовой, С. Н. Астахова, С. А. Васильева) производились с поквдратной фиксацией находок. Проведение точного планиграфического исследования культурных остатков на недоступном до сих пор уровне открывает новые возможности для реконструкции облика палеолитических стоянок Енисея.

Таким образом, данное исследование продолжит работы Т. Ю. Гречкиной по планиграфии памятников кокоревской группы (Гречкина, 1984), а также серию исследований З. А. Абрамовой (Абрамова, 1979; Абрамова и др., 1991), Н. Ф. Лисицына (1980), С. А. Васильева (1996), С. Н. Астахова (1999) по позднепалеолитическим памятникам Енисея и позволит определить место стоянки Ирба-2 среди памятников афонтовской культуры.

Источники и литература

Абрамова З. А., 1979. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.

Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф., 1991. Палеолит Енисея. Л.

Астахов С. Н., 1999. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.

Васильев С. А., 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.

Гречкина Т. Ю., 1984. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонта материалов Кокоревских стоянок): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Лисицын Н. Ф., 1980. Каменный век Абакано-Минусинской котловины: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Реставрация коллекции артефактов из раскопок в крепости Копорье, проведенных ИИМК РАН в 2018 г.¹

Н. С. Курганов², К. В. Горлов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-199-204

Введение

Множество археологических находок, полученных в ходе раскопок на территории крепости Копорье, поступило в лабораторию консервации и реставрации ИИМК РАН летом и осенью 2018 г. Археологическое исследование культурного слоя на этом памятнике проводилось под руководством А. А. Липатова сотрудниками Института истории материальной культуры РАН в археологическом сезоне 2018 г. В работах помимо специалистов ИИМК РАН активное участие принимали участники волонтеры ВООПИК.

В составе находок, прошедших через реставрационную лабораторию, много предметов быта и вооружения, монет эпохи Средневековья и Нового времени. Первоочередной задачей реставрационных работ было сохранение находок от возможного разрушения после извлечения из земли. Также значение придавалось раскрытию предметов для дальнейшего изучения и наиболее точного определения.

Реставрационный процесс

Особенностью проведенных работ является дифференцированный подход к реставрации находок. В

процессе работ определены форма и декоративные особенности многих предметов. Это позволило более детально их описать и уточнить их атрибуцию. Для поддержания стабильного состояния предметов требуется соблюдать режимы хранения, требуемые для особенно подверженных разрушению предметов из археологических коллекций.

Для реставрации нумизматического материала были использованы разнообразные подходы, в основе которых лежали различные реставрационные методы очистки поверхности монет от почвенных загрязнений и от коррозионных слоев. Также различные методы применялись для монет из медных сплавов (Курганов, Горлов, 2013) и сплавов на основе серебра. Решение о выборе того или иного метода основывалось на сохранности монет и возможности прочтения монетной легенды.

Артефакты из железа

Предметы из железа составляют большую часть металлических предметов из археологической коллекции. Среди них много предметов вооружения: ядра, пули, арбалетные болты, насадка на шомпол для ружья, детали огнестрельного оружия. Также большое количество бытовых предметов: рабочие и столовые ножи, вилки, замки, элементы конской упряжи, обувные подковки, пряжки, мебельная фурнитура. Присутствуют в коллекции и элементы архитектурного декора из металла.

Поверхность археологических находок из железа была покрыта коррозионными слоями, сцементированными с землей. Массивные слои коррозии искажали форму предметов и их художественные особенности. На первом этапе реставрации поверхность предметов раскрывалась механическим способом. Почвенные загрязнения и железная коррозия удалялась с помощью микроабразивных инструментов. Сложность данной процедуры за-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: nikolai.kurganov@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: costik.gorlov@yandex.ru.

ключалась в том, чтобы не повредить в процессе удаления загрязнений металлическую поверхность предмета. Затем предметы просушивались, и их поверхность в целях укрепления и консервации покрывалась слабыми растворами акрилового полимера (Paraloid B72). На последнем этапе проводилась консервация поверхности с помощью микрокристаллического воска (Cosmoloid H80).

Несмотря на относительно неплохую сохранность железных предметов, не все их можно было корректно атрибутировать до проведенных работ по очистке поверхности. Например, два предмета можно было принять за клещи и светец (рис. 1: 1, 2). После реставрации стало понятно, что это предметы вооружения: пулелейка и насадка на шомпол, на которую наматывалась ветошь при чистке ружей. Аналогичные предметы вооружения присутствуют среди находок при раскопках других крепостей Северо-Запада (Миляев, 2018 С. 222, 232). На предметах после очистки поверхности стали хорошо заметны технико-технологические особенности. Подобный случай связан и с предметом, который можно было принять за гарду

клинкового оружия (рис. 2: 6). После реставрации этот предмет был определен как светец. На кованном железном ключе (рис. 1: 3) стали хорошо заметны мелкие элементы бороздки, следы пайки медным припоем. После раскрытия поверхности стали видны художественные особенности: несложный орнамент, которым был украшен в процессе вковки наконечник арбалетного болта (рис. 1: 4), фрагменты средневековых весов (рис. 2: 1) и декоративной накладки (рис. 2: 4).

Предметам из железа, на которых сохранились ручки и накладки из кости и дерева, было уделено особое внимание. Кость и дерево были сохранены и по возможности бережно очищены от окислов железа и почвенных загрязнений. К таким предметам можно отнести средневековый нож с составной деревянной рукоятью (рис. 2: 5) и столовую вилку, у которой сохранилась рукоять из кости, декорированная изящным гравированным орнаментом (рис. 2: 3). Для очистки поверхности

Рис. 1. Артефакты из железа из крепости Копорье (до и после реставрации): 1 – пулелейка; 2 – насадка на шомпол; 3 – ключ от замка; 4 – наконечник арбалетного болта; 5 – наконечник стрелы

Рис. 2. Артефакты из железа из крепости Копорье (до и после реставрации): 1 – фрагмент плечиков весов для малых взвешиваний; 2 – фрагмент навесного замка; 3 – вилка столовая с декоративными накладками из кости на ручке; 4 – декоративная накладка; 5 – нож столовый с фрагментами накладок из дерева на ручке; 6 – светец

от загрязнений и пятен окислов железа на костяной рукояти была использована загущенная композиция на основе растворов Трилона Б. Подобный подход позволил очистить поверхность кости, избегая контакта реактивов с металлом и его возможного растравливания. Металлическая часть вилки была аккуратно раскрыта механическим способом.

Артефакты из медных сплавов

Поступившие в реставрацию археологические предметы из медных сплавов в значительной степени отличались по состоянию сохранности. На некоторых из них, даже пролежавших в земле на протяжении нескольких веков, поверхность была ровная, состояла из минералов меди зеленоватого цвета. Такую поверхность принято называть благородной патиной. Поверхность таких предметов была частично скрыта под почвенными наслоениями, но при этом была однородна и не имела следов активной коррозии. Для удаления поверхностных загрязнений с этих предметов была применена деликатная механическая очистка с помощью щетинных щеток, промывка в ультразвуковой ванне в теплой дистиллированной воде.

Другие предметы, были покрыты разнородными по цвету и составу коррозионными наслоениями. Минеральные слои на этих предметах имели значительную толщину, включения частичек земли из культурного слоя. Все это в значительной мере скрывало форму предмета, его рельеф. Столь различная сохранность предметов из медных сплавов связана с разным составом почвы в культурном слое крепости. Например, некоторые предметы происходили из относительно сухих слоев, другие из более влажных, или участков богатых строительным мусором и известью, из погребений. Работа с артефактами, покрытыми такими значительными слоями коррозии, не могла ограничиваться только деликатной очисткой от поверхностных загрязнений. Поверхность предметов раскрывалась, где это возможно, с помощью химической очистки. Для этого были использованы водные растворы сульфаминовой кислоты ($\text{NH}_2\text{SO}_3\text{H}$). Когда предмет имел массивные коррозионные слои, но сильно разрушенную металлическую поверхность, применение составов для очистки было нецелесообразно. Работы ограничивались механической очисткой поверхности с помощью микроабразивного инструмента. Впоследствии все предметы из медных сплавов прошли длительную промывку в дистиллированной воде, обработку ингибитором коррозии на основе бензотриазола и двухэтапную консервацию поверхности с помощью акрилового полимера (Paraloid B72) и микрокристаллического воска (Cosmoloid H80).

Многие предметы с хорошо сохранившейся патиной после бережного удаления загрязнений изменили свой вид. К таким предметам можно отнести иконку-подвеску с образом Святой Троицы, изготовленную в технике литья (рис. 3: 5), и фигурные накладки из медного сплава (рис. 3: 2, 3), на одной из которых хорошо стал виден рельефный орнамент, изготовленный в технике фигурного штампа. Также выяснилось, что на средневековом ударном грузе из медного сплава от кистеня выступы-зубцы не обломаны, а деформированы, смяты от ударов, что свидетельствует об активном использовании этого оружия по назначению (рис. 3: 7).

Предметы, которые были найдены в погребениях, плохо сохранились, их поверхность была сильно корродирована. К таким предметам относятся кресты и образки. После очистки поверхности на литом крестике из погребения (рис. 3: 1) стало видно рельефное изображение распятия с одной стороны и надпись с обратной. На штампованном крестике конца XIX в. (рис. 3: 4) хорошо просматривается

Рис. 3. Артефакты из медного сплава из крепости Копорье (до и после реставрации): 1 – крест нательный; 2 – накладка от конской сбруи; 3 – декоративная накладка с растительным орнаментом; 4 – крест нательный; 5 – иконка с ушком для привешивания; 6 – иконка нательная («образок»); 7 – кистень; 8 – подсвечника фрагмент

иконография. На другом предмете после расчистки был раскрыт образок Черниговской Богоматери с соответствующей круговой надписью (рис. 3: 7).

Нумизматический материал

Для реставрационной обработки монет из медных сплавов были использованы три основных метода. Первый заключался в применении щадящей механической чистки различными инструментами (щетинными щетками различной жесткости, мягкими латунными щетками). Второй – в очистке в ультразвуковой ванне в теплой дистиллированной воде. Третий метод предполагал использование так называемой мокрой химии. В качестве композиций, улучшающих очистку медных монет, были использованы составы на основе сульфаминовой кислоты ($\text{NH}_2\text{SO}_3\text{H}$), для серебряных монет – составы на основе тиомочевины ($\text{CH}_4\text{N}_2\text{S}$), ортофосфорной кислоты (H_3PO_4), этанола и поверхностно-активных веществ (Никитин, Мельникова, 1990. С. 177). Последующие этапы консервационной обработки (промывка, обработка ингибитором коррозии, нанесение консервирующего покрытия) были проведены по той же методике, что и для предметов из медных сплавов.

Первый метод расчистки использовался для коллекции монет, поверхность которых была покрыта тонкой пленкой куприта и почвенными наслоениями, в основном не скрывающими крупные детали рельефов (геральдические фигуры, цифры номинала и даты чеканки). Механической чистке подверглась клиппа, изготовленная из меди. После реставрации в центральной части реверса денежного знака стал виден рельеф в виде двух перекрещенных стрел острием вверх (указание на происхождение меди из провинции Даларн), большой королевской короны, обозначения номинала монеты 1/2 эре и даты чеканки 1625 г. (рис. 4: 1). Такие расчистные средства массово чеканились в Швеции в период правления короля Густава II Адольфа на монетных дворах Сетера или Нючепинга. Также при помощи данного метода были удалены загрязнения с копейки Петра I, на оборотной стороне которой в результате удалось прочесть дату чеканки, выполненную славянскими буквами (рис. 4: 2).

Второй метод расчистки с использованием ультразвуковой ванны применялся для серии монет, рельеф на которых зачастую находился под пленкой основных карбонатов меди, локальные образования которых мешали прочесть дату, знак минцмейстера или технические особенности чекана, например двойной удар штемпеля. Применение ультразвука позволяет сохранять на поверхности артефактов

Рис. 4. Монеты из крепости Копорье (до и после реставрации): 1 – 1/2 эре 1625 г., Швеция, медь; 2 – копейка 1710 г., Россия, медь; 3 – 1/2 эре 1574 г., Швеция, медь; 4 – 1/2 эре 1625 г., Швеция, медь; 5 – 1/4 эре 1633–1654 гг., Швеция, медь; 6 – 1 эре 1627 г., Швеция, медь; 7 – 1/2 эре 1576 г., Швеция, биллон; 8 – шиллинг 1576 г., Вольный город Рига, биллон; 9 – 1 фирк 1576 г., Швеция, биллон; 10 – шиллинг 1566 г., Швеция, биллон; 11 – артиг 1524–1527 гг., Швеция, серебро; 12 – копейка 1570-е гг. Россия, серебро

пленки патины. Следует отметить, что «благородная патина» в некоторых случаях помимо декоративной функции выполняет роль защитной пленки, предохраняющей сплав от контакта с агрессивными газами. Поэтому не имеет особого смысла удалять ее без необходимости раскрытия рельефа, да и натуральный блеск металла, появляющийся после удаления патины, несвойственен для монет из нелегированных медных сплавов. В процессе обращения монет их металл быстро окисляется и тускнеет, и недолго блестит после покидания монетного двора. Такая обработка была применена для монет номиналом 1/2 эре чеканки 1625 г. и 1/2 эре 1574 г. На поверхности последнего денежного знака были раскрыты особенности формы короны, которые являются важным типологическим признаком (рис. 4: 3, 4).

Третий метод расчистки применялся к медным монетам, имеющим сильные поверхностные кор-

розионные наслоения из основных карбонатов и хлоридов меди, иногда с включением частиц земли, строительного мусора, угля. Коррозионные корки скрывали не только рельеф монеты, но и мешали измерению таких характеристик, как вес, диаметр и толщина. Металлическая поверхность и рельеф под пленкой окислов достаточно рыхлые со случайными кавернами от коррозии.

В результате использования «мокрой химии» удалось раскрыть рельефы в виде трех корон и латинских литер CRS, полностью нечитаемых до реставрации на монете номиналом 1/4 эре, отчеканенной в Швеции в период правления королевы Кристины (рис. 4: 5). На монете номиналом 1 эре Густава II Адольфа стала распознаваема дата чеканки, выполненная римскими цифрами и включенная в круговую надпись по краю (рис. 4: 6). После обработки «мокрой химией» поверхность монет представляет собой обнаженный металл без каких-либо коррозионных наслоений. С целью лучшего выявления рельефа монеты на ее поверхность был нанесен патинирующий состав. Применение искусственной патины дает возможность выявления рисунка монеты за счет изменения оттенков на выступающих частях рельефа по отношению к фону. В качестве патины использовались органические красители на основе азосоединений.

Следующая группа монет была отчеканена из низкопробного серебра – биллона. Как правило, поверхность таких монет полностью покрыта плотными коррозионными наслоениями, скрывающими рельефы и препятствующими проведению атрибуции денежных знаков. Реставрация таких монет затруднена их малым диаметром, толщиной и низким рельефом деталей и поэтому требует особой аккуратности и подбора специфической методики.

Для удаления коррозии с поверхности монет из биллона были использованы химическая чистка с использованием 10-процентного раствора сульфаминовой кислоты ($\text{NH}_2\text{SO}_2\text{OH}$) и кратковременное промывание в ультразвуковой ванне в дистиллированной воде. Выбор в пользу именно химической очистки оправдан рядом факторов. Например, при механической очистке рельефа сильно корродированной монеты металлическими инструментами или абразивами есть большая вероятность нарушить контуры рисунка или надписи. Сульфаминовая кислота не растравливает низкопробное серебро, что исключает возможность повреждения рельефа монеты, сохранившегося на металле.

Такой комбинационный подход позволил полностью удалить слои коррозии и придать монетам состояние, позволяющее проведение их полной атрибуции. Так, на поверхности одного из денежных знаков был раскрыт геральдический щит с тремя коронами, обрамляющая его круговая надпись и две арабские цифры 7 и 6. Эти детали позволяют заключить, что данная монета номиналом 1/2 эре была отчеканена в 1576 г. в период правления шведского короля Юхана III в Стокгольме. К эмиссии этого правителя также относится и 1 фирк 1576 г., на лицевой стороне которого был расчищен родовой знак династии Ваза в виде перевязанного лентами снопа (рис. 4: 7, 9). На следующей монете удалось выявить малый герб города Риги в виде двух перекрещенных ключей и две арабские цифры 7 и 6, что позволяет определить этот денежный знак как солид, чеканенный в Вольном городе Риге в 1576 г. (рис. 4: 8).

Одна из монет до реставрации была сложена пополам и имела на поверхности плотные коррозионные наслоения темного цвета. Применение комбинационного подхода позволило удалить пленку окислов и развернуть монету, на лицевой стороне которой стали читаться буква E под короной и круговая надпись по краю, что позволило определить данный денежный знак как шиллинг Эрика XIV, чеканный в Ревеле 1566 г. (рис. 4: 10).

Среди рассмотренной коллекции часть монет оказалась отчеканена из серебра. Для удаления коррозионных наслоений в данном случае использовались многокомпонентный раствор тиомочевины ($\text{CH}_4\text{N}_2\text{S}$), ортофосфорной кислоты (H_3PO_4), этанола и поверхностно-активных веществ и промывка в ультразвуковой ванне. В результате этого метода коррозионные наслоения, полностью скрывавшие детали аверса и реверса, были удалены с монеты номиналом артиг, выпущенной при шведском короле Густаве I. Лицевая сторона этого денежного знака содержала стилизованную букву E и круговую легенду по краю. Положительный результат был достигнут и с русской монетой номиналом копейка, чеканенной при Иване IV в 1570-е гг., на которой было расчищено изображение всадника с копьем в руках, ориентированного вправо (рис. 4: 11, 12). После реставрационного вмешательства все монеты подвергались промывке от хлоридов и стабилизации поверхности металла и продуктов коррозии с помощью растворов бензотриазола. Впоследствии на все монеты были нанесены защитные пленки микрокристаллического воска.

Таким образом, разнообразные методики очистки монет, зависящие от вида металла и со-

стояния сохранности объектов, позволили максимально полно раскрыть рельефы денежных знаков и превратить их в полноценный и высокоинформативный археологический артефакт.

Заключение

В общей сложности из раскопок сезона 2018 г. в крепости Копорье реставрационную обработку прошли более 316 предметов. Дифференцированный подход к выбору методики реставрации археологических артефактов позволяет определить их форму, художественные и технико-технологические особенности изготовления, детально описать предметы и уточнить их атрибуцию. Еще раз стоит подчеркнуть, что в ходе работ с археологическими материалами решается не только первоочередная задача реставрации – остановить разрушение предмета, но также атрибутируется находка и появляется новый источник исторической информации.

Источники и литература

Курганов Н. С., Горлов К. В., 2013. Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материала раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17) // Археологические вести. СПб. Вып. 19.

Миляев П. А., 2018. Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладogi и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // Археологические вести. СПб. Вып. 24.

Никитин М. К., Мельникова Е. П., 1990. Химия в реставрации. СПб.

Данные демографической структуры окуневских могильников Итколь I и Итколь II¹

Н. И. Лазаретова²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-205-208

Окуневская археологическая культура – уникальное явление эпохи ранней бронзы Южной Сибири. Она оставила огромный пласт художественного наследия в виде многочисленных каменных изваяний и стел, гравировок и красочных росписей, скульптур и предметов мелкой пластики. Активное изучение в период с 2007 по 2018 гг. новых памятников этого интереснейшего феномена привело к существенному увеличению его источниковой базы, в том числе значительно пополнился объем антропологических материалов. В частности, были полностью исследованы окуневские могильники Итколь I (раскопки С. В. Морозова) и Итколь II (раскопки А. В. Полякова), расположенные в Ширинском районе Республики Хакасия на левом и правом берегах безымянной протоки, вытекающей из озера Итколь в его северо-восточной части. В работе проведен демографический анализ новых материалов из данных могильников.

Сведения о численности и возрастной структуре населения дописьменного периода человеческой истории позволяют существенно дополнить археологические данные. Стандартные демографические показатели, характеризующие древние коллективы, получают при изучении костного материала. Возраст смерти представляется многим исследователям наиболее бесспорным индикатором стресса, отражающим степень давления неблагоприятных внешних условий на палеопопуляцию и степень адаптации населения к ним.

Определение пола и возраста проводилось по принятой в антропологии методике (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Критериями определения возраста являлись степень облитерации швов и состояние посткраниального скелета. Степень стертости зубов учитывалась с известной осторожностью, так как ее интенсивность определяется не только возрастом, но и целым рядом других факторов. Возраст детей, подростков и юношей установлен по порядку прорезывания и смены зубов, а также по размерам (длине) длинных костей.

Производился демографический анализ как для групп в целом, так и для детей, женщин, мужчин по отдельности.

Как видно из таблицы 1, процентное соотношение мужчин и женщин в могильнике Итколь II примерно равное, что в целом характерно для окуневской культуры. В комплексе Итколь I количество мужских костяков заметно преобладает над женскими. Соотношение полов там равно 1,56. По этому показателю Итколь I существенно отличается от других окуневских памятников. При этом в кургане 2, занимавшем центральное положение в цепочке, соотношение полов вполне обычное: восемь мужчин, 10 женщин, а вот в курганах 1 и 3 пропорция явно нарушена: 10 мужчин, четыре женщины и семь мужчин, две женщины, соответственно. С чем связано данное явление, пока неясно.

Процент детской и юношеской смертности в группах достаточно высок и составляет около 50 процентов от всего количества погребенных (табл. 1). Такой уровень детской смертности характерен для древних культур Хакасии и сопоставим с соответствующим параметром некоторых групп кочевнического скифского населения и средневековой Европы (Козинцев, 1971; Кислый, Потехина,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. E-mail: natasha-lazaretova@yandex.ru.

Табл. 1. Численность мужских, женских и детских погребений в могильниках

Могильник	Количество мужчин	Количество женщин	Количество взрослых	Количество погребенных детского и юношеского возраста	Всего
Итколь I	25 (32,1 %)	16 (20,5 %)	41 (52,6 %)	37 (47,4 %)	78 (100,0 %)
Итколь II	36 (25,3 %)	35 (24,7 %)	71 (50,0 %)	71 (50,0 %)	142 (100,0 %)

1994). Наибольшее количество умерших детей зафиксировано в возрастной группе до 1 года и достигает 57,7 % (табл. 2; рис. 1). Однако, смертность в возрасте 8–11 лет и особенно в юношеском периоде (15–18 лет) в могильнике Итколь I необычайно велика, в сравнении с другими окуневскими памятниками.

Обращает на себя внимание половозрастная структура взрослых погребенных из могильников Итколь I и Итколь II (табл. 3; 4; рис. 2; 3). В этих памятниках очень большое количество мужчин и женщин молодого возраста. Смертность в возрастных группах 20–30 и 30–40 лет достигает 64 %. Следует особо отметить значительное число мужчин

Табл. 2. Распределение детских и юношеских погребений по возрасту в могильниках

Могильник	0–1 год	2–3 года	4–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10–11 лет	12–14 лет	15–18 лет	Всего детей и подростков
Итколь I	18 (48,6 %)	2 (5,4 %)	1 (2,7 %)	2 (5,4 %)	4 (10,8 %)	3 (8,1 %)	2 (5,4 %)	5 (13,5 %)	37 (100 %)
Итколь II	41 (57,7 %)	4 (5,6 %)	5 (7,0 %)	5 (7,0 %)	6 (8,5 %)	2 (2,8 %)	5 (7,0 %)	3 (4,2 %)	71 (100 %)

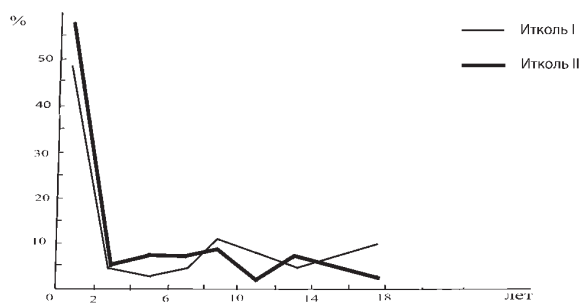

Рис. 1. Распределение детских и юношеских погребений по возрастам

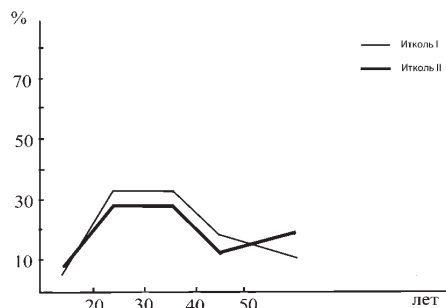

Рис. 3. Смертность в женских сериях

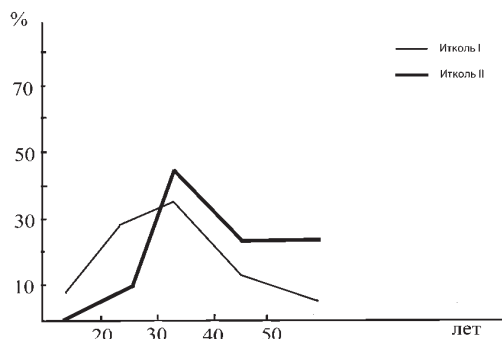

Рис. 2. Смертность в мужских сериях

из могильника Итколь I, умерших в возрасте до 30 лет, а также еще трех юношей в возрастной группе 15–18 лет. Количество мужчин и женщин из могильника Итколь I, достигших возраста 50 лет, составляет лишь 12–12,5 %. Процентное распределение взрослых погребенных могильника Итколь II более традиционно – смертность женщин в возрасте до 40 лет значительно выше мужской и составляет в периоды 20–30 лет и 30–40 лет суммарно почти 66 %. Повышенная женская смертность в данном возрасте, очевидно, связана с отсутствием необходимых санитарно-гигиенических мер в репродуктивный период.

Табл. 3. Возрастная структура мужских серий могильников

Могильник	18–20	20–30	30–40	40–50	Старше 50	Всего
Итколь I	2 (8,0 %)	7 (28,0 %)	9 (36,0 %)	4 (16,0 %)	3 (12,0 %)	25 (100 %)
Итколь II	0 (0 %)	4 (11,1 %)	16 (44,4 %)	8 (22,2 %)	8 (22,2 %)	36 (100 %)

Табл. 4. Возрастная структура женских серий могильников

Могильник	18–20	20–30	30–40	40–50	Старше 50	Всего
Итколь I	1 (6,2 %)	5 (31,3 %)	5 (31,3 %)	3 (18,6 %)	2 (12,5 %)	16 (100 %)
Итколь II	3 (8,6 %)	10 (28,6 %)	10 (28,6 %)	5 (14,3 %)	7 (20 %)	35 (100 %)

Данные мужской смертности этого же могильника показывают, что количество мужчин, умиравших в возрасте старше 40 лет, составляет 44,4 %, т. е. когда постепенно начинали проявляться эндогенные причины, связанные со старением организма.

Отношение числа детей к числу погребенных женщин в окуневских памятниках Итколь I и Итколь II показывает, что у каждой женщины умирало как минимум двое детей, не достигших репродуктивного возраста. В могильниках подгорновского этапа тагарской культуры данное соотношение заметно выше и достигает 3,2. Для подгорновского времени установлено, что у каждой женщины в среднем умирало три или четыре ребенка. Сомнительно, чтобы условия жизни и воспроизводства популяции в раннескифскую эпоху были значительно хуже, чем в эпоху ранней бронзы. Окуневский обряд, по-видимому, подразумевал захоронение части детей на поселениях или в отдельных детских могильниках. Аналогичная ситуация прослеживается и в комплексах сарагашенского этапа тагарской культуры, где данный показатель еще ниже и составляет в среднем 1,4.

Наблюдаемое явление объясняется особенностями обряда периода раннежелезного века, не предполагавшего погребение в склепах детей младше 4–5 лет. Их, вероятно, захоранивали в иных местах. Это обстоятельство следует иметь в виду при оценке реальной демографической ситуации как внутри окуневской культуры, так и при анализе комплексов позднейших эпох.

Средний возраст смертности подсчитан отдельно для мужчин и для женщин (без учета детской и юношеской смертности), а затем для обоих полов вместе с учетом детских и юношеских костяков (табл. 5). Для женских серий средний возраст составляет 35,5 и 36,7 лет, что сопоставимо с гарскими и тесинскими сериями (Козинцев, 1971; Громов, Лазаретова, 2003; Учанева, Савенкова, 2017). В Итколе II в мужской группе средний возраст смертности составляет 41,1 год. Аналогичные показатели прослеживаются в мужских группах более поздних памятников Среднего Енисея. Для Итколя I в мужской серии ситуация скорее уникальна – средний возраст смертности составляет всего 35,2.

Табл. 5. Средний возраст смертности

Группы	Итколь I	Итколь II
Мужчины	35,2	41,1
Женщины	35,5	36,7
С учетом детской и юношеской смертности	21,2	21,4

С учетом детской и юношеской смертности этот показатель существенно уменьшается и составляет 21,2 и 21,4. Такая картина характерна для могильников подгорновского этапа тагарской культуры. В более поздних памятниках этот показатель несколько выше и в среднем по тагарским сериям составляет 24,5 лет, что типично для традиционного мирного общества с высоким уровнем рождаемости. Такие же низкие значения отмечаются в средневековой Европе и в 20-е гг. XX в. в Индии (Козинцев, 1971). В сериях лепешкинского этапа и тесинских склепов данный показатель применить невозможно ввиду особенностей обряда.

В заключение хотелось бы еще раз отметить особое положение могильника Итколь I. По целому ряду показателей (непропорционально малое количество женщин, высокая смертность среди подростков, юношей и молодых мужчин) он заметно выделяется из всех окуневских серий. Пока неясно, чем обусловлено это отличие. Для выяснения причин наблюдаемого явления необходим детальный археологический анализ данного памятника.

Источники и литература

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.

Громов А. В., Лазаретова Н. И., 2003. Некоторые аспекты демографии древнего населения Южной Сибири (эпоха железа) // Российская наука о человеке: Вчера, сегодня, завтра. СПб. Вып. 2.

Кислый А. Е., Потехина И. Д., 1994. Палеодемография скифского населения Северного Причерноморья // Серия «Скифы: экономика и история». К. Вып. 1.

Козинцев А. Г., 1971. Демография тагарских могильников // СЭ. М. № 6.

Учанева Е. Н., Савенкова Т. М., 2017. Палеодемография населения тесинской культуры (по материалам из склепов) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб.

Грузила и составные крючки: сланцевые артефакты в неолите Карельского перешейка (по материалам стоянки Березово 2)¹

Р. И. Муравьев², Е. С. Ткач³, Д. В. Герасимов⁴

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-209-216

Изделия из сланца были распространены на территории Восточной Фенноскандии, включая Карельский перешеек, на протяжении всего каменного века, использовались они и позднее, вплоть до Средневековья и Нового времени. Это связано с доступностью сырья, особенно ввиду отсутствия локальных выходов кремня, а также удобством обработки материала с применением техник расщепления, оббивки, пиления и впоследствии шлифовки.

В 2018 г. на севере Карельского перешейка (Ленинградская обл.) были проведены раскопки неолитической стоянки-мастерской Березово 2 (Герасимов и др., 2018) (рис. 1; 2). Коллекция сланцевого инвентаря насчитывает более 1000 артефактов общим весом свыше 4 кг. При мощности культурного слоя до 0,40 м стратиграфически они распределены по четыре горизонтам в порядке постепенного убывания. Мощность горизонта составляла 0,05–0,07 м и могла варьироваться при возможности проследить поверхность литологического слоя (Герасимов и др., 2018. С. 15). Основная масса находок была сконцентрирована в первом (508 единиц) и втором (361 единица + 6 ед. в подгоризонте 2а) горизонтах. Третий горизонт включал в себя всего 76 сланцевых находок, а к четвертому горизонту их количество сократилось до 19. Типология археологических находок свидетельствует, что на

памятнике представлено несколько культурных контекстов (поздний мезолит VII–VI тыс. до н. э., развитый и поздний неолит IV – начало III тыс. до н. э.), встречены также отдельные артефакты более поздних эпох вплоть до Нового времени.

Фиксация находок производилась на месте при помощи лазерных тахеометров, что позволило с точностью определить привязку координат местоположения для 383 сланцевых артефактов. Кроме того, в ходе полевых работ после разбора слоя мелким раскопчным инструментом было выполнено просеивание всего объема вынутого грунта через сито с ячейкой 3,5 мм с дифференциацией как стратиграфически по горизонтам, так и планиграфически по квадратам 1 × 1 м и по четвертям а, б, в, г размерами 0,5 × 0,5 м. Просеивание дополнительно позволило обогатить коллекцию 683 единицами сланцевых находок – преимущественно, мелкими фрагментами.

Выявленные в ходе земляных работ структуры разбирались отдельно с уровня, на котором они отчетливо проявлялись, близкими к половине частями для получения профиля по длинной оси и меньшими секторами – для получения дополнительных стратиграфических профилей. Предметы из сланца встречены в 13 структурах. Самое большое количество артефактов из сланца (21 плитка, пять отщепов и пять орудий) встречено при разборе структуры F53. Также на северо-восточной оконечности стоянки примерно в 15 м к северо-востоку от жилищной впадины (сектор 975/50) была выявлена зона, которую можно рассматривать как технологическую ввиду концентрации сланцевых артефактов и отходов их производства (Герасимов и др., 2018. С. 16).

Для более точного описания артефактов при обработке коллекции были введены факторы твердости

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19-18-00375.

² Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия. alcesalces243@gmail.com

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. E-mail: jenij90@mail.ru.

⁴ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 3. Dger@kunstkamera.ru.

Рис. 1. Карта расположения поселения-мастерской Берёзово 2

Рис. 2. Вид на стоянку Берёзово 2 в ходе работ (с северо-запада на юго-восток)

и слоистости – сланцеватости, являющейся одной из определяющих характеристик данной горной породы. В коллекции преобладают артефакты из сравнительно нетвердого сланца – 761 единица, артефакты из твердого сланца (в т. ч. зеленый онежский сланец, метатупф) представлены в количестве 305 единиц. Сланцеватость большей части коллекции является выраженной – 806 артефактов представляют собой плитки, заготовки и орудия из подчеркнута слоистого, особенно на изломе, материала. Юлиус Айлио определял сходный по качеству материал, как «Schiefer» (шифер) (Ailio, 1909. Т. 1. Р. 44). В сравнении с качественным онежским сланцем данный материал может проигрывать по ряду параметров (в частности, устойчивости на излом), что ограничивает его использование для изготовления ряда категорий орудий, например, тесел и других макроорудий, а также применение таких традиционных методов обработки сланца как оббивка

и пикетаж (Шахнович, 2007). Вероятно, поэтому эти техники на памятнике Берёзово 2 применительно к сланцу представлены минимально. Вероятно, этим же объясняется то, что изделия из сланца подобного качества в основном не предназначены для обработки твердых материалов и служили предметами охотничьего вооружения, орудиями рыболовства либо, в случае с подвеской, относились к духовной сфере (Тарасов, 2001. С. 144). Однако данное сырье явно имело и ряд преимуществ. Из него легко получить тонкие плитки путем намеренного расслоения сланцевых валунов либо блоков при помощи каменных отщепов, используемых в качестве клиньев, и отбойника либо колотушки. Нередко подобные плитки встречаются в готовом виде. В силу небольшой твердости это сырье требует меньше трудозатрат при обработке, легко поддается абразивным техникам – шлифовке и пилению (Тарасов, 2001. С. 142). Это сближает технологию его обработки с обработкой кости (Жилин, 1993). Также это сырье обладает сравнительно малым весом, что могло сыграть роль в использовании его для производства наконечников стрел и отдельных категорий рыболовного инвентаря.

Хронология находок сланцевых орудий для рыбной ловли весьма широка и охватывает весь период неолита. Рыболовные орудия, интерпретированные как грузила, известны в материалах раннего неолита культуры сперрингс (Витенкова, 1996. С. 75). Для территории Карелии отмечено присутствие сланцевых деталей составных крючков на памятниках развитого неолита и позднее (Савватеев, 1991). Финские исследователи датируют сланцевые крючки неолитом, но допускают мезолитический возраст грузил, использовавшихся с костяными либо деревянными крючками для лова (Minkkinen, 2000; Naskali, 2004). Грузила нескольких разных типов с варьирующейся степенью обработки от грубых плиток с перехватами до хорошо зашлифованных изделий связываются с культурой типичной гребенчатой керамики, однако отдельные артефакты встречаются и далее в финском позднем неолите (Naskali, 2004. Р. 76, 63–84). Ввиду разницы в локальных периодизациях необходимо уточнить, что под поздним неолитом по финской периодизации здесь имеется в виду III тыс. до н. э., которое российские исследователи относят уже к энеолиту – эпохе раннего металла (Nordqvist, 2018. Р. 51, fig. 11). Довольно широка и география распространения находок – это Прибалтика, Финляндия, Карельский перешеек, Карелия, а также ряд памятников в Вологодской, Архангельской областях и Республике Коми.

Изделия данных типов известны исследователям неолита Карельского перешейка уже более сто-

летия. Юлиус Айлио упоминает и приводит изображение подобных артефактов, называя их «Angelsenker», грузилом для удочки (Ailio, 1909. Т. I. P. 50, abb. 41–43). Примечательно, что эти находки сделаны в приходе Каукола в окрестностях озера Риукъярви – совр. озеро Узловое вблизи поселка Севастьяново Ленинградской области (приблизительно в 12 км от стоянки Березово 2). Финский археолог С. Пяльси публикует шесть прекрасно обработанных стержней различных типов, в том числе один со сверлиной (Pälsi, 1915. Tab. XI: 1-6). Встречены подобные артефакты на неолитических памятниках финских провинций Северной и Южной Карелии и Карельского перешейка, исследованных в Финляндии в первой половине XX в. – в приходах Виипури, Каукола, Вуоксенранта, Ряйсяля, Ряакюля, Куусъярви (Viipuri, Kaukola, Vuoksenranta, Räisälä, Rääkkulä, Kuusjärvi) и др. (Naskali, 2004).

В работах многих финских археологов затронуто изучение орудий и методов неолитического рыболовства, но вплоть до начала XXI в. специальные исследования сланцевых рыболовных орудий не проводились. Орудия и методы рыбной ловли рассматриваются как одно из многих направлений в исследовании и описании стратегий первобытного хозяйствования, палеозоологических остеологических коллекций, публикации материалов раскопок (например: Pälsi, 1915; Äyräpää, 1950; Carpelan, 1999; Mökkönen, 2001; Ukkonen, 2004; Nurminen, 2007; Núñez, 2009).

Единого мнения о принадлежности отдельных находок к конкретной категории – стержням составных крючков, грузилам и т.д. – у исследователей не сложилось. Сложностью в разработке типологии данных категорий сланцевого инвентаря также является частая фрагментированность артефактов из сланца, затрудняющая их типологическое определение и интерпретацию; а также многообразие форм, размеров и вариантов сочетаний элементов. Играет свою роль и то, что на неолитических памятниках рассматриваемого региона очень редка и фрагментарна сохранность органических материалов – необожженной кости, дерева, смолы, обмотки, что минимизирует вероятность нахождения составного крючка либо рыболовной снасти в сборе.

Ю. А. Савватеев упоминает частые находки сланцевых артефактов, связываемых с рыбной ловлей, на памятниках Карелии (Савватеев, 1991. С. 188, 190, рис. 2). Изделия с круговыми канавками на верхнем и нижнем концах и уплощением-выемкой для вставки жала, преимущественно зашли-

фованные по всей поверхности, отнесены им к стержням составных крючков. Данные признаки выделены как отличительные в сравнении с грузилами с боковыми насечками-перехватами на необработанных удлиненных брусках сланца (Савватеев, 1991. С. 190). Высказано мнение, что стержни с поперечными нарезками и узким заполированным концом могут быть орнаментированы для нанесения ямочного узора при изготовлении неолитической керамики (Лобанова, 1994; Шахнович, 1995; Тарасов, 2001. С. 144).

Прекрасную серию шлифованных грузил – более 60 артефактов – включает коллекция памятника Охта I (Гусенцова, Сорокин, 2018. С. 126). Это плоские или объемные хорошо зашлифованные изделия, расширяющиеся к центру, с головками-перехватами.

Стержни составных рыболовных крючков из сланца в меньших количествах, но присутствуют в неолитических материалах на северо-востоке Европейской части России (Козырева, 1991). В частности, два стержня – один с выемкой в нижней части, а второй с выемкой и насечкой – найдены на стоянке Андозеро II в Вологодской области (Ошибкина, 1978. С. 46). Два фрагмента стержней и одно целое изделие с квадратным, линзовидным и округлым сечением происходят из подъемного материала поселения Тудозеро VIII (Иванищева, Иванищева, 2018. С. 136). На торфяниковом памятнике Каравайха IV (интерпретирован как место рыбной ловли) найдены 12 костяных стержней с двумя нарезками-перехватами на концах, которые предположительно могли использоваться как часть составного крючка либо по аналогии с современными блеснами (Косорукова, 2018. С. 129, 131, рис. 1–10). Округлые в сечении стерженьки с головками на обоих концах были найдены на стоянке Кубенино (Фосс, 1952. С. 107). Исследователями неоднократно высказано предположение, что за одну подобную головку (вероятно, большую) или зарубку-перехват привязывалась леса, а другая служила для крепления острия (Козырева, 1991. С. 227; Крайнов, 1991. С. 138). Вероятно, одни из самых восточных в географическом отношении находок подобных стержней составных крючков – это материалы из II Висского торфяника, где обнаружены стерженьки с выемками на концах (Буров, 1966), и III Висского торфяника, в коллекции из которого есть небольшой каменный шлифованный стержень с головкой в верхней части (Буров, 1968).

Находки стержней составных крючков схожих форм зафиксированы в волосовских слоях стоянок Верхнего Поволжья – Сахтыш I, Стрелка I и других

(Крайнов, 1991. С. 138). Эти стержни делались не только из сланца, но также из кости.

Из отдаленных аналогий заслуживает упоминания китайский тип составного рыболовного крючка. Данная категория артефактов широко представлена в первую очередь в неолитических погребальных памятниках Прибайкалья, в частности в Китайском могильнике и других памятниках бассейна Ангары (Окладников, 1974; Горюнова, 2002). Такие же стерженьки представлены среди находок из II слоя стоянки Шракшура III на Малом море оз. Байкал, слой с помощью радиоуглеродного метода датирован ранним неолитом 7420–7290 кал. л.н. (Новиков и др., 2018). Несмотря на конструктивные сходства, данный тип стержня составного крючка довольно сильно отличается от северо-западных составных крючков по ряду морфологических характеристик (Гурина, 1991. С. 22).

На материале неолита Латвии (205 стержней составных рыболовных крючков) И. А. Загорска рассмотрела и выделила пять типов стержней в зависимости от деталей строения нижней их части (Загорска, 1991. С. 54). В поперечном сечении они могут быть круглыми, овальными, прямоугольными или неправильных очертаний. Материал, из которого их изготавливали, не ограничивался только сланцем, встречены также артефакты из кремня и органических материалов (кости, рога, зубов животных). Тип 1 – совсем гладкие стержни с широкими полосами следов обмотки на обоих концах. Тип 2 – прямые или слегка изогнутые стержни со скошенной нижней частью с зарубками. Тип 3 – стержни с вырезанной в нижней части выемкой. Тип 4 – немногочисленная группа широких и массивных стержней, сильно расширенных в средней части, уплощенных в поперечном сечении и с небольшим углублением в нижней части. Тип 5 – стержни с расширенной и особо выделенной нижней частью с врезанными бороздками для вставления жала. При этом типы 2 и 3 разделяются на подварианты ввиду разницы оформления верхней части стержня. Его головка может быть: 1) гладкой, 2) расширенной, 3) с перехватом, 4) с зарубками, 5) с отверстием (Загорска, 1991. С. 55, рис. 5). Также было высказано мнение, что стержни помимо функции непосредственно крючка вполне могли служить грузиками, а при использовании блестящих в воде материалов стержни расширенной (рыбковидной) формы могли служить блесной и использоваться без наживки (Загорска, 1991. С. 57). Стержни составных рыболовных крючков были найдены случайно на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, а также в могильнике Звейниеки, на стоянках Звейниеки II, Риннюкалнс и Абора I. Им сопутствуют также и менее частые

находки жал составных рыболовных крючков, которые характеризуются небольшим размером, скошенной либо расширенной нижней частью. Ряд из них несет на себе сохранившиеся следы крепления, что свидетельствуют о том, что эти острия не были самостоятельными орудиями, а были частью составного крючка (Загорска, 1991. С. 56).

Типология сланцевых рыболовных орудий для Карельского перешейка и Финляндии на материале финских раскопок и сборов преимущественно начала XX в. разработана Эро Наскали в магистерской работе Университета Хельсинки (Naskali, 2004). Работа хранится в библиотеке Университета Хельсинки, однако осталась неопубликованной в издательстве и, ввиду этого, малоизвестной. Материал, который рассмотрен в этом исследовании, является как наиболее значительным с точки зрения максимальной географической близости, так и самым большим количественно. К сожалению, в ней не охвачена такая категория сланцевого инвентаря, как жала составных рыболовных крючков. Работа Э. Наскали охватывает 91 стержень и 222 грузила из коллекций музеев Финляндии. Важно отметить, что примерно половина этих находок – 53 стержня и 99 грузил, 58,2 % и 44,6 % от общего количества соответственно – происходит из провинции Южная Карелия (фин. Etelä-Karjala), а в частности с Карельского перешейка, в том числе с территорий, сегодня находящихся в подчинении РФ. Э. Наскали выделяет три типа грузил, каждый из которых разделяется на два подтипа, и четыре типа стержней составных крючков. Ввиду малодоступности данной работы считаем необходимым кратко описать выделенные типы.

Стержни составных крючков:

Тип A1 – стержень равномерной толщины, прямой или слегка изогнутый, с креплением-перехватом на верхнем конце;

Тип B1 – стержень с выраженным расширением в средней части, прямой или слегка изогнутый, с креплением-перехватом на верхнем конце;

Тип B2 – стержень с расширением в средней части, перехват расположен между центром и верхним концом артефакта («рыбковидная» верхняя часть, с перехватом или сверлинами);

Тип C1 – стержни конической формы.

Грузила:

Тип P1 (a и b) – грузило с зубчатыми головками на концах;

Тип P2 (a и b) – грузило с двумя перехватами на концах;

Тип P3 (a и b) – грузило со сверлинами/отверстиями на концах.

Коллекция сланцевых артефактов, имеющих отношение к рыбной ловле, на памятнике Березово 2 насчитывает 54 артефакта, из них 23 являются археологически целыми. С памятника происходит серия жал (острий) и стержней составных рыболовных крючков, а также грузил на довольно крупных обработанных и нешлифованных сланцевых плитках.

Стержни составных крючков (восемь целых экземпляров, 10 фрагментов) представляют собой несколько узнаваемых форм. По типологии Э. Наскали в коллекции присутствуют типы A1, B1, B2; наиболее редкий тип C1, представленный всего тремя находками в Кемиярви и Суомуссалми (Kemijärvi, Suomussalmi), на стоянке Березово 2 не представлен. Артефакты изготовлены из мягкого шиферного сланца. Общее в их конструкции – наличие места крепления в верхней (головка-перехват для привязывания) и нижней (выемка-паз для жала) части артефакта. Иногда выемки для крепления жала дополнены нарезками для лучшего скрепления при привязывании.

Тип A1 стержней составных рыболовных крючков по Э. Наскали представлен тремя целыми изделиями и шестью фрагментами (рис. 3: 1–4). Стержень 1 длиной 60 мм, удлинённой вытянутой формы, подпрямоугольный в сечении был найден фрагментированным на разных участках раскопа и впоследствии собран. Стержень 2, вероятно, был конструктивно схож с первым, но в сечении он является подокруглым и фрагментирован (обломан с обеих сторон). Стержень 3 длиной 44 мм, удлинённой вытянутой формы, в сечении подпрямоугольный. Его головка-перехват оформлена круговыми надпилами, а в нижней части имеется выемка для крепления жала. Стержень 4 – самый маленький в коллекции (длина 34 мм), округлый в сечении, его головка сужена вверх. Наиболее близкими аналогиями к представленным артефактам можно считать находки на неолитических памятниках в приходах Каукола и Эвиярви (Naskali, 2004. P. 27).

Тип B1 по Э. Наскали представлен пятью целыми изделиями и тремя фрагментами (рис. 3: 5–10). Выделяются два крупных 52 и 62 мм – хорошо обработанных стержня дугообразно изогнутой формы с оформленной двумя надпилами по окружности стержня головкой-перехватом для привязывания лесы в верхней части и резким прямоугольным в сечении расширением тела стержня ниже (рис. 3: 5–6). Тело стержня постепенно сужается к округлой в сечении нижней части, на боковой стороне которой располо-

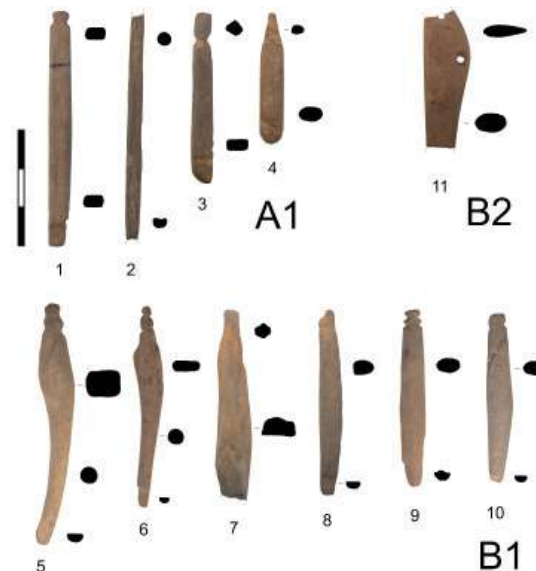

Рис. 3. Типы стержней составных рыболовных крючков со стоянки Берёзово 2 (фото С. Б. Шапиро; типология по Naskali, 2004)

жена выемка для жала крючка. Вторая группа стержней внутри данного типа представляет собой сравнительно небольшие (44, 46 и 48 мм) изделия цилиндрической формы с расширением в середине, округлые в сечении. Головка-перехват этих стержней оформлена одним (рис. 3: 8, 10) или двумя двусторонними пропилами (рис. 3: 9). В нижней части пропиленая прямая (рис. 3: 8, 10) либо направленная под небольшим углом вверх выемка для жала крючка (рис. 3: 9). Наиболее близкими аналогиями находкам типа B1 можно считать артефакты из коллекций неолитических памятников из приходов Каукола, Виипури, Куусъярви (Naskali, 2004. P. 34).

Тип B2 представлен одной фрагментированной находкой (рис. 3: 11). Она представляет собой обломанный с двух сторон фрагмент стержня с линзовидным в верхней части и овальным в нижней части сечениями и расширением в одну из сторон. На артефакте сохранились две биконические сверлины – одна прослеживается в верхней части предмета, вторая – на расширении. Эту находку можно отнести к довольно редкой категории вещей, представляющих собой стержни в форме рыбки. Один из наиболее художественно проработанных примеров этого типа – «рыбка» крупных размеров (около 9 × 12 см) из коллекции памятника с типичной гребенчатой керамикой Холопайнен в Леппявирта (Leppävirta Moninmäki Holopainen), восточная Финляндия (Luho,

1966; Koivisto, 2017. P. 28, fig. 6). На территории России целые артефакты данного типа известны из материалов памятников позднего неолита Карелии с гребенчато-ямочной керамикой Черная Губа IV и IX, Суна IV в Прионежье (Витенкова, 2002. С. 124, рис. 51: 5). Фрагмент, подобный найденному в 2018 г. на Березово 2, был найден в Риукъярви в приходе Каукола на поле Юхо Паавилайсена (Juho Paavilaisen Rantapelto) (Pälsi, 1915. Tab. XI: 1). Близок к нему и фрагмент из сборов на памятнике Тудозеро VIII (Иванищева, Иванищева, 2018. С. 135, рис. 1: 4). Отличия состоят в том, что у двух последних имеется только одна сверлина на расширении. Тот же признак отличает находку на Березово 2 от находок стержней из коллекций памятников неолитического времени приходов Раясяля, Куркиеки и Раяккюля (Naskali, 2004. P. 42), а также стержня с памятника Виипури Хяюринмяки (Viipuri Häyrinmäki) (Suomen Esihistoria, 1995. P. 16).

Жала (острия) составных крючков (9 шт.) составляют отдельную категорию инвентаря. Их размеры варьируют от 56 до 26 мм. Жала изготовлены из мягкого шиферного сланца, заострены на конце и имеют широкое скошенное основание. На некоторых экземплярах (например, рис. 4: 2) напротив скошенной части основания выражены насечки, вероятно, служившие для привязывания жала к стержню крючка. Острия в сечении подокруглые и подтреугольные (самый маленький экземпляр в сечении уплощенный). Вероятно, крупные экземпляры (например, рис. 4: 1) служили для добычи весьма крупной рыбы. Одно из жал можно рассматривать как незавершенную заготовку острия с оформленной нижней частью (рис. 4: 6). Количество найденных на памятнике жал составных крючков меньше, чем количество стержней от них же, что может косвенно говорить в пользу точки зрения, что жала, в числе иных рыболовных орудий и приспособлений, чаще изготавливались из органических материалов (кость, рог, дерево и др.), ввиду чего не сохранились (Koivisto, 2017. P. 26).

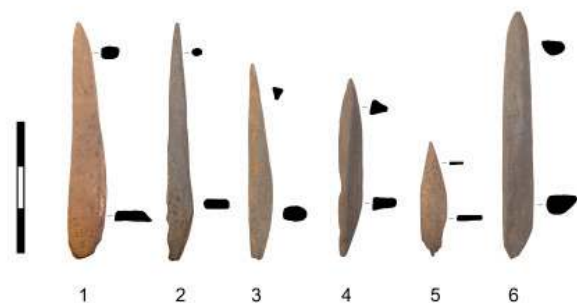

Рис. 4. Жала (острия) составных рыболовных крючков со стоянки Берёзово 2 (фото С. Б. Шапиро)

Грузила для рыболовных снастей в коллекции Березово 2 представлены семью целыми и 20 фрагментированными экземплярами. Артефакты изготовлены из мягкого шиферного сланца. Согласно типологии Э. Наскали, среди находок на Березово 2 присутствуют рыболовные грузила типов P1a, P2a, P3a (рис. 5: 1–13).

Тип P1a представлен 1 фрагментированным шлифованным сланцевым грузилом уплощенного сечения с одной сохранившейся зубчатой головкой (Рис. 5: 11). Наиболее близкими аналогиями артефакту данного типа можно считать находки из приходов Каукола, Йоханнес и Инкоо (Naskali, 2004. P. 60). Грузила с подобным «зубчатым» типом крепления леси известны и в энеолите Республики Карелия, например на поселении Войнаволок XXVII (Жульников, 1999. Рис. 58: 3).

Тип грузил P2a в коллекции Березово 2 – наиболее многочисленный, он представлен 7 целыми и 17 фрагментированными находками (рис. 5: 1–10). Большая часть целых артефактов – это грузила для рыболовных снастей на необработанных или слабо обработанных шлифовкой удлинённых плитках шиферного сланца подтреугольного, либо подпрямоугольного сечения. Аналогии данному типу

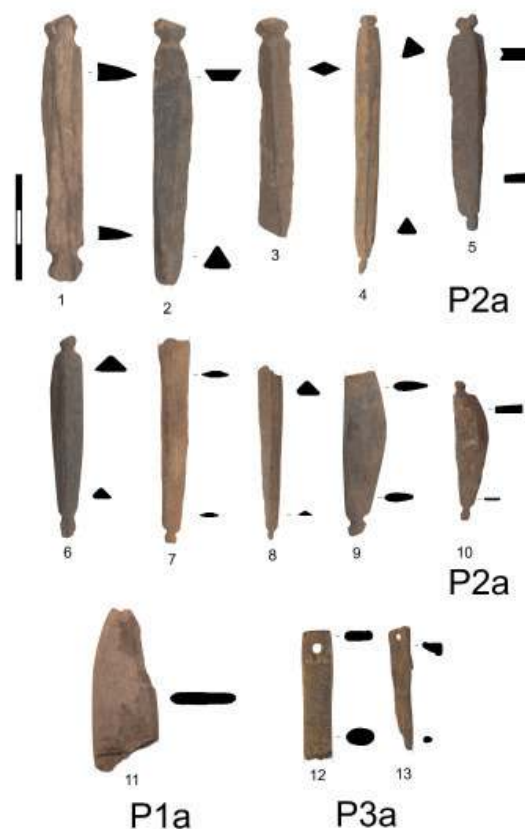

Рис. 5. Типы рыболовных грузил со стоянки Берёзово 2 (фото С. Б. Шапиро; типология по Naskali, 2004)

находок известны среди артефактов неолитических памятников приходов Каукола и Виипури, хранящихся в Национальном музее в г. Хельсинки (Naskali, 2004. Р. 70). Также сходные по форме артефакты широко распространены на памятниках Республики Карелия – Бесовы Следки, Сулгу III, Малая Суна I и др. (Савватеев, 1991. Рис. 2: 1–22).

Грузила для рыболовных орудий типа Р3а в коллекции Березово 2 представлены двумя фрагментированными артефактами (рис. 5: 12–13). Нижние части грузил обломаны. Одно из них хорошо зашлифовано, имеет подовальное сечение с уплощением в верхней части и сверлину биконического профиля, т. е. сделанную с двух сторон навстречу друг другу (рис. 5: 12). Сохранность второго фрагмента не позволяет в полной мере судить о форме артефакта, кроме того, что он имел сверлину в верхней части (рис. 5: 13). Аналогии данному типу находок известны среди артефактов неолитических памятников приходов Каукола, Куркиеки и Миньямки (Naskali, 2004. Р. 81).

Выводы

Исходя из анализа коллекции сланцевого инвентаря стоянки Березово 2 как нового источника, можно сделать следующие выводы:

– общность типов инвентаря на памятниках Карельского перешейка, Республики Карелия и Финляндии говорит об устойчивой системе контактов и обмене внутри неолитической общности культуры типичной гребенчатой керамики;

– отдельные категории инвентаря стоянки-мастерской Березово 2 производились на месте, о чем свидетельствует наличие заготовок и фрагментированных/бракованных изделий. В отличие от рубящих орудий, возможно, являющихся карельским импортом, орудия рыболовства производились из местного сланцевого сырья;

– тип хозяйствования на памятнике Березово 2 был ориентирован, помимо охоты на боровую дичь, на рыболовство, в частности на добычу довольно крупной рыбы, о чем красноречиво говорят сланцевые индивидуальные орудия лова – части составных крючков и грузила, и остеологический материал (например, крупные позвонки и иные кальцинированные кости рыб).

Источники и литература

Буров Г. М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. № 1.

Буров Г. М., 1968. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963–1964 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь. № 191.

Витенкова И. Ф., 1996. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск.

Витенкова И. Ф., 2002. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск.

Герасимов Д. В., Ткач Е. С., Гончарова Е. Н., 2018. Раскопки неолитической стоянки Березово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации) // Бюллетень ИИМК РАН. № 8.

Горюнова О. И., 2002. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск.

Гурина Н. Н., 1991. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовного и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., 2018. Рыболовные конструкции и орудия лова неолита – раннего металла памятника Охта I в Санкт-Петербурге // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб.

Жилин М. Г., 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.

Жульников А. М., 1999. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск.

Загорска И. А., 1991. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Иванищева М. В., Иванищева Е. А., 2018. Археологические объекты и орудия рыболовства на поселениях каменного века на Тудозере в Южном Прионежье // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: Материалы конференции. СПб.

Козырева Р. В., 1991. Рыболовство и морской промысел на Северо-Востоке европейской части СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Косорукова Н. В., 2018. Рыболовный инвентарь на стоянке Каравайха 4 в бассейне озера Воже //

Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб.

Крайнов Д. А., 1991. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Лобанова Н. В., 1994. Орнаментальные штампы неолитических поселений восточного берега Онежского озера // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. № 2.

Новиков А. Г., Мамонтов А. М., Горюнова О. И., 2018. Орудия рыбного лова и ихтиофауна из комплекса раннего неолита Шпракшура III на Малом море озера Байкал // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. Т. 24.

Окладников А. П., 1974. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск.

Ошибкина С. В., 1991. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Савватеев Ю. А., 1991. Рыболовство и морской промысел в Карелии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.

Тарасов А. Ю., 2001. Изменчивость каменного инвентаря на территории Карелии в неолите – раннем железном веке: Дис.... канд. ист. наук. Петрозаводск.

Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР. М. (МИА. № 29).

Шахнович М. М., 1995. Находки неолитических орнаментальных штампов на территории Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. № 5.

Шахнович М. М., 2007. Мезолитическое поселение Киркколахти 1 в Северном Приладожье // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.

Ailio J., 1909. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors.

Äyräpää A., 1950. Ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. (Acta Archaeologica. № 21).

Carpelan C., 1999. Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100–1000 eKr. // Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Helsinki.

Koivisto S., 2017. Archaeology of Finnish wetlands: With special reference to studies of Stone Age stationary wooden fishing structures. Helsinki.

Luhu V., 1966. Leppävirta Moninmäki Holopainen. Ville Luhon virka-matkallaan kaivauttamat kivikautiset asuinpaikkalöydöt. Helsinki.

Minkkinen V., 2000. Kalastusvälineiden levintä Suomessa maalöytöjen perusteella. Helsinki.

Mökkönen T., 2001. Hauki on kala: Saimaan vesistöalueen kivi- ja varhaismetallikauden osteologinen aineisto (Muinaistutkija. № 3).

Naskali E., 2004. Koukkupyödyksiä Suomen kivikaudelta. MA thesis, Department of Archaeology, University of Helsinki. Helsinki.

Nordqvist K., 2018. The Stone Age of north-eastern Europe 5500–1800 ca. BC: bridging the gap between the East and the West // Acta Universitatis Ouluensis. B 160, Humaniora. Oulu.

Núñez M., 2009. The sea giveth, the sea taketh: The Role of marine resources in Northern Ostrobothnia, Finland, 4000–2000 BC (Arctic Anthropology. № 46).

Nurminen K., 2007. Kalanluulöytöjä Suomen neoliittisilta asuinpaikoilta (Muinaistutkija. № 1).

Pälsi S., 1915. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXVIII. 1920. Helsinki.

Suomen esihistoria: Suomen kansallismuseon näyttelyluettelo. Helsinki. 1995.

Ukkonen P., 2004. Early in the north – utilization of animal resources in northern Finland during prehistory (Iskos. № 13).

Концепция комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Исторический бульвар» в г. Севастополь¹

А. Ф. Покровская², С. Л. Соловьев³, А. Ю. Касимов⁴,
А. А. Лазарев⁵, В. Л. Полигаев⁶, Д. А. Юнкин⁷

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-217-231

Концепция музеефикации и приспособления для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Историческом бульваре» (г. Севастополь) разработана сотрудниками ИИМК РАН в целях обеспечения сохранения объектов культурного наследия; эффективного использования потенциала ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник» как объекта туризма и культурно-познавательной деятельности. Главные принципы разработки концепции бази-

ровались на требованиях действующего законодательства в области сохранения объектов культурного наследия.

В ходе работ выполнен анализ международных и национальных правовых актов, регламентирующих деятельность в сфере сохранения культурного наследия; изучен зарубежный и национальный опыт по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия под открытым небом; подготовлена историческая справка; сделан анализ современного культурного пространства, в котором функционирует объект культурного наследия, оценен туристический потенциал объекта. Предложен комплекс мер по сохранению и современному использованию объекта.

Концепция разрабатывалась в соответствии с Конституцией Российской Федерации; Федеральным законом от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Международная правовая система охраны объектов культурного наследия, которая, прежде всего, раскрыта в конвенциях и рекомендациях ЮНЕСКО, явилась результатом более чем полувекового развития институтов международной защиты культурного наследия (см. список источников).

Вопросами охраны культурных ценностей занимаются также различные международные неправительственные организации, осуществляющие тесное сотрудничество с ЮНЕСКО. Проблемы и направления туристского использования культурного наследия на международном уровне отражены в ряде документов Всемирной туристской организации, специализированного учреждения

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций», а также по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: asraf@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: kospunk666@gmail.com.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: alexandrlazarev2008@yandex.ru.

⁶ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: poligaev@mail.ru.

⁷ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: anar-x-ist@yandex.ru.

ООН (ЮНВТО) (Культурное наследие и туризм, 2007. С. 12, 13).

Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 впервые в нашей истории утверждены Основы государственной культурной политики. В документе государство возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России. Закреплены такие принципы государственной культурной политики, как равный доступ всех граждан к культурным ценностям, участию в культурной жизни и пользованию организациями культуры; открытость и взаимодействие с другими народами и культурами, представление об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры; соответствие принимаемых государством экономических, технологических и структурных решений целям и задачам государственной культурной политики; свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность; делегирование части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам.

Одним из наиболее широко применяемых методов сохранения и использования памятников археологии является музеефикация. В настоящее время выдвигаются следующие основные критерии выбора археологических объектов для музеефикации: научная достоверность, познавательная ценность и историческая значимость археологического памятника; сохранность, предполагающая реставрацию (где это возможно); степень доступности музеефицируемого памятника археологии для массового посетителя, пригодность памятника для посещений и показа; характеристики примыкающей к памятнику территорий, позволяющие организовать и структурировать посещение памятника.

В зависимости от характера, степени изученности и сохранности памятника возможны следующие формы музеефикации: консервация сооружений и находок; частичное или полное воссоздание их внешнего вида; создание макетов утраченных объектов; установка памятных знаков, мемориальных досок и щитов с информацией; включение старых названий в топонимику города.

В целом музеефикация археологических памятников предусматривает большой комплекс

организационных и технических мероприятий: определение их территории, законодательное оформление границ памятника, определение охранных зон и их режимов, проведение консервационно-реставрационных работ, создание защитных сооружений-павильонов, разработка проекта и строительство музея, благоустройство территории участка.

Требование «оживления» археологического наследия определило разработку новых подходов к построению показа археологических памятников. Одним из ведущих на сегодняшний момент подходов стала «интерпретация наследия». Под ней понимается сложный многогранный процесс истолкования объектов культурного наследия: это и образовательная деятельность, и коммуникационный процесс в форме переживания, погружения или взаимодействия, который стимулирует различные связи между значениями, заложенными в объекте культурного наследия, и интересами аудитории. Новыми областями интерпретации археологического наследия являются направления, основанные на восприятии через активное взаимодействие с использованием развлекательных технологий («живая история», «глубокий туризм», «экспериментальная археология»). В настоящее время в мировой практике музеефикация признана самым оптимальным вариантом сохранения и использования памятников культуры, который активно содействует органичному соединению памятника с регионом, обществом, средой бытования.

Исторический бульвар – одна из наиболее ярких достопримечательностей города Севастополя, излюбленное место отдыха жителей и гостей города. На протяжении всей истории своего существования, а это, без малого 180 лет бульвар не раз оказывался в эпицентре ключевых событий общественной и культурной жизни Севастополя.

Севастополь был основан в 1783 г. на берегах Ахтырской бухты как опорный пункт и впоследствии база Российского Черноморского флота. Город располагался на южном берегу бухты, названной Севастопольской или Севастопольский рейд. Здесь в линию берега вдавалась еще одна бухта – Южная, делившая город на две части – восточная Корабельная и западная Городская.

Севастопольская бухта, глубоко вдающаяся в Крымский полуостров, имеет достаточную глубину для прохода кораблей и в то же время довольно узкий вход, который можно удобно оборонять от противника. Со стороны полуострова город окружают горы. Поэтому при организации

оборонительной системы Севастополя в первую очередь строились укрепления на берегу, у входа в бухту – Александровская, Николаевская и Константиновская батареи, а позднее и другие укрепления, обороняющие город с моря.

В 1834 г. по распоряжению инженерного департамента был составлен проект общего усиления укреплений Севастополя, ставший основой концепции устройства оборонительных сооружений города. Проект включал в себя как оборону рейда, так и укрепление Южной стороны города со стороны суши. Укрепление сухопутных подходов предусматривало устройство непрерывной линии обороны, охватывающей город полукольцом с юга (от рейда позади Ушаковой балки с левого фланга до 8-й береговой батареи с правого фланга). Линия эта должна была состоять из расположенных на высотах семи земляных бастионов, замкнутых с горжи оборонительными казармами и стенами, и соединенными между собою оборонительными стенами. В 1837 г. во время осмотра Севастополя император Николай I лично внес в проект изменения – была усилена оборона Корабельной стороны и добавлен еще один бастион – их стало восемь: 1-й бастион (первого полигона) у Киленбухты; 2-й бастион (первого полигона) правее № 1, на расстоянии 260 сажен (555 м) от него; 2-й бастион на Малаховом кургане; 3-й бастион между Доковым и Лабораторным оврагами, на Бамборской высоте, перед морским госпиталем; 4-й бастион против устья Южной бухты, на Бульварной высоте; 5-й бастион на гребне высоты между Городской и Загородной балками; 6-й бастион на той же высоте, в 500 саженях (~1 км) правее 5-го бастиона; 7-й бастион на берегу рейда, возле 8-й батареи. Общая протяженность линии сухопутных укреплений Южной стороны должна была, таким образом, составить 7 верст (~7,5 км).

Однако, поскольку основное внимание при устройстве укреплений уделялось работам над береговыми батареями, к началу войны на сухопутной оборонительной линии было сделано совсем немного. На 4-м бастионе перед началом Крымской войны лишь на месте рва была сделана небольшая выемка в скальном основании. Всего же оборонительные стены прикрывали не более 1/4 всей окружности города.

После объявления войны с Турцией, а особенно после вступления в войну союзников и подтверждения сведений о готовящейся высадке десанта в Крыму, князь Меншиков, руководивший подготовкой города к обороне, распорядился ускорить работы по усилению сухопутных укреплений.

С весны 1854 г. до высадки союзников в середине сентября, на 4-м бастионе было сделано следующее. Правый фас бастиона, длиной 50 саженей (107 м) и фланк, длиной 8 саженей (17 м) были доведены до 8 футов (2,44 м) высоты и 12 футов (3,66 м) ширины. К ним был присыпан валганг, высотой 2 фута (0,61 м). Левый фас и фланк представляли еще едва заметную насыпку. Впереди бастиона находился ров, высеченный в скале еще в 1836 г., с крутостями неправильного вида, шириною до 4 саженей (8,53 м) и глубиною у исходящего угла 8 футов (2,44 м), а у оконечностей от 2 (0,61 м) до 4 (1,22 м) футов.

За первые две недели после высадки союзников (14–26 сентября) на 4-м бастионе было сделано очень мало: досыпан из приносной земли левый фас до 6 футов (1,83 м) высоты и толщины и приспособлен к ружейной обороне. После 26 сентября общее руководство инженерными работами на оборонительных сооружениях принял на себя подполковник Э. И. Тотлебен. На 4-м бастионе приступили к усилению левого фаса.

10 октября были насыпаны траверсы через каждые два орудия на левом фесе 4-го бастиона. 11 октября такие же траверсы заложены и на правом фесе бастиона. Батареи большей частью возводились из приносной земли, что затрудняло и замедляло их постройку. Землю брали позади укреплений, иногда на большом расстоянии, углубляясь до скалы везде, где она встречалась, и подносили в мешках к местам строительства. Земля при этом была неподходящего качества, смешана с камнями и легко рассыпалась. Насыпи плохо держались, поскольку были насыжены в жаркое время.

Отдельной проблемой стала обшивка стенок земляных конструкций. Хвороста для изготовления туров и фашин не хватало. Дерна и чернозема для укрепления стенок также не было. Внутренние откосы укреплений поддерживались стенками, сложенными из камня насыжено, либо из глины, причем насыпка укреплений производилась по мере возведения этих стенок. Внутренние откосы амбразур («щеки амбразур») обкладывались в лучшем случае земляными мешками, которые часто загорались от выстрелов и обсыпались. Часто мешков не хватало и тогда обшивка производилась досками или глиной, что делало их еще менее прочными – доски от действия пороховых газов при выстрелах загорались и обваливались, глиняная одежда – трескалась и рассыпалась после первых выстрелов.

Следующие важные изменения в конфигурацию бастиона были внесены 25 октября. На контрэскарпе

правого фаса был устроен банкет для помещения 50 ружейных стрелков. Банкет был «образован отчасти отрывкою на контрэскарпе уступа в грудную высоту, отчасти же присыпкою его из земли и плиты. Вершина контрэскарпа увенчана земляными мешками с образованием бойниц.

3 ноября были начаты работы по устройству двух пробных минных колодцев: один был заложен на дне рва, другой внутри бастиона, у его исходящего угла. По результатам пробных работ предполагалось в случае, если грунт это позволит, соединить оба колодца галереей, и из переднего колодца вывести слуховой рукав по капитали бастиона.

8 ноября пробные колодцы во рву были доведены до глубины в 9 футов (2,74 м), так что их глубина от поверхности земли над рвом составляла уже 21 фут (6,4 м). В колодце была выявлена стратиграфия геологических пластов: до 3 футов (0,9 м) – «слой растительной земли», от 9 до 14 футов (от 2,74 до 4,27 м) – скала, 4 фута (1,22 м) – слой глины и далее опять скала. На этом уровне было решено прокладывать в слое глины слуховые рукава в сторону противника.

12 ноября на 4-м бастионе для одежды амбразур были применены корабельные цистерны, для замены отсутствующих туров и фашин.

14 ноября завершается первый период обороны Севастополя. В это время на работах по всем укреплениям осажденного города были ежедневно задействованы от 6 до 10 тысяч людей, разделенных на две смены. В ночную смену без перерыва работало обыкновенно большее количество людей. Несмотря на столь значительное количество рабочих, их едва хватало чтобы успевать вносить исправления и проводить необходимые ремонтные работы. Материалов катастрофически не хватало, что сказывалось на прочности укреплений. Фашин и туров было очень мало, лишь после Инкерманского сражения появилась возможность заготавливать их в инкерманских и мекензиевых рощах. Основным строительным материалом для одежды амбразур и внутренних откосов были мешки, наполненные землей.

В первой половине ноября для обшивки амбразур начали использовать корабельные цистерны. Для этого использовали цистерны длиной 4 фута (1,22 м), шириной 2 фута 5 дюймов (0,73 м), высотой 3 фута 2 дюйма (0,96 м). Вес их составлял 17 пудов (~278,5 кг). Такие цистерны устанавливались по одной, иногда по две или три у каждой «щеки»

амбразуры, наполняли землей, а остальную часть щеки обкладывали мешками с землей. Этот способ прекрасно защищал насыпь мерлонов от действия пороховых газов, но при попадании снарядов цистерны сдвигались, и их замена требовала очень много усилий. Использование для этих же целей пороховых бочонков оказалось совершенно неэффективным, однако бочонки активно применяли на работах на внутренних откосах укреплений, особенно для устройства банкетов в местах, где не было возможности разворачивать широкие земляные работы.

После перехода осаждающих и осажденных к новой тактике во втором периоде осады, существенно упала интенсивность огня с обеих сторон и осажденные получили возможность направить свои силы на укрепление и усовершенствование оборонительной линии. По всей линии приступили к усилению профилей укреплений, начали возвышать и утолщать брустверы, отрывать и углублять рвы, обшивать амбразуры прочной одеждой из туров и фашин, поднимать валганги, устраивать банкеты, утолщать, возвышать и удлинять траверсы. Особое внимание при этом было обращено на 4-й бастион.

Между 15 и 20 ноября на 4-м бастионе углубили ров и увеличили толщину бруствера до 3 футов (0,91 м), повысили уровень валгангов, а амбразуры правого фаса одели в корабельные цистерны. В конце ноября начались работы по смыканию 4-го бастиона с горжи. Для этого вдоль горжи возвели насухо каменную стенку высотой и толщиной до 1 м, с внутренней стороны к ней присыпали земляной бруствер с банкетом, а с наружной устроили ров.

В середине декабря были дополнительно утолщены брустверы на 4-м бастионе. Кроме того, по всей линии огня бастиона устроены двойные банкеты. В конце декабря – начале января на 4-м бастионе был углублен ров, присыпан гласис, а некоторые орудия раздвинули на большие расстояния, существенно увеличив толщину мерлонов.

В первой половине февраля во рву 4-го бастиона, у правого плечевого угла устроен блиндированный полукапонир на две 24-фунтовые пушки карронады. На самом бастионе повысили бруствер и подняли орудия.

В середине марта в исходящем углу контрэскарпа 4-го бастиона был устроен небольшой плацдарм для помещения, в случае надобности, двух правых орудий. В конце марта – начале апреля

производились работы на наружном откосе бруствера, он был очищен и выровнен. На правом фланке расширен ров. Дополнительно увеличили ширину и высоту всех траверсов и дополнительно насыпаны тыльные траверсы на правом и на левом фасах бастиона. Кроме того, к этому времени было устроено достаточное количество блиндажей в горжевой части, что дало возможность уничтожить землянки, вырытые у валганга и засыпать их землей.

С 9 по 23 апреля 4-й бастион находился под постоянным огнем противника, в результате чего приведен в полуразрушенное состояние, однако союзники не воспользовались возможностью взять бастион штурмом. После этого основное внимание атакующих переместилось на Корабельную сторону, и крупных работ на 4-м бастионе в записях Э. И. Тотлебена более не отмечено.

Создание мемориального комплекса Исторический бульвар

Бульварная высота получила свое название по Большому бульвару, заложенному здесь в 1840-х гг. по распоряжению адмирала М. П. Лазарева. Бульвар располагался на восточном склоне высоты, а центральная ее часть была занята бараками казарм. От старого бульвара после военной кампании 1854–1855 гг. и оккупации Севастополя 1855–1856 гг. сохранилась беседка «Грибок» на склоне и направления дорожек.

После войны бульвар оставался местом прогулок. Он показан на плане Севастополя 1870 г. В то же время, на вершине холма, на местах расположения 4-го бастиона, Язоновского редута и других укреплений было запустение. На фотографиях полковника В. Н. Клембовского, сделанных около 1903 г., показаны остатки бастиона (Виды полей сражений, 1904).

По плану восстановления Севастополя 1856 г., составленному архитектором М. И. Эппингером, предполагалось восстановить бульвар: «От Театральной площади на высоте к Южной бухте предполагается устроить, как существовал и прежде, бульвар».

Современник, посетивший Севастополь в середине 1860-х гг., писал о бывшем 4-м бастионе: «Вокруг меня какой-то хаос, в котором теряешься: громадные камни, выброшенные взрывами, кучи мелкого камня и мусора, обвалившиеся брустверы и во множестве глубокие ямы, вырытые бомбами, не найдешь вершка нетронутой земли... Среди всего этого тусклой лентой вьется тележная дорога, накатанная и набитая до такой степени крепко, что до сих пор со времени осады остается неповрежденной» (Малюков, 1865. С. 139).

После открытия в Севастополе торгового порта, в 1870-е гг. началось интенсивное восстановление города. В 1875 г. Севастопольская городская дума приняла решение не застраивать местность по линии укреплений 1854–1855 гг. и просить правительство объявить сбор средств на благоустройство, сооружение памятников по подписке. В ноябре 1875 г. получено разрешение на открытие повсеместной подписки для сбора пожертвований на устройство в Севастополе Исторического бульвара по линии бывших бастионов (Журнал заседаний, 1875. С. 51–53). Из этого предложения были построены только Исторический бульвар на месте 4-го бастиона, комплекс Малахова кургана (1902–1905 гг.) и Приморский бульвар на месте Николаевской батареи (1883–1885 гг.).

Благоустройство началось с 4-го бастиона как «самого достопримечательного пункта», но работы продвигались медленно из-за отсутствия средств. В 1881 г. на бывшем бастионе была закончена посадка деревьев. Планировочная структура и основные трассировки дорожек были сохранены в том виде, как они существовали в период обороны. М. Я. Энгель, автор Путеводителя по местам обороны Севастополя, в 1909 г. писал, что бульвар восстановлен «в том начертании аллеи, как он значится на планах генерала Тотлебена, знаменитого участника обороны, оставившего нам на память наиболее подробное ее описание. Верхнюю площадь превратили в парк, который со временем обещает развиться в солидные размеры...» (Энгель, 1905. С. 9) (рис.1). Известный военный историк А. М. Зайончковский также утверждает, что «теперешняя большая аллея парка есть та дорога, которая здесь была устроена, чтобы иметь возможность двинуть на 4 бастион ре-

Рис. 1. Вид на Исторический бульвар со стороны Южной бухты. Севастополь. Начало XX в. Репродукция с открытки. ГКУ АГС: Фотофонд. Ед. хр. № о-9060 оц.

зервы в случае его штурма» (Исторический путеводитель, 1907. С. 82). Трассировка этой аллеи сохранилась без существенных изменений. Проект каменной ограды был выполнен в 1907 г. военными инженерами полковником А. А. Григоренко и капитаном Н. Ф. Кахановым и утвержден 16 ноября 1907 г. начальником инженеров Одесского военного округа генерал-лейтенантом Галлером (Шавшин, 2004. С. 68).

В конце XIX в. на Историческом бульваре были установлены каменные тумбы с номерами бывших батарей. Д. П. Парский писал: «Исходящий угол 4-го бастиона отмечен белым столбиком с надписью «4-й бастион». Передние фасы укрепления, вырубленные в скале, сохранились довольно хорошо, общая высота профиля до 3-х сажень. Места батарей не сохранились, их можно найти только по белым столбикам с номерами, в некоторых местах батареи, как обозначают столбики, были построены ярусами, в несколько рядов... Весь бульвар покрыт густой зарослью, под которой можно заметить массу ям и углублений, происшедших от взрывов бомб» (Парский, 1902. С. 144). На фотографии 1900 г. виден памятный знак на исходящем углу бастиона.

При воссоздании левого фаса бастиона памятный знак был снят. Новый памятник, созданный к 1905 г. по проекту архитектора Кольба(?), был установлен на другом месте – в горжевой части 4-го бастиона, примерно на месте горжевого окопа, как утверждает А. М. Зайончковский (Исторический путеводитель, 1907. С. 82). Памятник выполнен в видеobeliska из серого гранита, увенчанного шлемом. На лицевой стороне был выбит крест в лавровом венке и надпись «4 бастион», на противоположной стороне перечислены подразделения, сражавшиеся на укреплениях бастиона: «1854–1855. 32 флотск. экипаж. Черноморские 2 и 8 батальоны, Волинский пех. полк, 4 и 6 стрелк. бат. Тобольский пех. полк. Томский пех. полк». Вокруг памятника уложены рваные гранитные глыбы (рис. 2).

Сооружение большинства памятников на бульваре было закончено в 1904–1905 гг., к 50-летию начала обороны Севастополя. По проекту архитектора Кольба(?) сооружен памятник на месте Язоновского редута: стела серого гранита, на фигурном навершии выбиты крест и даты «1854–1855», на лицевой стороне стелы надпись «Язоновский редут», на оборотной – перечисление сражавшихся подразделений. По проекту военного инженера О. И. Энберга, взамен прежних столбиков с номерами, выполнены мемориальные обозначения батарей в виде парапетов из известняка, в центре

Рис. 2. О. И. Энберг. Знак 4-го бастиона. Исполнительный чертеж по проекту архитектора Кольба. Севастополь. До 31 августа 1903 г. Репродукция с рисунка. ГКУ АГС: Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 248. Л. 7

которых вмонтирована чугунная доска с названием и номером батареи, а на боковых тумбах установлены чугунные ядра. Обозначение на месте батареи № 38 (Костомарова) отличается от остальных, перед парапетом установлена фигурная стенка из крымбальского известняка, на которой укреплены пять чугунных ядер и надпись «Батарея Костомарова. 1855 г.», составленная из отдельных металлических знаков. На месте батареи № 2 («Грибок») сооружена беседка в виде каменного гриба (высота 4 м, диаметр шляпки около 5 м). Колонну соорудили из крымбальского камня, шляпку из бетона, невысокий цоколь служил скамьей (рис. 3).

К юбилею была восстановлена часть минной галереи по направлению капитали бастиона из колодца № 12. Именно из этой галереи был произведен первый взрыв 21 января (Москвич, 1909. С. 26). В путеводителе Г. Москвича указано: «Подземная галерея минеров: здесь две небольшие ниши

Рис. 3. Беседка и видовая площадка «Грибок». Севастополь. Начало XX в. Репродукция с открытки. ГКУ АГС: Фотофонд. Ед. хр. № 3489-1

в виде продолговатых отверстий, через которые видно замечательное рельефное и жизненное изображение двух работающих минеров. Иллюзия получается до того полная, что многие не верят в искусственность изображения и проигрывают пари за реальность фигур» (Москвич, 1909. С. 26). На месте взрывов минной войны в 1870-е гг. была разровнена площадка и устроен военный плац. Сохранился только небольшой участок, с вывороченным взрывом большим камнем. Участок в 1905 г. был обнесен проволочной оградой, а на камне вырезана памятная надпись (Исторический путеводитель, 1907. С. 98).

На месте левого фаса 4-го бастиона воспроизвели батарею: «в виде полукруга воспроизведена батарея с бруствером, блиндажом и 14 орудиями тогдашнего времени» (Адрес-календарь, 1908. С. 19). Укрепления из корзинок-туров были сооружены в виде полукруга, разделены на несколько орудийных дворишков, в каждом из них на деревянной платформе поставлены орудия. Недалеко от батареи соорудили блиндаж по типу землянки периода обороны Севастополя 1854–1855 гг. «Дальше за обелиском батарея с бруствером, блиндажом и 14 орудиями, воспроизведена к 50-летию обороны Севастополя в том виде, в каком она была во время войны 1854 г.» (Протопопов, 1914. С. 41).

Композиционным центром бульвара стало здание Панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», построенное в 1902–1904 гг. по проекту инженера О. Э. Энберга при участии архитектора В. А. Фельдмана и открытое 14 мая 1905 г. Портал здания украшен изображением солдатского Георгиевского креста, обвитого Георгиевской лентой. На портале помещена цифра «349» – число дней обороны. Вокруг здания в нишах помещены 13 бюстов главных защитников и героев обороны. Внутри размещалось живописное полотно профессора Академии художеств Ф. А. Рубо с изображением штурма Севастополя 6 июня 1855 г., успешно отбитого защитниками города (рис. 4).

В 1909 г. в нижней части бульвара открыт памятник Э. И. Тотлебену, созданный по проекту художника генерала А. А. Бильдерлинга и скульптора И. Н. Шредера. Пьедестал сложной композиции, выполнен в виде скульптурного фрагмента бастиона с фигурами защитников города, над которым на гранитном постаменте возвышается скульптура Э. И. Тотлебена.

В 1910 г. было установлено обозначение пребывания на бастионе Л. Н. Толстого. К 100-летию юбилею Л. Н. Толстого, взамен прежнего знака,

возле памятника воинам 4-го бастиона установили новую мемориальную плиту с текстом: «В память годовщины со дня рождения Л. Н. Толстого 1828–1928, пребывающего здесь в Крымскую кампанию 1854–1855 гг. Поставлено Севастопольским горсоветом, РК и КД 10 сентября 1928 г.».

В 1910-е гг. на бульваре имелся ресторан, киоски для продажи прохладительных напитков, работали карусели и качели, в праздничные дни устраивали гуляния для публики (Протопопов, 1914. С. 41).

В годы революции и гражданской войны на Историческом бульваре проходили митинги жителей города, тайные митинги германских солдат из состава оккупационных войск. После гражданской войны бульвар пришел в запустение. В 1920-е гг. инженер О. И. Энберг, начальник инженеров Севастопольской крепости, разработал новый проект планировки Исторического бульвара в полном соответствии с первоначальным замыслом (Шавшин, 2004. С. 68). В 1926–1927 гг. было высажено несколько сот деревьев, асфальтированы дорожки, построены площадки для лаун-тенниса, для игры в футбол, детская, кегельбан, поставлены скамейки, устроено освещение бульвара. После открытия в 1928 г. мемориальной доски к 100-летию юбилею Л. Н. Толстого бульвар стал называться его именем.

В 1931 г. по решению Севастопольского городского Совета на Историческом бульваре началось строительство Городского парка культуры и отдыха, что закладывало в концепцию структуры комплексного памятника истории и культуры на Историческом бульваре второе направление развития его инфраструктуры: формирование в максимально приближенной к центру города и, при этом, достаточно

Рис. 4. Исторический бульвар, здание панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Севастополь. Начало XX в. Репродукция с открытки. ГКУ АГС: Фотофонд. Ед. хр. № о-9078

удаленной от жилых кварталов, обеспеченной транспортно-доступностью парковой зоне городского общественного центра для массовых народных гуляний и досуга, семейного отдыха, спортивных занятий и культурных развлечений (рис. 5).

В годы Великой Отечественной войны на бульваре располагалась позиция зенитной артиллерии, штаб ВВС, штаб и КП ПВО Черноморского флота, в подземно-минных галереях работали курсы МПВО. В дни обороны Севастополя 1941–1942 гг. было разрушено здание панорамы, повреждены мемориальные обозначения батарей, уничтожены деревья (рис. 6). В 1942 г. во время обстрела 25 июня живописное полотно загорелось. Часть картины удалось спасти и на эсминце «Ташкент» доставить в Новороссийск, но состояние полотна исключало возможность его реставрации. Панорама была восстановлена группой художников под

Рис. 5. Главная аллея Исторического бульвара. Вид со стороны Памятника защитникам 4-го бастиона. До 1940 г. Репродукция с открытки. ГКУ АГС: Фотофонд. Ед. хр. № 1002

Рис. 6. Разрушенное здание Панорамы. Севастополь. 1942–1944 гг. Аэрофотосъемка. ГКУ АГС: Фотофонд. Ед. хр. № 1435

руководством академика живописи В. Н. Яковлева. После его смерти группу возглавил академик живописи П. П. Соколов-Скала. В состав творческого коллектива входили профессор П. М. Шухмин, один из старейших мастеров панорамной живописи Н. Г. Котов, художники Б. Н. Беляев, В. И. Гранди, Г. А. Захаров, В. Г. Коржевский, Б. Н. Котов, Б. Ю. Лоран, Е. И. Лобанов, А. П. Мерзляков, В. Е. Памфилов, Н. И. Плеханов, А. П. Романов, А. Ф. Суханов, Н. К. Соломин, Ю. Н. Трузе-Терновская и Н. И. Фирсов. Научную консультацию осуществляли адмирал флота Советского Союза профессор И. С. Исаков и кандидат военных наук А. Н. Кузьмин. Панорама была открыта к 100-летию первой героической обороны Севастополя, 16 октября 1954 г.

В первые месяцы после освобождения Севастополя (1944 г.) территория бульвара была разминирована, расчищены аллеи. В 1945 г. под руководством скульптора Л. М. Писаревского был восстановлен памятник Э. И. Тотлебену. Отреставрированы мемориальные обозначения батарей. По проекту архитекторов Л. Л. Егоровой и Е. Д. Кудрявцевой (1946 г.) (Крестьянников, 1996. С. 49) был восстановлен и частично перепланирован бульвар.

В 1951 г. авторский коллектив архитектурно-планировочной мастерской № 3 Ленинградского филиала «Госинжгорпроект» под руководством архитекторов Ю. А. Дьяконова и Р. А. Широкова разработали новый проект реконструкции Исторического бульвара, который в полном объеме не был реализован (рис. 7–10).

В 1954 г. была открыта восстановленная советскими художниками панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». В процессе реставрации после Великой Отечественной войны в нишах между пилястрами были помещены скульптурные портреты выдающихся участников обороны: адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, В. И. Истомина, А. И. Панфилова,

Рис. 7. Исторический бульвар. Вид со стороны Южной бухты. 1951 г. ГКУ АГС: Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 248. Л. 9

Рис. 8. Реконструкция оружейного дворика на 4-м бастионе. 1951 г. ГКУ АГС: Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 249. Л. 21

Рис. 9. Исторический бульвар. Общий вид со стороны Южной бухты. Эскиз. Проект восстановления парка. Авторский коллектив архитектурно-планировочной мастерской № 3 Ленинградского филиала «Госинжгорпроект» под руководством архитекторов Ю. А. Дьяконова и Р. А. Широкова. 1951 г. ГКУ АГС: Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 248. Л. 4

Рис. 10. Исторический бульвар. Главная аллея. Развертка. Эскиз. Проект восстановления парка. Авторский коллектив архитектурно-планировочной мастерской № 3 Ленинградского филиала «Госинжгорпроект» под руководством архитекторов Ю. А. Дьяконова и Р. А. Широкова. 1951 г. ГКУ АГС: Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 249. Л. 5

Ф. М. Новосильского, матросов Петра Кошки и Игнация Шевченко, Даши Севастопольской (Михайловой), Н. И. Пирогова и Л. Н. Толстого (скульпторы С. А. Чиж, В. В. Петренко, Л. С. Смерчинский, Н. П. Петрова, резчики по мрамору И. И. Степанов, В. И. Журавлев, Г. Р. Харизанов и И. М. Чертов) (Скорикив, 1997. С. 277).

В 1958 г. была открыта новая мемориальная доска в память пребывания на 4-м бастионе Л. Н. Толстого, выполненная из черного гранита с белым мраморным барельефным портретом Л. Н. Толстого и надписью. Авторы памятника скульптор Г. Н. Денисов и резчик по камню И. И. Степанов.

Музей героической обороны и освобождения Севастополя

Постановлением Совета Министров УССР от 06.08.1960 г. № 1268 «Об объединении панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» и диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.» в Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя» был создан Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Начало современному музею положила знаменитая севастопольская Панорама «Штурм 6 июня 1855 г.» На месте памятных событий Великой Отечественной войны – на легендарной Сапун-горе – в 1959 г. приняла своих первых посетителей диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.». Панорама и диорама стали первыми экспозициями музея. В 1963 г. по проекту Л. Губы – сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя – были воссоздан левый фас 4-го бастиона на протяжении 80 м, с оружейными двориками, бруствером, канатными щитами и семью орудиями. Высота бруствера 2 м, орудия чугунные весом 2–5 т. Муляжи туров и канатов выполнены из железобетона. Впоследствии были образованы и другие отделы музея. Их экспозиции открылись в Оборонительной башне Малахова кургана, в доме № 46 по ул. Ревякина, где в 1942–1944 гг. находился штаб севастопольского подполья. В 1973 г. на баланс музея был передан Собор Св. Равноапостольного князя Владимира – усыпальница прославленных адмиралов. В 1977 г. в структуре музея появился отдел истории Севастопольской комсомольской организации, экспозиция которого существовала до 1991 г. В 1965 г. музей стал научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением первой категории. С 1991 г. музей относился к коммунальной собственности города. В 1991 – марте 2014 гг. музей находился в системе Министерства культуры Украины. После вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации является федеральной собственностью РФ и находится в системе Министерства культуры Российской Федерации.

С 1990 г. Исторический бульвар стал местом проведения ежегодного музейного праздника «День Исторического бульвара». С 1994 г. неотъемлемой частью праздника стал фестиваль военно-исторических клубов. Указом Президента

Российской Федерации от 07.12.2015 № 559 Музей отнесен к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. 15 марта 2019 г. приказом Министерства культуры РФ № 273 переименован в Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник».

В настоящее время фонды музея насчитывают более 160 тысяч единиц хранения. Музей ежегодно посещают более миллиона человек.

В состав музея входят следующие объекты:

- 1) Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Исторический бульвар» (рис. 11);
- 2) Мемориальный комплекс «Сапун-гора»;
- 3) Мемориальный комплекс памятников обороны города в 1854–1855 гг., 1941–1944 гг. «Малахов курган»;
- 4) Культурно-выставочный центр музея;
- 5) Собор Св. равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся флотоводцев-адмиралов;
- 6) Дом-музей севавтопольского подполья (0,06 га).

Археологическое изучение мест сражений времени Крымской кампании 1854–1855 гг.

В 2016 г. с целью археологического изучения мест сражений времени Крымской кампании 1854–1855 гг. ИИМК РАН и Государственным Эрмитажем была создана совместная комплексная Севастопольская экспедиция. В 2016 г. экспедицией на территории Исторического бульвара были проведены археологические разведки, которые дали возможность установить характер и мощность культурных отложений на валганге и во рву бастиона. Полученные результаты позволили с высокой степенью точности произвести привязку плана бастиона, опубликованного Э. И. Тотлебенем в 1863 г., к современной системе координат.

В 2018–2019 гг. основным объектом исследований стали оборонительные сооружения, расположенные на Историческом бульваре. Мемориальный комплекс обороны г. Севастополя в 1854–1855 гг. занимает так называемую Бульварную высоту, расположенную в 200 м от Южной бухты. Общая площадь около 21 га. Центральную ось комплекса составляет Исторический бульвар, поднимающийся от площади адмирала Ф. Ф. Ушакова на севере к музеефицированным остаткам левого фланга 4-го бастиона на юге.

Археологические исследования 2018–2019 гг. на Историческом бульваре осуществлялись по трем

Рис.11. Карта мемориального комплекса «Исторический бульвар»

направлениям: 1) изучение территории смотровой площадки, на которой некогда размещалась беседка, получившая название «Грибок»; 2) проведение наблюдения за строительными работами по благоустройству территории «Бульварной высоты»; 3) раскопки правого фланга и рва 4-го бастиона.

В ходе наблюдений установлено, что практически вся территория Исторического бульвара представляет собой многослойный памятник, в культурных слоях которого отложились не только артефакты, но также выразительные следы разновременных и разнохарактерных строений. Например, у самого входа на Исторический бульвар (у памятника Ф. Ф. Ушакова) открыта линия наиболее раннего городского водопровода (общая протяженность достигала 8 км). Начало его строительства (по распоряжению Г. А. Потемкина) относится к 1784 г., а завершение – к 1790 г.

На сегодняшний день археологическими исследованиями установлено, что заселение данной территории города Севастополя началось еще в VIII в. до н. э., когда здесь появились тавры (автохтонное население Крыма, носители кизилкобинской культуры). Раннее поселение тавров возникло еще до начала греческой колонизации Гераклейского полуострова, связанной с выведением сюда ионийской колонии на месте будущего греческого полиса Херсонеса. Отдельные находки (монеты, керамика, наконечники стрел и проч.) указывают на кратковременное пребывание здесь людей в римский, византийский, золотоордынский и османский периоды истории Крыма.

Освоение русским населением «Бульварной высоты» началось сразу же после основания г. Севастополя в 1784 г. (на это указывают монеты

второй половины XVIII в.). Уже в начале XIX в. южная часть Исторического бульвара застраивается жилыми и хозяйственными строениями. В 1834 г. на этом месте началось сооружение оборонительного рва, поэтому прилегавшие к нему строения оказались частично разобраны.

С началом Крымской войны в сентябре 1854 г. в экстренном порядке вдоль внутренней кромки рва (северо-запада и юго-запада) возводятся земляные фортификационные сооружения, получившие название 4-й бастион – ключевой позиции обороны Севастополя времен Крымской войны (его еще называли Мачтовым бастионом из-за наличия на нем сигнальной мачты). Сражения здесь продолжались без перерывов 349 дней осады Севастополя войсками коалиции, что стало одной из самых ярких страниц в истории города, российской армии и флота, и в целом в истории России.

Археологические раскопки 4-го бастиона, продолженные экспедицией в ноябре 2018 – апреле 2019 г. на площади более 7000 кв. м, позволили проследить историю его строительства в динамике. Эти раскопки дали возможность установить время формирования культурных отложений на южной оконечности Исторического бульвара и определить характер сохранившихся архитектурно-археологических строений – исторических фортификационных конструкций, никогда ранее не изучавшихся археологами.

В ходе археологических раскопок впервые были получены достоверные данные о местоположении, характере и конструкции основных элементов фортификации правого фланга 4-го бастиона: валганга, горжи, эскарпа и контрэскарпа. Здесь также открыты девять из четырнадцати орудийных дворишков (остальные уходят под реконструкцию 1905 г.), рассчитанные на одно-два корабельных орудия, места установки и остатки деревянных деталей орудийных «палуб», части укрепленного каменными стенками бруствера с орудийными амбразурами, вспомогательные площадки для размещения боеприпасов, пороховые погреба и погреба для хранения бомб, блиндажи для личного состава.

Особый интерес представляют открытые при раскопках бастиона блиндажи. До Крымской кампании 1854–1855 гг. в русской армии не практиковалось их сооружение. Один из командиров 4-го бастиона В. Г. Реймерс (командовал бастионом с 05.10.1854 по 26.05.1855) в своих воспоминаниях писал, что первые восемь блиндажей удалось построить только через два месяца его пребывания на бастионе. Часть открытых в ходе раскопок блиндажей, судя по их размерам и благоустройству

в виде корабельных кубриков, явно принадлежали офицерам. Почти на вершине укреплений открыт самый большой блиндаж. Вероятнее всего он принадлежал капитан-лейтенанту В. Г. Реймерсу. Блиндаж, расположенный почти в центре правого фланга, по-видимому, принадлежал капитан-лейтенанту П. А. Чебышеву (командир бастиона с 01.06. по 27.08.1855).

Во рву, расположенном перед 4-м бастионом, обнаружены вырубленные в скале навесы-убежища и 14 входов в контрминные галереи, а также подземное караульное помещение и потайной ход, который давал возможность солдатам и офицерам скрытно перемещаться из 4-го бастиона в ров.

В ходе раскопок собрана представительная (порядка 10000 ед.) археологическая коллекция предметов войны и быта защитников бастиона и их противников.

Особо следует подчеркнуть то, что в ходе раскопок на территории бастиона выявлен слой единовременно произошедшего пожара, связанного с событиями 27 августа 1855 г., когда русские войска покидали 4-й бастион. Отходом защитников бастиона руководил его последний командир – капитан-лейтенант П. А. Чебышев.

Таким образом, начатые в 2018 г. на Историческом бульваре широкомасштабные археологические исследования открыли ранее неизвестные страницы истории города Севастополя, начиная с VIII в. до н. э., и позволили с точностью определить местоположение и характер фортификационных сооружений 4-го бастиона по их состоянию с сентября 1854 г. и по 27 августа 1855 г.

Объект, обладающий признаками объекта археологического наследия, «Конструкции 4-го бастиона» приказом Управления охраны объектов культурного наследия города Севастополя № 24 от 24.01.2019 включен в перечень выявленных объектов культурного наследия города Севастополя.

Мероприятия по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Исторический бульвар»

Музеефикацию конструкций 4-го бастиона предлагается осуществить в виде экспозиции под открытым небом в составе Севастопольского военно-исторического музея-заповедника обороны Севастополя, исходя из особенностей самого па-

мятника и окружающего ландшафта. Основным принципом осуществления проекта реконструкции должен стать принцип историзма, который следует заложить в основу подготовки экспозиции.

Предлагается при реконструкции системы оборонительных сооружений использовать опыт 1905 г., т. е. обратиться к созданию оригинального макета в натуральную величину с использованием натуральных материалов (дерево (доски, брус, лоза), камень, земля, ткань (холщовые мешки)). Единственное отличие от 1905 г. может быть в воссоздании деревянных оружейных палуб (платформ). Для точного размещения оружейных дворишков, банкет, брустверов, амбразур следует использовать результаты раскопок ИИМК РАН, что максимально приблизит экспозицию к оригиналу 1855 г. Кроме того, восстановить блиндажи для матросов и офицеров, бомбохранилище, в основании рва установить палисад из бревен, отреставрировать (восстановить) сквозной проход из бастиона в ров. Часть экспозиции может быть перекрыта навесом для создания всесезонной экспозиции. Для наполнения экспозиции использовать отреставрированные находки из раскопок ИИМК РАН, вплоть до осколков бомб. Надежность предлагаемого метода подтверждается тем, что экспозиция 1905 г. (под открытым небом) была разрушена только во время Великой Отечественной войны.

В составе комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Исторический бульвар» также предполагается: музеефикация входов в подземные минные галереи; реставрация, реконструкция и укрепление бруствера; закрытие экспозиции № 2 стеклянным куполом; реставрационно-восстановительные работы экспозиции № 2; музеефикация и создание открытой экспозиции из шести оружейных дворишков; устройство бревенчатого ограждения – подпорной стенки из деревянных столбов; закрытие экспозиции правого фаса купольным арочным навесом; реставрация и реконструкция артиллерийского погреба, блиндажей (офицерских, личного состава); укрепление сводов и стен блиндажных укрытий; укрепление траншей; устройство системы вентиляции и климат контроля, системы обогрева стекла. Одним из этапов создания экспозиции должна стать разработка расширенной тематической структуры. В проектном документе должны быть сформулированы все разделы, темы и подтемы будущей экспозиции. Кроме того, музейная практика последних лет предлагает еще один этап

научного проектирования экспозиции – разработку сценария. Сценарий представляет собой такой этап научного проектирования, на котором происходит более глубокая проработка научного содержания экспозиции с учетом специфики его воплощения музейными средствами. В частности, в сценарии могут быть разработаны содержание, место, время и последовательность включения аудиовизуальных систем, механических экскурсоводов; освещения, литературно-музыкальных программ, действующих моделей и т. д.

Следующий этап – художественное проектирование экспозиции, тесно связанное с научным проектированием. Художественное проектирование экспозиции сопровождается разработкой следующей документации: генеральное архитектурно-художественное решение экспозиции; эскизный проект.

На этапе генерального архитектурно-художественного решения должны быть разработаны следующие аспекты художественного проекта: общие стилевые принципы раскрытия идейного содержания экспозиции архитектурно-художественными средствами; размещение основных тем территории музея (общий маршрут осмотра экспозиции); размещение основных опорных экспонатов в экспозиции; характер и место в экспозиции научных реконструкций и т. п.; характер ведущих текстов и методы их включения в экспозицию; характер планируемых технических средств и принципы их размещения в экспозиции; принципы освещения; общее решение архитектуры и стиля экспозиционного оборудования; расположение рекреационных зон.

В эскизном проекте прорабатываются следующие вопросы: окончательное распределение тем и подтем экспозиции и корректировка маршрутов осмотра; размещение всех экспозиционных материалов; освещение; размещение техсредств; размещение крупных декоративных элементов и т. п. Эскизный проект выполняется также, как и генеральное решение в графической форме или форма макета. Окончательная детальная проработка экспозиции с решением экспозиционных комплексов происходит на стадии технического и рабочего проекта. Музеефицированные участки будут объединены в закольцованный экскурсионный маршрут (рис. 12).

Для обеспечения комфортного пребывания посетителей на территории музея-заповедника необходимы такие мероприятия, как устройство наружного освещения объекта, видеонаблюдения и Wi-Fi доступа; благоустройство территории и экскурсионных четырех площадок у объектов осмотра, которые также используются для кратко-

Рис. 12. Схема экскурсионных маршрутов

временного отдыха туристов; благоустройство ландшафта. При проектировании новых элементов музеефицированного объекта необходимо учитывать высотные-глубинные и пространственно-объемные ограничения, связанные с требованиями обеспечения сохранности архитектурно-археологических остатков в составе культурного слоя с учетом положений принципа приоритета сохранности ландшафта. Элементы музеефикации должны быть выполнены в антивандальных технологиях и материалах, с учетом климатических и инженерно-геологических условий местности. Экспозиция под открытым небом должна быть удобна и безопасна в эксплуатации. При воссоздании элементов музеефицируемого объекта необходимо учитывать, что элементы должны быть зрелищными, но не заслонять, а дополнять экспозицию; не создавать диссонанса в восприятии музеефицированного объекта; включать, если таковые имеются, аутентичные виды и природные объекты (материалы); не нарушать экологического благополучия территории.

Прогноз антропогенного влияния на территорию ОКН

Говоря о значительном потенциале культурного наследия в качестве ресурсов для развития туризма, следует отметить, что в настоящее время состояние многих объектов культурного наследия может рассматриваться как критическое. По оценкам различных экспертов состояние от 30 до 60 % находящихся на государственной охране памятников истории и культуры характеризуется как неудовлетворительное, для большей их части необходимо принятие срочных мер по спасению от разрушения, повреждений и уничтожения. Процессы естественного старения, или ветшания, памятников, вызванные разрушающим воздействием времени и влиянием разного рода природных факторов, являются, в подавляющем большинстве случаев, неизбежными. Более того – их далеко не всегда можно эффективно спрогнозировать, за исключением четко повторяющихся сезонных явлений в природе. Напротив, факторы внешней среды, связанные с разного рода деятельностью

человека, предсказуемы в гораздо большей степени. Однако компенсировать их бывает не менее сложно. Практика показывает, что негативные для объектов культурного наследия последствия могут быть нивелированы благодаря своевременному принятию превентивных мер. Для объектов археологического наследия, которые отличаются особенной уязвимостью, ключевую роль в этом плане приобретают различные консервационные мероприятия, которые необходимо осуществлять в неотложном, первоочередном порядке. Нельзя обойти такую проблему как вандализм, в ряде случаев он связан с посещением территории памятника туристскими группами.

Объект культурного наследия «Конструкции 4-го бастиона» находится в составе ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник». В связи с этим в целях сохранения ОКН рекомендуется использовать «Методические рекомендации по разработке нормативов посещаемости музеев Российской Федерации в зависимости от их объективных возможностей по приему посетителей» (Письмо Министерства культуры РФ № 400-01.1-39-ВА от 27.11.2017).

Формы работы с местным сообществом

Популяризация объектов культурного наследия представляет собой деятельность, направленную на организацию общественной доступности и восприятия этих объектов, духовно-нравственное и эстетическое воспитание физических лиц, повышение их образовательного уровня и организацию досуга, а также иные мероприятия, способствующие реализации государственной охраны, сохранения и использования объекта культурного наследия. Для формирования общественного мнения, особенно в среде молодого поколения, о важности сохранения историко-культурного наследия как одной из главных предпосылок успешного развития страны, рекомендуется: разработка и внедрение образовательных элективных программ в рамках курса «История России» для интеграции в учебный процесс в общеобразовательных школах; освещение вопросов государственной охраны, сохранения и использования объекта культурного наследия в средствах массовой информации, в том числе выпуск популярных информационно-справочных и рекламных изданий, создание теле- и радиопередач, кино- и видеофильмов, посвященных объекту культурного наследия.

Основным механизмом реализации концепции комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе

правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854–1855 гг. «Историческом бульваре» должно стать тесное сотрудничество общественных организаций, государственных структур, бизнеса, учреждений культуры, науки и образования, представителей СМИ, местного сообщества.

Источники и литература

- 60 лет ЮНЕСКО – путь к миру и развитию. Научно-практическая конференция под эгидой ЮНЕСКО (11 ноября 2005, г. Сходня): Сб. докладов. М. 2006.
- Адрес-календарь на 1908 г. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. Севастополь, 1908.
- Виды полей сражений Крымской кампании 1854–1855 гг. по фотографиям полковника В. Н. Клембовского. СПб., 1904.
- Доклад о деятельности Бюро ЮНЕСКО в Москве (2006–2007): (фрагмент о культуре) // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. № 1. С. 38–42.
- Журнал заседаний Севастопольской городской думы // Фонды НМГООС, А-7120. 1875.
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. М. 1991.
- Исторический путеводитель по Севастополю / Под ред. генерал-майора Зайончковского А. М. СПб., 1907.
- Крестьянников В. В., 1996. Исторический бульвар // Исторические улицы и памятники Севастополя. Симферополь.
- Культурное наследие и туризм. Проект Хартии ИКОМ о принципах взаимоотношений музеев и культурного наследия // Мир музея. 2007. № 7.
- Малюков А., 1865. Нынешний Севастополь (из дорожных записок) / Отдельный оттиск из журнала «Библиотека для чтения». № 2, 4.
- Материалы международной конференции на тему: «Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ» (26–28 апреля 2007 г., Минск). Минск. 2007.

- Москвич Г., 1909. Иллюстрированный практический путеводитель по Севастополю и окрестностям. Одесса.
- Парский Д. П., 1902. Севастополь и памятники его обороны. Севастополь.
- Протопопов М. Н., 1914. Спутник по Севастополю и его окрестностям. Севастополь.
- Скориков Ю. А., 1997. Севастопольская крепость. СПб.
- Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».
- Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
- Шавшин В. Г., 2004. Каменная летопись Севастополя. Севастополь.
- Энгель М. Я., 1905. Памятники обороны Севастополя и панорама обороны. Севастополь.

Проблемы датировки коллекции археологических находок, собранной при работе на ОКН «Кирха Петра и Павла», г. Выборг¹

К. С. Роплекар², А. А. Липатов³, Л. В. Одинцова⁴, Н. В. Силаева⁵, А. М. Смирнов⁶

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-232-236

В августе 2017 г. отряд Областной экспедиции ИИМК РАН под руководством К. С. Хребтиковой провел археологическое исследование объекта культурного наследия федерального значения «Кирха Петра и Павла», расположенного по адресу: Ленинградская область, Выборгский район, г. Выборг, ул. Пионерская, д. 6 (рис. 1; 2). В полевых и камеральных работах отряда принимали участие сотрудники ИИМК РАН: К. С. Хребтикова, А. А. Липатов, А. М. Смирнов, Е. Ю. Кононович, Д. С. Туганова, Н. А. Кубло.

Основная задача проведения археологических исследований заключалась в выявлении и фиксации археологических (исторических) памятников, культурных слоев, конструкций и сооружений, сборе

и исследовании археологического материала на участках, где для дальнейших работ по реставрации необходимо было предпринять инженерные изыскания, связанные с изучением подземных частей конструкций кирхи.

Церковь Святых Петра и Павла – единственный сохранившийся до наших дней лютеранский храм в Выборге. Церковь была заложена в 1793 г. на территории северо-восточной куртины Рогатой крепости. Первоначальный проект храма разработал губернский архитектор Иоганн Брокман, но прихожане были удовлетворены не вполне и пригласили из Петербурга известного мастера классицизма Юрия Матвеевича Фельтена, который доработал проект. В 1885 г. церковь была реконструирована под руководством архитектора Я. Аренберга.

Во время Великой Отечественной войны (с 1941 по 1944 гг.) церковь была практически единственным храмом, не пострадавшим в ходе боевых действий. После второго и окончательного взятия Выборга Советской армией в 1944 г. здание церкви использовалось сначала как склад, а потом как клуб одной из военно-морских частей. В этот период был окончательно утрачен церковный интерьер, в алтарной части соорудили сцену, а там, где ранее находился орган, устроили кинобудку. Каменный пол заменили на деревянный, что серьезно ухудшило акустику зала. Однако общий вид интерьера, кроме алтарной части, практически не изменился. В период с 1993 по 1996 г. здание было капитально отремонтировано.

Территориально храм расположен на территории Рогатой крепости – фортификационных городских укреплений, построенных во второй половине XVI в. Таким образом, местоположение кирхи входило в состав городской территории и находилось в зоне активной хозяйственной деятельности не

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций», а также в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: xenia83@bk.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alex_lipatov@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: leram72@gmail.com.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел учета и хранения коллекций. E-mail: nanisilaeva@gmail.com.

⁶ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: alexandr.m.smirnov@gmail.com.

Рис. 1. Место производства археологических работ в г. Выборге (Яндекс-карта)

Рис. 2. Место производства археологических работ на аэрофотоснимке центральной части г. Выборга

позднее XVI в., что позволило до начала работ ожидать обнаружения в ходе работ культурных напластований и артефактов значительно более ранних, нежели сама постройка.

На момент производства работ прилегающая территория вокруг храма являлась частью городского парка им. Ленина. Непосредственно к зданию подходил зеленый газон и Театральная площадь с фонтаном. С восточной, западной и южной сторон строение имело три крыльца в зоне входных проемов (рис. 2). При визуальном осмотре были зафиксированы следы благоустройства территории вокруг здания – фрагментарно сохранившаяся булыжная отмостка, гранитные стенки клумб, бетонные дренажные колодцы. С северной и восточной сторон находились места ввода в здание коммуникаций: теплоснабжения, водоснабжения, канализации и электроснабжения. На восточной части северного фасада в зоне полуциркулярной апсиды была отмечена косая трещина по всей высоте фасада, проходящая через оконные проемы.

По результатам визуального обследования, а также после консультации с организацией – заказчиком, занимающейся разработкой проектно-сметной документации для проведения ремонтно-реставрационных работ на объекте, были определены места для закладки археологических шурфов. Всего по периметру и внутри здания было заложено четыре шурфа общей площадью 16 кв. м. Шурф 1 расположен в зоне полуциркулярной апсиды с восточной стороны в месте нахождения трещины на фасаде, шурф 2 – в месте примыкания бокового крыльца к западному фасаду здания, шурф 3 – в месте примыкания главного крыльца к юго-западному углу здания, шурф 4 – внутри здания, в основном объеме, в нефе восточной галереи в юго-восточном углу (рис. 3).

По результатам работ 2017 г. в шурфах 1–3 было определено состояние цоколя и фундамента здания с внешней стороны. В шурфах 1 и 2 прослежен уровень залегания подошвы фундамента. Важным результатом является фиксация многочисленных утрат растворного заполнения пазух валунной кладки; по всему периметру здания зафиксировано наличие поздней булыжной отмостки шириной до 1 м и системы водоотведения от водосточных труб, которую предварительно можно датировать двумя периодами: концом XIX – началом XX в. (керамические трубы и колодцы) и второй половиной XX в. (бетонные колодцы); зафиксирован постоянный уровень грунтовых вод, который на всей площади строения на момент производства работ находился на уровне -2,60 м; выявлено, что боковые и главное крыльцо здания перебраны во второй половине XX в., их фундаменты не имеют перевязки с основным объемом здания, состояние конструкций неудовлетворительное по причине многочисленных утрат заполнения кладочных швов, кроме того, выявлено основание первоначального главного крыльца, имевшего иную конфигурацию; внутри здания зафиксировано удовлетворительное состояние фундамента капитальных стен; прослежены основания внутренних перегородок и ленточный фундамент колоннады, выполненные из цементного раствора.

В результате полевых археологических работ, проведенных на ОКН «Кирха Петра и Павла» собрана коллекция археологических находок, насчитывающая 283 предмета, 83 артефакта отобраны для передачи в музейный фонд Российской Федерации. Основная масса находок представлена керамическим материалом, встречены также изделия из стекла, металла, дерева.

Керамический материал найден во всех шурфах и на всех горизонтах. Керамические изделия можно разделить на три основные категории: строительная

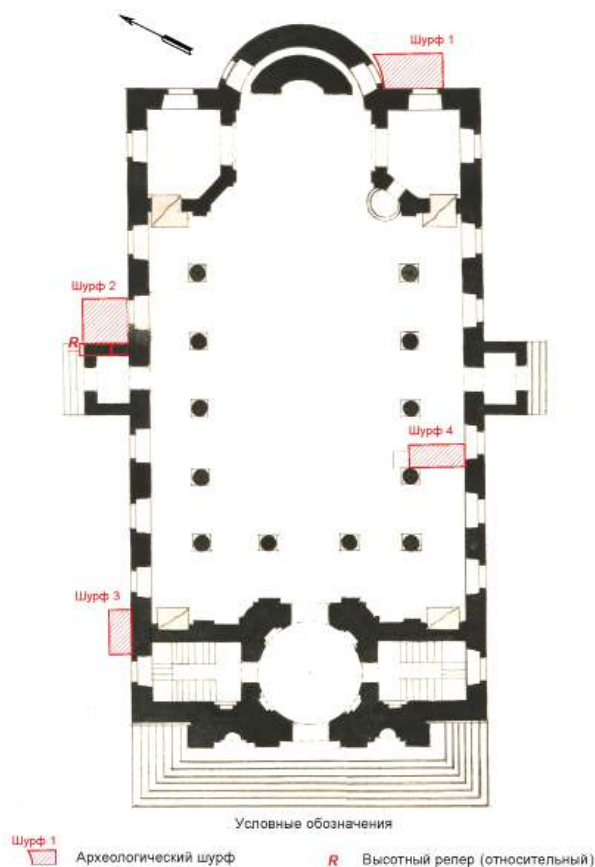

Рис. 3. Схема расположения археологических шурфов с указанием высотного репера

керамика, кухонная и столовая утварь, а также курительные трубки.

Строительный и облицовочный, кровельный материал представлен фрагментами красноглиняной кровельной черепицы, изогнутой в профиле. Изразцы широко представлены в культурных слоях Выборга. В шурфах были найдены фрагменты печных красноглиняных изразцов (рис. 4): плоских, угловых и фасонных (перемычных). Более ранние изразцы представлены фрагментами с рельефным растительным орнаментом в виде лепестков и валют, ягод. Такие изразцы покрыты ровным слоем марганцевой темно-изумрудного цвета поливы (глазурию) с мелкими трещинами. Второй тип изразцов представлен фрагментами с белой поливой. Встречены отдельные фрагменты изразцовых румп с темно-коричневой поливой на внешней стороне. Также в коллекции находок представлены фрагменты современного облицовочного материала стен кирхи Святых Петра и Павла – штукатурки со следами краски голубоватого цвета.

Кухонная посуда представлена керамикой средне-европейского типа: горшками, граппенами, ско-

вородками. Это красноглиняные сосуды, часто на трех ножках (триподы) или с округлой и полый ручкой. Такие изделия покрывали внутри цветной поливой, с наружной части также можно встретить следы поливы и нагара. В нашей коллекции сосуды покрыты коричневой, желтой и зеленой поливой разных оттенков (рис. 5).

Столовая керамика представлена фрагментом фаянсового сосуда (предположительно блюда), покрытого белой поливой и расписанного синими узорами (рис. 6: 1). Такая керамика широко представлена в культурных напластованиях Выборга. В составе столовой посуды отмечены изделия из фарфора: фрагменты чашек и блюдец с полихромной росписью (рис. 6: 3–5). Также найдены фрагменты сосудов из каменной массы: фрагмент бутылки «Сельтерской» минеральной во-

Рис. 4. Археологические находки: 1–3 – фрагменты керамических печных изразцов

Рис. 5. Археологические находки: 1–5 – фрагменты красноглиняной кухонной и столовой посуды

ды, покрытый коричневой поливой снаружи, и фрагмент сосуда с рельефным орнаментом, покрытого светло-серой соляной глазурью и темно-синей кобальтовой поливой, предположительно производства Вестервальд (рис. 6: 2). В более поздних горизонтах встречена керамика времен СССР.

Курительные трубки – одна из самых массовых категорий керамических материалов средневековых городов, и Выборг – не исключение. Курительные белоглиняные трубки – голландский импорт. В коллекции представлены фрагменты стебля и мундштука без орнамента, обломок стебля с опоясывающим орнаментом в виде точек и кругов, фрагмент чашки (рис. 7: 1, 2).

Стеклянные изделия представлены фрагментами непрозрачного оконного стекла, горлышками

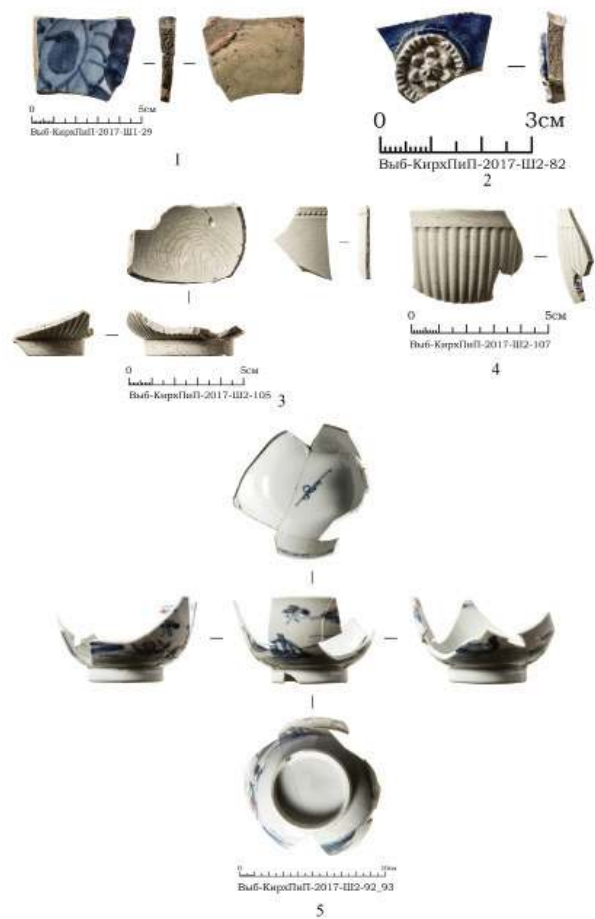

Рис. 6. Археологические находки: 1 – фрагмент фаянсового сосуда; 2 – фрагмент бутылки из каменной массы; 3–5 – фрагменты фарфоровых изделий

и донцами продуктовых бутылок, фрагментом граненого стакана.

Изделия из металла представлены коваными строительными гвоздями, фурнитурой для дверей или окон, кованым ключом, скобяными изделиями, обломком лезвия ножа, круглыми пуговицами с ушком, свинцовыми пулями без литника и осколком ядра (мортирной бомбы) (рис. 7: 3, 4).

В шурфах найдены две монеты медного сплава, требующие реставрации, предварительно атрибутированные как шведские монеты достоинством 1/4 эре второй половины XVII в. Также в коллекции имеется советская монета 1969 г. (рис. 7: 5).

Находки из дерева представляют собой части поплавок из бересты, поплавок из деревянных брусочков, обмотанных берестой, фрагмент деревянной доски со скошенным концом (рис. 7: 6). В коллекцию входит ружейный кремь и одно

Рис. 7. Археологические находки: 1, 2 – фрагменты белоглиняных курительных трубок голландского типа; 3, 4 – округлые металлические пуговицы с ушком; 5 – монета 1969 г.; 6 – фрагмент полавка из бересты; 7 – ружейный кремь; 8 – фрагмент кожаной обуви с перфорацией по краю

кожаное изделие с перфорацией по краю, предположительно боковая часть кожаного башмака (рис. 7: 7, 8).

В целом собранные материалы датируются довольно широко – XVII–XX вв. и не позволяют выделить более узкий в хронологическом отношении культурный слой, предшествовавший возведению собора, что связано с постоянной активной хозяйственной деятельностью на этом участке городской территории на протяжении последних 400 лет.

Об одном предмете интерьера¹

Н. Ф. Соловьева²

DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-237-242

Автору статьи уже неоднократно приходилось писать о том, что раскопки раннеземледельческого поселения Йылгынлы-депе в юго-восточном Туркменистане практически каждый сезон дают сенсационные результаты. Трудно сказать, почему обнаруживаемым здесь артефактам, элементам декора помещений и, наконец, архитектурным комплексам зачастую нет аналогий. Ведь на сопредельных территориях схожие памятники исследовались в течение длительного времени. Автор не склонен видеть в этом некую уникальность поселения, скорее причиной может быть современное политико-административное деление территории: Йылгынлы-депе расположен в подгорной полосе Копетдага в непосредственной близости от границы Туркменистана и Ирана, и, вероятнее всего, поселения, культурно и хронологически с ним совпадающие, могут находиться на нейтральной территории, куда доступ археологам закрыт.

Сезон 2019 г. не стал исключением в цепочке сенсационных находок, а именно об этой находке и пойдет речь в статье, однако прежде следует вспомнить некоторые характеристики найденных за предыдущие годы исследований памятника конструкций и артефактов, имеющих отношение к предмету, представляемому на суд читателя.

В деле домостроительства, внутреннего убранства и наполнения помещений необходимыми предметами интерьера жители поселка достигли таких высот, что могут быть сравнимы лишь

с мастерами анатолийского Чатал-Хеюка. Этот тезис в полной мере обрел доказательства при исследовании культурных слоев эпохи развитого энеолита (период Намазга II), где были раскопаны архитектурные остатки домохозяйств с парадными помещениями – святилищами (Соловьева, 2014. С. 161–193). В целом на памятнике изучено 25 таких домохозяйств, пять из которых, самые крупные и богатые, изученные на стратиграфическом раскопе 3, представляли собой исключительно редкую картину последовательной смены домохозяйств со святилищами. Все они достаточно подробно опубликованы в отечественной и зарубежной литературе (Березкин, Соловьева, 1998. С. 86–123; Solovyova, 2000. P. 453–464), и автор настоящей статьи не видит необходимости приводить их описание еще раз, за исключением краткой характеристики обнаруженной в святилищах мебели – объектов, напрямую связанных с темой настоящей статьи (Березкин, Соловьева, 1996. С. 102–118).

В архаических обществах, подобных йылгынлы-скому, где сакральное и профанное еще не было разделено жесткими границами, все виды деятельности коллектива сопровождалась обрядовыми действиями. Одним из таких обрядов у жителей поселка было ритуальное оставление/разрушение святилища, в ходе которого само строение и детали интерьера ломались и сжигались, а отдельные предметы намеренно оставлялись или раскладывались внутри разрушаемого комплекса (Соловьева, 2005). К последним относятся уникальные красные глиняные скамьи и кресла (Березкин, Соловьева, 1996. С. 109–114), которые, имея высокую семантическую значимость, были бережно сохранены жителями и, соответственно, обнаружены при раскопках святилищ эпохи развитого энеолита Йылгынлы-депе.

Наличие мебели в помещениях поселения уже само по себе представляет большой интерес, по-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

скольку в большинстве известных по археологическим и этнографическим данным культур региона мебель почти или вовсе отсутствует, а мебель, выполненная из необожженной глины, вообще нигде, кроме Йылгынлы-депе, пока не встречалась. Раскопанные на памятнике скамьи и кресла были, безусловно, сделаны мастерами, в совершенстве владевшими техникой работы с единственным строительным материалом – глиной, которая использовалась на всех этапах сооружения дома, его отделки и ремонта, и даже для изготовления мебели (Соловьева, 2015. С. 76). Основу любой скамьи составлял один или два, положенных друг на друга ряда нестандартных сырцовых кирпичей. По углам были тщательно вылеплены ножки, сиденье оформлено нависающим над полом глиняным валиком. Сиденье и ножки выкрашены яркой красной краской, а пространство под сиденьем и между ножек – черной (рис. 1). Массивные кресла всегда стояли спинкой вплотную к стене помещения (парадного двора святилища) (рис. 2). Сиденье сложено из сырцовых кирпичей, поверх которых моделированы рельефные детали: валики на сиденье и горизонтальное ребро на всех боковых поверхностях, выкрашенных в черный цвет. (Березкин, Соловьева, 1996. С. 113).

С 2014 г. на стратиграфическом раскопе 3 Йылгынлы-депе Международная комплексная российско-туркменская археологическая экспедиция под руководством автора статьи приступила к изучению VII строительного горизонта, содержащего слои эпохи раннего энеолита (период Намазга I), где был обнаружен и полностью исследован комплекс мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики (Соловьева, 2015. С. 76–89). В процессе раскопок комплекса в заполнении и на полах помещений неоднократно встречались фрагменты крупных конусовидных поделок из необожженной глины с саманом очень плохой сохранности, 14 из которых удалось извлечь и зафиксировать. Все они имели рельефный орнамент из косых параллельных линий, спускающихся по двум сторонам от ребра. Имея опыт обнаружения глиняной мебели на Йылгынлы-депе, исследователи сразу назвали эти поделки ножками столиков, что достаточно быстро нашло подтверждение: на полу помещения 100 с обжигательной печью был найден брошенный здесь сломанный столик. Он рассыпался на несколько фрагментов, большую часть которых удалось собрать (рис. 3). Следы от фрагментов еще как минимум двух столиков были расчищены в этом же помещении у порога. Однако, в силу фрагментарности находок, достоверно установить их размеры, форму и назначение не представлялось возможным.

Рис. 1. Красные скамьи в помещении 18 II строительного горизонта раскопа 3 Йылгынлы-депе

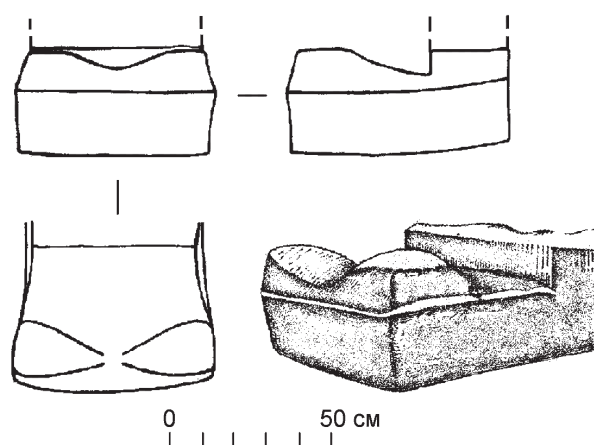

Рис. 2. Кресло из помещения 26 IV строительного горизонта раскопа 3 Йылгынлы-депе

Рис. 3. Столик из помещения 100 VII строительного горизонта раскопа 3 Йылгынлы-депе

В пределы VII строительного горизонта раскопа 3 частично попадали архитектурные остатки соседнего с мастерской домохозяйства. Судить о его размерах, количестве комнат и наличии дворов не представляется возможным; можно отметить лишь то, что расположенные в восточной части раскопа помещения 116, 120, 123 и 124 формируют отдельное домохозяйство, которое несколько раз подвергалось ремонтам (рис. 4).

К началу осеннего полевого сезона 2019 г. помещения 116, 120, 123 и 124 были полностью изучены на уровень строительного горизонта VII-A, помещение 123 раскопано на уровень горизонта VII-B, начато вскрытие заполнений помещений 120 и 124 на уровень строительного горизонта VII-B (рис. 5). В ходе осенних раскопок все указанные помещения были полностью изучены на уровень горизонта VII-B. На раннем

Рис. 4. План VII-B строительного горизонта раскопа 3 Йылгыны-депе

Рис. 5. Помещения 120, 123 и 124 VII-Б строительного горизонта раскопа 3 Йылгылы-депе

этапе помещения 116 и 124 были объединены (на чертеже обозначено номером 124). Пол и стены всех попавших в пределы раскопа помещений домохозяйства были тщательно оштукатурены и многократно выкрашены в черный цвет. Качество кладки стен, внутренняя отделка комнат, намеренно оставленные на полах поделки из глины и металла, каменные орудия и сосуды однозначно свидетельствуют, что исследованные помещения не были обычными жилыми или хозяйственными комнатами, а, возможно, предназначались для совершения ритуалов. В пользу такой трактовки свидетельствует и то, что все комнаты после окончания функционирования были очень тщательно и очень плотно заложены сырцовыми кирпичами (вероятнее всего, взятыми из их же стен).

Детальное описание всех комнат не входит в задачи настоящей статьи, интерес представляет лишь помещение 120 в восточном углу, частично попавшее в пределы раскопа. Пол и стены комнаты, как и остальных комнат домохозяйства, были тщательно оштукатурены и многократно заново покрывались черной краской. Дверной проем, вероятнее всего, был сделан в северо-западной стене помещения и соединял эту комнату с помещением 124, но проем почти полностью уходит за пределы раскопа, удалось обнаружить лишь его косяк, поэтому, как он был организован и имел ли порог, закрывался ли дверью, остается невыясненным.

На полу помещения были обнаружены как минимум пять фрагментированных крупных расписных сосудов-хумов для хранения зерна, расписные столовые миски, валялись обломки зернотерки и курантов и каменная ступка (рис. 6). Среди обломков хумов была найдена сильно окисленная, довольно тонкая плоская медная пластина прямоугольной формы со скругленными углами.

Рис. 6. Оставленные на полу помещения 120 сосуды и каменные орудия

Есть основания полагать, что каменная ступка, обломки зернотерки, хумы, миски и медный предмет были намеренно оставлены на полу помещения. Все пространство помещения после окончания функционирования было очень плотно забутовано кирпичами и сырцовой массой. В забутовке расчищено большое скопление обломков керамики и каменных орудий.

Рядом с хумами на полу комнаты стоял целый столик на ножках (рис. 7). Он был оставлен обитателями домохозяйства там, где был сооружен и всегда стоял. Столик никогда не перемещали даже внутри комнаты, доказательством тому служат многочисленные слои промазок и краски пола, которые наносились в процессе ремонта комнаты уже после того, как столик был сооружен. Слои плавно примазаны к ножкам столика, да и при его изготовлении мастера для прочности подсунули под столешницу обломки керамических горшков, которые находились там вплоть до того момента,

Рис. 7. Столик на полу помещения 120

когда столик был извлечен из раскопа. Поделочным материалом для изготовления столика, как и для всех обнаруженных ранее фрагментов аналогичных предметов мебели, служила глина, смешанная с саманом. Столик не подвергался обжигу, а после лепки был просто высушен, поэтому изделие, несмотря на массивность, достаточно хрупкое. Вся поверхность столика вместе с ножками тщательно заглажена и покрыта слоями черной краски. Столик небольшой (примерно 0,40 × 0,30 м, высотой около 0,16 м), имеет мягкие плавные очертания: прямоугольная со слегка скругленными углами столешница плавно вогнута в центре, углы намеренно приподняты. Четыре конусовидно сужающиеся книзу ножки покрыты нанесенным до сушки вдавленным рельефным орнаментом: от внешнего ребра по двум внешним плоскостям под углом примерно 45 градусов спускаются четыре параллельные линии (рис. 8).

Обнаружение впервые целого столика *in situ* предоставляет широкие возможности для интерпретации целого спектра жизнедеятельности общины. К сожалению, полностью исследовать помещение, в котором он был найден не представляется возможным, поскольку большая часть комнаты скрыта под шестиметровой толщиной культурных отложений памятника, и даже для того, чтобы из-

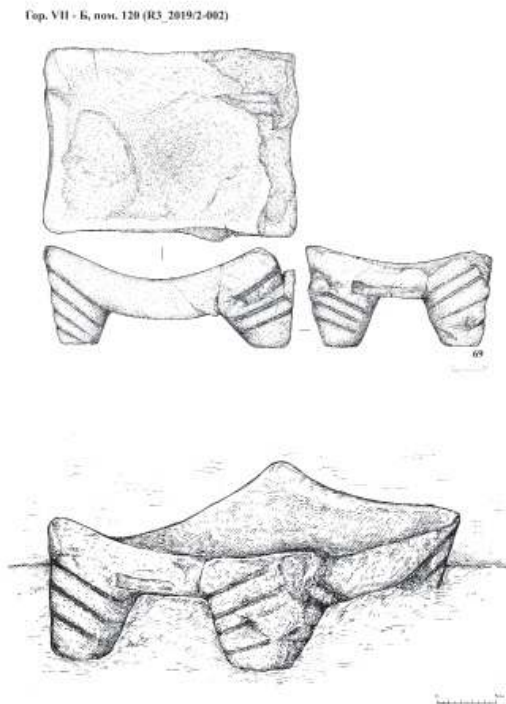

Рис. 8. Столик из помещения 120 VII-Б строительного горизонта раскопа 3 Йылгылы-депе

Рис. 9. Помещение 120 после изъятия сосудов и каменных орудий. На дальнем плане столик в борту раскопа

влечь столик, сотрудникам экспедиции пришлось врезаться в северо-восточный борт раскопа (рис. 9).

Описанный выше столик – не единственный предмет мебели в помещении 120. На полу среди обломков хумов был расчищен еще один перевернутый вверх ножками столик из необожженной глины с саманом. Сохранность столика была настолько плохой, что позволила лишь оконтурить, зачертить и сфотографировать его в том положении, в котором он был обнаружен (рис. 5). Перевернуть, поставить на ножки и сохранить столик не представлялось возможным. То же самое можно сказать и про еще две отдельные ножки от двух столиков, которые также были найдены на полу помещения 120. Вся поверхность второго столика и ножки также, как и описанный выше целый столик, были тщательно заглажены, покрыты слоями черной краски и имели аналогичный рельефный декор.

Анализ целых и фрагментированных находок свидетельствует о том, что столики описанной выше формы изготавливались и использовались исключительно в раннем энеолите на Йылгылы-депе. Однако, справедливости ради, следует отметить, что в более поздних слоях на Йылгылы-депе находили еще один тип глиняной мебели на ножках в небольшом святилище с красными скамьями (помещение 18). На раскопе 5 было расчищено стоявшее на полу массивное прямоугольное сооружение из необожженной глины с саманом на 12 ножках (рис. 10). Поскольку верхняя часть не сохранилась, высота и форма поверхности неясны, у автора нет достаточных данных отнести эту конструкцию к какому-либо типу мебели. Кроме того, в яме во дворе домохозяйства V строительного горизонта на раскопе 3 был обнаружен обломок глиняной мебели (рис. 11), очень похожий на сломанный и брошенный в помещении 100 столик.

Рис. 10. Глиняная конструкция на 12 ножках в помещении 18 раскопа 5 Йылгынлы-депе

Рис. 11. Обломок глиняной мебели из ямы во дворе домохозяйства V строительного горизонта раскопа 3 Йылгынлы-депе

Как уже отмечалось, мебель из необожженной глины – пока явление сугубо йылгынлы-депское. Ни на одном памятнике региона и сопредельных территорий ни разу не были найдены ни столики на четырех ножках, обнаруженные в ходе последних исследований экспедиции в раннеэнеолитических слоях памятника, ни крашенные охрой красные скамьи, которые были практически во всех святилищах развитого энеолита на Йылгынлы-депе, ни кресла, обнаруженные только в святилищах IV и V строительных горизонтов на раскопе 3 Йылгынлы-депе.

Как скамьи, так и кресла, а также столики в силу сложности изготовления и хрупкости, безусловно, не были утилитарными предметами, используемыми в повседневной жизни. Подтверждением этому служит и тот факт, что они находились далеко не в каждой комнате или дворе, а расставлялись в помещениях особого назначения – парадных по-

мещениях-святилищах, к которым, судя по отделке и набору оставленных артефактов, относилось и помещение 120, где был найден описанный в статье целый столик. В силу размеров, формы и хрупкости на нем нельзя было сидеть, на него нельзя было поставить тяжелые крупные вещи, за ним нельзя было работать. Но качество отделки, расположение рядом с сосудами для хранения зерна в помещении, которое, судя по интерьеру и набору оставленных в нем артефактов, не было обычным жилым или хозяйственным, позволяет отнести столик к объектам высокой семантической значимости и рассматривать его как стол предложений.

Источники и литература

Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф., 1996. Символы и атрибуты власти в акефальном обществе. Скамьи, кресла и бык на юге Центральной Азии // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции. СПб.

Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф., 1998. Парадные помещения Йылгынлы-депе (предварительная типология) // Археологические вести. СПб. № 5.

Соловьева Н. Ф., 1998. Стенопись Йылгынлы-депе // Археологические вести. СПб. № 51.

Соловьева Н. Ф., 2005. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Йылгынлы-депе). Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб.

Соловьева Н. Ф., 2014. Архитектура ритуальных комплексов Йылгынлы-депе // Искусство и архитектура Туркменистана. Ашхабад. Научные сообщения, № 3.

Соловьева Н. Ф., 2015. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах // Записки ИИМК РАН. № 12.

Solovyova N. F., 2000. The Wall-Painting of IlygynlyTepe // South Asian Archaeology 1997: Proceedings of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists (Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Palazzo Brancaccio, Rome, 7–17 July 1997). Rome. (Serie Orientale Roma, 90).

Список сокращений

АО – Археологические открытия. М.
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.
ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИОЛЕАЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. СПб.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН
НА КНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра РАН
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Список авторов

- А. Н. Белобородов – Благотворительный фонд возрождения церкви Св. Георгия Победоносца, Кингисепп
- Е. С. Бердник – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Бехтер – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. В. Вахонеев – Черноморский центр подводных исследований Республики Крым, Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Д. В. Герасимов – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера)
- П. А. Горбунов – Черноморский центр подводных исследований Республики Крым
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ю. Городилов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ю. Касимов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. К. Каспаров – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Р. Кириллов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Конончук – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. В. Корнева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. С. Курганов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. А. Лазарев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. И. Лазаретова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. А. Липатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Г. Мизин – независимый исследователь, Россия
- Е. Р. Михайлова – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Р. И. Муравьев – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера)
- Л. В. Одинцова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ф. Покровская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Л. Полигаев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. С. Роплекар – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. В. Силаева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. М. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Ю. Соболев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. В. Стасюк – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Субботин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. С. Ткач – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Д. С. Филимонова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Шмелев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- М. М. Шахнович – Национальный музей Республики Карелия
- Д. А. Юнкин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Golfe de Cronstadt

Port des Galeries

Isle de Basile

La

partie de l'Isle Ronde

Corps de Garde

Parschka R.

Monka R.

Quartier

